

Министерство культуры и искусств Украины
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

* * *

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XIII

Министерство культуры и искусств Украины
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Национальная академия наук Украины
Крымский филиал Института археологии

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК
Выпуск XIII

Севастополь
2004

Херсонесский сборник.
Выпуск XIII.
Сборник научных статей.
Севастополь:2004.

Редакционный совет:

С.Д. Крыжицкий, член-корреспондент Национальной академии наук Украины,
профессор, доктор архитектуры
А.И. Иванчик, член-корреспондент Российской академии наук,
профессор, доктор исторических наук
В.М. Зубарь, профессор, доктор исторических наук
Ю.М. Могаричев, доктор исторических наук
К.К. Марченко, доктор исторических наук
М.И. Золотарев, кандидат исторических наук
В.Л. Мыц, кандидат исторических наук
Л.В. Марченко, кандидат исторических наук
Г.М. Николаенко, кандидат исторических наук

Ответственный редактор:

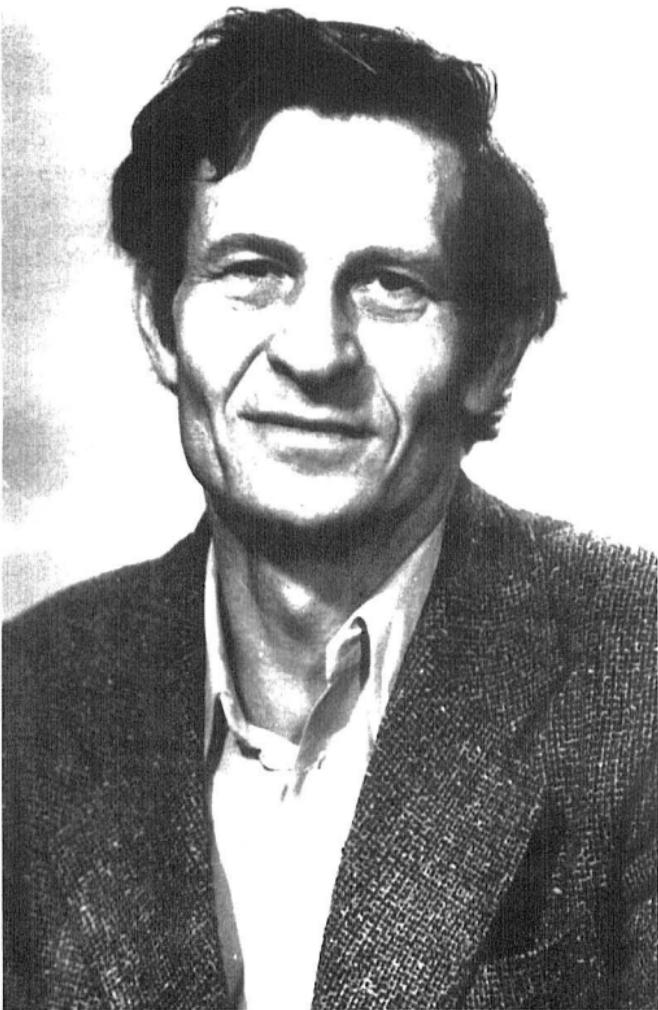
М.И. Золотарев, кандидат исторических наук

Рецензенты:

А.В. Подосинов, доктор исторических наук
С.Б. Буйских, кандидат исторических наук

Очередной выпуск «Херсонесского сборника» посвящен 70-летию А.Н. Щеглова - известного археолога и историка, чье научное творчество долгие годы связано с изучением памятников Херсонеса и его округи. Издание адресуется историкам, археологам, краеведам и всем, кто интересуется древней историей.

Печатается по решению ученого совета Национального заповедника
«Херсонес Таврический»

Александр Николаевич Щеглов

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЩЕГЛОВУ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

17 октября 2003 г исполняется 70 лет известному ученому археологу, историку, специалисту в области классических древностей Александрю Николаевичу Щеглову. С именем Александра Николаевича связаны наиболее интересные археологические открытия второй половины XX века в изучении античного Северо-Западного Крыма. Им была создана и проверена на практике собственная оригинальная методика полевых и камеральных исследований. А.Н. Щеглов автор множества передовых научных идей, как в теории, так и в практике археологической науки.

Александр Николаевич родился 17 октября 1933 г. в г. Великие Луки Калининской (ныне Псковской) области). Во время Великой Отечественной войны, в эвакуации в Курганской области, он поступил в начальную школу. После ряда переездов, в 1949 г. семья переехала в г. Херсон, где Александр Николаевич впервые соприкоснулся с тем делом, которому впоследствии посвятил всю свою жизнь – археологией. В 1950-1951 гг. он поступил на работу в Буго-Днепровскую археологическую экспедицию АН УССР (отряд И.Д. Ратнера). В апреле 1954 г., его приняли на должность лаборанта Симферопольской археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР, где под руководством П.Н. Шульца Александр Николаевич приобрел основные навыки исследовательской работы. С этого времени судьба А.Н. Щеглова навсегда связана

на с археологией и историей Северо-Западного Крыма. С 1958 г. он работает в Херсонесском историко-археологическом музее (ныне – Национальный заповедник “Херсонес Таврический”) сначала младшим научным сотрудником, а затем - заведующим отделом раскопок. Годы работы в Херсонесе становятся для А.Н. Щеглова временем стремительного общественного и профессионального роста. Он поступает на исторический факультет Харьковского университета и досрочно завершает полный курс обучения 1964 г. Работая в Херсонесе, Александр Николаевич проводит свои первые разведки и раскопки, появляются в печати его первые научные статьи и публикации. Именно здесь у А.Н. Щеглова формируется стойкий интерес к памятникам хоры северопонтийских полисов. К концу 60-х годов у А.Н. Щеглова сложился в основном собственный взгляд на историю развития дальней хоры Херсонеса в Северо-Западной Таврике. Его работы в этой области были настолько новы и оригинальны, что в 1968 г. по приглашению П.Н. Шульца Александр Николаевич переезжает в Ленинград на работу в группу античной археологии ЛОИА АН СССР (в дальнейшем отдел истории античной культуры ИИМК РАН), где и трудится по сей день. Здесь окончательно формируется и далее развивается исследовательский талант Александра Николаевича. В 1971 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию

цию. Ежегодно в отечественной и зарубежной печати появляется несколько статей А.Н. Щеглова по различным проблемам археологии и древней истории. К настоящему времени им опубликовано более 230 научных работ.

С 1959 г. Александр Николаевич занимается полевыми исследованием памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму. Он бесменно руководит созданной им Тарханкутской экспедицией (с 1968 г. экспедицией ЛОИА-ИИМК РАН). В рамках этой экспедиции были проверены и зачастую впервые внедрены в практику полевых исследований многие новейшие оригинальные методы археологического поиска. А.Н. Щеглов всегда был и остается страстным пропагандистом использования в археологии методов точных наук. В Тарханкутской экспедиции получили первые навыки полевой археологии несколько сотен студентов различных ВУЗ'ов, некоторые из них выбрали археологию своей профессией.

С 1968 г. А.Н. Щеглов ведет преподавательскую деятельность в Санкт-Петербургском государственном университете. Он также руководит аспирантами и соискателями ИИМК РАН. Им воспитано несколько поколений исследователей, которые активно работают в России и странах СНГ.

Долгие годы Александр Николаевич является председателем отдела

полевых исследований ИИМК РАН, председателем Библиотечного Совета ИИМК РАН, членом координационного Совета Института археологии АН Украины. Александр Николаевич Щеглов всегда активно сотрудничает с зарубежными коллегами. Он был инициатором проведения с 1994 г. совместных работ по комплексному изучению археологических памятников Северо-Западного Крыма в сотрудничестве с археологами из Дании, став научным руководителем этих работ. В результате успешного многолетнего сотрудничества в 2002 г. при университете г. Аргус был создан Центр по изучению античного Северного Причерноморья. Создание этого научного центра – во многом заслуга юбиляра.

Научные труды и идеи Александра Николаевича Щеглова хорошо известны и снискали заслуженное признание научной общественности. А.Н. Щеглов встречает свой юбилей в расцвете творческих сил. Он полон новых оригинальных научных идей и находится в постоянном поиске путей их скорейшего воплощения в жизнь.

Поздравляя Александра Николаевича с юбилеем, научные коллектизы Национального заповедника "Херсонес Таврический" и Крымского филиала Института Археологии НАН Украины желают ему крепкого здоровья, бодрости духа и дальнейших успехов в научной и педагогической деятельности.

**СПИСОК
НАУЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ
А. Н. ЩЕГЛОВА**

1960

1. Об изучении топонимики Крыма // ЗОАО. Т. 1 (34). С. 340-342.
2. Светильник с изображением Геракла // СХМ. Вып. 1. С. 21-24: ил.
3. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. Вып. 1. С. 9-16: ил.
4. Терракотовая статуэтка комического актера из Глубокой Пристани // СА. №. 1. С. 257-260: ил.

1961

5. К истории древнего виноградарства в Крыму // Виноградарство и садоводство Крыма. № 12. С. 40-42: ил.
6. Полевые работы Херсонесского музея в Северо-Западном Крыму в 1959-1960 гг. // ТД о раскопках Херсонеса Таврического на антич. Секции сессии Отд. Ист. Наук АН ССР и Пленуме ИА АН ССР, посвящ. результатам полевых археол. исслед. в 1960 г. Севастополь. С. 3-6: карт.
7. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма // СХМ. Вып. 2. С. 70-80: ил., карт.
8. То же // ВСО. 1968. Bd. 13. Нf. 1.
9. Светильник с клеймом ХРУСОЙ // СХМ. Вып. 2. С. 45-51: ил.
10. То же // ВСО. 1967. Bd. 12. Нf. 5.

1962

11. Херсонес Таврический: Гос. ист.-археол. музей: / Буклет/. – Киев.
12. Херсонес Таврический: Путеводитель по музею и раскопкам. – Симферополь: Крымиздат. – 144 с.: ил., 1 л. ил. (Совместно с И.А. Антоновой, В. В. Борисовой, А. М. Гилевич, С. Ф. Стржелецким)

1963

13. Новые памятники древнего виноградарства в Крыму // Виноделие и виноградарство ССР. № 7. С. 36-37. (Совместно с В. М. Маликовым)
14. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. // СХМ. Вып. 3. С. 67-75: ил.

1964

15. Подвиги Геракла: По памятникам Херсонеса Таврического. - Л.: Сов. Художник. – 32 с.: ил.

16. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху и его взаимоотношениях с Херсонесом и Скифским государством // Конференция по изучению проблем античности: ТД. М. С. 135.
17. Пять херсонесских надгробий с изображением умерших // СА. № 2. С. 213-218: ил.
18. То же // ВСО. 1969. Bd. 14. Нр. 3

1965

19. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды: 1. О-в Березань (к статье В. В. Лапина); 2. О местоположении Дандаки // ВДИ. № 2. С. 107-113: ил.
20. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом: (по нумизматическим и археологическим данным) // Dacia . Т. 9. С. 373-382: ил. (Совместно с К. В. Голенко)
21. О промысле рыбы у берегов Тарханкута в античную эпоху // Рыбное хозяйство. № 3. С. 21-23: ил. (Совместно с В. Д. Бурдак)
22. Опыт электроразведки методом симметричного профилирования на эллинистической сельской усадьбе в округе Калос Лимена // Материалы сессии, посвящ. итогам археол. исслед. 1964 г. в СССР. Баку. С. 122-123. (Совместно с К. К. Шилником)
23. Тарханкутская экспедиция в 1962-1963 гг. // КСИА. Вып. 103. С. 140-147: ил.
24. То же // ВСО. 1968. Bd. 13. Нр. 1.
25. Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА. № 2. С. 246-255: ил. (Совместно с О. Д. Дащевской). То же // ВСО. 1969. Bd. 14. Нр. 3.
26. Хора Херсонеса Таврического в IV-II вв. до н. э. : (по материалам раскопок 1959-1964 г.)// Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР: ТД. Баку. С. 121

1966

27. Исследование сельской округи Калос Лимена // ТД на пленуме Института археологии / АН СССР/ 1966 г. Секция античной археологии. М.. С. 38-40.
28. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом // Eirene. Вып. 5. С. 99-105: ил.
29. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. № 4. С. 146-157.
30. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых морских рыб в античную эпоху // Эколого-морфологические исследования нектонных животных . Киев. С. 117-120: ил.(Совместно с В. Д. Бурдак)

1967

31. Два вотивных рельефа из Ольвии: (К вопросу о связях между Ольвией и Фракией) // ЗОАО. Т. 2 . С. 255-259: ил.
32. Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. № 3. С. 234-256: ил.
33. Раскопки в Северо-Западном Крыму // АО. 1966 (1967). С. 210-212.

1968

34. Исследования в Северо-Западном Крыму // АО. 1967 (1968). С. 213-214.
35. Колебания уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму // ИАН. Сер. геогр. № 2. с. 49-58: ил. (Совместно с Н. С. Благоволиным)
36. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С. 332-342: карт.
37. Херсонесские антропоморфные стелы с врезными изображениями // Археология. Т. 21. С. 214-221: ил. Укр. Рез. рус.

1969

38. Херсонес Таврический: Путеводитель по музею и раскопкам. — Симферополь: Крым. — 120 с.: ил.; I отд. л. план (Совместно с С.Ф. Стржелецким, Л. Г. Колесниковой)
39. Консервационно-реставрационные работы в Херсонесе Таврическом в 1962-1965 годах // СНМСОПК. Вып. 4. С. 40-45.
40. Новый метод определения величины рыб по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э. // КСИА. Вып. 119. С. 128-130: ил.
41. Охранные раскопки и зачистки на Гераклейском полуострове // АО 1968 (1969). С. 290-291.
42. Применение археолого-геоморфологического метода для анализа современных деформаций земной поверхности и колебаний уровня моря // Проблемы современных движений земной коры: 3-й Междунар. симпоз. М.. С. 447-454. (Совместно с Н. С. Благоволиным)
43. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // МИА. № 150. 135-177: ил

1970

44. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху // КСИА. Вып. 124. С. 19-24: ил.
45. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. № 1. С. 254-261: ил.
46. Раскопки на территории хоры Херсонеса // АО. 1969 (1970) № 1. С. 258.
47. Терракота из эллинистической сельской усадьбы в округе Прекрасной Гавани (у бухты Ветреной) // САИ. Вып. Г1-11. С. 66: ил.
48. Терракотовая статуэтка из поселения Глубокая Пристань // САИ. Вып. Г1-11. С. 56: ил.
49. Рец.: Башня Зенона: Исследования 1960-1961 гг. (СХМ. Вып. 4). — Симферополь: Крым, 1969 // ВДИ. № 3. С. 172-187.

1971

50. Северо-Западный Крым в античную эпоху: Автореф. канд. дис. АН СССР. ЛОИА. — Л. — 24 с.
51. Исследования близ Ярылгачской бухты в Северо-Западном Крыму // АО. 1970 (1971). С. 251-251. (Совместно с И.И.Саверкиной, В.В. Глазуновым)
52. Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма // ВДИ. № 1. С. 41-47: ил. Рез. англ. (Совместно с К.В. Голенко)

1972

53. Херсонес Таврический: Путеводитель по музею и раскопкам. -. Изд. 2-е, доп. . — Симферополь: Таврия. — 102 с.: ил. (Совместно с С.Ф. Стржелецким, Л. Г. Колесниковой)
54. Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета // СА. № 1. С. 298-300.
55. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды . 3. К. Polyb, IV, 41 // ВДИ. № 2. С. 126-133: карт.
56. То же // ВСО. Bd. 14. Ні. 1.
57. Изучение хоры Херсонеса Таврического // Краткие тезисы докладов кplenуму, посвященному итогам археол. исслед. 1971 г. Л. С. 16-18.
58. К топографии древних городов Гераклейского полуострова // ТД 15-й науч. конф. ІА УРСР. Одеса. С. 248-252.
59. Курган-кенотаф близ Ярылгачской бухты // КСИА. Вып. 130. С. 72-76: ил.

-
- 60. Предварительная характеристика поселения и некрополя Панское-1 // ТД на секциях, посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1971. г. М. С. 374-376.
  - 61. Тарханкутская экспедиция // АО. 1971 (1972). С. 342-343. (Совместно с Н.Л. Подольским, А. М. Гилевич, В. И. Кац)
  - 62. Рец.: Морские подводные исследования – М.: Наука ,1969 // СА. № 4. С. 279-281

1973

- 63. Из истории керамического производства в поселениях Северо-Западного Крыма // КСИА. Вып. 133. С. 10-16: ил.
- 64. Исследования на хоре Херсонеса // АО. 1972 (1973). С. 353-354. (Совместно с Н. С. Благоволиным, А. М. Гилевич, В. В. Глазуновым, В.И. Кац, Н. Л. Подольским)
- 65. О структуре населения хоры Херсонеса и Боспора в IV-II вв. до н. э. // Краткие тез. докл. к науч. конф. "Античные города Северного Причерноморья и варварский мир". Л., С. 36-37.
- 66. Работы Тарханкутской экспедиции в 1972 г. // ТД сессии, посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 в СССР. С. 253-254.
- 67. Херсонес и Нижний Дон в IV-III вв. // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д. С. 26-30.

1974

- 68. Аграрная структура Херсонеса Таврического в IV-II вв. до н. э. // XIII Congress intern. du Comite "Eirene": Resumes des communications. Dubrovnic, 1974. Р. 78.
- 69. Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический : Ремесло и культура. Киев. С. 44-55: ил.
- 70. Исследования Тарханкутской экспедиции // АО. 1973-1974). С. 365-366: ил (Совместно с В. Глазуновым, В. И. Кац, Н. Л. Подольским)
- 71. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV-III в. до н. э. // КСИА. Вып. 138. С. 44-50: ил
- 72. Эллинистические сельские поселения: (к методике археол. изучения) // Реконструкция древних обществ. отношений по археол. материалам жилищ и поселений::КТД. Л. С. 38-40.

1975

- 73. Херсонес Таврический:/Путеводитель/. - Симферополь: Таврия. - 104 с.: ил. (Совместно с С. Ф. Стржелецким, Л. Г. Колесниковой)

-
- 74. Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса // АО. 1974 (1975). С. 375-376. (Совместно с А. М. Гилевич, В. В. Глазуновым, В. И. Кац., Е. Я. Роговым).
  - 75. Итоги раскопок на поселении некрополе Панское I // Новейшие открытия советских археологов: ТД. Ч. 2. Киев. С. 81-83.
  - 76. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. Вып. 143. С. 109-116: ил.
  - 77. "Старый" Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею АП УССР: ТД юбил. конф. Киев. С. 135-136.к
  - 78. Реп.: Вани. Т. 1. Археол. раскопки 1947-1969.- Тбилиси: Меццинереба, 1972.- 286 с.: ил. // ВДИ. № 2. С. 143-147.

1976

- 79. Полис и хора. - Симферополь: Таврия. - 176 с.: ил. - (Археол. памятники Крыма). - Библиогр.: с. 169-174.
- 80. Геракл и его атрибуты. Вотивные рельефы западногонтийского и фракийского типа. Надгробия римских солдат. Надгробия боспорского типа // Античная скульптура: Каталог. Киев. С. 29-36; 43-44; 120-129.
- 81. Жилой дом эллинистического Калос Лимена: (Опыт реконструкции) // Художественная культура и археология античного мира. М. С. 232-238: ил
- 82. Работы на Тарханкутском полуострове // АО. 1975 (1976). С. 409-410. (Совместно с Т.В. Балт, М.Ю. Вахтиной, Г.Н. Виучковым, В.И. Кац., Е.Я. Роговым)
- 83. Система "полис-хора" и контактные зоны в Причерноморье // ТД 14-й Междунар. конференции античников соц. стран. Ереван. С. 523-525.

1977

- 84. Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира. М. С. 210-215: ил.
- 85. Комплексные методы исследования в археологии // Природа. № 4. С. 78-81: ил.
- 86. Некоторые проблемы греческой колонизации // Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантических государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 80-103. (Совместно с И.Б. Брашинским).
- 87. Применение квантового магнитометра в исследовании археологических памятников // Геомагнитное приборостроение. М. С. 77-85: ил. (Совместно с В. В. Глазуновым, А. П. Наумовым, И. С. Хасиевым)

-
88. Проблема греческой колонизации // Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 8-9. (Совместно с И.Б. Брашинским)
  89. Татьяна Николаевна Кипович: [1896-1975. Некролог] // СА. № 1, С. 322

1978

90. Северо-Западный Крым в античную эпоху АН СССР. ИА. – Л.: Наука, - 160 с.; ил. – Библиогр.: с. 136-146.
91. Исследование хоры Херсонеса в 1975-1977 гг. // АИУ. 1976-1977. С. 83.
92. Тарханкутская экспедиция // АО. 1977 (1978). С. 405-406. (Совместно с Г. А. Виучковым, В. И. Кац, А. П. Наумовым, Е. Я. Роговым)
93. Тарханкутская экспедиция в 1969-1975 гг. // КСИА. Вып. 156. С. 61-68; ил.

1979

94. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы 1-го Всесоюз. симпоз. Тбилиси. С. 29-46. (Совместно с И. Б. Брашинским)
95. Тавры и греческие колонии в Таврике // Материалы 2-го Всесоюз. симпоз. По древней истории Причерноморья. Тбилиси. С. 90-94.
96. Рец.: Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. - М.: Наука. - 1976 // ВДИ. № 1. С. 189-195. (Совместно с И. Б. Брашинским, К.К. Марченко)

1980

97. Археология изнутри: [О новых методах в полевой археологии] // Знание - сила. № 4. С. 30-33; ил.
98. Комплексные исследования в Северо-Западном Крыму // АО. 1979 (1980). С. 354-355; ил.
99. Новые материалы к изучению пространственной организаций раннеэллинистического Херсонеса // Проблемы античной истории и классической филологии: ТД Всесоюз. науч. конф.. Харьков. С. 73.
100. Применение комплекса естественных и точных методов в полевой археологии // АИУ. 1978-1979 (1980). С. 19-20.
101. Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonesos Taurique (IV-II e s. av. n. e.) // Centre de recherches d'histoire ancienne. Vol. 38 . Dialogues d'histoire ancienne, 6. С. 59-63; ill.

1981

102. Городище Руди – Мэтоний Птолемея? // ВДИ. № 4. С. 121-137: ил. (Совместно с М. А. Романовской, Ф. В. Шеловым-Коведяевым)
103. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси. С. 204-218: ил. Рез. англ.
104. Тарханкутская экспедиция // АО. 1980 (1981). С. 326-327: ил.

1982

105. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Материалы 3-го Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья . Тбилиси. С. 107-109.
106. Об определении высоты построек по развалам сырцовых стен // КСИА. Вып. 172. С. 50-57: ил.

1983

107. Позднескифское государство в Крыму: К типологии эллинизма // Древние культуры Евразии и античная цивилизация: ТД науч. конф. Л. С. 31-33.
108. Работы на хоре Херсонеса // АО 1981 (1983). С. 336.
109. Разведки и раскопки античных сельских поселений и аграрных систем: Инструкция // Методика полевых археол. исследований. М. С. 12-30: ил.
110. Тарханкутская экспедиция в 1981-1982 гг. // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л. С. 17-18

1984

111. Археолого-геофизические исследования известняковых сооружений догреческого и античного периодов в Северном Причерноморье // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней: М. С. 95-97. (Совместно с Т. Н. Смекаловой, А. В. Мельниковым, А.А. Масленниковым, А. Г. Загинайло)
112. Греческие и местные традиции в архитектурно-планировочном облике и строительстве позднескифских поселений // 2-й Всесоюз. симпоз. по проблемам эллинистической культуры на Востоке: ТД. Ереван. С. 81.
113. Херсонесское государство и Харакс: Источники и история вопроса // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М. С. 45-49: карт.
114. О первичном описании археологического материала // Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л. С. 242-245.

115. От редактора: [И. Б. Брашинский . (1928-1982)] // Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли.
116. Памяти Павла Николаевича Шульца: (1900-1983);[Некролог] // СА. № 3. С. 285-287.
117. Раскопки и разведки в Северо-Западном Крыму // АО. 1982 (1984). С. 345-346: ил.
118. Хора Херсонеса; Округа города на Гераклейском полуострове; "Старый" Херсонес и его округа; Керкинитида; Прекрасная гавань (Калос Лимен и ее округа); Остальные поселения на хоре Херсонеса // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М. С. 53-56: ил.

1985

119. 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА. Вып. 182. С. 3-76.
120. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. С. 185-198. Рез. англ.
121. Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы. // Проблемы исследования Ольвии: ТД. Парутино. С. 84-86.
122. Основные методические принципы изучения поселений на земледельческой территории античных государств Северного Причерноморья // Проблемы исследования Ольвии: ТД. Парутино. С. 39-40. (Совместно с С. Д. Крыжицким)
123. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Поднестровье и Северо - Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии: ТД. Парутино. С. 86-88. (Совместно с Е. Я. Роговым)
124. Работы Тарханкутской экспедиции // АО. 1983 (1985). С. 376-377.

1986

125. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. Л. С. 152-176: карт.
126. Работы в Черноморском районе Крыма // АО. 1984 (1986). С. 333-334.
127. Les amphores timbrees d'Amastris // BCH. Suppl. 13. С. 365-373: il.

1987

128. Изучение античных памятников на Тарханкуте // АО. 1985 (1987). С. 440-441: ил.
129. Источники северочерноморской торговли хлебом в IV в. до н. э. // ТДХ Всесоюз. авторско-чит. конф. ВДИ. М. С. 175-176.

- 130 Конференция “Проблемы античной и скифо-сарматской археологии”, посвящ. памяти П. Н. Шульца // ВДИ. № 2. С. 229-234. (Совместно с В. А. Горончаровским)
131. Работы Тарханкутской экспедиции (1983-1986 гг.) // Задачи сов. археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф. М. С. 293-294.
132. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I: (Fouilles de 1969-1985) // Dialogues d'istoire ancienne. № 13. С. 239-273: ил.

1988

133. Большой Кастьель и святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры: ТД науч. конф. Ч. 3. С. 273-275.
134. Раскопки в Северо-Западном Крыму // АО. 1986 (1988). С. 353-354: ил.
135. Тавры в VII –первой половине IV вв. до н. э. и греко-тавские взаимоотношения // Местные этно-полит. объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н. э.. Тбилиси. С. 53-81.
136. Херсонес как пример дорийского периферийного полиса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 гг.: ТД. Севастополь. С. 132-133.

1989

137. Аграрный Херсонес // Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР: ТД. Киев. С. 266-267.
138. Где находится курган Кара-Меркит (Ак-Мечетский)? // Скифия и Боспор: Археол. материалы к конф. памяти М. И. Ростовцева Новочеркасск. С. 95-97
139. Еще раз о причине денежного кризиса III до н. э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье: ТД. Одесса. С. 56-58.
140. Земельный фонд Херсонеса во второй половине IV–начале III вв. до н.э. // Проблемы исследований античных городов: ТД. М. С. 129-131.
141. Земледелие на поселении Панское I (Северо-Западный Крым) в IV- начале III в. до н. э. // Флора и растительность. Кишинев, С. 50-69; ил. (Совместно с Н. Н. Кузьминовой, З. В. Янушевич, Е. С. Чавчавадзе)
142. Изучение систем расселения в древности с помощью материалов аэрофотосъемки // Новое в методике археол. работ на новостройках. М. С. 37-39.
143. К Геродоту, IV, 81 // Археологія. № 3. 117-121: ил. Укр. Рез. рус.

144. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л. С. 29-40.
145. "Царский" курган IV в. до н. э. в Западном Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Ч. 1. Запорожье. С. 57-59. (Совместно с В. И. Кац)
146. The Amastriai Stamped Pottery // Archeologia /Wroclaw. T. 40. P. 15-28: il. (Совместно С. В. И. Кац, В. И. Павленков)

1990

147. О времени и обстоятельствах возникновения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья: ТД. Херсон. Ч. 2. С. 59-60
148. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М. С. 310-37: ил., карт. (Совместно с Ю. Г. Виноградовым)
149. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII-V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье VII-V. Тбилиси. С. 99-121.
150. Le commerce du ble dans le Pont septentrional (seconde moitié du VIIeme-Veme siècle) // Centre de Recherches d'Histoire Ancienne. Vol. 100. P.141-159.

1991

151. К особенностям дорийской колонизации Италии и Сицилии // Древние культуры и археологические изыскания: Материалы к пленуму ИИМК 1991 г. СПб. С. 63-66.
152. Нахodka монеты Истрии в Северо-Западном Крыму // Древнее Причерноморье: ТД 2-х чтений памяти П. О. Карышковского. Одесса. С. 22-23. (Совместно с А. М. Гильевич, В. Ф. Столба)
153. О зерновом потенциале античных государств Северного Причерноморья // Археологія. № 1. С. 46-56: карт. Укр. Рез. рус., англ.
154. A fourth-century B. C. Royal kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum journal. Vol. 26. P. 97-122: il.

1992

155. Polis et chora: Cite et territoire dans le Pont-Euxin. — Paris. — 302 p.: il. — (Annales litter. de l'Univ. de Besançon; 476. Centre de rech. d'hist. anc. 118). — Bibliogr.: p. 281-302.

156. Оптико-петрографическое исследование причерноморских клейменых амфор IV - II вв. до н. э. // Греческие амфоры: Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов. С. 32-50. (Совместно с Н.Б. Селивановой)
157. Отвергнутая рецензия // Вопросы истории естествознания и техники. № 4. С. 146-150
158. То же // Клейн Л. С. Археологические источники. СПб. 1995. С. 291-301. Совместно с Г. П. Григорьевым, П. М. Долухановым, Г.С. Лебедевым.

1993

159. К изучению механизма трансляций культур в северочерноморском ареале расселения греков // Динамика культурных традиций. СПб. С. 28-29.
160. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове; (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь. С. 10-38: ил.
161. Первые археологические карты Гераклейского полуострова: (к истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии. СПб. С. 51-53.

1994

162. Геракл в статуарной скульптуре Херсонеса // Проблемы археологии. Вып. 3. С. 136-148: ил.
163. К изучению культурных трансляций и взаимодействий в Причерноморском регионе расселения греков // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб. С. 93-98.
164. Комплексные исследования: археолого-геофизический эксперимент на античном поселении Панское I в Крыму (1970-1980) // Материалы конф. по применению методов естеств. наук в археологии, посвящ. памяти Б. А. Колчина: ТД. СПб. С. 27-28.
165. Монетные находки на Маячном полуострове в Юго-Западном Крыму // ТД Всероссийская нумизматич. конф. СПб. С. 42-43.
166. Раскопки на поселении Панское I // КМ. № 1. С. 149. (Совместно с В.Ф. Столба)
167. "Старый" Херсонес Страбона: Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь. С. 8-42: ил., карт.

1995

168. Крепостные стены "старого" Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. СПб. С. 44-49; ил.
169. О времени возникновения "старого" Херсонеса Страбона // Античное общество: проблемы истории и культуры. СПб. С. 46-49.
170. Работы Российско-Датской Тарханкутской экспедиции в Крыму // АО. 1994 (1995). С. 335-336. (Совместно с Л. Ханнестад, В. Ф. Столба)
171. Раскопки поселения Панское I в Крыму // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб. С. 50-53; ил. (Совместно с В. Ф. Столба, Л. Ханнестад)
172. Российско-датские раскопки на поселении и некрополе Панское I: (Северо-Западный Крым) // АВ. № 4. С. 288-290; ил. (Совместно с Л. Ханнестад, С. В. Кашиевым, Л. Б. Кирчо, И. Серенсен, В. Ф. Столба, Х. Хаструп)
173. Херсонесец Батилл // Интеллектуальная элита античного мира. СПб. С. 58-63.

1996

174. Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму: (конец XVIII-первая половина XX вв. // Традиции российской археологии. СПб. С 27-32. (Совместно с И. В. Тункиной)
175. Первая находка монеты-стрелки в Юго-Западном Крыму и ее значение для понимания текста Strabo, VI, 4, 2 // ТД 4-й Всероссийской нумизматической конференции. М. С. 7-8.
176. Херсонесец Батилл, сын Никагора // Hyperboreus. Vol. 2. № 2. С. 100-124; ил. Рез. англ. (Совместно с А. М. Гилевич)
169. Херсонесский ландшафт // Греки на Черном море: Междунар. археол. симпозиум. Салоники. (Без пагинации).
177. Э. Р. Штерн в России: (несколько поправок и заметок к тез. А. Хойслера) // Традиции российской археологии. СПб. С. 56-57.

1997

178. Античная археология Причерноморья // Программа базовых курсов по археологии. СПб. С. 55-63,
179. Археология античного мира // Там же. С. 44-55.
180. Исследования Тарханкутской экспедиции // АО. 1994 (1997). С. 275-276; ил.

181. Материалы к нумизматической карте Северо-Западного Крыма // ТД 5-й Всероссийской нумизматической конференции. М. С. 21-22. (Совместно с А. М. Гилевич)
182. Неизвестный план Херсонесского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб. Т. 2. С. 392-396: карт.
183. "Старый" Херсонес Страбона: Укрепление на перешейке Маячного полуострова: III. Следы арханческого поселения на вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археол. сб. Вып. I. С. 42-54.

1998

184. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму: (К проблеме происхождения) // Проблемы археологии. Вып. 4. С. 141-153.
185. Золотые и серебряные монеты вв. до н. э. из случайных находок в Херсонесе и его округе // ТД С 6-й Всероссийской нумизматической конференции. СПб. С. 20-22.
186. "Плавающие города" в дельте Дона // Поселения: среда, культура, социум. СПб. С. 16-19: ил., карт.
187. Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. Т. 55. Ч. 2. С. 178-183. (Совместно с А. И. Романчук)
188. Финал кизил-кобинской культуры и поздняя история тавров // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб. С. 66-70.
189. Херсонесский культурный ландшафт на Гераклейском полуострове: принцип пространственной организации сельской территории периферии греческого полиса: // Поселения: среда, культура, социум. СПб. С. 125-132: ил.

1999

190. К изучению канализационных устройств в домостроительстве Нимфея IV в. до н. э. // Боспорский город Нимфей. СПб. С. 91-94.

2000

191. Греческие домашние святилища: (По материалам раскопок на территории Херсонесского государства) // Святилища. СПб. С. 74-77.
192. О времени появления культа Сабазия на северных берегах Понта: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Святилища. С. 67-73.

2001

193. К изучению культа Сабазия в Херонесе: Состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Херонес Таврический: у истоков мировых религий. Севастополь. - С. 52-61.
194. "Старый" Херонес Страбона: Укрепление на перешейке Маячного полуострова: IV. Транила 1967 г. в вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археол. сб. Вып. 2. С. 53-77: ил. Рез. англ.

2002

195. Античное земледелие // Программы специальных курсов по археологии. СПб. С. 61-67.
196. Archeological, Palaeogeographic, and Geomorphological Researches in the Lake Sasyk (Panskoye) Region // Panskoye I. Aarhus. С. 285-302. Табл. 177-186. (Совместно с Н. С. Благоволиным)
197. Cult Sculpture, Altars, Sacred Vessels, Votives // Там же. С. 213-227. Табл. 142-149.
198. Introduction // Там же. С. 11-25. Табл. 1-8.
199. Monumental Building U6 // Там же. С. 29-98. Табл. 9-42.
200. Palaeoethnobotanical Material // Там же. С. 327-331. (Совместно с З.В. Янушевич)
201. Petrographic Analyses of Stamped Amphorae // Там же. С. 303-316. Табл. 187-190. (Совместно с Н.Б. Селивановой)
202. Prefax // Там же. С. 9-10. (Совместно с В. Ф. Столба, Л. Ханнестад)
203. Tiles and Ceramic Containers // Там же. С. 101-126. Табл. 43-61. Совместно с В. И. Кац, С. Ю. Монаховым, В. Ф. Столба)

Составитель: Л. М. Всевиов

Ю.А. Виноградов

О ДВУХ ВОЛНАХ САРМАТСКИХ МИГРАЦИЙ В ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЯХ ДОРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Вопрос об освоении сарматами Причерноморских степей следует признать одной из фундаментальных проблем отечественной исторической и археологической науки. Время от времени на страницах научных изданий разгорается острая полемика по этому вопросу, часть исследователей связывает с сарматской волной миграции крушение Великой Скифии и другие важные перемены в Северном Причерноморье рубежа IV-III – первой половины III вв. до н.э., другие же склонны считать, что это произошло позднее, и сарматы перешли Дон не ранее II в. до н.э.

В конце 60-х гг. А.Н. Щеглов предложил оригинальную периодизацию истории Западного Крыма в античную эпоху, при этом он пришел к важному выводу, что сарматы продвинулись в Северное Причерноморье уже к концу IV вв. до н.э.¹ Вскоре Д.А. Мачинский на основании анализа письменных источников пришел к заключению, что сарматы стали господствующей силой на землях от Дона до Днепра около 310 г. до н.э.²

С тех пор дискуссия о времени сарматского продвижения в Северное Причерноморье не прекращается, и в этом отношении накоплен немалый позитивный материал. Отнюдь не претендую на окончательность выводов, попытаюсь обосновать гипотезу, которая позволяет рассматривать историю сарматов

конца IV-II вв. до н.э. в степных областях, прилегающих к северным берегам Черного моря, как пульсирующий процесс, состоявший, скорее всего, из двух крупных волн.

Сложность изучения ранней истории сарматов заключается в том, что от времени крушения Великой Скифии вплоть до Митридата VI Евпатора какая-либо связная информация об этно-политической истории региона в античной письменной традиции отсутствует. Северное Причерноморье на два века выпало из поля зрения древних историков и географов.³ В высшей степени показательно, на мой взгляд, что знаменитый историк Полибий назвал все рассказы своих современников о северных землях “плодом невежества пишущих и баснями” (Polyb., 3. 38. 2-3), настолько они отличались от реальной картины. Страбон же по этому поводу заметил, что мир племен, обитающих между Тирасом и Кавказом, был открыт для Греции Митридатом и его полководцами (Strabo, 1. 2. 1). Думаю, что последнее указание очень важно во многих отношениях и, в частности, для датировки этно-политической карты Северного Причерноморья, которую нарисовал древний географ, но об этом речь пойдет ниже.

Сейчас же необходимо подчеркнуть, что среди данных письменной традиции о появлении сарматов в

Северном Причерноморье весьма важным представляется сообщение Диодора Сицилийского. Древний историк сообщает, что савроматы (сарматы) "опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню" (Diod., 2. 43.7). Противники концепции о ранней дате сарматского вторжения в Северное Причерноморье рассматривают данное свидетельство как полулегендарное и упорно указывают на то, что не существует абсолютно надежных сведений письменных источников об их пребывании здесь вплоть до II в. до н.э.⁴ Такие сведения, однако, существуют, - Ю.Г. Виноградов, анализируя текст давно известного херсонесского декрета "О несении Диониса" (IOSPE 1². 343), указал, что в его строке 15 говорится именно о сарматах, которые готовили вторжение на запад. Этот декрет он склонен датировать первой четвертью III в. до н.э., не исключая и более широкую атрибуцию вплоть до середины III в. до н.э.⁵ Основываясь на сведениях надписи, можно заключить, что сарматы тогда совершили нападение на Северное Причерноморье и, вероятно, уже не первое.⁶ Именно с этими походами, скорей всего, следует связывать приведенное выше свидетельство Диодора об опустошении Скифии (Diod., 2. 43.7).

Скифия тогда действительно была превращена в пустыню, - степные пространства Северного Причерноморья надолго запустили, археологические памятники здесь практически отсутствуют вплоть до II в. до н.э. Приходится признать, однако,

что, несмотря на победоносные походы, в конце IV - III в. до н.э. сарматы не заняли этих земель, и их кочевья в это время были расположены в районах Подонья-Прикубанья.⁷

Но какие же конкретные кочевые племена продвинулись в это время на запад? Из текста декрета "О несении Диониса" явствует, что это были сарматы. В данном случае очень важно знать, следует ли понимать этот термин как собирательный для обозначения ираноязычных кочевников постскифской эпохи, что стало типичным для более поздней античной традиции и современной науки, или же здесь нашел отражение всего лишь этноним одного из кочевых племен или, скорей, группы племен, которые продвинулись на запад и приняли самое активное участие в событиях, связанных с крушением Великой Скифии. Вероятнее всего, так называлась именно группа племен,⁸ поскольку в сарматской среде выделялись некие "царские" сарматы (Strabo, 7. 3. 17; App., Mithr. 69). По предположению Т.Сулимировского,⁹ они сыграли важную роль в разгроме Скифии и по этой причине в системе межплеменных связей региона заняли место, которое ранее принадлежало "царским" скифам (см. Herod., 4. 20).

Из ольвийского декрета в честь Протогена (IOSPE 1². 32), издание которого можно относить к 20-10-м гг. III в. до н.э.,¹⁰ а описанные в нем события – к более раннему времени, известно о племени сайев, которых многие исследователи отождествляют с царскими сарматами.¹¹ Вполне

возможно, что сайи базировались на кочевьях вдоль Дона, откуда без особых труда могли совершать походы на античные города Северного Причерноморья, в том числе на Ольвию, и даже еще дальше на запад.¹²

Иными словами, совсем не исключено, что именно эта группировка племен, составившая первую волну сарматских передвижений на запад, может называться собственно сарматами, на прочие это название было перенесено позднее. Несмотря на скучность имеющейся информации, есть веские основания полагать, что в состав первой волны сарматской миграции, кроме сайев, входили сираки, которые достаточно рано продвинулись в Прикубанье и, как можно предполагать, в 310/9 г. до н.э. приняли участие в междуусобной борьбе сыновей боспорского царя Перисада I. Перепитии этой борьбы прекрасно изложены Диодором Сицилийским (Diod. XX. 22-24). Уже очень давно было высказано предположение, что союзниками одного из претендентов на престол, Евмела, которые в тексте именуются фракийцами, были именно сираки.¹³ Сарматское племя сираков вполне могло располагать значительными военными силами.¹⁴ Страбон свидетельствует, что при Фарнаке они выставляли 20 тыс. всадников (Strabo, 11. 5. 8). Не удивительно, что данная гипотеза имеет большое число сторонников.¹⁵

Описание сираков у Страбона в контексте событий боспорской истории после Митридата (Strabo, 11. 5. 8) дает основание некоторым ученым считать, что они появились в Прику-

банье довольно поздно, может быть, во второй трети II в. до н.э.¹⁶ С этим мнением, однако, очень трудно согласиться.

Принципиально важной в этом отношении представляется хронологическая атрибуция этно-политической картины, которую рисует Страбон. Проблема источников древнего географа и, в частности, источников для его книги VII, речь в которой идет о Северном Причерноморье, очень непроста.¹⁷ В данном отношении, прежде всего, необходимо должным образом оценить уже упоминавшееся замечание Страбона о том, что земли от Тира до Кавказа были открыты Митридатом Евпатором и его полководцами (Strabo, 1. 2. 1). Очень красноречиво также суждение о том, что среди других авторов наибольшего доверия у знаменитого географа заслуживали историки Митридатовых войн (Strabo, 11. 2. 14).

Отсюда вполне логичным представляется мнение ученых, которые считают, что описание Страбона относится к последнему десятилетию II в. до н.э.¹⁸ или к концу II в. до н.э.¹⁹ или к концу II - началу I вв. до н.э.²⁰ Весьма вероятно, что нарисованная им картина расселения племен, в основном, сложилась к концу II в. до н.э., хотя, вероятно, и претерпела некоторые изменения позднее, поскольку Страбон мог вносить в нее дополнения и уточнения вплоть до своей смерти.²¹ Однако эти уточнения вряд ли изменили главное.

Признание этого факта, на мой взгляд, имеет принципиальное значение для реконструкции истории сарматских передвижений в степях се-

верного Понта. Дело в том, что особенности экономической системы, которая, по свидетельству Страбона (11, 2. 1), была свойственна сиракам и некоторым другим племенам, совсем не характерна для кочевников, которые появились здесь недавно. Часть из них передвигалась со стадами, а другая занималась земледелием, что типично для народов, вступивших в период кризиса кочевнической экономики.²²

Большое значение в этом отношении имеет периодизация цикличности истории развития кочевнических сообществ Северного Причерноморья, разработанная С.А. Плетневой на основании идей, высказанных С.И. Руденко.²³ С.А. Плетнева в истории кочевников выделила три главных этапа, и хотя эта схема базируется на материалах средневековья, она вполне применима кnomадам древности.

Первый – период вторжения, когда nomады, продвинувшиеся с востока, завоевывали “новую родину” и двигались без четких маршрутов кочевания, не имели определенных маршрутов летних и зимних пастбищ и т.д. Этот период, охватывающий приблизительно 50 лет в истории кочевников, практически не улавливается в археологическом отношении. Любопытно, что в описании Страбона ни один из кочевых народов не подходит под это определение.

Второй этап характеризуется тем, что у кочевников уже выработались стабильные маршруты передвижений, районы летних и зимних пастбищ, формируются родовые кладбища и т.д. В “Географии” Стра-

бона на этом этапе находятся роксолланы, которые зимуют на пастбищах у Азовского моря, а на лето откочевывают на север (Strabo, 7. 3. 17). Древний географ также называет nomадами большинство других племен Северного Причерноморья (Strabo, 7. 3. 17), и напрасно Хармата признает в них полукочевников.²⁴

Третий этап – кризисный, когда часть кочевников (обедневшая) была вынуждена оседать на землю и переходить к занятию земледелием, а другая (богатые семьи) продолжали кочевать. В истории nomадов это происходит через сравнительно большой отрезок времени после вторжения в Северное Причерноморье, который явно охватывал более одного столетия. Показательно, что скифы стали практиковать земледелие лишь в IV в. до н.э.²⁵

Таким образом, если сираки к концу II в. до н.э., как их зафиксировал Страбон, уже вступили в кризис кочевнической экономики, то, скорее всего, они появились в Прикубанье не позднее III в. до н.э., вероятно, еще в конце IV в. до н.э. Любопытно, однако, что то же самое следует предполагать об аорсах, которые обитали к северу от сираков, занимая обширные степные пространства от Дона до Каспия. Страбон описывает их жизнь и способ ведения хозяйства вполне аналогично с сираками, - аорсы тоже занимались кочевым скотоводством наряду с земледелием (Strabo, 11. 2. 1). Иными словами, их тоже нельзя считать новичками в регионе, но в научной литературе это допускается крайне редко.²⁶ Большинство исследователей едини в

том, что аорсы продвинулись на запад сравнительно поздно.²⁷ Любопытно, однако, что Страбон всегда говорит о сираках и аорсах вместе, и, в общем, есть основания считать, что эти "постоянные враги", по выражению В.Б. Виноградова,²⁸ появились в районе Подонья-Прикубанья на одном хронологическом этапе.

Аорсы, как известно, занимали особое место в системе международных торговых связей региона, достигавших Индии и Вавилона. В них, по сообщению Страбона, активно участвовали так называемые "верхние" аорсы (Strabo 11. 5. 8). В данном случае вряд ли имеет смысл дискутировать вопрос о том, занимались ли "верхние" аорсы исключительно сопровождением караванов,²⁹ что очень характерно для кочевников,³⁰ или же их роль в торговле была более значительной.³¹ Важно подчеркнуть, что складывание этого торгового пути вряд ли было единовременным актом, во всяком случае, такое важное явление никак не могло возникнуть в момент "вторжения" аорсов или даже вскоре после него.

Попытаемся ответить на вопрос, когда этот торговый путь мог появиться или, точнее, какие археологические материалы могут свидетельствовать о его функционировании. Вполне очевидно, что это, в первую очередь, могут быть монетные находки, более определенно - находки восточных монет в Северном Причерноморье, с одной стороны, и находки монет античных государств Северного Причерноморья на Востоке, с другой. Сразу можно признать, что эти материалы демонстри-

руют существование таких торговых связей в первые века н.э. Однако есть основания говорить и о более ранних временах.

На мой взгляд, вполне очевидно, что "верхние" аорсы приводили караваны в греческие города, которые находились ближе всего к районам их кочеваний, т.е. к городам Боспорского государства. В этом плане важно знать, когда боспорские монеты впервые появились на Востоке. Сразу следует признать, что такие находки очень немногочисленны, но ведь и более поздние, т.е. относящиеся к римской эпохе, тоже не составляют крупных серий.

Итак, в Хорезме обнаружена монета Фанагории 250-200 гг. до н.э.³² Целый клад боспорских монет был найден еще дальше к востоку в Джуングарии.³³ Исследователи почему-то мало обращают на него внимание, хотя подлинность этой находки почти не вызывает сомнений.³⁴ Клад состоял из 16 боспорских монет, 15 из них - пантикопейские и 1 - фанагорийская. Самые ранние экземпляры датируются 330-315 гг. до н.э., по этой причине клад иногда относили к III в. до н.э.³⁵ Наиболее поздний экземпляр (монета Фанагории) относится к II в. до н.э., поэтому логичней считать, что клад датируется началом этого столетия.³⁶

Очень показательно, что самые ранние находки восточных монет в Северном Причерноморье, прежде всего парфянских и греко-бактрийских, также принадлежат к II в. до н.э.³⁷ Все эти монетные находки, на мой взгляд, позволяют предполагать, что система международной

торговли, в которую были вовлечены города Боспора и, так или иначе, мир кочевников региона, стала складываться во второй половине III - первой половине II вв. до н.э. Есть основания считать, что тогда Северное Причерноморье переживало период относительной стабилизации между двумя волнами сарматских вторжений,³⁸ что и способствовало налаживанию торговых контактов со странами Востока.

Эта сравнительно благополучная эпоха, как представляется, закончилась приблизительно в середине II в. до н.э. в связи с вторжениями на запад новых кочевнических племен. Новая (вторая) волна сарматской миграции, на сей раз, докатилась до Днепра. Из текста Страбона с этой волной можно связывать роксоланов, языгов и, вероятно, ургов. Говорить о массагето-роксоланско-аорско-аланской общности, как это делает М.Б. Щукин³⁹, на мой взгляд, преждевременно. Во вторую волну передвижений, очевидно, были вовлечены сарматы "царские", которые ранее, как говорилось выше, возможно, обитали в степях Подонья. Страбон же зафиксировал их на правом берегу Днепра (7. 3.17).

С этими же событиями следует связывать сатархов. Плиний сообщает, что они перешли Дон (Pliny, NH 6. 22), а эпиграфический

источник фиксирует их во второй половине II в. до н.э. в районе Крыма (IOSPE I², 672). Появление сатархов Ю.М. Десятчиков связывал с широким расселением на запад центрально- и среднеазиатских кочевников, сокрушивших Греко-Бактрийское царство.⁴⁰

Аорсы и сираки, вероятнее всего, в это время не были сдвинуты со своих мест обитания. Правда, Д.А. Мачинский на основании сравнительно поздних источников (Plin., NH, 4. 80; Ptol., 3. 5. 7-10) высказал предположение, что аорсы (возможно, правильнее говорить, их часть) были увлечены в движение на запад.⁴¹ Серьезные изменения в положении этих двух племен, как представляется, произошли по причине появления на азиатском Боспоре аспургиан (Strabo, 11. 2. 11). Их продвижение сюда относят к последней четверти II в. до н.э.,⁴² в дальнейшем аспургиане стали играть весьма важную роль в событиях боспорской истории.⁴³

Системный кризис, в котором оказались греческие государства Северного Причерноморья в результате столь крупных изменений в мире соседних варваров, общей дестабилизации обстановки в регионе, в конце концов привели к тому, что греки были вынуждены искать спасения у pontийского царя Митридата VI.

Примечания

1. Щеглов А.Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с.336-337, карта 3
2. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ, вып. 13. Л., 1971, с. 46, 51

3. Rostowzew M. Scythien und der Bosporus. Berlin, 1931, S. 105 ff.; Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ, вып. 16, Л., 1974, с. 122–123; Полин С.В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992, с. 81 сл.; Olbrycht, M.J. Die Aorser, die Oberen Aorsen und die Siraker bei Strabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker in nordostpontischen und nordkaukasischen Raum in 2.-1. Jh. v. Chr. // Klio, 83, 2001, S. 426
4. См. Полин С.В. От Скифии к Сарматии, с. 94; Simonenko, A.V. The problem of the Sarmatian penetration in the North Pontic area according to archaeological data // II Mar Nero, I, 1994, p. 279; Skripkin A. The Sarmatian Phenomenon // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994, p. 103
5. Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет "О несении Диониса" IOSPE 1². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. N3, с. 111
6. Там же, с. 122; см. также Виноградов Ю.Г. Херсонес, Боспор и их варварское окружение в III в. до н.э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000, с. 270–271; Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. 1997. N 3, с. 93 сл.
7. См. Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990, с.41; Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. С.48; Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996, с.119; Симоненко А.В., Лобай В.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. до н.э. Киев, 1991, с. 78; Марченко К.К. 1996. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. N 2, с. 72; Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Донские древности, 5, 1997, с. 92; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Hyperboreus, 5,1, 1999, с. 57-58, 76)
8. Olbrycht M.J. Die Aorser, die Oberen Aorsen und die Siraker..., S. 442
9. Sulimirski T. The Sarmatians. Thames and hudson, 1970, p.102
10. См. Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII-II вв. до н.э. М., 1989, с.102; он же. Херсонесский декрет..., с.106; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения..., с.71 сл.
11. См. СIG II. P.84b; Карышковский П.О. Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // ВДИ. 1971. N 2, с. 44; Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Киев, 1985, с.67-68; Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления..., с. 47; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984, с. 119; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет..., с. 106; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzwälder Raumes. Mainz, 1997, S. 88, Ann.98; но ср. Harmatta J. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950, p. 40-41; idem. 1970. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 11
12. Симоненко А.В., Лобай В.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья..., с. 78; Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы, с.92; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения..., с. 76
13. См. Tomaschek. Aripharnes // RE, 2, 1895, Col. 845; Kissling. Gargasa // RE, 7.13, 1910, Col.759
14. См. Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. N 1, с. 108
15. См. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953, с. 177; Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977, с. 46; Марченко И.И. Сираки Кубани, с. 113-114; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p.145; idem. The Bosporan Kingdom // САН, VIII, 1930, p. 577; Sulimirski T. The Sarmatians, p. 95, 103

16. Harmatta J. Studies on the History..., p. 28; idem. 1970. Studies in the History and Language..., p. 34; Olbrycht M.J. Die Aorser, die Oberen Aorsen und die Siraker..., S. 446, 448
17. Rostowzew M. Scythien und der Bosporus, S. 92, 126ff.; Грацианская Л.И. "География" Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР, 1986. М., 1988, с. 34 сл.
18. Harmatta J. Studies on the History..., p. 6-7, 17; idem. 1970. Studies in the History and Language..., p. 14
19. Sulimirski T. The Sarmatians, p. 102; Bosi F. The Nomads of Eurasia in Strabo // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994, p. 113
20. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии..., с. 126
21. Грацианская Л.И. "География" Страбона, с. 33
22. Khazanov A.M. 1984. Nomads and the Outside World. Cambridge University Press, 1984, p. 83, 198-202
23. См. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Вып. I, 1961, с. 3-4; Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА, N 142, 1967, с. 180 сл.; она же. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982, с. 13 сл., 36 сл.; 77 сл..
24. Harmatta J. Nomads and Sedentary Life in the Great Steppe-Belt of Eurasia // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994, p. 566
25. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. Киев, 1999. с. 155, 163-164, 168).
26. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 148; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение ..., с. 118
27. Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., 1959, с. 151-152; Harmatta J. Studies on the History..., p. 28; idem. 1970. Studies in the History and Language..., p. 34; Sulimirski T. The Sarmatians, p. 116; Vinogradov, Ju.G. Pontische Studien, S. 540; Olbrycht M.J. Der Fernhandel in Ostsarmatien und den benachbarten Gebieten (zweite Hälfte 2 Jhs. – 1 Jhs. v. Chr.) // Laverna, 12, 2001, S. 90; idem. Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker... S. 446, 448
28. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 161
29. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. N 2, с. 161, прим. 64
30. Khazanov A.M. Nomads and the Outside World, p. 209, 211
31. Olbrycht M.J. Die Aorser, die Oberen Aorsen und die Siraker..., S.438 ff.; idem. Der Fernhandel in Ostsarmatien..., S. 106 ff.
32. Вайнберг Б.И. Монетное дело Хорезма. М., 1977, с. 176 сл., N 6..
33. Diehl E. Bosphoranische Münzen aus der Dschungarei // Blätter für Münzfreunde. 10/11, 1923, S.441 ff.; IGCH, 1821
34. Olbrycht M.J. Der Fernhandel in Ostsarmatien..., S. 118
35. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949, с. 90; IGCH, 1821
36. Mielczarek M. Remarks on the numismatic evidence for the northern Silk Route: the Sarmatians and the trade route linking the northern Black Sea area with Central Asia // Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. Kamakura, 1997, p. 132
37. Mielczarek, M. Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Jyväskylä, 1989, p. 91, №№ 94, 96, 153
38. Марченко К.К. Третий период стабилизации..., с. 70 сл.; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения..., с. 56 сл.
39. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994, с. 144
40. Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. N 1, с. 143
41. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии..., с. 131

-
42. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994, с. 55; иную точку зрения см. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. N 2, с. 65 сл.
43. Gajdukevicius V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 328ff., 337ff., 362, 471).

Горлов Ю.В., Поротов А.В., Бжания Д.С., Бжания В.В.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ РЕГИОНА*

Вопросы о характере и масштабах освоения древнегреческими переселенцами Северо-Восточного побережья Черного моря до сих пор остаются дискуссионными. Эта ситуация объясняется, как и для многих других регионов античного мира, двумя обстоятельствами. Во-первых, отсутствием достаточного количества сохранившейся информации в античной письменной традиции, и, во-вторых, отсутствием систематических археологических исследований, направленных на поиск и изучение памятников античной культуры. Предпочтение, в силу разных обстоятельств, отдавалось и отдается раскопкам поселений и могильников, оставленных местным населением.

По мнению подавляющего большинства грузинских коллег-археологов, в начале эпохи поздней бронзы на территории Западной Грузии складывается единая археологическая культура, которая достигла своего расцвета во второй половине II – первой половине I тыс. до н.э. Ее характерными чертами были высокоразвитая бронзовая, а позднее железная индустрия, многоотраслевое сельское хозяйство, керамическое производство и деревянная архитектура. В античной письменной тради-

ции эта территория получила название Колхида. Распространение археологических памятников, по их мнению, свидетельствует о плотности населения на побережье, а в VI в. до н.э. в регионе складывается сильное в политическом и социально-экономическом отношениях государство – Колхидское царство. Эти и другие, связанные с ними обстоятельства, не позволили древнегреческим колонистам превратить свои апойки в обычные для античного мира полисы с соответствующей экономикой, основанной на освоении ближайшей сельской территории, развитых ремеслах, торговле и эксплуатацииaborigenov. Основанные греками Диоскуриада, Фасис и Гюэнос были ориентированы на посредническую торговлю металлом, лесом, льном и другими "природными богатствами" Восточного Причерноморья. Влияние переселенцев было минимальным. Они не смогли "нарушить внутренний путь развития" местного общества или трансформировать его. Их оппоненты (А.И.Болтунова, Ю.Н.-Воронов, Г.Лордкипанидзе) считают, что античная письменная традиция определенно указывает на основание милетянами Диоскуриады и Фасиса. Археологические материа-

* статья подготовлена при поддержке Российской фонда фундаментальных исследований. Гранты №№ 01-06-80158 и 02-06-88000

лы свидетельствуют о том, что это произошло не позднее середины VI в. до н.э. в соответствии с существовавшей практикой выведения колоний. Существование в Фасисе храма Аполлона Гегемона и чеканка серебряной монеты подтверждают, что мы имеем дело с древнегреческим полисом со всеми присущими ему атрибутами. Они упрекают своих грузинских коллег в игнорировании сведений письменных источников и некорректных выводах, основанных на умозрительных конструкциях, не-подкрепленных конкретными данными. Во-первых, античная письменная традиция не сохранила существенных сведений о существовании единого Колхского государства к моменту выведения древнегреческих колоний в регион. Во-вторых, если даже оно имело место, остается неясным, почему это помешало греческим колониям традиционно развиваться¹.

Накопленные на сегодняшний день археологические материалы не свидетельствуют о значительном освоении побережья Сухумской бухты в период, предшествующий древнегреческой колонизации и формированию здесь крупного поселения городского типа. На территории современной Абхазии насчитывается около 20 поселений этого исторического отрезка и такое же количество могильников этого периода, а в окрестностях современного Сухума можно назвать лишь 3-4. При условии, что в каждом поселении находилось около нескольких десятков жилищ, это свидетельствуют о том, что в конце VII – начале VI вв. до н.э. социально-экономическое развитие общества

аборигенов переживает упадок. Об этом, во всяком случае, свидетельствуют сокращение размеров поселений местного населения, числа захоронений в соответствующих им могильниках, а также необъяснимая пока смена погребального обряда. Некоторые поселения, например, в устье р.Моква прекращают свое существование². Мы не исключаем, что подобная ситуация была следствием скифских походов в Малую Азию. С основанием Диоскуриады местное население переживает подъем, который выразился в освоении ближайшей к древнегреческой апойкии территории и в активных экономических отношениях. На V-III вв. до н.э. падает период экономического подъема в 200 км. зоне влияния древнегреческой колонии. Полоса последующего экономического упадка начинает прослеживаться во второй половине II – I вв. до н.э. Археологических свидетельств о существовании сильного местного политического объединения нет. Да и трудно требовать от археологии прямых данных о социально-политической структуре Колхиды этого времени. Комплекс имеющейся информации позволяет осторожно предполагать, что аборигены переживали период перехода от родового строя к раннему государству, который определялся внутренним развитием местного общества и влиянием античной цивилизации. Ситуация неопределенная с решением вопроса о расселении известных из письменных источников племен., в частности, об этом свидетельствует нежелание грузинских коллег видеть генохов в Северной Колхиде.

Археологическая ситуация в районе устья р.Джикумур, где локализуется Гюэнос и вовсе свидетельствует об отсутствии местного населения с конца III – начала II тыс. до н.э. Стремление датировать появление греческого импорта V в. до н.э. было опровергнуто раскопками³ Их результаты подтвердили итоги работ М.М.Иващенко в 1935-1936 гг., согласно которым уже на раннем этапе существования памятника привозная посуда преобладала над местной⁴.

Относительно недавно появилась третья, компромиссная по своему характеру точка зрения Г.Р. Цецхладзе⁵, согласно которой находки ионийской керамики конца VII в. до н.э нельзя рассматривать как свидетельство проникновения ионийцев и основания ими поселений на побережье Колхиды, поскольку этих находок слишком мало. Скорее, по его мнению, речь может идти о торговых контактах аборигенов и греков после колонизации последними южного берега Понта. Согласиться с этим трудно, поскольку степень изученности памятников этого периода на побережье Кавказа оставляет желать лучшего, а используемая выборка археологического материала недостаточно representative для столь категоричных выводов. Древнегреческие переселенцы, по мнению Г.Р.Цецхладзе, лишь в середине VI в. до н.э. смогли основать на Кавказском побережье Черного моря свои полисы, которые в IV в. до н.э., оказавшись в неблагоприятных природно-климатических условиях, были вынуждены изменить свой характер и превратиться в торговые фактории.

Выразилось это в процессе заболачивания приморских равнин, что привело к экономическому кризису греческих полисов, которые ко II в. до н.э. окончательно ослабели или прекратили свое существование. В качестве одного из примеров Г.Р.Цецхладзе привел результаты археологического изучения городища у устья р.Джикумур в районе Очимчиры, которое идентифицируется с Гюэносом. Следует сразу заметить, что у нас нет достаточных оснований для утверждения подобного заключения, в соответствии с которым “жизнь полиса внезапно прерывается” в начале IV в. до н.э. Исследован всего лишь один из трех холмов, на которых располагается городище.

Свою идею Г.Р.Цецхладзе основывает на нескольких свидетельствах античных авторов (Ps.- Hippostr. De aero, 22; Strabo, I, 3,7; XI, 2,17) и результатах отдельных археологических и палеогеографических исследований. В соответствии с ними, сильная заболоченность территории побережья стала проявляться именно с IV в. до н.э. с началом Лазской трансгрессии, во время которой относительный уровень моря поднялся на 4-5 м. К сожалению, нам не удалось найти в работах Г.Р.Цецхладзе ссылки на материалы, содержащие результаты изучения палеогеографического развития региона во второй половине I тыс. до н.э. Однако нам удалось выяснить, что для обоснования своих представлений, скорее была использована палеогеографическая схема Д.В. Церетели⁶, который в середине 60-х

гг. попытался соединить археологическую и геологическую стратиграфию Кавказского побережья. На общем фоне голоценовой трансгрессии им выделялись следы трех регressiveных фаз, разделенных фазисской и лазской трансгрессивными фазами, начало последней из которых (Лазской) он относил к IV в. до н.э.

В этой небольшой заметке мы хотели бы остановиться на палеогеографическом аспекте последней точки зрения, поскольку археологические материалы и письменная традиция неоднократно анализировались, но прежде этого сделать замечание о том, что археологических свидетельств о начале экономического, а затем и социально-политического кризисов древнегреческих колоний, таких как Диоскуриада, Гюенос и Фасис, нет. Скорее наоборот, археологические исследования в окрестностях Диоскуриады (совр. Сухум) свидетельствуют о том, что в "период кризиса" (вторая половина IV – II вв. до н.э.) хора города и количество поселений на ней увеличиваются почти вдвое.⁷

Вопросы хронологии, масштабов и динамики развития Лазской трансгрессии, которой соответствует более известная *нимфейская трансгрессия*, не решены окончательно. Поэтому говорить о подъеме относительного уровня моря в IV в. до н.э. на 4-5 м., как причине экономического кризиса городов побережья, по крайней мере, некорректно. Тем более, строить на этом "аргументе" концепцию эволюции центров античной цивилизации Северо-Восточного Причерноморья.

Перейдем к конкретным палеогеографическим фактам. "Лазская фаза" голоценовой трансгрессии Черного моря была выделена Д.В. Церетели, который отмечая наличие четырех трансгрессивных фаз на общем фоне голоценовой трансгрессии, провел условную датировку этих фаз, используя в ряде случаев археологические материалы. В частности, производя сопоставление отдельных этапов развития голоценовой трансгрессии Черного моря с археологическими эпохами, лазскую трансгрессию он относил к раннему железному веку, фазисскую - к эпохе поздней бронзы, а новочерноморскую - к эпохе ранней бронзы и неолиту. Таким образом, согласно схеме Д.В. Церетели, лазская и фазисская трансгрессивные фазы имели место в интервале времени от 3300—3400 до 2500—2600 л. н., что не подтверждается полученными данными об абсолютном возрасте этих фаз.

Обширный фактический материал по стратиграфии и хронологии позднеголоценовых отложений Колхида позволил внести уточнения в схему Д.В. Церетели Ч.П. Джанелидзе.⁸ В частности, возраст отложений фазисской фазы оказался 7900—8010 лет, т.е. фазисская трансгрессивная фаза имела место не в эпоху поздней бронзы, а в неолите. Новочерноморская трансгрессия - около 4100-3500 л.н., т.е. в эпоху средней бронзы, а *Лазская (нимфейская)* трансгрессия является региональным аналогом нимфейской трансгрессии Черного моря, которая началась в первые века нашей эры и соот-

носится с позднеантической эпохой.

Результаты проведенных в 70-80-е годы геолого-геоморфологических исследований на побережье Западной Грузии позволили существенно детализировать схему палеогеографического развития побережья Колхиды в позднем голоцене.⁹ В частности, возникновение ландшафтов заболоченных низменностей на побережье Колхиды относится к возрастному рубежу около 6 тыс. л.н. при положении относительного уровня моря на 5-6 м ниже современного. В дальнейшем в ходе очередного этапа ускорения трансгрессии, относимого к эпохе средней бронзы (4.0-3.6 тыс. л.н.), относительный уровень моря достигал или даже незначительно превышал его современное положение. К этому периоду относится оформление морфологического и ландшафтного облика побережья, и, в частности, возникновение почти непрерывной полосы береговых валов, окаймляющих Колхидскую низменность и отделяющих от моря обширные лагунно-болотные пространства.

Характерной особенностью трансгрессивной фазы эпохи средней бронзы является относительно высокие темпы повышения уровня, которые согласно существующим оценкам¹⁰ составляли 5-8 мм / год, т.е. около 50-80 см в столетие, что существенно повлияло на условия заселения прибрежных низменностей. Быстрое подтопление обширной прибрежной полосы суши и обусловило отступание поселений эпохи средней бронзы от побережья.¹¹

В середине II тыс. до н.э. подъем уровня замедлился и даже сменился

его некоторым понижением, максимум которого приходится на I тыс. до н.э., о чём, косвенно, свидетельствуют относительно широкое присутствие следов поселений поздней бронзы-раннего железа на поверхности древних береговых валов, окаймляющих Колхидскую низменность.¹²

Согласно широко распространенным представлениям на рубеже эпохи поздней бронзы – раннего железа отмечается регressiveвая (*Фанагорийская*) фаза в изменении уровня Черного моря, ко времени развития которой относится начало древнегреческой колонизации Причерноморья. Однако вопросы о величине относительного понижения уровня, а также динамике изменения положения уровня во времени остаются до настоящего времени дискуссионными. В первую очередь это связано с отсутствием геоморфологических индикаторов более низкого положения уровня, что большин-

Рисунок 1
Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене по материалам Колхидской низменности (по Джанелидзе, 1980). Исторические эпохи: I - энеолита, бронзы; II - ранней; III - средней; IV - поздней; V - раннего железа; VI - античности; VII - средневековья. Климатические периоды голоцена: At - атлантический; Sb - суббореальный; Sa - субатлантический.

ством исследователей связывается с их плохой сохранностью в условиях шельфа Кавказского побережья. Основанные же на косвенных, литологических признаках реконструкции изменения уровня оставляют широкий простор для интерпретаций, что и нашло свое отражение в существующем спектре величин понижения уровня в фанагорийскую регрессию: от 3-х до 13 м. При этом несомненна относительно высокая локальная изменчивость амплитуды понижения уровня за счет неотектонических процессов, которые, например, варьируют от -4 мм/год в районе Поти до 0,5-1,5 мм/год на побережье Абхазии.¹³ В районах интенсивно погружающегося побережья эвстатическая составляющая могла в существенной мере компенсироваться неотектонической, что в целом приводило к сглаживанию эффекта относительного понижения уровня и сравнительно слабое его отражение в ландшафтно-геоморфологическом облике прибрежья. Подобная картина отмечается для большей части Колхидской низменности, где палеоботанические данные изучения прибрежных торфяников свидетельствуют о слабых изменениях условий торфонакопления, связанных с относительно небольшим понижением относительного уровня моря, амплитуды которого оцениваются в 3 - 5 м.¹⁴

Данные об изменениях уровня в период поздней античности (нимфейская трансгрессия) крайне немногочисленны. Результаты исследований на побережье Восточного Причерноморья¹⁵ показывают, что после

регressiveвой фазы I тыс. до н.э. относительный уровень моря вновь приблизился к его современному положению в конце I тыс. н.э. Следует подчеркнуть, что палеогеографические данные свидетельствуют о сравнительно медленном подъеме уровня моря в период поздней античности - раннего средневековья без следов каких-либо резкого изменения в ландшафтно-геоморфологическом облике побережья, которые могли бы оказать влияние на изменение условий освоения прибрежной полосы низменностей. В результате суммарного повышения уровня с начала римского времени и до раннего средневековья оказалась затопленной сравнительно узкая полоса суши, шириной в первые сотни метров. Основным негативным последствием подъема уровня являлась сохранившаяся до настоящего времени тенденция к размыву и отступанию берегов под влиянием подъема уровня, темпы которого могли составлять 1,5-2 м / год.

В рамках проекта, посвященного палеогеографической и исторической реконструкции кавказского побережья Черного моря в античную эпоху, поддержанного РФФИ (грант 01-06-80158) для уточнения археолого-палеогеографической ситуации на побережье Сухумской бухты, нами были получены новые данные по строению толщи прибрежных отложений, предварительное рассмотрение которого позволяет уточнить некоторые вопросы палеогеографии побережья в историческое время.

На прибрежной низменности, занятой современным Сухумом; гео-

логическая ситуация несколько отлична от участков морского побережья Колхидской низменности. Результаты инженерно-геологических исследований верхней части толщи прибрежных отложений показали, что базальные гравийно-гальечные пески, поверхность которых вскрыта на глубинах 6,5-7 м ниже современного уровня моря, перекрываются мощной толщей синих глин с прослойями торфа, возраст которого относится к эпохе средней бронзы. Залегающая над торфом толща "синих глин" отражает доминирование в прибрежной полосе лагунно-болотных условий, существовавших во время трансгрессивной фазы эпохи средней бронзы (первая пол. II тыс. до н.э.). Кровля "синих глин", залегающая на глубинах 0,5-1,0 м ниже современного уровня моря, практически повсеместно в пределах приморской полосы перекрывается культурными остатками ранней античности, что позволило отнести прекращение существования лагунно-болотных условий в пределах современной прибрежной полосы, связанного с относительным понижением уровня моря, к эпохе поздней бронзы, т.е. рубежу II – I тыс. до н.э..

С учетом наибольшей выявленной разведками глубины залегания культурного слоя ранней античности и затопленных остатков южных стен крепостного комплекса Себастополиса величина относительного понижения уровня моря в сер. I тыс. до н.э. может быть оценена в 6-8 м ниже современного. К сожалению, более определенные геологические

данные для реконструкции изменения положения уровня моря в первой половине I тыс. н.э. отсутствуют. Одновременно с этим, присутствие на дне моря затопленных остатков крепостных сооружений римского времени указывает на то, что подтопление прибрежной полосы в ходе нимфейской фазы трансгрессии приходится на вторую половину I тыс. н.э., что согласуется с геологическими данными, полученными по району п-ва Пицунда.¹⁶

Таким образом результаты геологических исследований побережья Восточного Причерноморья показывают, что надводные береговые образования, соотносимые с "нимфейской стадией" голоценовой трансгрессии, имеют абсолютный возраст около 1,3-1,5 лет назад (калиброванные даты – XII-XIII столетия), что определяет возрастной рубеж, когда относительный уровень моря приблизился к его современному положению. Исходя из этих данных, можно сделать два основных вывода, касающихся палеоэкологических последствий лазской (нимфейской трансгрессии). Во-первых, при подобных пространственно-возрастных границах этой трансгрессивной фазы, средняя скорость повышения уровня моря (даже с учетом тектонического погружения) едва ли превышала 1 мм/год, т.е. ни в кое мере не может рассматриваться как катастрофическая. Во-вторых, относительный уровень моря приблизился к его современному положению лишь в пост-античную эпоху, поэтому основные негативные последствия подъема уровня на прибреж-

ной полосе (подтопление прибрежных низменных территорий, размыв берегов и т.п.) начали проявляться в раннесредневековое время и вряд ли могут быть приняты во внимание при рассмотрение палеоэкологической ситуации в эпоху античности. Косвенным подтверждением этого может служить результаты археологических исследований в прибрежной полосе современного г. Сухуми, проведенных М.М. Трапешем и показавших отсутствие следов воздействия моря в последова-

тельности культурных слоев по-зней античности.¹⁷

Таким образом, рассмотренные кратко основные результаты палеогеографического изучения побережья Колхидской низменности в античную эпоху не дают оснований для обоснования предположений о резком (негативном) изменении геоэкологической ситуации на побережье, связанной с развитием одной из трансгрессивных фаз ("лазской", "нимфейской") в изменении уровня Черного моря в историческое время.

Примечания

1. См. "Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1981"; Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981 и др.
2. Квирикелия Г.Т. Очамчире и его окружение в VIII-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси. 1981.
3. Шамба С.М. Гюэнос. Тбилиси. 1988.
4. Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии // Изв. НИИК, 1935. вып.3.
5. Цецхладзе Г.Р. Греки в Колхиде (экономические и культурные взаимоотношения в VI- II вв. до н.э. Автореф. Диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 1993, Он же. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. I. VI-начало V вв. до н.э. // ВДИ, 1997, № 2, С.100-116.
6. Церетели Д.В. Плеистоценовые отложения Грузии. Тбилиси. Мецниереба. 1966.
7. Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М.: "Наука". 1980, 128 с.
8. Джанелидзе Ч.П. Палеогеография Грузии в голоцене. Тбилиси. "Мецниереба". 1980.
9. Джанелидзе Ч.П. Регулирование осадконакопления и рельефообразования в пределах приморской части Колхидской низменности. Тбилиси, ОИ ГрузНИИНТИ, 1989.
10. Dzhanelidze Ch.P., Meladze F.G., Russo G.E., Sakvarelidze V.V. Formation of Kolchida shore during sea-level rise // Coastline of Black Sea: Coastline of the World. Eds. O.Magoor and R. Kos'yan. Middle Town, Ca.: ASCE. 1993. p. 187-193.
11. Микеладзе Т.К., Барамида М.В. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек // Археологические исследований на новостройках Грузии. Тбилиси. "Мецниереба". 1976. с.95-101.
12. Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум. Из-во "Алашара". 2000.
13. Никонов А.А., Энман С.В., Мишин А.В. Современные вертикальные движения земной коры на побережьях Черного и Азовского морей (по уровнемерным данным) // ДАН. 1997, т. 357, № 6. С. 818-822.
14. Джанелидзе Ч.П. К палеогеографии Колхидской низменности в голоцене // Четвертичная система Грузии. Тбилиси. "Мецниереба". 1975. с. 25-32.
15. Балабанов И.П., Измайлов Я.А. Изменение уровня и гидрохимического режима Черного и Азовского морей за последние 20 тысяч лет // Водные ресурсы. 1988. № 6. с. 54-62.

-
16. Балабанов И.П., Гей Н.А. История развития Пицундской лагуны в среднем и позднем голоцене / / Палинология плейстоцена и голоцена. Л. Изд. ЛГУ. 1981. с.78-87).
  17. Трапш М.М. Древний Сухуми / / Труды в 4-х томах. Т.2. Сухуми. 1969.

В.А.Горончаровский

КОМАНДНАЯ СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ БОСПОРСКОЙ АРМИИ В I-III ВВ. Н.Э.

Боспорское царство первых веков нашей эры предстает перед нами как военизированное государство, ориентированное, главным образом, на успешную организацию защиты и нападения относительно соседских варварских племен. Чтобы успешно противостоять им, нужно было, прежде всего, воспринять или творчески переработать военные новшества, родившиеся в мире кочевников евразийских степей. В то же время в военном отношении Боспор во многом унаследовал опыт эллинистических монархий, дополнив его отдельными достижениями римлян.

Несомненно, главой боспорской армии, как и в предшествующий период, считался сам царь, и она была для него главным инструментом поддержания власти. Возможно, как высший воинский ранг на Боспоре этого времени следует рассматривать должность, именовавшуюся '*ο'επί της βασιλείας*' (КБН № 36, 58, 628, 1051, 1134, 1249), и трактовать ее как обозначение командования царским войском в пределах столицы и прилегающей к ней области.¹ Во всяком случае, в списке членов привилегированного фиаса судовладельцев-навальеров из Горгиппии конца II - начала III вв. сначала упоминается '*ο'επί της βασιλείας*' Афинодор, сын Селевка, а затем уже наместник Горгиппии (КБН № 1134). Последняя должность должна была сочетаться с широкими военными полномочиями,²

как и подобные ей, связанные со своим рода военно-административными округами - «наместник Феодосии», «начальник острова», «начальник аспургиан», «пресбевт» (в значении, близком римскому «легат» времен Империи, т.е. самостоятельный наместник или военачальник) Танаиса.

Помимо упомянутых лиц, облеченных доверием монарха, командная структура армии включала ряд известных нам должностей, традиционных для эллинистических армий. Так хилиархом мог именоваться крупный военный чин, аналогичный римскому трибуну,³ или командир царской гвардии. Скорее всего, начальниками значительных воинских соединений были упоминающиеся в надписях стратеги. Значимость этой должности на Боспоре подтверждается выделением в I в. н. э. на антикапейском некрополе для лиц, занимавших ее, специального участка под названием «Стратегон» (КБН № 827). Кроме того, две посвятительные надписи, относящиеся ко времени правления царей Асандра и Котиса II, поставлены от имени лиц, занимавших должность наварха — командующего флотом (КБН № 30, 33).

Все перечисленные должности относятся к сфере высшего командования, точную картину иерархии которого трудно представить. Нельзя до конца исключить и возможность того, что титул стратега могли носить также и крупные чиновники,

занятые в гражданской сфере.⁴ Во всяком случае, круг людей такого рода, занимавших высшие придворные и военные посты, был не так уж велик. Известны и менее значимые должности, например, в одной из пантикопейских надписей упоминается спирарх Гаттиан (КБН № 263). Этот термин, видимо, обозначал командира пехотного отряда в 600 воинов, равного по численности римской когорте. Примечательно, что войско, набранное Митридатом VI Евпатором на Боспоре в 63 г. до н. э., состояло из шестидесяти отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr. 87). Возможно, именно с этого времени спира, созданная по образцу когорты римскими перебежчиками, стала основной тактической единицей боспорской армии.⁵ Наконец, существовала и должность лохага (КБН № 36, 1000, 1051, 1136, 1179, 1231, 1251а), функции которого до конца неясны. Видимо, лохаги были командирами отдельных небольших отрядов в составе армии, подчинявшихся непосредственно стратегам без каких-либо промежуточных инстанций.⁶ Скорее всего, постоянной численности такие отряды не имели: все зависело от количества воинов, набиравшихся по территориально-административному принципу.⁷

Как именно формировалась боспорская армия, мы можем только догадываться. В свое время В. Д. Блаватский предположил, что, как и в сарматском обществе, все свободное мужское население Боспорского царства было связано с военной службой,⁸ но насколько обоснована эта гипотеза? Можно утверждать

только одно: по крайней мере, часть населения царства была связана с его военной организацией, и вооружение воина в данном случае зависело от уровня его благосостояния.

Несомненно, определенную долю боспорского войска составляли воины-профессионалы, получавшие постоянное жалованье. Частью это были наемники иноземного происхождения, что было обычной практикой вассальных по отношению к Риму правителей. Так, на погребении иудейского царя Ирода Великого в траурном шествии “сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов”, а затем уже все остальное войско (Ios. Fl. Ant. Jud. XVII, 8, 3). Представляется вероятным, что в этот период и на Боспоре этнический состав наемников был примерно таким же, конечно, при некоторой доле выходцев из соседних варварских, прежде всего сарматских племен. У Аппиана в описании событий, связанных со смертью Митридата VI Евпатора в 63 г. до н. э., упоминается начальник галлов Битоит (App. Mithr. 111). Вряд ли его отряд был распущен, когда на трон взошел новый царь. Изготовленные в пантикопейских мастерских терракоты конца II в. до н. э. — I в. н. э., воспроизводят образы воина-галата или воина в варварском одеянии со своего рода этнической эмблемой — большим овальным щитом — тюреосом.⁹ Для него характерны такие особенности, как выпуклая поверхность, вытянутый умбон с рельефным ребром по длинной оси и валик по краю.¹⁰ Это предполагает довольно хорошее знаком-

ство жителей боспорских городов с их владельцами.

Как свидетельство наличия в столице отряда фракийских наемников можно рассматривать грекоязычную эпитафию Диза, сына Бифия (II в. н. э.), где сказано, что он был κεντυπίον'ο και πρίνκιψ Фракийской спиры (КБН № 666). В свое время это считалось свидетельством временного пребывания на Боспоре римских войск и, в частности V Фракийской когорты.¹¹ Но, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, этот человек не имел римского гражданства, и прожил на Боспоре довольно длительное время. Дополнительным указанием на принадлежность фракийской спиры к боспорской армии¹² служит упоминание о ней в одной из пока еще не изданных пантиканейских надписей в перечне этапов воинской карьеры честуемого лица из окружения царя Савромата I.¹³

Должность, указанная в эпитафии, обычно переводилась как «центурион и начальник отряда фракийцев», но тогда непонятно почему Диза не называют просто спиархом, да и достаточно скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Не исключено, что κεντυπίον'ο και πρίνκιψ - это просто греческая «калька» с латинского centurio prīspers. Так именовали командира одной из вторых по старшинству центурий в когорте, носивших название центурии принципов. В данном случае указание на статус центуриона позволяет предполагать, что бос-

порские подразделения, созданные по римскому образцу, дублировали соответствующую организационную структуру.¹⁴ В III-IV вв., судя по ряду пантиканейских надписей, название этой должности существует в сокращенном, но, тем не менее, всем понятном варианте - πλίνκιψ=πρίνκιπος (КБН № 35, 744, 811).¹⁵

Общую численность наемных контингентов в составе боспорского войска определить невозможно. В конечном итоге она определялась объемом отпускаемых на их содержание денежных средств. Впрочем, финансовые возможности Боспора, даже в лучшие времена, в период его первого расцвета в IV в. до н. э., не простирались далее содержания 4 тыс. наемных воинов.¹⁶ Условно эту цифру можно принять за основу и для римского времени. В данном отношении вполне сопоставимо количество воинских сил, выделенных для поддержания порядка на северном побережье Понта при императоре Нероне, – 3 тыс. солдат (Jos. Fl. Bell. Jud. II. 16.3).

Отборная часть боспорских воинов, судя по всему, несла постоянную военную службу при дворе. В случае военных действий это элитное подразделение, по-видимому, выступало как конный корпус типа «агемы», отряда конницы численностью в тысячу человек, в войске Селевкидов.¹⁷ Когда Фарнак потерпел поражение от Юлия Цезаря в битве при Зеле (47 г. до н. э.), он прибыл в Синопу именно с тысячью всадников, а затем вместе с этим воинами вернулся на Боспор (App. Mithr. 120), что позволяет рассматри-

вать их как отряд царской гвардии. Видимо, со времени правления Аспурга на особом положении в составе гвардии находились представители родственных правящей династии аспуриан.¹⁸

Часть постоянного войска была рассеяна по гарнизонам городов и, вероятно, подчинялась наместникам соответствующих военно-административных округов. В случае развертывания масштабных военных действий в состав вооруженных сил Боспора могли включаться военные поселенцы, набиравшиеся среди сельского населения или соседних варварских племен. В таком случае их размещали в заново отстроенных или возведенных от основания крепостях и предоставляли прилегающие земельные угодья, размежеванные на отдельные участки. Подобная практика широко применялась в эллинистических государствах, обеспечивая их внушительный военный потенциал, и часто сопровождалась отменой на определенный период налогов с урожая и плодов земли.¹⁹ Возможно, поселенцы получали также оружие и прочее военное снаряжение. В свою очередь они были обязаны нести сторожевую службу, держать под контролем дороги, участвовать в подавлении внутренних волнений или отражении нападений извне. Постоянных расходов из казны такие воинские подразделения не требовали. Конечно, в случае войны они могли получать подарки и, наверняка, имели долю в добыче. Успешное завершение боевых действий также, видимо, отмечалось денежными раздачами. Таким образом,

военные поселения, созданные в приграничных районах на направлениях возможных вражеских вторжений, избавляли боспорских царей от необходимости содержать здесь большую армию прикрытия.

Вторая, более многочисленная часть резерва, это граждане боспорских городов. Роль их в обороне государства возросла, очевидно, в связи с усилением элементов городского самоуправления при Митридате VI Евпаторе, а затем, уже со времени императора Августа, в противовес власти боспорских царей. В этом отношении чрезвычайно интересен фанагорийский декрет 88/87 гг. до н. э. о предоставлении гражданства иноземным наемникам "за то, что они достаточно продолжительное время несли службу вместе с нами". Привилегии даются им "на том условии, чтобы они не платили ни причитающиеся общественные сборы, ни плату за квартирование, ни дополнительную плату, будучи свободными от всех чрезвычайных взносов и от любого рода повинностей, кроме всеобщего набора в войско...".²⁰ Упомянутая здесь практика всеобщего набора в войско объясняет обилие изображений воинов на боспорских надгробиях. Из ряда эпитафий становится ясно, что военная служба вовсе не была основной профессией погребенного. Наиболее характерным примером в данном отношении является найденное в Керчи надгробие I в. н. э., воздвигнутое на могиле тратоника, сына Зенона. В верхнем рельфе надгробия он изображен в длинном гиматии, со свитком в руке, а на нижнем - он же выступа-

ет в виде конного воина.²¹ На правом боку всадника лук «гуннского» типа и колчан для стрел, на правом бедре — кинжал с кольцевидным навершием. В надписи под рельефом говорится: «Храня и мудрость и дивный характер, погиб ты, Стратоник, оставил слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, будущие века узнают из книг твою прелестную мудрость.» (КБН № 145). Таким образом, Стратоник, писатель или философ, тем не менее, нес военную службу, когда его, вероятно, и настигла смерть.

При общей численности населения около 80–90 тыс. человек боспорские города могли выставить гражданское ополчение не менее 14 тыс. воинов. Возможно, с командованием военным отрядом горожан связана должность политарха, фигурирующая в ряде надписей. В любом случае военный аспект этой должности определенно вытекает из найденной в Фанагории надписи 179 г. на стеле Агафуса, сына прежнего начальника острова Сакла. Надгробная надпись упоминает его как «хорошо управлявшего в прошлые времена канцелярией, а затем ставшего доблестным политархом и превосходным лохагом вследствие своего исключительного благомыслия по отношению к владыкам-царям» (КБН № 1000). Отметим также несомненно военный аспект должности статега граждан²² Зенона, сына Дада от имени которого в Танайсе была поставлена посвятительная надпись, повествующая о победах царя Свромата II (КБН № 1237). Таким об-

разом, можно полагать, что и преемники Митридата VI, и представители династии Тибериев-Юлиев вполне терпимо относились к наличию в полисах своего гражданского ополчения и традиций военной подготовки граждан, чтобы в случае необходимости использовать их в собственных интересах.

Помимо граждан боспорских городов, в ряде случаев могли привлекаться и военные силы подчиненных Боспору племен — синдов, меотов, дандариев, тарпетов, торетов, песссов и танайтов, перечисление которых дается в двух надписях периода правления царя Аспурга (КБН № 39, 40). Для некоторых из них, например, синдов можно предположить прямое управление царя через своих наместников, для других — сохранение племенных вождей. По крайней мере, в отношении дандариев это известно точно (Тас. Апп. XII. 15). В любом случае, племена, включенные в состав Боспорского государства, очевидно, должны были выставлять воинские контингенты по первому требованию. При аналогичной ситуации в царстве Селевкидов туземные войска составляли около половины численности всей армии.²³

Возможно, для этнических общин жестко инкорпорированных в структуру Боспорского царства, использовалась уже упомянутая командная структура. В частности, из одной пантиканейской надписи нам известен стратег тикандитов Дама, сын Гая. Правда, этот этоним более нигде неизвестен. Немецкий ученый Г. Кизерицкий предполагал здесь ошибку резчика и

предлагал читать “ликандитов” от Lykandos — названия области в Малой Азии.²⁴ Данное предположение, впрочем, не объясняет, как этот стратег мог оказаться столь далеко от своей родины, разве что в роли командира наемников.

Кроме того, мы знаем примеры привлечения на сторону Боспора военных сил соседних племен. Так, по сообщению Страбона, в период правления на Боспоре Фарнака, царь сираков Абеак выставил 20 тысяч всадников (Strabo XI, 5, 8).²⁵ Кстати, та же цифра фигурирует у Лукиана, где говорится о военных действиях, предпринятых боспорским царем, в которых принимают участие всенародное ополчение гре-

ков и призванные на помощь аланы и сарматы в количестве по 20 тысяч от каждого племени (Luc. Tox. 54). Такие союзы, носившие, безусловно, достаточно временный характер, могли достигаться либо путем дипломатических браков, либо посредством богатых даров.

Такая система военной организации царства оказалась удивительно жизнестойкой даже в смутные для Римской империи годы, когда Боспор был предоставлен сам себе. Все же она не была рассчитана на отражение значительных воинских масс противника, что показали события времени готских походов третьей четверти III в. н.э.

Примечания

- Сидоренко В.А. Высшие воинские должности на Боспоре во II - начале IV вв. н.э. (по материалам эпиграфики) // Боспорские исследования. 2001. Вып. I. С. 137-138.
- Управление какой-либо областью и ранее сочеталось на Боспоре с попечением о вооруженной силе: см. Isoogr. Trapetz.. 3.
- Cр.: IPE, I^o, № 404.
- Алексеева Е.М. Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2. С. 75.
- Ср.: Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М. 1990. С. 144.
- Lammert F. Λοχαγός // RE. Bd. XIII. Hbhd. 25 (1926). Sp. 945.
- Нефедкин А.К. Развитие древнегреческого лоха // Para bellum. Военно-историческое обозрение. 1998. № 5. С. 24-31.
- Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1954. С. 141-142.
- Пругло В.И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М. 1966. С. 205 сл. Рис. I.
- Там же. Рис. 2.
- Cichorius C. Cohors // RE. 1901. IV. 277; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л. 1949. С. 334; Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М. 1979. С. 39.
- В последнее время многие исследователи склоняются к мнению, что это именно боспорское воинское формирование: см. Крыкин С.М. Фракийцы в Северном Причерноморье. М. 1993. С. 239; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К. 1998. С. 84-85; Сапрыкин С.Ю. Неопубликованная эпитафия из Горгиппии // ВДИ. 2001. № I. С. 191.
- Vinogradov J.G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast. The Caucasus and Central Asia (1985-1990) // Ancient Civilizations. 1994. Vol. I. No. I. P. 74.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К. 1998. С. 84.

15. Ср.: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. 1976. С. 810, где одно из значений *princeps* - «центурион (командир) принципов».
16. Diod. XX. 22; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953. С. 202 сл.
17. Secunda N. *The Seleucid Army*. Stockport. 1994. Р. 22.
18. Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. 2000. Вып. 3. С. 57; его же. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 234.
19. Ср., напр.: Ios. Fl. Ant. Jud. XVII. 2. 1.
20. Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 16.
21. Гайдукевич. Ук. соч. С. 385 сл. Рис. 64.
22. Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб. 1909. С. 126.
23. Secunda N. Op. cit. Р. 12.
24. Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin. 1909. S. 107.
25. Численность выставленного аорсами войска — 200 тысяч всадников, указанная в том же пассаже Страбона, конечно, неоправданно завышена и может служить лишь относительным показателем больших потенциальных возможностей этого племени в военном отношении.

В.Н. Зинько

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ IV В. ДО Н.Э. НА ХОРЕ НИМФЕЯ

К началу IV в. до н.э. хора боспорского города Нимфей представляла собой значительную прибрежную территорию (около 50 кв. км) с естественными границами в виде больших глубоких обводненных балок. Сельские поселения располагались, как правило, по периметру, а в глубине находились сельскохозяйственные угодья различного назначения¹. Зинько, 1998, с.89 Открытые в результате раскопок на некоторых поселениях (Героевка-1, Героевка-2, Южно-Чурубашское, Огоньки-1, Тобечик-9) строительные остатки дают определенное представление о нескольких типах жилых построек IV в. до н.э. нимфейской хоры, которые как правило соответствуют различным формам зависимости и отражают сложную структуру населения хоры².

И.Т. Кругликовой на поселении Героевка-1 были исследованы остатки двух небольших наземных сырцово-каменных домов IV в. до н.э.³. Дом № 1 располагался в восточной части раскопа I и состоял из двух смежных помещений, примыкающих к общей северной стене. Уцелело лишь одно восточное помещение, площадь которого была не менее 12 кв. м. На полу этого помещения была черепиная вымостка. От западного помещения сохранилась часть вымостки из каменных плит. С юга к дому примыкал хозяйственный дворик с двумя большими зерновыми ямами. Дом №

2 находился в пяти метрах к западу от первого. Трудно сказать каковы были план и размеры этого дома. Сохранилась часть каменной вымостки хозяйственного двора. Над частью двора возможно был устроен навес, об этом свидетельствуют остатки глинянитной прямоугольной печи, примыкающей к восточной стене дома⁴. Обе эти постройки были по мнению исследовательницы разрушены в IV в. до н.э.⁵.

Еще один жилой дом IV в. до н.э. раскопан И.Т. Кругликовой на Южно-Чурубашском поселении. Этот дом состоял из двух смежных помещений, примыкающих к общей северной стене и имел черепичную крышу (рис.1). Вход в него вел с юга через восточное помещение, площадь которого составляла 16 кв. метров. В этом помещении имелась каменная лежанка длиной 3,17 м, сооруженная из двух рядов поставленных на ребро камней, перекрытых плитами, и пристроенная к ней загородка, образующая нечто вроде ларя. Аналогичное каменное сооружение примыкало также к северной стене западного помещения, площадь которого была 13 кв. метров. Пол в обоих помещениях был частично земляной, частично вымощен плитами. Южнее дома находился мощеный дворик. С южной стороны перед входом в дом располагалась небольшая крытая галерея. Следует особо отметить, что территория так

называемого двора не подвергалась раскопкам и судить о всем комплексе построек невозможно.

В 2001 г. в 50 м к югу от этого дома мной были начаты раскопки еще одной постройки. Это большой сырцово-каменный дом вероятно состоял из трех помещений, пристроенных с юга к общей северной стене (рис.2). Эта стена и ориентирует основную ось комплекса в направлении ЮВ-СЗ и открыта на протяжении около 20 метров, при толщине до 0,7 м. Стены постройки сохранились на различную высоту каменной кладки – однослойной постелистой иррегулярной, при этом в их конструкции выделялись фундамент и цоколь. В ходе зачисток внутренних частей помещений были выявлены их конструктивные особенности и организация пространства. Внутренняя

часть помещения № 1 (восточного) в плане близка к квадрату со сторонами 3,9-4 м по оси С-Ю и 3,6-3,8 м по линии В-З. Таким образом, общая площадь этой части помещения составила около 15 кв. м. В западном окончании южной стены находился дверной проем шириной 0,8 м. Здесь зачищена столбовая ямка от двери диаметром 0,1 м и глубиной 0,15 м, обрамленная небольшими вкопанными в глинобитный пол камнями. Пол помещения был глинобитный. У северной и восточной фрагментарно сохранились лежанки, которые соединялись между собой в северо-восточном углу помещения. Лежанка № 1 (северная) имела длину 2,5 м при первоначальной ширине 0,8-0,9 м. По ее краю с уровня пола прослежены 14 круглых в плане ямок диаметром 0,05-0,08 м и глубиной до 0,15 м, которые были сделаны для установки кольев для поддержки поставленных вертикально сырцовых кирпичей обрамлявших торец сооружения. Лежанка № 2 (восточная) сохранилась лучше северной. Она прослежена в длину на 2,9 м при ширине 0,45 м. Перед лежанкой выявлено три столбовые отверстия, два из которых находились возле сохранившимся *in situ* торцовом подпорном камне. К южному краю лежанки примыкал очаг, который занимал юго-восточный угол помещения. Очаг был обрамлен крупными необработанными камнями плитняка и имел глинняный под. В полу помещения № 1 расчищены еще четыре столбовые ямки диаметром 0,12 м и глубиной до 0,2 м. В плане помещения они образуют ромбовидную фигуру длиной

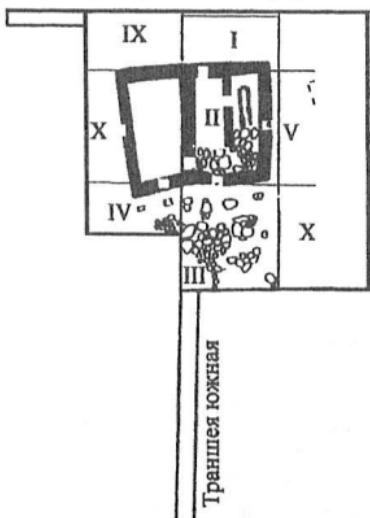

Рисунок 1

План дома на Южно-Чурубашском поселении (Раскоп III И.Т.Кругликовой)

(по осевой линии помещения) 1,8 м и шириной 1,2 м. Вероятно, они поддерживали столбовую конструкцию окна дымохода для очага, топившегося "по черному".

К югу от южной стены с входным проемом находился участок постройки длиной 1,6 м, при ширине междустенного пространства около 3,6 м, подобный пронаосу в домах с антами, или небольшой галерее, при постадном плане постройки. Пол этой части помещения № 1 был земляной с небольшими участками вымостки из необработанных известняковых плиток небольших размеров.

С запада к помещению № 1 примыкало помещение № 2. Его протяженность с востока на запад составило 7,8 метров, а с севера на юг 5,1 м. Стены помещения сохранились на высоту до 0,7 м при толщине кладки до 0,7 м. В южной стене, на расстоянии 3,8 м к западу от внешнего юго-восточного угла, был выявлен участок стены, являющийся, вероятно, порогом. Он аккуратно выложен из плоских камней известняка в длину на 1,1 м и несколько "утоплен" внутрь пространства помещения за линию фасада. Пол помещения № 2 был земляной, а в центральной части прослежены фрагменты каменной вымостки из необработанных камней известняка плоской формы. У северной стены фрагментарно сохранилась печь. В ходе раскопок над остатками печи были найдены фрагменты печины с отпечатками тонких ветвей или камыша.

Под развалом свода печи был найден железный наконечник плуга (рис.3). Рядом с печью были найде-

ны четыре глиняных грузила для ткацкого станка. Юго-восточный внутренний угол помещения № 2 был огражден тремя крупными "дикарными" камнями известняка, уложенным в виде сегмента дуги, отделяющий пространство площадью чуть более 1 кв.м. В 0,4 м от юго-западного окончания этого ларя находился очаг, размерами 0,8x0,9 м, пристроенный к южной стене помещения. В центральной части помещения № 2 располагалась каменная конструкция (рис.4) в виде прямоугольного подиума (1,3 x 0,95 м), ориентированного по длинной оси по линии запад-восток и возвышавшегося над уровнем пола на 0,25 м. Он выполнен из бутовых камней небольших размеров и его внутренняя часть была перекрыта такими же бутовыми камнями. В 0,2 м к северо-востоку от северо-западного угла подиума была защищена верхняя часть вкопанного в пол обработанного камня с П-образным с торцовой стороны жело-

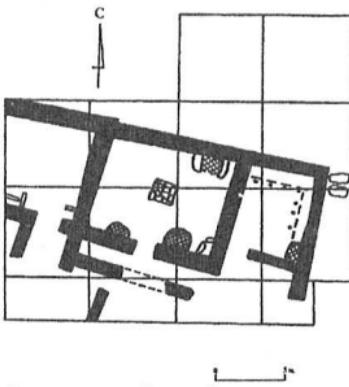

Рисунок 2
План жилищно-хозяйственного комплекса на Южно-Чурбашском поселении (Раскопки 2001-2002 гг.)

бом.

При расчистке помещения № 2 непосредственно на уровне пола в юго-западной части была найдена раздавленная и сильно обгоревшая синопская амфора без горла, а также фрагмент венчика с ручкой другой синопской амфоры. На ручке сохранилось клеймо датируемое 310-300 гг. до н.э. В целом, учитывая конструктивные элементы помещения № 2 можно говорить о его производственном назначении.

Далее к западу располагалось помещение № 3, площадью более 30 кв. м. Северная стена на участке этого помещения достигает толщины до 0,8 м. В южной стене помещения № 3 расчищен порог прямоугольной

формы вытянутый по длинной оси на 0,62 м в направлении СЗ-ЮВ. Непосредственно с него в помещение вели две ступеньки, сложенные из необработанных прямоугольных плоских известняковых камней. В северо-восточном углу помещения находилась каменная вымостка площадью более 5 кв. м, в то время как остальной пол помещения оставался глинистым.

Керамика найденная при зачистке уровня пола представлена фрагментами амфор (86,3%): синопских, фасосских, гераклейских, хиосских и иных центров. Среди них были выявлены: два синопских клейма, датируемых 320-310 гг. до н.э. и 365 гг. до н.э.; круглое рельефное клеймо, на ручке амфоры неизвестного центра

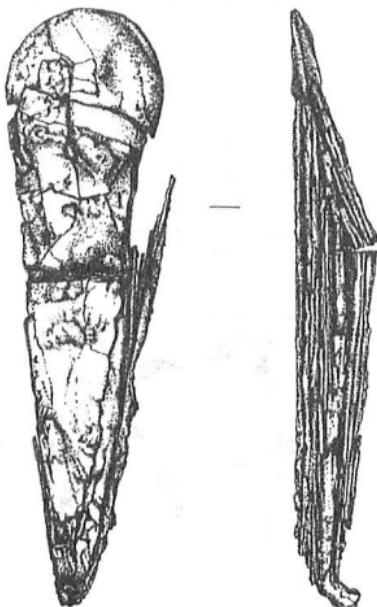

Рисунок 3
Железный наарльник из помещения
№ 2

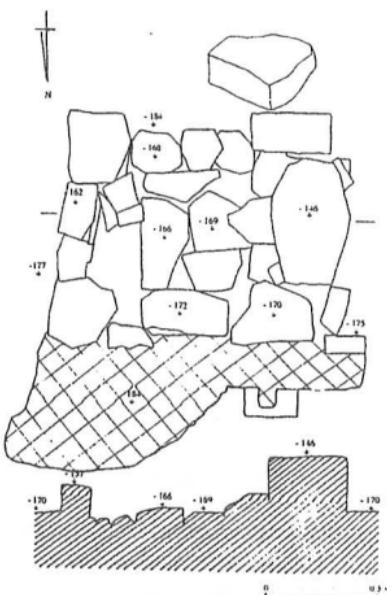

Рисунок 4
Каменная конструкция в помещении № 2

и небольшой фрагмент гераклейского клейма. Особо следует отметить находки нескольких фрагментов двухствольных ручек и венчика коских амфор. Среди кружальной посуды: фрагменты кувшинов, мисок, рыбных блюд, а также отдельные фрагменты чернолаковой расписной кеармики. Все они могут быть датированы второй половиной IV в. до н.э.

С южной стороны к дому примыкал хозяйственный двор, частично вымощенный плоскими известняковыми камнями, здесь же расчищены фрагменты стен небольших хозяйственных пристроек.

Находки из помещений представлены отдельными фрагментами амфор (среди которых есть синопсике и гераклейские клейма), простой кружальной посуды и чернола-

ковых кубков (рис.5). Особо следует отметить - алабастровый флакон и бронзовую пантиканейскую монету с головой юного сатира вправо и протомой летящего пегаса, датируемой около 340-330 гг. до н.э.⁶. Отсутствие каких-либо предметов быта в слоях разрушения свидетельствуют о том, что постройка была покинута после вывоза имевшегося там имущества и более не возобновляла своего существования. Это разрушение можно датировать последней четвертью IV в. до н.э. Иной тип жилойстройки - большая сельская усадьба

был исследован на поселении Героевка-1 В.И. Горончаровским⁷. В первой четверти IV в. до н.э. здесь ооружается укрепленная усадьба с внешней стеной толщиной 1,4 м и длиной около 37 м, с угловой северо-западной ба-

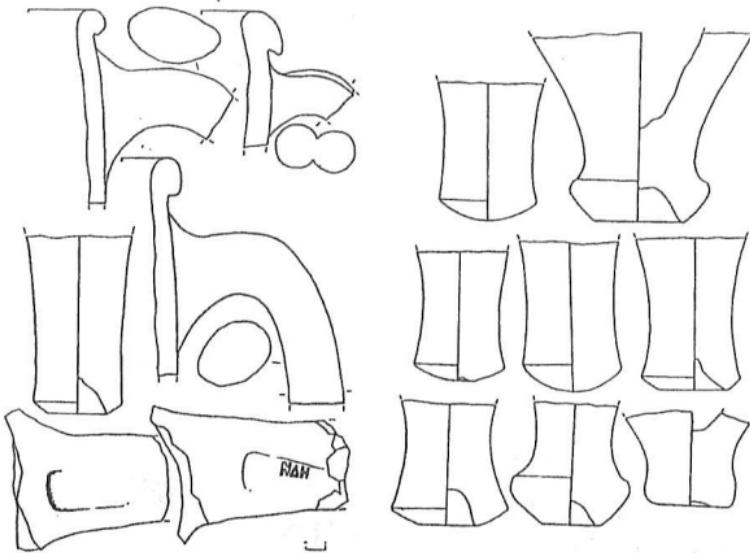

Рисунок 5

Амфорная керамика из жилищно-хозяйственного комплекса Южно-Чурубашского поселения

шней (внутренние размеры 3 x 2,8 м, толщина стен - 1,7 м). Центром планировки усадьбы был двор, вокруг по периметру вероятно располагались помещения. Сохранились три помещения по 12 кв. м (рис.6). В западной части двора усадьбы на площади 120 кв. м обнаружены остатки вымостки, а также две ямки от столбов, поддерживавших навес, шириной 3,5 вдоль этой стороны двора⁸. Усадьба просуществовала до середины IV в. до н.э.

Часть большой усадьбы IV-начала III вв. до н.э. были раскопаны Д.С. Кирилиным на поселении Огоньки-1 в 1964-65 гг. На раскопе № I им были выявлены каменные кладки трех помещений, а также остатки каменной вымостки двора⁹. К сожалению, не значительные размеры раскопа не позволили выявить всю планировку этого строительного комплекса, а также более детальную хронологию.

Остатки большой каменной постройки были обследованы подводным отрядом нашей экспедиции в 1995 г. в прибрежной части поселения Героевка-2. На глубинах от 2 до 3,5 м выявлены развали камней, среди которых находились и большие обрабо-

танные блоки, а также отдельные фрагменты черепиц¹⁰. Следует упомянуть находки значительного количества фрагментов боспорских черепиц и фрагмент архитектурной терракоты в мусорных свалках третьей четверти IV в. до н.э., обнаруженных в западной части поселения Героевка-2. Наряду с наземными каменными домами на хоре Нимфея открыты и жилищные комплексы состоящие из землянок. На уже упоминавшемся поселении Героевка-2 в центральной части раскопанного участка исследованы в 1994 г. две землянки¹¹. Жилая землянка (рис.7) представляла собой четырехугольную в плане постройку ориентированную по линии север-юг с заглублением до 2,3 м от уровня материкового суглинка. Размеры сохранившейся части землянки составили 6,5 x 5,5 м. Восточная, очевидно меньшая часть разрушена береговой абразией. Западный и южный борта котлована были укреплены глиниобитной стенкой, шириной 0,5 м. Стенка имела каменный цоколь, высотой 0,8 м, сложенный по двухслойной однолицевой постелистой системе кладки. Стены и пол землянки были покрыты глиняной

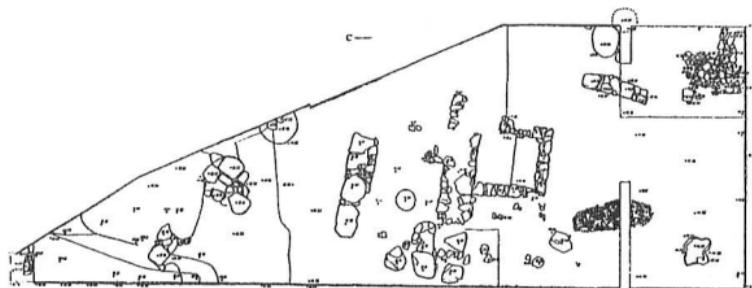

Рисунок 6
Остатки усадьбы с башней на поселении Героевка-1

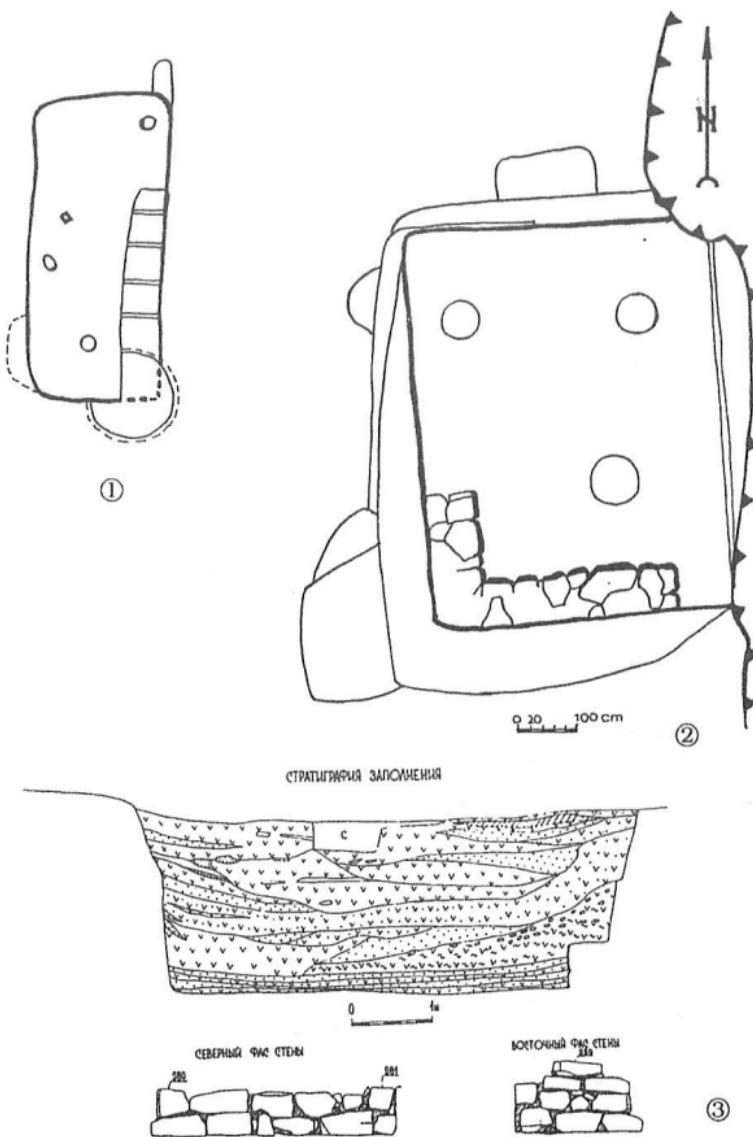
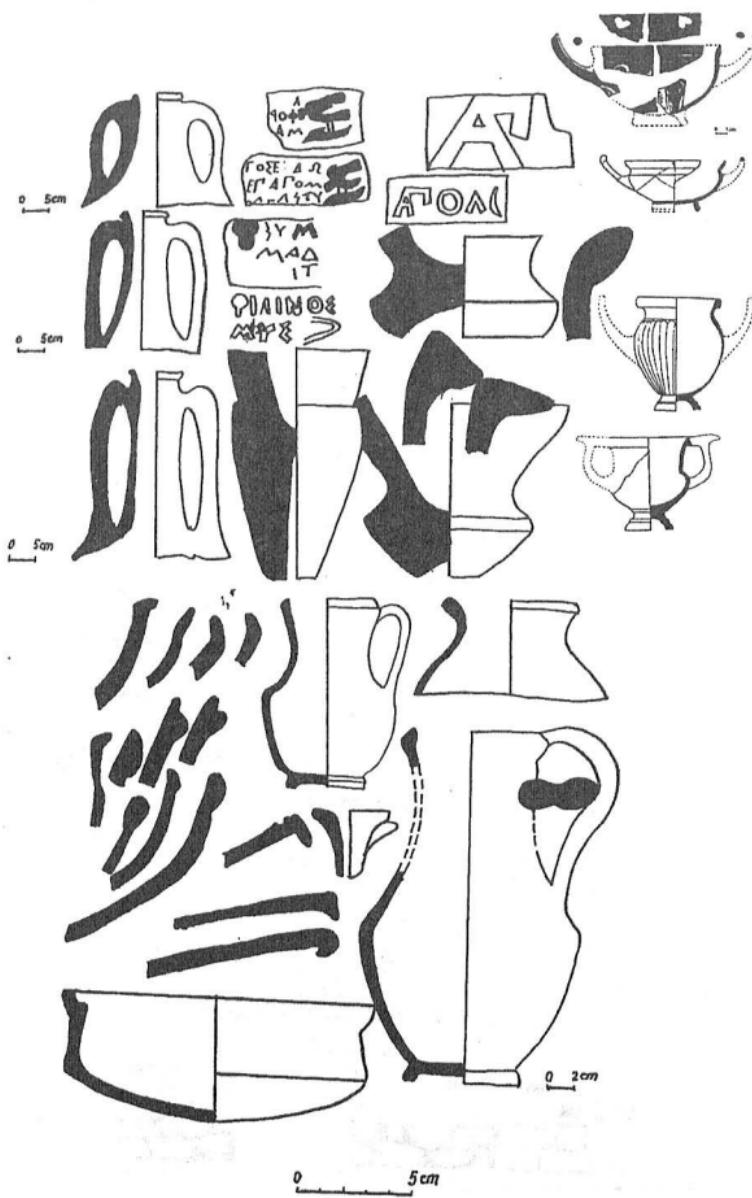

Рисунок 7

Землянки на поселении Героевка-2

Керамика с поселения Героевка-2

Рисунок 8

обмазкой, которая неоднократно подновлялась. В результате этого мощность наслоений обмазок пола и прослоек бытового мусора между ними достигала 0,5 м. На уровне первого пола землянки были выявлены два места для установки переносных жаровен. В полу землянки также были обнаружены три ямки, служившие для установки опор кровли. Вход в постройку находился в ее северной части и был устроен за счет внутреннего пространства землянки. Но для удобства и безопасности людей, спускавшихся в жилище, первая верхняя ступень шириной 0,5 м была вырезана в северном борту котлована. Ширина входа могла достигать 1 м.

Судя по составу и характеру заполнения, землянка не была засыпана в один прием, а в течение ряда лет служила в качестве приемника мусора. В заполнении найдено большое количество вещественных материалов (рис.8), в основном фрагментов хиосских, гераклейских, фасосских, синопских, херсонесских и прочих амфор. Многие амфоры были клейменными. Фрагменты черепиц были в основном боспорского производства. Посуда была представлена обломками лепных, простых красно- и сероглиняных кружальных, а также чернолаковых сосудов. Последние являлись фрагментированными аттическими киликами, канфарами, чашами, рыбными блюдами. Как показывает анализ всего комплекса находок из заполнения этой землянки, время ее функционирования - вторая - начало третьей четверти IV в. до н.э., Использование котлована сооруже-

ния в качестве мусорной свалки могло закончиться не позднее третьей четверти IV в. до н.э.

В 4,3 м к западу от жилой землянки располагалась еще одна, вероятно, хозяйственная. Она также была ориентирована длинной осью по линии север-юг, имела прямоугольную

форму и размеры 5,5x2,5 м. Глубина котлована составляла 1,2 м от уровня материкового суглинка. Го борта были вертикальными и обмазаны глиной. Глиняной обмазкой было покрыто и дно котлована, в котором обнаружены четыре углубления. Внутрь землянки вела пятиступенчатая лестница, шириной 0,64 м, вырезанная в материковом суглинке вдоль восточного борта котлована. В северо-восточном углу землянки найдены двенадцать фрагментированных амфор. В заполнении землянки выявлены фрагменты черепиц боспорского и синопского производства, кухонной и столовой посуды. В составе последней - много фрагментов чернолаковых аттических канфаров и тарелочек. Следует отметить также фрагментированную терракотовую статуэтку Аттиса, бронзовый перстень с резным изображением на щитке и свинцовую гирю.

В нескольких метрах к северу от землянок, располагалось пять хозяйственных ям, а с юго-запада эти сооружения были ограничены длинной канавой для сброса нечистот из расположившегося к западу коровника.

На основании имеющихся археологических материалов в сельском домостроительстве хоры Нимфея в IV в. до н.э. можно выделить следующие типы жилищ: отдельно стоящие

двух-трех камерные дома, большие усадьбы с внутренним хозяйственным двором, землянки.

Отдельно стоящие дома имели небольшую площадь около 30-40 кв.м и состояли в основном из двух смежных помещений. С юга к ним примыкал хозяйственный двор на котором располагались небольшие хозяйственные постройки. Для домов Южно-Чурубашского поселения характерно наличие перед входом крытой галереи. Планировка

усадеб, вероятно, была сходной усадьбам открытых в Андреевке Южной¹² и близ Мирмекия¹³. Жилые землянки имеют определенные сходные черты с землянками поселения Госпиталь близ Пантика пея¹⁴ (рис.6). По всей видимости, в этих постройках проживало население различного имущественного достатка. Все это дает основание говорить о значительной социальной стратификации жителей хоры Нимфея в IV в. до н.э.

Примечания

1. Зинько В.Н. Хора Нимфея в VI-IV вв. до н.э. // Древности Боспора. Москва, 1998. С.89.
2. Щеглов А.Н. О структуре населения хоры Херсонеса и Боспора в IV-II вв. до н.э. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов к научной конференции. Ленинград, 1973. С.85-88.
3. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. Москва, 1975. С.43-45.
4. Там же. С.44.
5. Там же. С.45.
6. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 3. С.112.
7. Горончаровский В.А. Новые данные для изучения боспорской хоры в VI-II вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1991. С.23-24.
8. Горончаровский В.А. О полевых исследованиях Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // Археологічні дослідження в Україні в 1991 році. Луцьк, 1993. С.23.
9. Кирилин Д.С. Археологические исследования Ортельской экспедиции Керченского музея в 1965 г. (район Тобечикского озера) // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Секция "Античная археология". Тезисы докладов. Москва, 1966.
10. Scholl T. and V. Zin'ko. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warszawa, 1999. P.97.
11. Zin'ko V. Geroevka-2. Frural settlement in the chora of Nymphaion (Ancient period). // Archeologia, XLVII, 1996, Warszawa, 1997. P.85-88.
12. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. Москва, 1975. С.82-88.
13. Зинько В.Н. Античное сельское поселение близ Мирмекия // Археология и история Боспора. Вып. III. Керчь, 1999.
14. Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ, вып. VI, Симферополь, 1996. Рис.6. С.14-15.

М.И.Золотарев

ПОРТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В КАРАНТИННОЙ БУХТЕ

Во всем многообразии проблем изучения классических древностей есть несколько направлений, которые составляют круг коренных вопросов изучения античности. Одним из таких направлений исследований является изучение различных аспектов древнего мореплавания как главного элемента системы древнегреческих коммуникаций. Это направление включает в себя изучение развития кораблестроения у древних греков, выяснения системы мероприятий по обеспечению безопасности мореплавания в древности, включая и правовой аспект, проведение борьбы с пиратством, совершенствование знаний по навигации и каблевождению, обустройство гаваней и пр. Последнее направление являлось предметом особенно пристального внимания древних греков. Хорошо обустроенный порт был залогом надежной защиты кораблей, местом, где можно было качественно отремонтировать суда после долгих и тяжелых плаваний и подготовить их к новым морским переходам. Порт был местом перевалки и хранения различных грузов, в том числе и продуктов питания, от которых зачастую зависела жизнь всего населения полиса. Очень часто хорошо обустроенный порт становился основным опорным элементом не только успешного развития, но и процветания экономики полиса. Не

случайно Ксенофонт пишет, что при выборе места для создания нового полиса географические условия местности должны отвечать трем обязательным условиям: быть удобными для сооружения оборонительной стены, защищающей городской центр, обладать в округе плодородной землей для создания и успешного развития собственной сельскохозяйственной территории (хоры), и иметь удобную гавань (Хен., Апаб., VI, 4, 3-6). Район нынешней Карантинной бухты на Гераклейском полуострове, где был основан Херсонес, полностью отвечал этим трем условиям.

Рассмотрим теперь в самых общих чертах, в каком состоянии находится сейчас в херсонесской археологии изучение этих трех необходимых важнейших элементов для успешного развития полиса, которые специально отмечал один из основоположников древнегреческой исторической мысли.

Археологическими работами последних лет в юго-восточном районе Херсонеса удалось установить, что древнейшая оборонительная стена была возведена херсонеситами еще во второй половине V века до н.э., ближе к последней его трети¹. Мы полагаем, что незначительный экономический потенциал, которым обладал основанный в конце VI в. до н.э. небольшой Херсонесский полис, только и позволил на первых порах

небогатой городской общине, сконцентрировав все возможности, возвести лишь к этому времени столь необходимые городу для защиты от варваров оборонительные сооружения². Не исключено, что у херсонеситов в первые десятилетия своего существования на берегу Таврики для проведения всестороннего обустройства жизни молодой апойкии ни на что иное не хватало ни материальных, ни людских ресурсов. Из множества жизненно важных проблем, стоявших перед городской общиной, приходилось выбирать для выполнения самые первостепенные задачи, без которых невозможно было сохранить жизнь полиса. На первых порах такой задачей было сооружение оборонительных стен, что и было совершено в Юго-восточной части города только в заключительные десятилетия V века до н.э. После этого прошло более столетия, прежде чем к концу IV в. до н.э окончательно сформировалась в Херсонесе отвечающая требованиям античной политики система оборонительных сооружений³.

При создании Херсонесского полиса выбранное место полностью соответствовало второму обязательному условию Ксенофonta – наличие в округе нового полиса плодородной земли, на которой должна была быть создана его хора. Земли Гераклейского полуострова окружающие столицу Херсонесского государства, становятся его ближней хорой, успешно эксплуатируемой херсонеситами весь античный период. К ним со временем были присоединены и прибрежные земли Северо-западного

Крыма, которые становятся дальней херсонесской хорой. Эти два земледельческих региона составили со временем единую структуру херсонесской хоры, ставшей основой его экономического процветания в классический период.

Расположение нового полиса отвечало и третьей рекомендации греческого мыслителя. Поселение было устроено на берегу очень удобной бухты, по берегам которой можно было создать хорошую гавань. Вскоре после основания полиса был сооружен херсонесский порт, который очень быстро становится не только одним из самых известных на Понте, но и основным источником получения доходов для жителей молодого полиса. Удачное расположение Херсонеса Таврического на пересечении основных торговых путей, давало возможность херсонеситам получать значительный доход за счет пошлины от эксплуатации херсонесских портовых сооружений в транзитной морской торговле.

Итак, при основании в 528 г. до н.э. Херсонеса Таврического⁴, гераклеотами были полностью учтены условия, которым (по мнению Ксенофonta) должна была отвечать местность, выбранная для создания нового полиса.

Состояние изучения памятников, которые можно считать реальным воплощением в Херсонесе Таврическом "ксенофонтовых рекомендаций" различно. Вся вторая половина прошлого столетия ознаменовалась целым рядом важнейших открытий на хоре Херсонеса. Современное состояние исследования па-

мятников херсонесской хоры таково, что ставят их изучение чуть ли не на ведущее место в мире. Едва ли сегодня можно назвать еще один регион античной ойкумены, в котором так широкомасштабно, комплексно и объемно исследуются памятники сельской округи античного города⁵.

Оборонительные сооружения херсонесской крепости давно привлекают взгляды исследователей. Раскопанные на рубеже XIX-XX столетий К.К.Косцюшко-Валюжиничем эти удивляющие своей сохранностью памятники античного оборонного зодчества стали предметом многочисленных исследований, в том числе и монографических, принадлежащих перу А.Л.Бертье-Делагарда, К.Э.Гриневича, И.А.Антоновой и др⁶.

Что же касается портовых сооружений Херсонеса, то состояние наших знаний о них оставляет пока еще много белых пятен. Точно известно только место расположения гавани античного города – берег Карантинной бухты. Несколько причин обусловили такое плохое изучение древних портовых сооружений. Прежде всего, современное состояние уровня Черного моря относительно античного времени увеличилось в нашем регионе на 3,5-4 м, из-за чего практически все сооружения античной херсонесской гавани сейчас находятся на дне бухты. Исследовать их традиционными методами полевой археологии невозможно. Предпринятые неоднократные попытки провести подводные археологические работы в акватории Карантинной бухте реальных ощутимых результатов тоже не дали. В 1960 г.

экспедиция под руководством В.Д.Блаватского открыла на дне бухты каменные кладки, интерпретированные как остатки средневекового городского квартала⁷ или поселка ремесленников⁸. Несколько годами позднее группа спортсменов-аквалангистов из г.Харькова провела небольшие разведочные работы дна Карантинной бухты⁹. Любителями подводного плавания были визуально зафиксированы на небольшой глубине остатки кладок, которые предположительно были определены археологами как остатки средневекового пирса и оборонительных сооружений Херсонеса¹⁰. Этими подводными археологическими работами ограничивается перечень попыток исследования сооружений херсонесской гавани¹¹.

Анализ результатов перечисленных выше работ показывает, что применение методов подводной археологии как и традиционных методов полевой археологии при исследовании района расположения портовых сооружений древнего Херсонеса принципиально новой научной информации не дает. Очень мощные иловые отложения как природного, так и антропогенного характера перекрывают остатки древних портовых сооружений. Кроме того, как правило, не учитывались изменения очертания античной береговой линии от современной, произошедшие в связи с колебанием уровня моря и тектоническими процессами, происходящими в исторический период. Необходимо было искать новые методические приемы исследований и технологии поиска, которые бы дали воз-

можность как можно полнее исследовать остатки портовых сооружений, которые находились не только на дне бухты, но и были перекрыты мощным слоем плотного слежавшегося ила. Таким новым методом исследования стал геоакустический поиск в районе предполагаемых сооружений херсонесской гавани.

Первой и главной задачей стало выполнение реконструкции древней береговой линии Каратинной бухты античного времени. Для осуществления поставленной задачи был выбран и применен на практике метод звуковой геолокации, впервые предложенный и проверенный в отечественной археологии Е.В.Дубровым и К.К.Шиликом¹². Нами была проведена специальная геоакусти-

ческая съемка акватории Каратинной бухты. Очень кратко в тезисной форме результаты этих исследований были опубликованы¹³. Несмотря на то, что со времени проведения этих работ прошло около двух десятилетий, полученные результаты по сей день представляют значительный научный интерес. На описании проведения этих работ и интерпретации полученных результатов мы и остановимся ниже.

Специально для выполнения поставленной задачи инженером Э.Ионесом был разработан и создан портативный ультразвуковой импульсный гидролокатор с минимально возможной начальной глубиной поиска от 40 см (рис.1). Основные параметры прибора следующие:

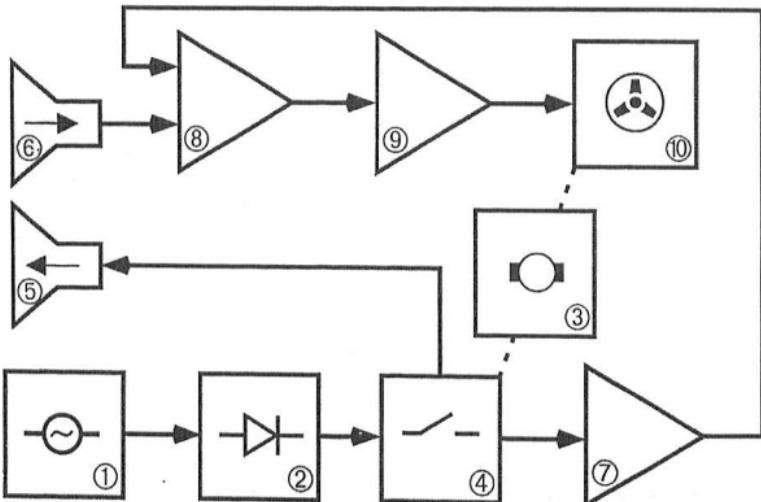

Рисунок 1

Блок-схема ультразвукового гидролокатора: 1 - генератор; 2 - высоковольтный выпрямитель; 3 - электропривод манипулятора и регистратора; 4 - манипулятор (прерыватель); 5 - акустическая передающая антенна; 6 - акустическая приемная антенна; 7 - каскад временной автоматической регулировки усиления; 8 - предусилитель; 9 - усилитель мощности; 10 - регистратор сигналов

Рабочая частота	19,5 кгц
Частота импульсов	480 имп/мин
Электрическая энергия импульса	0,5 дж
Напряжение генератора	1000 в
Длительность импульса	0,1 м/сек
Диапазон глубин, измеряемые прибором	
(I)	0,5–25 м
(II)	5–50 м
Мертвая зона	0,5 м
Разрешающая способность	0,2 м
Запись показаний	электроискровая (на электротермическую бумагу)
Скорость протяжки бумаги	1,15 м/час
Электроакустические преобразователи	раздельные, магнито- стрикционные, цилиндрические, с конус- ными отража- телями
Питание прибора	не менее 12 в постоянного тока (от аккумулятора ем- костью не ме- нее 10 а/ч)
Вес прибора	10 кг
Вес преобразователей	15 кг
Вес аккумулятора	от 5 кг

Прибор был установлен на лодку, скорость которой при работе составляла до 6 км/час. Движение лодки осуществлялось по створам, определенным на берегу. Для жесткой привязки полученных на эхограммах значений глубин с направлением движения лодки, была осуществленная точная геодезическая фиксация направлений ее курсов. С этой целью по берегу была проложена базовая линия, перпендикулярно которой с интервалом в 5 м были отмечены направления галсов. В этих точках устанавливается теодолит, по которому

геодезист управляет движением лодки, постоянно координируя точность соблюдения направления галсов. Направления движения лодки были нанесены на план и в соответствии с этим графическим планом галсов осуществлялась вся система привязки полученных результатов съемки (Рис.2). За два года натураных работ было совершено 105 галсов и снято столько же геодезически привязанных показаний прибора. Этот методический прием исследования успешно применяется как в подводной археологии¹⁴, так и при обследовании морского дна с помощью различных приборов¹⁵. Попутно отметим, что произведенная нами аппаратная съемка дна с графической фиксацией ее результатов в таком крупном масштабе для археологических задач была выполнена впервые.

Исследование проводилось путем записи эхограмм во время движения лодки. Каждому галсу лодки принадлежала определенная эхограмма. Значения глубин зафиксированных прибором наносились на план в соответствии с соответствующим галсом. Кроме того, для проверки и уточнения показаний прибора было совершено несколько контрольных проходов лодки, пересекавших всю систему галсов и сопоставлены глубины, отмеченные прибором дважды, но в разное время в точках пересечения галсов. Эти значения глубин оказались одинаковыми. Все точки с одинаковым значением глубин на плане были соединены кривыми, являвшимися линиями равных глубин (изобатами). В результате была получена крупномасштабная карта

рельефа дна западного берега Кантинной бухты с изобатами через 0,5м (Рис.3).

На полученной карте дна достаточно четко различаются две затопленные ныне древние террасы. Первая расположена около 70-75м от современного уреза воды, а вторая – 110-115м. Остановимся на анализе первой террасы, т.к. вторая терраса хронологически не связана с античным периодом, а происхождение ее на много веков предшествует

существовавшему здесь древнему Херсонесу.

Наименьшее удаление интересующей нас террасы от современного уреза воды отмечается на 25-30 м, и наибольшее – 75-80 м. Она хорошо различима как на карте, так и в натуре. Мы полагаем, что именно край этой террасы является древней береговой линией времени существования античного Херсонеса. При этом бухта была значительно меньше, а очертания берегов выглядели в древ-

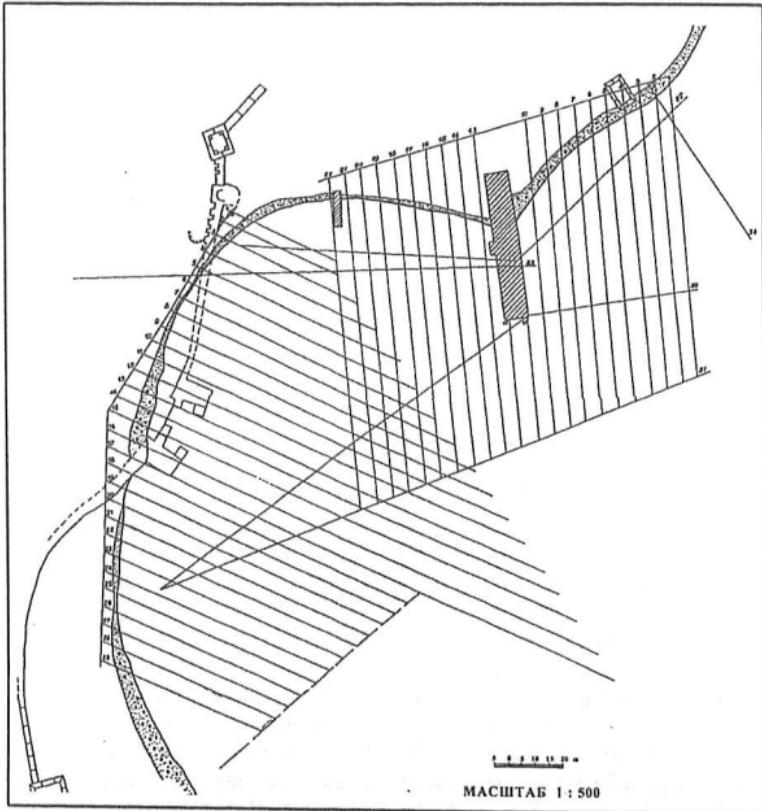

Рисунок 2

Схема галсов движения лодки

ности несколько иначе, чем в настоящее время (Рис.4). В центральной части берега бухты располагался вытянутый с севера на юг на 65-70м рукав, шириной 50-55м. Этот рукав являлся продолжением устья неширокой, но достаточно глубокой балки, явившейся в далекой древности одним из рукавов разветвленного устья многокилометровой Караантинной балки, прорезавшей почти весь Гераклейский полуостров. Эта балка вполне могла быть руслом древней реки, однако к моменту основания Херсонеса здесь не только не существовало никакой реки, но и ее прежнее русло было уже почти пол-

ностью занесено наносным грунтом¹⁶. Анализ результатов геологического бурения и сейсмические исследования методом переломленных волн, проведенные на месте расположения древней балки в юго-восточной части Херсонеса¹⁷, позволяют нам так реконструировать древний рельеф с большой степенью обоснованности.

Глубина расположения интересующей нас древней террасы 3,5-4 м. от современного уровня моря. Иными словами, древний берег Караантинной бухты античного времени в настоящее момент затоплен морем. Но в результате чего произошло это за-

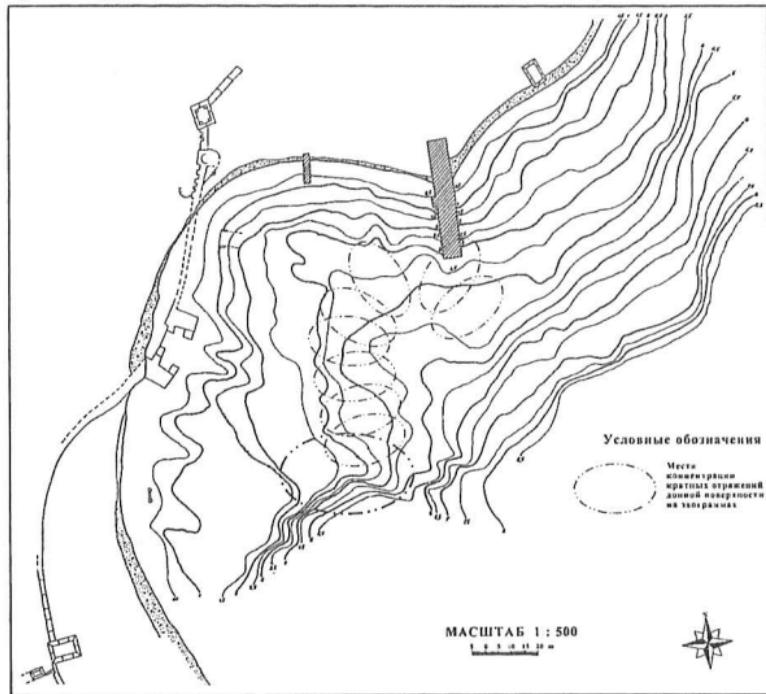
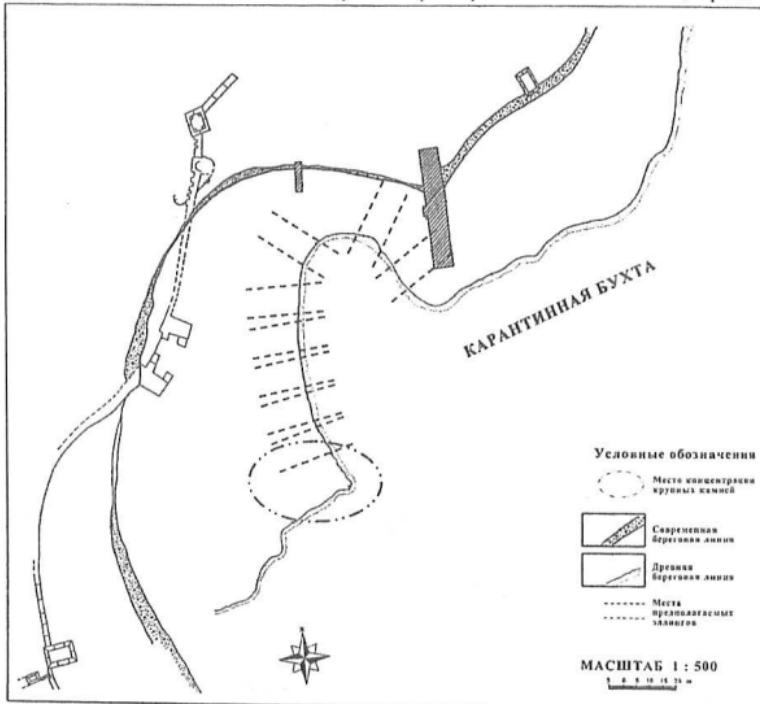

Рисунок 3

Карта современного рельефа дна у западного берега Караантинной бухты

топление? Геоморфологи, занимающиеся изучением уровня мирового океана в целом и Черного моря как его составной части, давно отмечают происходящие изменения уровня на различных отрезках исторического периода. Сведенияне воедино принадлежащие различным авторам графики колебания уровня моря показывают, что все они имеют общую тенденцию в системе изменчивости¹⁸. Самый общий анализ графиков дает возможность сделать следующие выводы¹⁹. На время Великой греческой колонизации уровень Черного моря был на 3,5-4 м ниже его современного положения (Рис.5). Такое состояние водных масс сохранилось, по крайней мере, весь античный период. Затем происходит резкий скачок в сторону повышения уровня моря, которое столь же резко понижается к началу второго тысячелетия новой эры и достигает отметки уровня даже ниже современного положения. Вслед за этим начинается плавное повышение уровня моря до его современного состояния. Необходимо отметить, что по данным долговременных наблюдений за уровненными изменениями моря в районе Севастополя, проис-

Рисунок 4
Реконструкция древней береговой линии западного берега Карантинной бухты и портовых сооружений античного Херсонеса

ходит ежегодное повышение уровня до 2 мм в год²⁰. Это поднятие уровня моря и привело к тому, что была затоплена древняя терраса. За прошедшие тысячу лет с начала поднятия уровня водных масс сформировались современные очертания берегов всей акватории бухты района Севастополя, в том числе и Караантинной бухты, а ее берега античного времени оказались в настоящий момент под водой.

Итак, полученная карта древних очертаний Караантинной бухты дает возможность говорить, что в антич-

ные времена бухта напоминала вытянутый неширокий залив. На крайней точке древнего южного берега этого залива прибор зафиксировал на дне скопление крупных обработанных камней. Оно хорошо различалось на эхограммах как записи повторяющихся параллельных основной линии 3-4x кратных отраженных линий. Аналогичная повышенная отраженная способность дна была отмечена еще на 27 эхограммах, при этом эти аномалии, чередуясь через равные отрезки, располагались по направлению вглубь залива почти

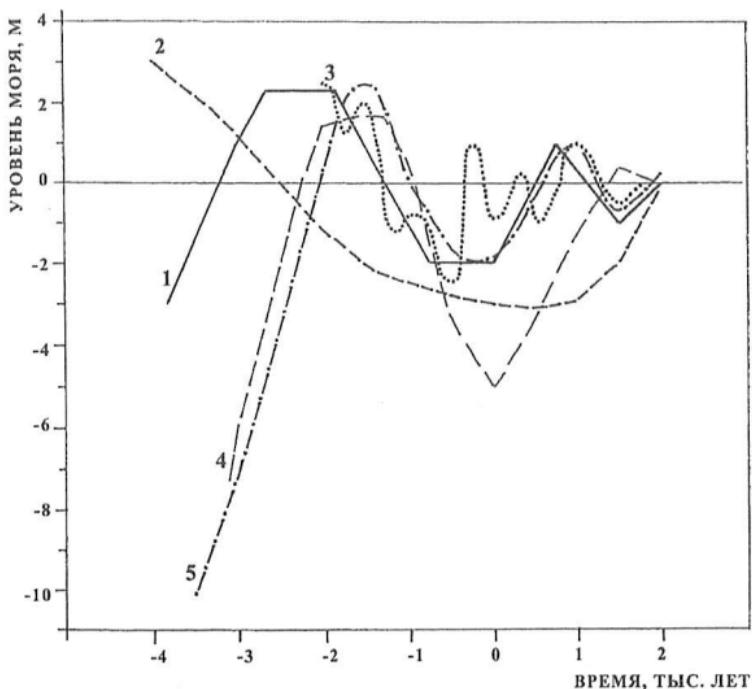

Рисунок 5

Колебание уровня Черного моря в исторический период: 1 – (по П.В.Федорову, 1959); 2 – (по Н.С.Благоволину и А.Н.Щеглову, 1968); 3 – кривая Р.Фейрбриджа (по Ю.А.Богданову и др., 1978); 4 – (по Н.С.Благоволину, 1976); 5 – (по С.И.Варущенко, 1975)

строго на северо-запад к городским кварталам. Такое отражение на эхограммах могли дать либо очень плотный грунт (камень, скала), либо остатки каменных построек. Эти участки имеют протяженность 5-7 м и по глубине не отличаются от прилегающих участков дна. В строго определенных отдельных местах кратные отражения резко прерываются, что свидетельствует о наличии своего рода "провалах" в плотном грунте (скале или камне). В расположении этих "провалов" прослеживается определенная закономерность. Так как по глубинам они не отличаются, то, скорее всего, заполнены более мягким, чем скала грунтом. Все эти данные дают возможность утверждать, что аномальные участки дна с повышенным отражением являются следами человеческой деятельности.

Для получения дополнительной информации и более объективных выводов об аномальных участках дна они были специально визуально исследованы аквалангистами. Оказалось, что в самой отдаленной точке древнего южного берега бухты на площади около 20м² хаотично разбросаны довольно крупные и доста-

точно хорошо обработанные прямоугольные известняковые блоки. Они почти полностью занесены илом и покрыты водорослями. Сейчас сложно говорить о том, с каким древним сооружением могли быть связаны эти блоки. Наиболее вероятным нам представляется, что они были в кладке древней оборонительной башни (а может быть и примыкающей к ней оборонительной стены?), которая фланкировала на этом участке систему обороны античной херсонесской крепости. Позднее эти сооружения были упразднены и от них в настоящий момент сохранились лишь отдельные лежащие на дне камни. Они-то и были зафиксированы прибором, а затем осмотрены аквалангистами.

Аквалангисты провели визуальное обследование и остальных аномальных мест донной поверхности, которые были выявлены по показаниям прибора. Этими аномалиями оказались прорубленные в скальном грунте правильные прямоугольные сооружения, шириной 5-7м. каждое и отстоящие одно от другого на 1-1,2м. Они располагались параллельно друг другу у древнего уреза воды

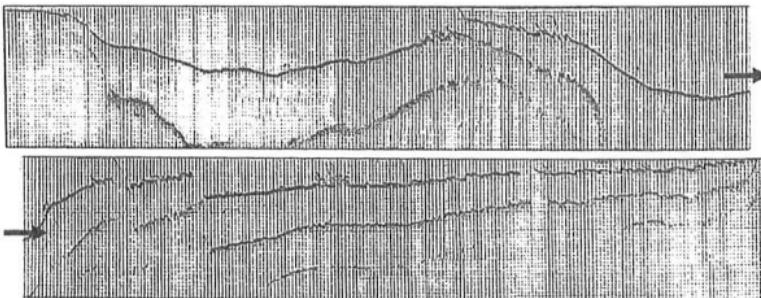

Рисунок 6
Эхограммы показаний гидролокатора (образцы)

на древнем берегу по оси север-юг каждое. Всего у южного берега древнего залива по направлению к его устью было расположено 10-12 таких скальных сооружения. Они были заполнены очень плотным слежалым илистым грунтом. Аквалангисты предприняли попытки металлическим щупом обозначить на донной поверхности эти скальные выработы и нанести их на план. Однако выполнить эту задачу полностью не удалось. Илистое заполнение скальных выработов было весьма плотным и очень часто щуп в грунт не шел. Плотный слежалый характер грунтовых иловых отложений не позволяет надеяться на успех применения специального оборудования для размыва или отсоса грунта. Это должны быть довольно мощные насосы или помпы т.к. необходимо удалять очень плотный грунт. В свою очередь это грозит опасностью вместе с удаляемым грунтом полностью уничтожить то немногое, что осталось от древних сооружений на дне Караантинной бухты. Пока приходится ограничиваться только той информацией, которая у нас имеется.

Мы полагаем, что прямоугольные скальные сооружения являются специально построенные херсонеситами древние эллинги для стоянки кораблей. Конструктивно эти эллинги были, очевидно, устроены так, что корабли по скальной наклонной плоскости вытаскивались на берег и здесь могли не только ремонтироваться, но и зимовать. В таком случае можно предположить, что это были своего рода ремонтные верфи древней херсонесской гавани. Заме-

тили, что очень близкие по конструкции портовые сооружения были обнаружены еще в XIX веке в гавани античного Фасиса²¹. Аналогичные херсонесским ангары или эллинги для стоянки кораблей исследованы при раскопках древнего порта на о. Родос²². На Родосе они лучше сохранились и были сооружены несколько иначе, чем в Херсонесе. Наклонные аппараты для вытаскивания кораблей на сушу на Родосе были сложены из тесанных каменных блоков, а не рубились в скале как это было в Херсонесе²³. Но конструктивное назначение фасосских и родосских портовых сооружений тоже, что и херсонесских – это древние эллинги или хорошо оборудованные портовые корабельные стоянки. Трудно говорить о времени создания открытых нами портовых сооружений херсонесской гавани. Однако логичнее всего предполагать, что мы имеем дело с сооружениями античной эпохи.

Подведем итоги. В результате проведенных исследований акватории Караантинной бухты был проведен на практике метод геоакустического исследования древних сооружений, расположенных в настоящий момент на дне. Отработана методика подобных исследований. Установлено, что в результате поднятия уровня моря древняя береговая линия античного времени расположена сейчас на глубине 3,5-5м. Составлена карта древних очертаний берегов Караантинной бухты, на которой четко прослеживаются размеры бухты и устанавливается, что в древности бухта была намного меньше современ-
ной.

менной. Здесь располагался порт античного Херсонеса. У древнего берега бухты геолокатором зафиксированы и визуально обследованы на дне прямоугольные подрубки в скале, которые интерпретируются нами как эллинги для стоянки древних судов. Таким образом, мы полагаем, что нами не только определено место расположение порта античного Херсонеса, но и открыты портовые сооружения херсонесской гавани. Эти портовые сооружения были надежно защищены, вероятно, оборонительной стеной и завершающей ее

фланговой башней, остатки которых также обнаружены в процессе наших геоакустических работ в Карапинной бухте. В завершении отметим, что древние сооружения на дне бухты находятся в таком состоянии, что они визуально совершенно не прослеживаются. Такое состояние исследованных нами памятников на дне бухты лишний раз подтверждает необходимость использования метода геолокации в тех случаях, когда невозможно применение традиционных приемов полевой и подводной археологии.

Примечания

1. Золотарев М.И. К хронологии Юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического // Фортификация в древности и средневековье. СПб, 1995. С.49-50.
2. Zolotarev M.I. Chersonesus Tauricos. The foundation and development of polis. Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Ed. by D.V. Grammenos - E.K. Petropoulos V.I, Thessaloniki, 2003. P. 606-607.
3. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб, вып. VII, Севастополь, 1966. С. 109.
4. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. М. 1999. С.91-129.
5. Carter J., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine// American Journal of Archaeology, 2000, vol.104, №4. P.707-741; Щеглов А.Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
6. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // Известия Археологической комиссии, вып.21. СПб, 1907; Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. ХСб, вып. I, Севастополь, 1926, ХСб, вып. II. Севастополь, 1927; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки. ХСб, вып VII, Севастополь, 1996. С.101-131.
7. Блаватский В.Д. Подводные археологические исследования на Северных берегах Понта в 1957-1962 гг // Античная археология и история М. 1985, С.170.
8. Блаватский В.Д. Подводные археологические работы в Северной части Черного моря // Античная археология и история М. 1985. С.224.
9. Вишневский В.И., Войцена В.С., Ранюк Ю.И. Три года подводных исследований в Херсонесе // Научно-практический семинар "Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья". Тезисы докладов. Запорожье, 1987. С.22-23.
10. Кадеев В.И. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964-1965 гг // Морские подводные исследования АН СССР. М., 1969. С.342-353.
11. Назаров В.В. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины. Киев, 2003. С.81-83.
12. Дубров Е.Ф., Шилник К.К. Применение метода звуковой геолокации для поисков и исследования объектов, погребенных грунтами на дне водоемов // Археология и

- естественные науки. МИА, вып. 129. М., 1965. С.279-281.
13. Золотарев М.И., Ионес Э.Б. Геоакустические работы в портовой части Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. С.19-22.
14. Блаватский В.Д. Техника подводных археологических работ // Археология и естественные науки. МИА, вып. 129. М., 1965. С.268-278.
15. Tassev V. Side Scan Sonar Survey of Underwater Archaeological Sites // *Thracia Pontica*, V, Sozopol, 1991. С.303-316.
16. Тальвег древней балки проходил, по всей вероятности, в районе расположения оборонительных башен XV и XVI¹. До наших дней сохранился сооруженный древними херсонеситами в тальвеге балки колодец в периболе с неплохим дебетом воды. Во всяком случае, при проведении нами в 80-е годы прошлого столетия масштабных реставрационно-консервационных работ на башне XV и куртине 17 этот колодец бесперебойно обеспечивал водой весь немалый объем работ.
17. Антонова И.А. Ук. соч. С.103-104.
18. См. Федоров П.В. О колебаниях уровня Черного моря в послеледниковое время// Доклады АН СССР, т.124, вып.5. М., 1959. С.1127-1129; Благоволин Н.С., Щеглов А.Н. Колебание уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-западном Крыму// Известия АН СССР, серия геогр., № 2. М., 1968. С.49-58; Богданов Ю.А., Каплин П.А., Николаев С.Д. Происхождение и развитие океана. М., 1978; Благоволин Н.С. Голоценовая история Черноморского бассейна// Комплексное исследование Черноморской впадины. М., 1976. С.48-53; Варущенко С.И. Анализ позднеплейстоценовой и голоценовой истории развития природной среды Северо-западного шельфа Черного моря// Колебания уровня мирового океана и вопросы морской геоморфологии. М., 1975. С.50-62.
19. Мы не приводим здесь кривую изменения уровня Черного моря, построенную К.К.Шиликом, ввиду того, что она практически не имеет существенных различий от графиков других авторов, а только фиксирует в правой части кривой регрессию, которую автор предлагает называть "Корсунской". См.: К.К.Шилик. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене (по материалам геоморфологических и археологических исследований в Северо-западной части бассейна). Автореферат дис. ... канд. геогр. Л., 1975. С.-11.
20. Каталог уровненных наблюдений на Черном и Азовском морях. Под ред. Т.М.Подпругиной. Л., 1956. С.86-97.
21. Simossi A. Le port de Guerre de Thasos // *Thracia Pontica*, VI.1, Sozopol, 1994. P.279-283.
22. Blackman D., Knoblauch P., Yiannikouri A. Die Schiffshauser am Mandrakihafen in Rodos // *Archaeologischer Anzeiger*, 1996, Heft №3. S.392-405.
23. Ibidem. S.397.

С.Г. Колтухов

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

Изучение материальной культуры варварского населения Крымского полуострова скифо-сарматского времени и его лепной керамики, являющейся наряду с погребальным обрядом основным материалом для этнокультурных реконструкций, имеет свои особенности. Например, в соответствии с преобладающим направлением, связанным с исследованием позднескифских памятников, главное внимание уделяется керамике позднескифской культуры. О том, что изучение такой керамики оформилась, как самостоятельное направление археологического исследования свидетельствует диссертация В.П.Власова¹. Однако, знакомясь с этой добротной работой, следует видеть три объективные особенности, безусловно, отразившиеся на выводах исследователя. Первая связана с тем, что до сих пор не опубликована ранняя лепная керамика Неаполя скифского, представляющая собой самый значительный комплекс позднескифской лепной посуды. Вторая состоит в том, что сравнение позднескифской и кизил-кобинской керамики, и сейчас затруднено, потому что кизил-кобинские поселения V – III вв. до н.э., с их обильным керамическим материалом, раскопкам либо не подвергались, либо раскапывались на небольших площадях². Соответственно, представления о керамическом комплексе кизил-кобинс-

кой культуры на позднем этапе, носят общий характер³. Третья заключается в том, что в конце 90-х гг. прошлого века обстоятельное сравнение крымской скифской и позднескифской керамики, не могло быть проведено, так как первая была опубликована выборочно. Следовательно, даже проблема генезиса позднескифской культуры заставляет обратить самое серьезное внимание на лепную керамику предшествующего времени.

На протяжении нескольких десятилетий особое внимание уделялось изучению керамики кизил-кобинской культуры Горного Крыма, о чем свидетельствуют многочисленные работы О.Д.Дашевской, А.М.Лескова, Х.И.Крис, А.А.Щепинского, В.А.Колтухина, С.Н.Сенаторова. Однако, находки кизил-кобинских сосудов в погребениях со скифским обрядом, либо объяснялись их заимствованием у тавро - кизил-кобинцев⁴, либо, приводили к более сложному заключению, о существовании такой керамики как части единого кизил-кобинского культурного комплекса⁵. Керамика же варварских и греко-варварских поселений в восточной и северо-западной части Степного Крыма, скифских степных погребений, а так же скифских по обряду и времени курганных погребений крымского предгорья, лишь в единичных случаях становилась предметом самостоятельного иссле-

дования. Теперь же, после издания материалов Северо-Крымской экспедиции 1981-1995 гг., проведения раскопок поселения Новопокровка 1, публикации усадьбы Панское 1/6 сформировалась представительная база данных. По видимому, она достаточнона для опыта первичной систематизации керамического материала, обнаруженногов ходе разведок и раскопок на территории занятой скифами, то есть за границами или на предгорной границе распространения памятников кизил-кобинской культуры, носителями которой были тавры Горного Крыма.

Соответственно, возник вопрос о методике изучения керамики, который дал основание обратиться к истории изучения степной скифской и кизил-кобинской лепной посуды. Классификация лепных сосудов кизил-кобинской культуры Горного Крыма была разработана А.М.Лесковым в 60-е гг⁶. Уже тогда, посуда была разделена на простую (нелощенную) и лощеную. Нелощенные сосуды разделялись на кухонные и хозяйственные. Были выделены основные типы посуды, такие как горшки, корчаги, жаровни, дуршлаги-цедилки, миски, чаши, кубки, черпаки, кувшины. В более поздних исследованиях они называются категориями или классами. По особенностям профиля фиксировались сосуды баночной формы, собственно горшки, сосуды шаровидной и грушевидной формы. Орнаменты упоминались при описании посуды, однако классификация их не разрабатывалась. Фактически, на первом этапе был использован технологический принцип группи-

ровки объектов исследования, на втором функциональный, а на третьем морфологический.

Спустя 16 лет была опубликована классификация лепной кизил-кобинской посуды, подготовленная Х.И.Крис на большем по объему материале⁷. Ее основой стал морфологический принцип. По соотношению максимального диаметра и высоты, посуда была разделена на три основные разновидности, которыми, естественно, оказались горшки, сосуды реповидной формы и миски. Далее посуда распределялась по основным категориям, таким как горшки, сосуды реповидной формы, миски, чарки - или черпаки, кубки. Тип сосуда определялся на основе формы туловища, разновидности по абсолютным размерам, что позволило увидеть среди горшков "пифосы", сосуды больших, средних и малых размеров, уплощенные горшки. Подтипы основывались на форме горла, а варианты на степени ее отогнутости⁸. Орнаменты разделялись на рельефные и углубленные, в частности желобчатые и резные. Были определены их основные мотивы и сочетания⁹.

В восьмидесятые-девяностые гг. классификацию лепной керамики Горного Крыма предложил В.А.Колотухин¹⁰. Он отметил такие недостатки классификации Х.И.Крис, как обеднение ассортимента посуды, впрочем, последнее можно принять только по отношению к категориям, произвольную группировку материала и отказ от традиционной терминологии¹¹.

Со своей стороны замечу, что два последних "недостатка", объяс-

няются тем, что, стремясь отразить изменение значения и места морфологических признаков в процессе классификации, Х.И.Крис следовала за материалом. Интуитивные же группировки хорошо фиксируют признаки с абсолютными значениями. Например, разделение керамического массива по таким качественным особенностям как технология обработки поверхности, или разделение на открытые и закрытые сосуды будет в основном однозначным. Более напряженно происходит распределение посуды по категориям. А на этапе морфологической фиксации типов и вариантов, лучше всего подтверждается отсутствие строгих критериев визуального метода классификации.

В.А.Колотухин вернулся к основному принципу А.М.Лескова, разделив посуду на кухонную и столовую, в сущности на лощеную и нелощеную, и выделив достаточно представительную серию категорий-классов, или же основных типов по А.М.Лескову. В кухонной посуде их стало пять: горшки, сосуды котловидной формы, жаровни, сковороды, дуршлаги, в столовой семь: корчаги, грушевидные корчажки, миски, чашки, чаши, черпаки и кубки. Типы и варианты выделялись на основе профиля верхней части и параметров сосудов¹².

В 1996 г. была издана статья И.Н.Храпунова и В.П.Власова, посвященная анализу лепной керамики таврского поселения Шпиль. Отметив несовершенство уже существующих классификаций¹³, исследователи предложили более простую версию, базирующуюся на функцио-

нальных и морфологических особенностях посуды. Керамика была разделена на традиционные категории: горшки, корчаги, дуршлаги, миски, чаши, кубки, черпаки и сосуды редких форм. Типология, разработана на основе условно целых экземпляров, и профилей верней части сосудов, основой типа была избрана форма туловища, вариант же определялся по форме горла или края¹⁴. Количества типов и вариантов, в сравнении с количеством находок, безусловно, велико, однако при таком дроблении хорошо видны особенности форм лепной керамики.

В 2001 г. С.Н.Сенаторовым была защищена диссертация, специально посвященная керамике кизил-кобинской культуры¹⁵. Исследование базировалось не только на материалах Горного и Степного Крыма, но и на материалах полученных в ходе изучения городов и поселений Европейского Боспора, Херсонеса, с привлечением широкого круга северо-причерноморских аналогий. Принципиальным отличием от предшествующих классификаций стал опыт применения методов формализованного, морфологического анализа посуды в соответствии с традиционными, априорно заданными категориями. Возможно, именно поэтому, полученные группы сосудов оказались слишком малочисленными по составу. В результате была выделена группа корчаг, слабо связанных с другими группами кизил-кобинской посуды, и довольно многочисленные, но небольшие группы сосудов, которые можно было бы рассматривать как типы, однако "...оказалось, что вы-

делить какие-либо типообразующие признаки крайне затруднительно¹⁶, так как между типами существуют переходные группы¹⁷. По соотношению диаметров туловса и горла были выделены такие категории посуды как банки, горшки, кувшины, корчаги, а так же основные типы кубков. Открытые сосуды были разделены на миски, чаши, тарелки. В конечном итоге строгая классификация, из-за несовпадения языка математических методов и образов визуальной типологии, в принципе ограничилась категориями¹⁸. Многочисленные виды орнаментов были сгруппированы по технологии и основным мотивам декора, и положены в основу хронологической группировки кизил-кобинской посуды¹⁹. На материалах Восточного Крыма была выделена особая группа керамики VI – начала III вв. до н.э. с резным орнаментом, выполненным одним острием. Именно техника нанесения декора характеризует восточно-крымскую керамику. В горной части Крымского полуострова, тогда же, по мнению исследователя, самое широкое распространение получили гребенчатые орнаменты. Второй ее признак – нанесение орнаментального пояска в основании горла не наколами, как в развитой кизил-кобинской культуре, а сплошной линией или полосой. Третий признак – высокогорные кубки с "айвазовским" декором, преимущественно ромбическим, нанесенным в двух зонах на горле и тулове²⁰.

Однако следует заметить, что кизил-кобинская посуда VI-III вв. до н.э. в восточной части Горного Крыма по существу не изучена. В связи с

этим представляется интересным одно из наблюдений В.А. Колотухина. Оно заключается в том, что на поселении Лесное под Судаком, датированном второй половиной IV - первой половиной III в. до н.э., представлены орнаменты, выполненные одним острием. При этом на синхронных поселениях, расположенных близ Симферополя, хорошо известна посуда с гребенчатым декором²¹, западнее же, гребенчатый орнамент распространен очень широко. Второй пример, наличие орнаментов, выполненных одним острием, на керамике позднего, вероятно кизил-кобинского могильника Джапалах, расположенного на отрогах главной горной гряды восточнее Симферополя²². Поэтому, вполне вероятно, что восточно-крымская техника нанесения декора, проявившаяся на востоке Керченского полуострова уже во второй половине – конце VI в. до н.э. распространилась не только здесь и в степи близ Феодосии, но и на востоке Горного Крыма. Однако неясно, как и в каких формах развивался этот процесс. На территориях, лежавших к западу от современного – Симферополя, и в горах, и в предгорье, и в степи с V в. до н.э. часто использовали мелкоузубчатый гребенчатый орнамент. Сами орнаменты в западной части Крыма тесно связанны с кизил-кобинскими более раннего времени. Мотивы же орнаментации восточно-крымского типа, скорее всего, могут быть соотнесены с традициями характерными для раннего железного века Северного Кавказа. Так, ромбические полотна и цепочки, штриховки в сочетании с

треугольниками хорошо видны уже на корчагах из Краснознаменских курганов²³. Близкие к восточно-крымским орнаменты, нанесенные на горле чашевидных сосудов, подчеркнутые снизу поясками, известны в предскифских могильниках Северного Кавказа²⁴.

В целом, особенностью большинства рассмотренных выше кизил-кобинских классификаций является их интуитивный характер. Для всех группировок характерны выделение основных категорий посуды и последующая морфологическая типология, как правило, простая: тип - вариант. Лишь у Х.И.Крис, стремившейся охарактеризовать максимум морфологических особенностей, классификация насыщена многочисленными подтипами, вариантами и разновидностями. Группировка материала осуществляется по единому принципу, на основе визуального изучения морфологии целых форм с последующей сортировкой преимущественно крупных фрагментов, в соответствии с профилем верхней части. Видимо "типологический уклон" привел к тому, что в публикациях материалов конкретных памятников, практически отсутствуют данные для первичного количественного учета морфологических, технологических особенностей, и функционального назначения посуды.

Параллельно с разработкой типологии кизил - кобинской керамики шло изучение лепной посуды Степной Скифии. Здесь классификации строились в принципе по той же схеме, на основе принципов, примененных, в первой половине XX века

Т.Н.Книпович при изучении сосудов Елизаветовского городища на Дону²⁵ и использованных Б.Н. Граковым для выделения типов лепной посуды Каменского городища²⁶. Особенность метода заключалась в создании типологии именно для массового материала поселений, на основе определения типа в соответствии с профилем горла сосуда. При таком подходе в классификациях участвовали весьма представительные выборки, возможно поэтому, именно на материалах поселений Степного Причерноморья и было предпринято сравнение комплексов отдельных памятников в соответствии с количественным распределением керамического боя по категориям и типам. Развитию первичной статистики способствовало и то, что на исследованных поселениях, в количестве доступном для сопоставления, присутствовал античный импорт, разнообразные приемы изучения которого, уже были разработаны.

В 70-е - 80-е гг. методика характеристики лепной керамики причерноморской степи, Степного Крыма и ольвийского региона наиболее полно была отражена в работах Н.А.Гаврилюк²⁷. Например, керамика археического поселения Большая Черноморка II, разделена на категории. Это горшки, черпаки, кубки, миски, дуршлаги, кувшины, жаровни, крышки. Основным типообразующим признаком избрана форма верхней части сосуда, варианты выделены по форме корпуса²⁸. Аналогичные принципы положены в основу классификации посуды из степных скифских погребений и нижнеднепровских по-

селений²⁹. Распределение сосудов по технологическим особенностям поверхности (лощенные - нелощенные) и назначению (сосуды для мясной, растительной и молочной пищи) явно носит вторичный характер. Необходимо отметить, что именно в работах Н.А.Гаврилюк появился первичный статистический анализ всего массива керамического боя на основе количественных различий между основными группами, категориями, а иногда и типами сосудов. В принципе, близкие приемы применены и В.П.Былковой при описании лепной посуды паятников Нижнего Днепра скифского времени³⁰.

Э.В.Яковенко при характеристике лепной посуды Нимфея и курганных скифских погребений Восточного Крыма³¹, использовала технологическо - морфологическую классификацию, в которой на первом этапе керамика была разделена на отделы, представленные простой и лощеной посудой. Затем были выделены категории, а на следующем этапе группы, или типы в соответствии с профилем верхней части (Яковенко, 1973 с.109; Яковенко, 1978, с.37-38). Тем же методом пользовалась и Е.Г.Кастанаян при классификации лепной посуды боспорских городов³².

В 70-е гг. К.К.Марченко убедительно показал искусственный характер визуальных типологий, вызванный, в частности, существованием большого количества переходных форм³³. Очевидно, в качестве типов фиксируются крайние, но достаточно устойчивые формы сосудов. Но именно они и позволяют судить об этнокультурных и хронологических

особенностях керамических комплексов. Характеризуя керамику Ольвии и Березани, исследователь пошел по пути создания простой, устойчивой и однородной морфологической системы. В ней посуда распределялась по отделам на открытую, закрытую и оригинальную, категории не оговаривались в описании методики, но присутствовали в таксономическом ряду как следующий этап классификации, затем следовали типы, выделенные по профилю верхней части сосудов и варианты, однако не морфологические, а технологические, определявшиеся по особенностям обработки поверхности³⁴.

Из всего сказанного выше, следует то, что, не смотря на интуитивный характер, визуальные морфологические классификации до сих пор остаются основным, если не единственным инструментом систематизации материала. Например классификация лепной керамики Кировского поселения эпохи поздней бронзы, созданная А.М.Лесковым³⁵, продолжает использоваться, тогда как более емкая классификация этого же материала, предложенная Д.В.Деопиком³⁶, изложенная стилем, близким языку точных методов, по ряду причин не получила распространения.

Интуитивные классификации могут начинаться с различных приемов первоначальной группировки. Один из них, функционально - технологический связан с первичным разделением керамики на кухонную и столовую, иногда тарную, что, в сущности, совпадает, или почти совпадает с характеристикой ее в каче-

стве лощеной и нелощеной, затем посуда распределяется по категориям. Другой прием, более соответствующий внутреннему единству морфологических структур, строится на делении керамического массива на открытые, закрытые и специфические формы. Технологические признаки, в таком случае описываются дополнительно. Его логично было бы выдерживать до выделения типов и вариантов, но, как и в первом случае, посуду вскоре разделяют на классы - категории по функциональному принципу и выделяют горшки, миски, кувшины, черпаки, дуршлаги и т.д. Нередко этот уровень специально не оговаривается, однако достаточно строго выдерживается. Далее, независимо от первичной дифференциации, происходит разделение категорий на типы по морфологическому принципу. При этом в качестве типообразующего признака используется, в основном, профиль верхней части сосуда. Варианты, как правило, выделяются на основе параметров сосуда, а, следовательно, изучения целых, или условно целых форм.

Отличия в визуальных классификациях незначительны и проявляются как две тенденции. Первая заключена в том, что типообразующие и вариантобразующие признаки либо меняются местами, что вполне приемлемо, так как сама структура остается относительно устойчивой, либо причудливо переплетаются, сменяя друг друга. Это, в конечном итоге, приводит к нарушению единобразия, выявлению переходов не только между типами, но и между

категориями. Характерный случай - переход от кизил-кобинских чаш к кубкам только за счет изменения диаметра сосуда. Выход, как правило, видят в строгих формализованных методах исследования. Они же, пока не принесли простых, легко доступных результатов, позволяющих отказаться от интуитивных классификаций. Вторая тенденция, связанная с упрощением визуальной классификации, проявилась в ольвийско-березанском исследовании К.К. Марченко. В качестве альтернативы усложненной типологии, была предложена замена морфологического принципа на технологический на уровне определения вариантов.

Все сказанное выше, позволяет принять в качестве основы описания крымской "скифской" керамики простую визуальную классификацию, основанную на категориях, выделяемых по функционально - морфологическому принципу, типах, определяемых по профилям верхней части сосудов и вариантах, в тех случаях, когда существование их можно угадать, базирующихся на паратипах сосудов. Сведения о характере обработки поверхности сосудов, и орнаментации можно ввести изначально, на уровне категорий. Например, кубки, корчаги, кувшины, чаши, черпаки почти всегда являлись лощеными сосудами. Реже, примерно в половине случаев, покрывались лощением миски. При этом у мисок отмечается как двустороннее, так и одностороннее лощение. Лощение редко на таких сосудах как горшки, однако, часть таких сосудов все же подлощена снаружи и по внутренне-

му краю горла. Основная масса горшков относится к посуде нелощеной, с заглаженной поверхностью. Вообще же, данные об обработке поверхности, о соотношении открытой и закрытой посуды, категориях сосудов, могут стать предметом продуктивного изучения, при проведении первичного статистического анализа и сравнения керамических массивов отдельных памятников. Однако, такая работа на крымских материалах преждевременна.

Сведения о технологии производства минимальны. Известно, что керамическая масса готовилась из местных глин, с добавкой дресвы, песка, толченой ракушки, органическими включениями. Можно отметить, что в Степном Крыму тесто с добавкой песка использовалось чаще, чем в предгорьях, преимущественно при и изготовлении лощеных сосудов. Характер формовки сосудов специальн не изучался. На обломках крупных горшков как скифских, так и кизил-кобинских иногда видны следы лент шириной до 5 см. Малые сосуды: куки, черпаки, чашечки, вероятно, формировались из одного куска глины. Гончарный круг для производства местной лепной посуды не использовался, однако образующая венчиков лепных корчаг, иногда близкая к строгому кругу, позволяет предположить, что при их производстве сосуд все же поворачивали вместе с площадкой, на которой он был закреплен.

Технология обжига строго не определена. Преобладание черного, серовато-черного и бурого цвета поверхности и черепка, позволяет ду-

мать, что обжиг производился при температуре до 700° С³⁷. Интересно, что лощеная степная керамика часто имеет коричневатый или коричневато-красный черепок, что может указывать на обжиг при температуре до 900° С³⁸. Однако поверхность при этом остается черной или буро-вато-черной. Возможно, это свидетельствует о восстановительном характере обжига, когда для затемнения поверхности в "обжигательную камеру" - печь или яму, перекрывали доступ воздуха и помещали воду или сырье ветки. Интересно, что и по примесям, и по обжигу, в Степном Крыму выделяются отдельные лощенные сосуды близкие, по технологическим особенностям, таким как песок в тесте, и буро-черный цвет черепка, лощеной посуде пред斯基фского времени.

Сведения об организации керамического производства на раннем этапе отсутствуют. Лишь на двух памятниках хоры Херсонеса, таких как Маслины и Панское I/6, возникших не ранее последних десятилетий IV в. до н.э., обнаружено специализированное производство лепной посуды³⁹. Изготовление и сушка сосудов здесь осуществлялись в специально отведенных помещениях. Подобная недорогая, но вполне качественная керамика могла пользоваться спросом не только у греков и варваров, обитателей дальней хоры Херсонеса, но и у кочевников или полукочевников Степного Крыма.

Необходимо отметить и географическое распределение использованного в работе керамического материала. На раннем этапе, широко

датируемом в рамках VII – VI вв. до н. э., основное количество находок происходит из Нимфея и курганных погребений в предгорной части долины Салгира, лишь единичные сосуды найдены в степи, что отражает особенности распространения посуды архаического периода. Немногочисленные материалы из погребений конца VI - V в. до н. э. сравнительно равномерно распределяются по территории Восточного, Степного, Северо-Западного и Предгорного Крыма. В IV - первой четверти III вв. до н. э., в выборке представлена керамика Степного, Восточного и Северо-Западного Крыма, но очень мало лепной посуды предгорий. Объясняется это не ее отсутствием на поселениях, стоянках скотоводов и в погребениях, а особенностями формирования музейных коллекций и плохой изученностью предгорных памятников этого времени.

Хронологическое распределение материала в достаточной степени условно. Четко выраженной гра-

ници между хронологическими группами керамики VII – VI и V- первой четверти III вв. до н.э., безусловно, нет. Однако заметно, что в последней четверти VI – первых десятилетиях V в. до н. э. в керамических комплексах Нимфея, и ольвийских памятников кизил-кобинская керамика сокращается в количестве и исчезает. В это же время, в Крыму распространяется посуда с восточно-крымским орнаментом, появляются новые типы сосудов. Различия между лепной посудой V в. до н.э. и IV- первой четверти III вв. до н. э. хорошо фиксируются только в центральной части Степного Крыма. В Западном Крыму изменения в керамике заметны, но как бы растянуты во времени. В Восточном Крыму, по ряду причин, в публикациях представлены в основном материалы первой половины V в. до н.э. и второй половины - конца IV – первой четверти III вв. до н.э. Здесь видны серьезные изменения, но недостаточно прояснен их характер и последовательность.

Керамика VII - VI вв. до н.э.

В Степном и Предгорном Крыму до сих пор не обнаружено лепной посуды в комплексах, которые можно было бы однозначно датировать VII в. до н.э. Несомненно, она хорошо представлена на кизил-кобинских поселениях и в могильниках горно-предгорной части Крымского полуострова, однако, изучение таврских древностей выходит за рамки нашей работы. Видимо, посуда этого времени есть в курганных погребениях Предгорного Крыма. Впро-

чем, здесь, широкой датировкой может быть лишь вторая половина VII – VI в. до н.э.

Опыт выделения хронологической группы лепной посуды догреческого варварского поселения в Нимфее, предпринятый С.Н.Сенаторовым, безусловно, интересен, но его результаты нельзя рассматривать как однозначно установленный факт⁴⁰. Нет никаких оснований считать, что такое поселение могло существовать с XII до первой половины VI в. до н.э.

Для этого недостает стратиграфических наблюдений⁴¹. Отсутствие же гончарной греческой керамики в остатках ям “Л” и №14⁴² может объясняться и тем, что она туда не попала, и тем, что заполнение сохранилось фрагментарно из-за последующих перекопов. В материалах раннего слоя есть не только античная и кизилкобинская посуда, но и каменская керамика средней бронзы, и белозерская, относящаяся позднему бронзовому веку. Следовательно, заселение территории, надо думать эпизодическое, происходило уже в эпоху бронзы. Вероятным представляется и перемещение варваров, скорее всего кочевников или полукочевников, в район Керченского пролива, в начальный период греческой колонизации. Понятно, что, по меньшей мере, с конца VII – начала VI в. до н.э. Керченский пролив использовали как морскую коммуникацию, по которой осуществлялась связь с Таганрогским поселением. Нельзя думать, что оно существовало самостоятельно, тем более, будучи единственным, во всем Северо-Восточном Причерноморье. Для этого нет условий, так как узкий пролив со сложной и изменчивой навигационной ситуацией, провоцирует пиратство в нескольких его формах, в результате чего морской путь, скорее всего, закроется. Сначала, или тогда же греки должны были появиться на Боспоре Киммерийском. Например, в Прикубанье, обменные связи которого именно с греческим Таганрогским поселением, проблематичны, античные импорты конца VII – начала VI в. до н.э. уже известны на могильнике Новозаведенное II.

В заселении Керченского полуострова аборигенными племенами существует определенная тенденция, проявляющаяся с эпохи бронзы. Она заключается в том, что поселения здесь возникают повсеместно и насчитываются десятками. Вновь, эта же особенность проявилась только в IV в. до н.э., при формировании системы варварских сельских поселений на Европейском Боспоре. Виртуальное же “догреческое” поселение на территории будущего Нимфея представляется сейчас единственным и уникальным. Следовательно, возникновение варварского поселка, вряд ли предшествовало началу греческой колонизации Боспора, наоборот, к европейскому берегу пролива варвары могли подтянуться в результате развития колонизационного процесса. Появление апойкии на месте будущего Нимфея относят к первой половине VI в. до н.э. По мнению А.М.Бутягина, это произошло около первой четверти столетия⁴³. Соответственно, керамика, относимая к хронологической группе VIII – первой половине VI вв. до н.э. может датироваться и не столь широким хронологическим диапазоном, а первой половиной VI в. Даже самые ранние стрелы из Нимфея, вполне могли использоваться в это время. Следовательно, С.Н.Сенаторовым высказана рабочая гипотеза, которую, пока, не следует считать решающим аргументом в пользу существования догреческого варварского поселка. Даже в том случае, если его датировку удастся понизить до второй половины – конца VII в. до н.э., скорее всего, придется удревнить и сам Нимфей.

Нимфей. Лепная керамика варварского населения Восточного Крыма в VI в. до н. э. наиболее полно представлена в Нимфее. Для ее первичной этнокультурной атрибуции наиболее приемлемо заключение С.Л.Соловьева, состоящее в том, что носите ями лощеной посуды с резным орнаментом, аналогичной или близкой керамике населения Горного Крыма, находит Степного Причерноморья могло быть смешанное скифо-кизил-кобинское население⁴⁴. Конечно, не ясен характер его смешанности, однако, данный тезис переводит в иную, более конструктивную форму давнюю дискуссию между исследователями о том, скифами или таврами являлись варвары архаического Нимфея⁴⁵. При таком подходе легче перейти к анализу культурных традиций. Керамика эта неоднократно, хотя и в незначительном объеме публиковалась. Ее классификацию, предложенную Э.В.Яковенко⁴⁶ можно лишь незначительно дополнить, на основе материалов изученных С.Н.Сенаторовым⁴⁷. К сожалению, типологическая направленность предшествующих исследований не позволяет дать количественную характеристику керамического комплекса. Можно лишь вслед за А.М.Бутягиным⁴⁸, отметить, что среди находок в ямах 30 и 32 количество фрагментов лепной посуды составляло 43-30%. Категории сосудов достаточно полно выявлены уже Э.В.Яковенко. Это горшки, корчаги, кубки, черпаки, чаши, миски.

Нелощеные горшки с дуговидной шейкой являются основным типом (рис.1,1). Они широко рас-

пространены в Северном Причерноморье с эпохи поздней бронзы, известны в архаическое время в ольвийском регионе, в Восточном Приазовье, Прикубанье, в Горном Крыму. Горшки с невысоким вертикальным горлом единичны (рис.1,3). Сосуды этого типа, выделенные А.М.Бутягиным на материалах архаического Мирмекия, по мнению исследователя, связаны с Прикубаньем и известны в материалах Елизаветинского городища и поселения Венцы I⁴⁹. Несколько шире представлены горшки с горлом в виде раstra (рис.1,2). Этот тип сосудов хорошо известен в памятниках многоваликового времени, но позднее практически не представлен в степи, по крайней мере, до VI в. до н.э. Анализируя материалы поселения Большая Черноморка II, исследователи пришли к выводу о том, что такие сосуды происходят от горшков первого типа⁵⁰.

Все, или почти все горшки можно отнести к нелощеным сосудам. Большинство из них лишено орнамента, однако на некоторых присутствует декор из поясков вдавлений или насечек, размещенных преимущественно на венчике, или что реже, на плечиках. Подобный орнамент известен в архаическое время и позднее в лесостепи, в ольвийском регионе⁵¹, в Предгорном Крыму⁵², на Боспоре⁵³. Применялся он на Елизаветовском городище на Дону⁵⁴ и в античном Торике⁵⁵. Безусловно, декор появился в Северном Причерноморье еще в эпоху бронзы, но массово распространился в раннескифское время.

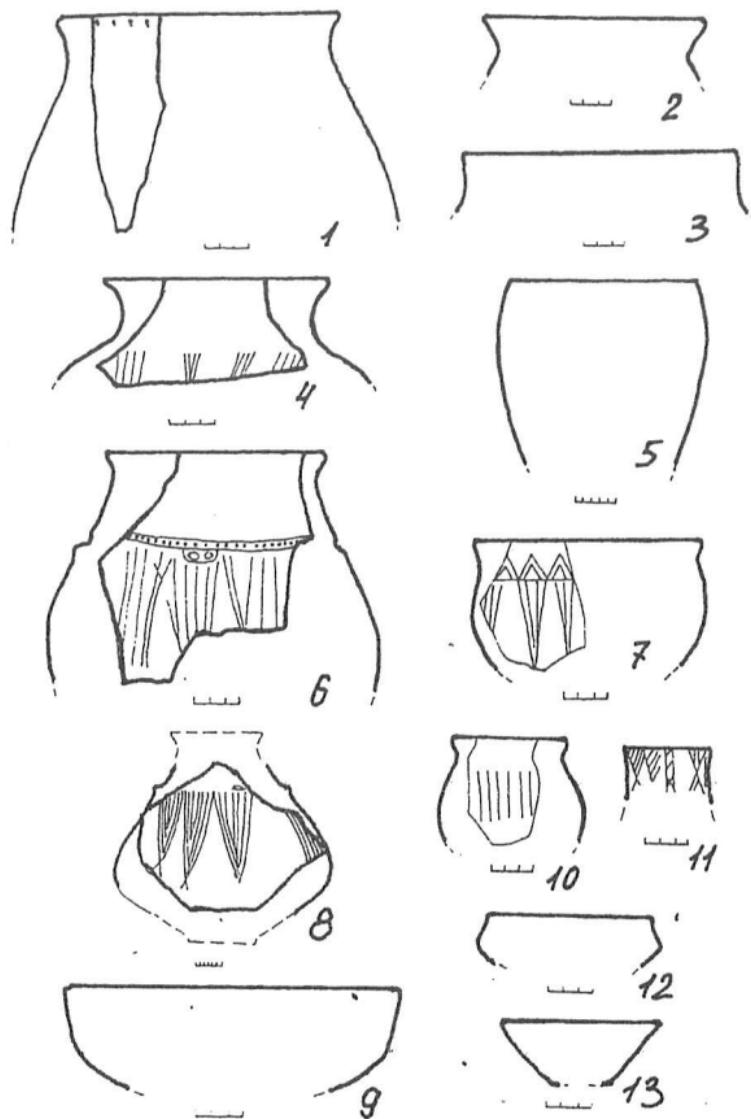

Рисунок 1

Лепная керамика архаического Нимфея по Э.В.Яковенко и С.Н. Сенаторову

Интересен сосуд без венчика, относящийся к особому типу горшков (рис.1,3). Для Крыма, приольвийского региона, Нижнего Поднепровья такой профиль не характерен. Его присутствие начинает ощущаться на Нижнем Дону⁵⁶, ярко проявляется в Прикубанье⁵⁷ и на Северо-Западном побережье Кавказа⁵⁸.

Корчаги, лощеные сосуды со сравнительно узким устьем и широким туловом, относятся к типу с дуговидным в разрезе горлом. По профилировке корпуса они принадлежат к трем вариантам. Первый - сосуд с биконическим туловом, наиболее расширенным в нижней части, с рельефным и врезным орнаментом (рис.1,8), представлен одним экземпляром, происходящим из культурного слоя. С.Н.Сенаторов, предложив достаточно убедительную реконструкцию, посчитал его близким корчаге из первого Краснознаменского кургана⁵⁹. Вариант действительно архаичен, но может происходить не от предкавказских корчаг с их зауженным длинным горлом⁶⁰, а от более ранних биконических крымских корчаг⁶¹. Рельефные налепы - шишечки и резной орнамент, в виде свишающихся полотниц, позволяет синхронизировать этот сосуд с основной массой орнаментированной керамики Нимфей и датировать не серединой VII, а VI в. до н.э.

Второй вариант представлен обломками лощеных сосудов с округло-биконическим корпусом, рельефным и резным или только резным орнаментом (рис.1,6). Его аналогами в кизил-кобинской культуре крымского предгорья можно считать не-

сколько более ранние или синхронные, лощеные корчаги Симферопольского поселения⁶².

Третий вариант представлен корчагой с узким невысоким горлом и широкими плечиками (рис.1,4). Орнамент резной. Сосуды такого типа хорошо известны в кизил - кобинской керамике поселений второй хронологической группы, в нескольких курганных погребениях предгорной долины Салгира и в материковой степи близ Перекопа⁶³. Интересно, что такая же, но неорнаментированная корчага происходит из погребения Каменка I⁶⁴, раскопанного в междуречье Миуса - Кальмиуса. Костяная застежка из этой могилы позволяет датировать памятник келермесским или позднекелермесским временем.

Кубки представлены лощеными сосудами двух типов. К первому с округлым туловом и невысоким плавно - отогнутым венчиком относится большинство из них (рис.1,10). Часть сосудов не орнаментирована, часть покрыта сложным резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников или пучков свишающихся линий. Аналогии сосудам этого типа известны в культурных отложениях второй половины VI – начала V в. до н.э. и в закрытых комплексах, в основном второй - третьей четверти VI в. до н.э. на Березани⁶⁵. Такие же сосуды обнаружены на поселениях и в погребениях Горного и Предгорного Крыма⁶⁶.

Второй тип кубков представлен фрагментом высокогорлого лощеного сосуда со сложным резным орнаментом восточно-крымского типа (рис.1,11). Кубок этого же типа с

высоким горлом и округлым туловом обнаружен вместе с аском VI в. до н.э. близ гробницы V в.до н.э. в Пантикее (рис.2,9), еще один сосуд происходит с Тамани⁶⁷. Подобный кубок найден и в погребении 17 могильника Фронтовое I на Акмонайском перешейке (рис.2,11). Еще один кубок происходит из погребения в курганном могильнике у с. Григорьевка в центральной части Степного Крыма (рис.2,13). Следовательно, тип мог сформироваться в Восточном Крыму, или же, что более вероятно, в районах, прилегающих к Боспору Киммерийскому с востока⁶⁸. Предложенное С.Н.Сенаторовым определение типа, в качестве одного из опорных, при выделении восточно-крымской керамики, вполне правомерно. Показательно, что он исключен исследователем из керамического комплекса "догреческого" поселения в Нимфее. Очевидно, временем появления таких сосудов в Крыму, так же как и временем появления резного орнамента восточно-крымского типа, следует считать вторую половину VI – первые десятилетия V в. до н.э.

Черпаки представлены небольшим количеством неорнаментированных фрагментов сосудов с S-видным профилем и высоко расположенной ручкой.

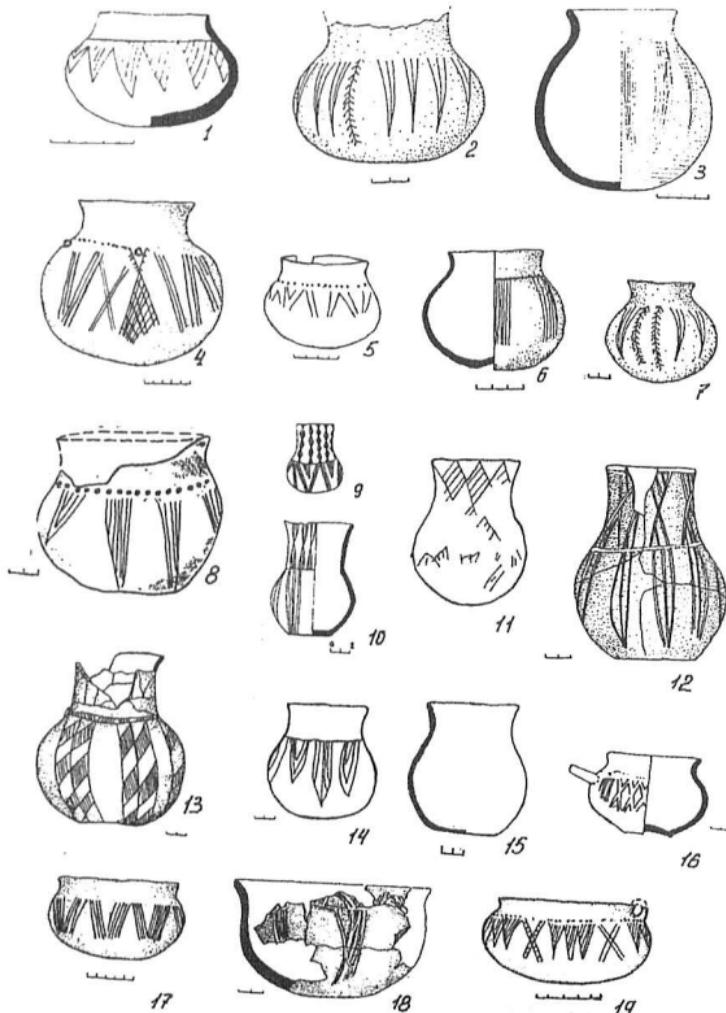
Количество лощеных орнаментированных чаш, или сосудов "реповидной" формы по Х.И.Крис, невелико. Декор на одной из них относится к кизил-кобинской группе резных орнаментов (рис.1,7), возможно, уже испытавших влияние восточно-крымской традиции.

Как лощеные, так и нелощеные миски принадлежат к трем типам. Первый представлен сосудами с коническим корпусом и плоским дном (рис.1,13), второй сосудами с плавно изогнутыми стенками. Подобные формы нейтральны в этнокультурном отношении. Более интересен третий тип, известный по публикации Э.В.Яковенко⁶⁹. Это миски с выделенным бортиком (рис.1,9,12). Ближайшие аналогии им можно найти на синдо-меотской территории, где такие сосуды появляются еще в протомеотский период и широко бытуют позднее⁷⁰.

Даже такая, статистически недифференцированная и обобщенная классификация позволяет выделить в лепной керамике архаического Нимфея, несколько групп посуды с различным генезисом. К первой можно отнести лощенную лепную посуду с кизил-кобинским врезным орнаментом. В принципе категории и типы находят аналогии в лепной керамике кизил-кобинского поселения Шпиль, исследованного несколько лет назад в предгорной части Крымского полуострова близ Симферополя. Хронологические штудии, склонившие В.П.Власова к датировке всего материала в рамках IV в. до н.э.⁷¹, вряд ли правомерны, здесь я полностью согласен с С.Н.Сенаторовым. Например, на поселении обнаружены фрагменты сосудов с простым валиковым орнаментом, который В.А.Колотухин, считает исчезающим к середине VII в. до н.э.⁷². Как бы не была условна эта дата, приходится допустить, что памятник мог появиться еще в VII в. до н.э. О верхней

хронологической границе первого периода существования поселения свидетельствует обломок одного сосуда с ранним гребенчатым орнаментом⁷³. Распространение подобного

декора на Березани, по К.К.Марченко относится ко второй половине VII – VI вв. до н.э.⁷⁴, а с учетом хронологической корректировки, предложенной С.Л.Соловьевым, такая по-

Кубки из погребений

Рисунок 2

суда может датироваться второй - третьей четвертью VI в. до н.э.⁷⁵. Иных же, более поздних видов гребенчатого декора на поселении Шпиль нет. Значит, период широкого распространения гребенчатого орнамента, начинающийся в V в. до н. э. здесь не представлен. Интересно и то, что аналогией архаичной березанской корчаге, украшенной плетенкой из валиков⁷⁶, является корчага из поселения Шпиль⁷⁷. Очевидно, ее следует датировать с учетом березанской находки. Следовательно, широкой датой для лепной посуды из большинства хозяйственных ям может быть VII – VI в. до н.э. Хозяйственные ямы с амфорами первой половины – середины IV в. до н.э.⁷⁸ отражают уже другой этап жизни, этнокультурная характеристика которого достоверно не определена.

К кизил-кобинской керамике Нимфея, на основе способа орнаментации, близка керамика с резным декором восточно-крымского облика. Ее генезис неясен, однако, скорее всего, она связана с керамикой, характерной для варварского населения территорий, примыкающих к проливу с востока.

Следующая группа лепной посуды, обнаруженная в слоях, землянках и ямах архаического Нимфея, вполне сопоставима с лепной посудой Мирмекия того же времени. Это горшки без горла и миски с выделенным бортиком. Таких сосудов немногого, но все же они есть. Очевидно, так же как и в Мирмекии⁷⁹, какая-то часть варварского населения Нимфея была связана с синдо-меотским районом Причерноморья.

Особой группой посуды, является большинство горшков с дуговидным и раструбовидным в сечении горлом, с вдавленным орнаментом и без него, и миски первого - второго типов. Такая посуда, в архаическое время не имеет четких этнокультурных признаков. Эти сосуды, генетически родственные керамике эпохи бронзы, характерны для всего Северного Причерноморья. Они известны в Ольвийском регионе и на Боспоре Киммерийском, в Приазовье-Прикубанье, в Лесостепи и в Приднестровье, в Горном Крыму, то есть, во всех зонах оседлости примыкающих к степным пространствам. Со второй половины V в. до н.э., в процессе формирования многочисленного населения в Степной Скифии, такая посуда приобретет скифскую этнокультурную окраску.

Судя по особенностям лепной керамики, в Нимфе, расположенному у пролива - естественной границы между различными группами автохтонного населения, состав варваров был таким же сложным как и на Березанском поселении.

Из скифских, или "скифо-кизил-кобинских" погребений степи и предгорий происходит небольшая, но достаточно выразительная группа лепной посуды. Датировка такой посуды достаточно условна, так как хронологических реперов, позволяющих откорректировать ее даже в пределах половины столетия чрезвычайно мало.

Основное количество находок обнаружено в курганных погребениях, раскопанных в предгорье под Симферополем⁸⁰. Отдельные сосуды

известны в Степном Крыму и на юге причерноморской степи к северу и востоку от Перекопа. П.Н.Шульц и Д.Столяр датировали могилы из района имферопольского водохранилища временем не позднее VI в. до н.э.⁸¹

А.М. Лесков включил их в группу у скифских погребений VI в. до н.э.⁸². В.С.Ольховский отнес их VII – VI вв. до н.э.⁸³. Бронзовые наконечники стрел, найденные в трех погребениях, довольно определенно – указывают на вторую половину V I – первую половину VI в. до н.э. (Марыно 12/4; Белоглинка) и вторую половину VI – первую половину V в. до н.э. (Пионерское 3/1). При этом необходимо учитывать то, что наконечники из Пионерского, находился в засыпи могилы, плита перекрытия которой была сорвана. Нельзя исключать, что он относится к более позднему времени, чем захоронение. Сама же лепная посуда датируется несколько шире, в рамках второго этапа кизил - кобинской культуры по В.А.Колотухину, или в рамках второго – начала третьего этапов культуры по С.Н.Сенаторову⁸⁴. Орнамент, в большинстве случаев может быть охарактеризован как сложный резной, характерный для кизил-кобинской керамики VII – первой половины VI вв.⁸⁵. Однако образцы такой орнаментации в Горном Крыму можно встретить и в V – IV вв. до н. э., а в выделенной С.Н.Сенаторовым группе восточно-крымской керамики⁸⁶ и позднее. Всего лишь два сосуда декорированы с применением раннего гребенчатого орнаментира (Симферопольское водохранилище 8/7, Вилино 2/6). По мнению В.А.-

Колотухина, ранний гребенчатый орнамент появляется в Горном Крыму лишь с VI в. до н.э.⁸⁷. С.Н.Сенаторов допускает, что такой орнамент мог распространиться в Северном Причерноморье уже со второй половины VII в. до н.э., хотя применительно к Крыму уверенно пишет лишь о второй половине VI в. до н.э.⁸⁸. Сейчас можно сказать лишь то, что в краснознаменско-келермесское время такой способ нанесения декора уже известен на Северном Кавказе. Нимфейские и березанские материалы свидетельствуют о распространении раннего гребенчатого декора на этих греческих или греко-варварских поселениях со второй четверти – второй половины VI в. до н.э.

Античные импорты появляются в Предгорном Крыму не ранее VI в. до н.э. Стеклянные бусы из погребения у с. Белоглинка⁸⁹ могут быть отнесены к этому времени. Фрагмент горла "самосской" амфоры, обнаруженный, на перекрытии могилы Пионерское 2/1⁹⁰ может быть датирован временем не позднее двух первых десятилетий V в. до н.э.⁹¹, вполне вероятны и последние десятилетия VI в. до н.э.⁹². В Степном Крыму, концом VI – началом V в. до н.э. датируется погребение Колоски 5/5⁹³, в котором наряду с лепным сосудом с ранним гребенчатым орнаментом обнаружены бронзовые наконечники стрел и фрагменты "полосатой" амфоры. Следовательно, для архантической группы орнаментированной посуды из подкурганных погребений, на сегодняшний день, следует принять нижнюю хронологическую границу в пределах второй полови-

ной VII в, а верхней считать последние десятилетия VI - первые десятилетия V в. до н.э.

Сами лепные сосуды немногочисленны, это горшки, лощеные орнаментированные корчаги, кубки, черпаки и чаши. Нелощенный орнаментированный горшок из курганныго погребения Симферопольское водохранилище 5/2 (рис.4,6) может быть отнесен к типу горшков с дуговидной шейкой, к варианту с широкими плечиками. Орнамент сложный, резной, полностью повторяющий орнаментацию корчаги Симферопольское водохранилище 7/1 (рис.3,5). Орнаментированные горшки известны в кизил - кобинской культуре, в частности на поселении Нейзац⁹⁴. Вероятно, близкую форму и декор имел березанский лощеный орнаментированный сосуд с ручкой⁹⁵ из хозяйственной ямы третьей четверти VI в. до н.э.⁹⁶. К тому же типу, в том случае если этнокультурная атрибуция захоронения верна, можно отнести орнаментированный нелощенный горшок (рис.4,6) из погребения Астанино 9/1⁹⁷ на Керченском полуострове.

Корчаги высотой 20-30 см представлены двумя вариантами. Небольшая широкогорлая округло-биконическая корчага с резным и рельефным орнаментом (рис.3,1) обнаружена на Степном Крыму в погребении Сусанино 2/8 и датирована В.А.Колотухиным второй половиной VII –VI в. до н.э.⁹⁸. Интересно, что фрагменты корчаги со сложным резным и рельефным орнаментом, округло-биконическим туловом и широким горлом, обнаружены в Северо - Восточном Приазовье, в погребении Ка-

мышеватое⁹⁹, которое, судя по kostянной застежке, относится к келермесскому времени.

Три сосуда из погребений Симферопольское водохранилище 7/1 и Пионерское 3/1, относятся к варианту корчаг со средневысоким, нешироким, дуговидным в разрезе горлом (рис.3,2,3,5). Орнамент сложный, резной, сочетающийся с рельефным. Аналогии этим широко распространенным сосудам известны на поселениях Предгорного Крыма и в Нимфе. Примером распространения такой посуды за пределами Крымского полуострова, может служить небольшая корчага из погребения Первоконстантиновка 15/2¹⁰⁰, из кургана, расположенного севернее Перекопского перешейка. Возможно, они есть на Березани, где известны фрагменты корчаг со сходным декором.

Кубки представлены двумя типами. К основному относятся небольшие, сравнительно низкие лощеные орнаментированные сосуды с невысоким дуговидным в разрезе горлом (рис.2,1-7). Кубок из погребения Симферопольское водохранилище 4/2 характеризуется сложным резным орнаментом (рис.2,5). В числе аналогий можно упомянуть кубки из кизил-кобинских поселений Симферопольское и Таш-Джарган 1¹⁰¹, а также орнаментированный лощеный черпак, происходящий из некрополя Березани¹⁰², который, можно отнести ко времени не ранее VI в. до н.э., или ко второй половине этого столетия.¹⁰³. Кубок из погребения Симферопольское водохранилище 8/7 с орнаментом в виде пучков вертикальных линий (рис.2,6) находит

аналогии в архаической керамике Нимфея VI в. до н.э. Кубки из погребения Пионерское 3/1 (рис.2,2,7) по некоторым элементам декора мо-

гут быть сопоставлены с фрагментами сосудов с Березани¹⁰⁴. Кубок из погребения Симферопольское водохранилище 14/1 характеризуется

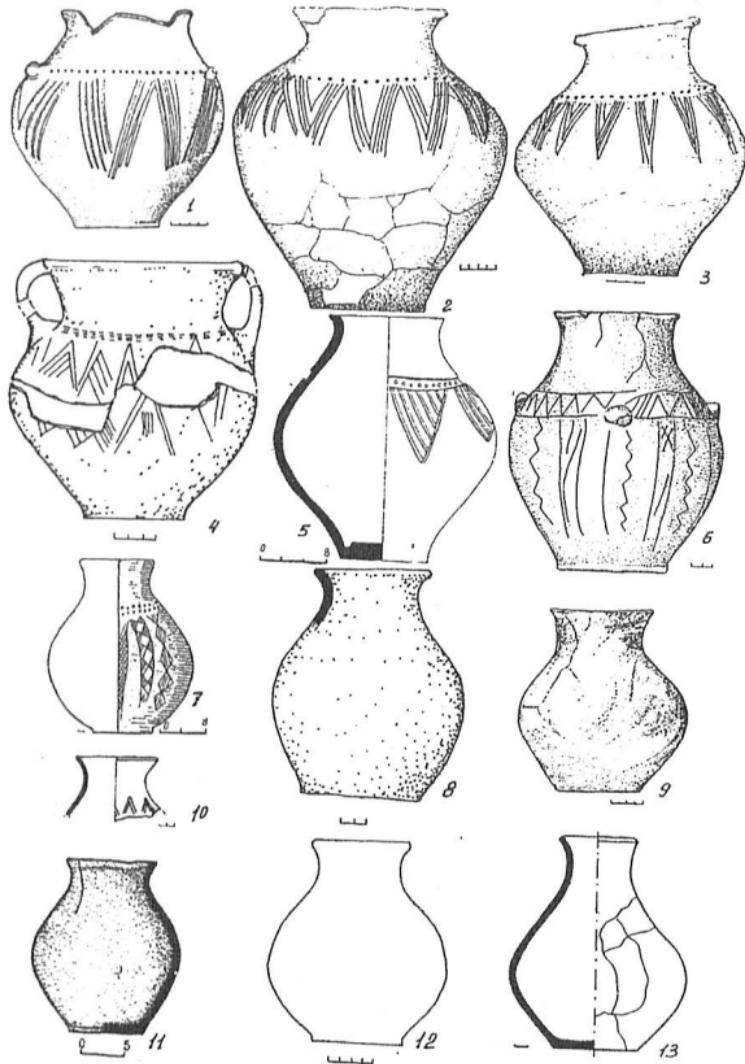

Рисунок 3
Корчаги из погребений. 12 - прорисовка Н.Л.Эрнста

сочетанием рельефного и резного декора (рис.2,4). По форме и некоторым особенностям резного орнамента он близок к кубку из Инкерманского поселения, или к кубку из подкурганного погребения Дружное

3/2¹⁰⁵, раскопанного А.А.Щепинским близ Симферополя.

Кубок из погребения в кургане у с. Белоглинка¹⁰⁶ принадлежит к более высокой разновидности этого же типа. Он характеризуется шаровид-

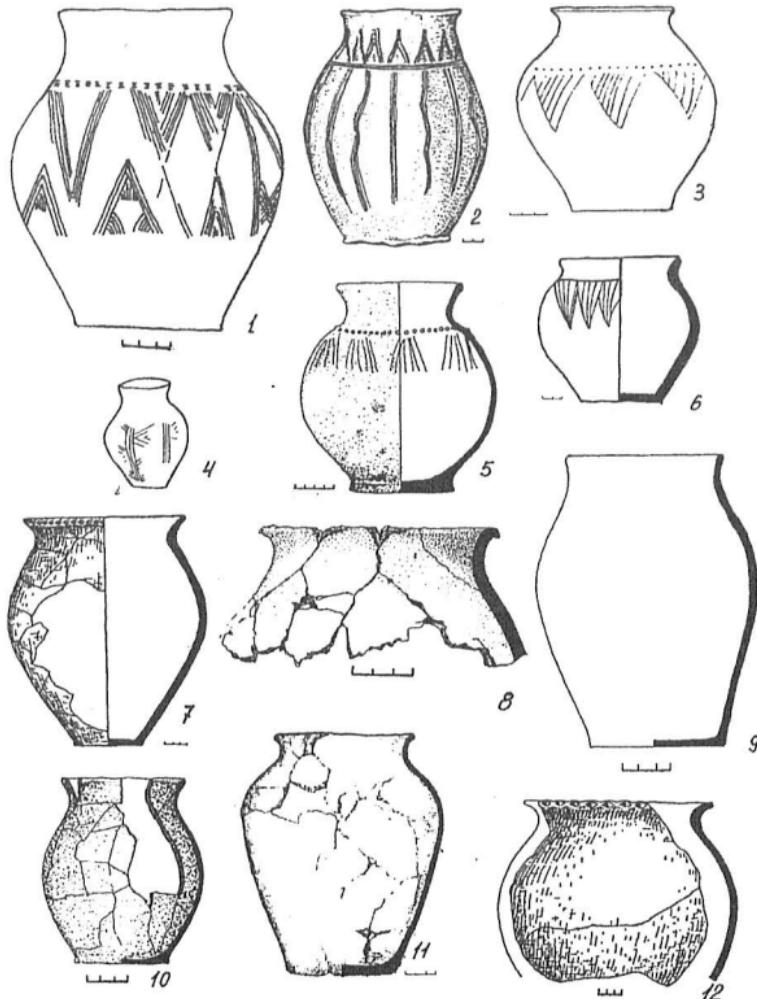

Рисунок 4

Горшки из погребений

ным туловом и сравнительно узким горлом (рис.2,3). Резной декор в виде пучков свисающих линий находит аналогии в горно-предгорных районах Крыма, на Березани¹⁰⁷, в Нимфе. По форме тула он близок некоторым сосудам, происходящим из Нимфея и Пионерского¹⁰⁸. В принципе, к этому же типу можно отнести кубок или кубковидный сосуд из погребения Приморский 1 / 3¹⁰⁹ в Северо - Восточном Приазовье. Судя по наконечнику стрелы, последнее погребение датируется келермесским временем. Возможно, округлые кубки отражают пред斯基фскую степную традицию

Второй тип кубков с высоким цилиндрическим горлом, отогнутым венчиком и округлым туловом появляется в Нимфе во второй половине VI – начале V в. до н.э. В горно-предгорной части Крымского полуострова и на юге Степной Украины такие сосуды, с характерным для них декором восточно-крымского или "айвазовского" типа¹¹⁰ в настоящее время неизвестны. Наиболее ранней находкой в Степном Крыму является кубок из погребения Григорьевка 12/2 (рис.2,13), обнаруженный вместе с бронзовой трехлопастной стрелой с шипом¹¹¹. Стрелы такого типа в предкавказских комплексах датируют концом VII – началом VI в. до н.э.¹¹². Типологически близкие, но более легкие стрелы, происходящие из некрополя Ольвии, обнаружены в могилах, отнесенных В.М. Скудновой к последней трети VI или к концу VI - рубежу VI – V вв. до н.э.¹¹³. Очевидно, наиболее оптимальной датой для кубка будет VI вв. до н.э.

К третьему же, условно выделяемому типу, можно отнести лощеный кубок с резным орнаментом из погребения Симферопольское водохранилище 6/3 (рис.2,1). Для него характерно низкое горло с вертикальным краем. Высота сосуда вдвое меньше его диаметра. По сути дела, кубки с такими параметрами могут рассматриваться как переходная форма между чашами и кубками. Они характерны для Горного Крыма и появляются, скорее всего, еще на первом или в начале второго этапа кизил - кобинской культуры¹¹⁴.

Черпаки, относящиеся к группе лощеных сосудов, единичны. Первый (рис.7,5) по форме аналогичен кубкам первого типа и отличается от них лишь наличием высоко расположенной петельчатой ручки и отсутствием орнамента (Пионерское 3 / 1). Второй представлен низким неорнаментированным цилиндрическим сосудом из Белоглинки (рис.7,6). Для него характерно отсутствие выраженного горла отогнутый наружу край и плоское дно. Ручка крепится к краю и дну сосуда. Аналогии ему мне не известны.

Лощеные чаши с резным орнаментом, представлены двумя сосудами из погребений в курганах Симферопольского водохранилища 11/8 и 12/1. Это низкие сосуды с широким устьем и коротким, дуговидно отогнутым венчиком (рис.3,17,19). Один из них снабжен небольшой петельчатой ручкой. Многочисленные аналогии этому типу известны в Горном Крыму на памятниках кизил - кобинской культуры, отдельные сосуды обнаружены в Нимфе и на Березани¹¹⁵.

Рассмотренные нами основные категории и типы лепных сосудов, происходящие из курганных погребений Степного и Предгорного Крыма, безусловно, находят многочисленные аналогии в кизил-кобинской керамике Горного Крыма¹¹⁶. Но следует ли рассматривать такую посуду в лишь в качестве таврских изделий, теми или иными путями попадающих к скифам? С такой постановкой вопроса можно было бы согласиться, если бы сосуды находили только в погребениях Степного и Предгорного Крыма. Однако, территория распространение кизил-кобинской керамики не ограничивается Крымским полуостровом. Если Нимфей, на сегодняшний день является крайним юго-восточным пунктом, где фиксируется эта посуда, то западная граница ее распространения соответствует, совершенно условно определяемому, Ольвийско - Березанско - Ягорлыцкому району. Восточной материевой границей, на которой в курганных погребениях раннескифского времени также фиксируется присутствие керамики с резным орнаментом, или кизил-кобинским, или

наиболее близким кизил-кобинскому, окажется район Миуса - Кальмиса¹¹⁷. Очевидно, прав С.Л.Соловьев, пишущий о том, что носителями такой традиции в степи могли быть представители скифо-кизил-кобинского населения. Впрочем, необходимо заметить, что кизил-кобинские элементы до сих пор отмечаются лишь в лепной керамике. Погребальные же традиции можно охарактеризовать как скифские.

В VI в. до н.э., скорее всего, во второй половине столетия, в лепной керамике Восточного, Степного и Предгорного Крыма появляется посуда с резным декором восточно-крымского или "айвазовского" типа. Ее происхождение не определено. Некоторые указания И.Т.Кругликовой, на то, что подобные сосуды известны в архайическое время не только на Европейском, но и на Азиатском Боспоре¹¹⁸, позволяет предположить, что восточно-крымский стиль декора и сосуды "типа крынок" т.е. высокогорные кубки, своим происхождением связаны с территориями, прилегающими к Керченскому проливу с востока.

Лепная керамика V - первой четверти III вв. до н.э.

Применительно к V в. до н.э. и IV – первой четверти III вв. до н.э. можно говорить о том, что на территории Крымского полуострова существует несколько хозяйствственно-экологических районов с оседлым варварским населением. В первую очередь, это Горный Крым, заселенный таврами или собственно кизил - кобинцами, где сохраняется керамика характерная для этой культуры. Безусловно,

она изменяется по сравнению с предшествующим временем. Однако о ней можно говорить лишь в самых общих чертах. Вероятно, к оседлой или полуоседлой жизни в предгорьях перешла и часть скифов. По крайней мере, материалы раскопок конца XIX в. и последних лет, свидетельствуют о том, что степень концентрации курганных погребений скифского облика в IV в. до н.э. на

внешней горной гряде близка к той, которую мы наблюдаем на Керченском полуострове. Судя по лепным сосудам, сохранившимся в музейных

коллекциях или понятно описанных исследователями, в таких погребениях находили посуду как с кизил-кобинским декором, так и без него.

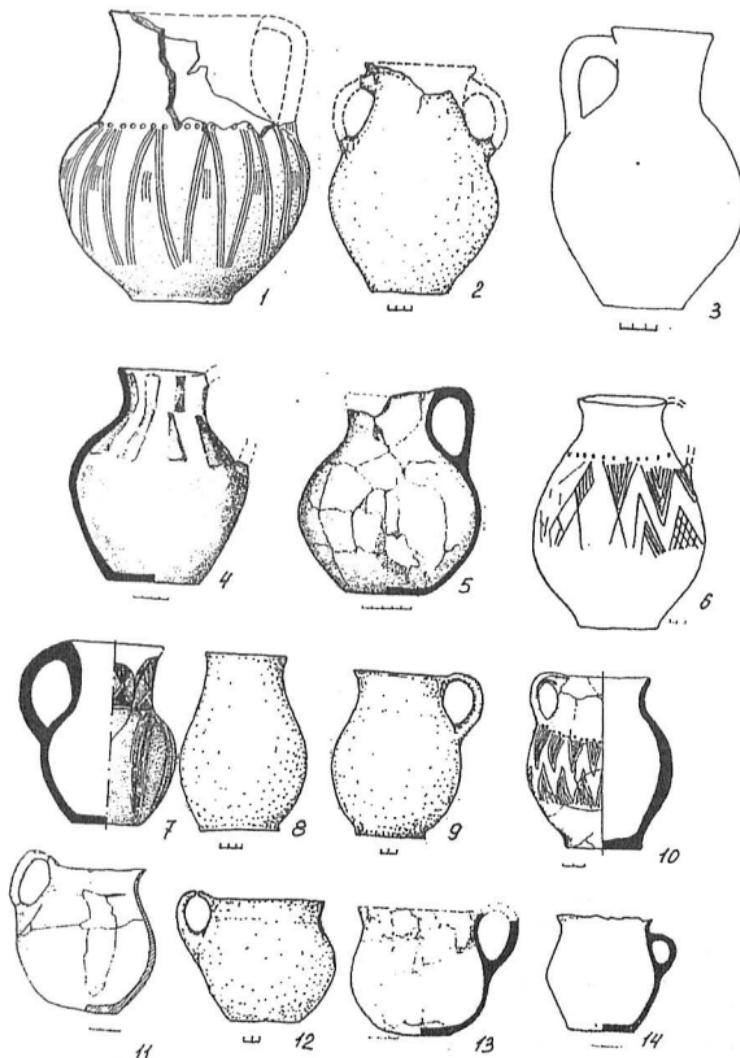

Рисунок 5
Горшки из погребений. 12-прорисовка Н.Л.Эрнста

Территорией плотной оседлости варваров в IV в. до н.э. стала территория Восточного Крыма¹¹⁹. В керамическом комплексе селищ, расположенных на Керченском полуост-

рове и селищ, находившихся в степи близ Феодосии хорошо представлена лепная посуда скифских типов, известны и сосуды с восточно-крымским декором.

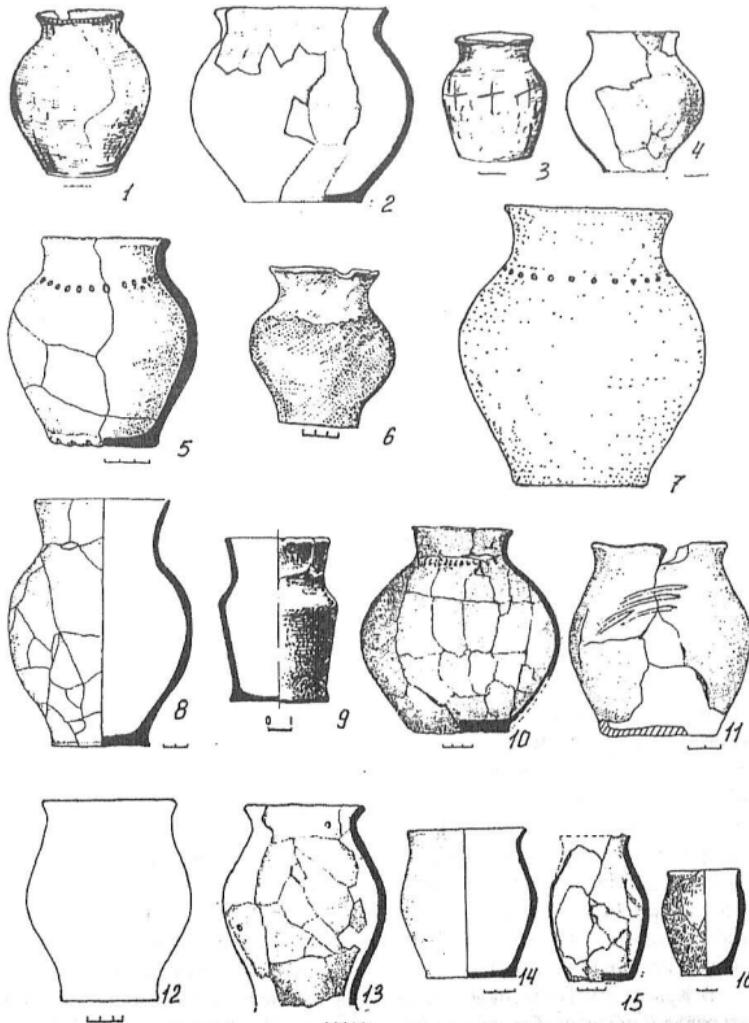

Рисунок 6

Керамика из погребений, сосуды с ручками. 3- прорисовка Н.Л.Эрнста

Некоторые явления, которые могут свидетельствовать в пользу постепенной седентаризации варваров наблюдается и в Северо-Западном Крыму. Во второй половине-конце VI в. до н. э. здесь появляется ионийская апойкия - Керкинитида, превращающаяся к 70-м гг. V в. в город с регулярной застройкой и крепостными стенами¹²⁰. Судя по лепной керамике городища, тут жили не только греки, но и немногочисленные представители аборигенного – таврского, по мнению В.А.Кутайсова, этноса¹²¹. В IV в. до н.э. начинается интенсивное хозяйственное освоение греками побережья Западного Крыма. Судя по особенностям лепной посуды, найденной на поселениях, в этом процессе участвовали не только греки, но и представители нескольких групп автохтонного населения Степного Причерноморья и Крыма. Интересно и то, что в степи, вдоль границы приморской греческой хоры, в ходе разведок, проведенных Северо-Крымской экспедицией в 80-е гг. прошлого века, обнаружены скотоводческие стоянки и несколько поселений с остатками каменных построек. Возможно, в Северо-Западном Крыму в последние десятилетия IV – первые десятилетия III вв. до н.э. начала формироваться группа скифских поселений, экономически связанная с хорой Херсонеса. Однако целенаправленное изучение таких памятников не проводилось. Соответственно сведения об их лепной керамике отсутствуют.

В Крымском Приазовье, существовала и некая особая группа варварского населения, этно-культур-

ная характеристика которой остается предметом дискуссии. Первоначально кочевая или полукочевая, в дальнейшем оседлая, она в IV в. до н.э. вероятно ассимилируется скифами Восточного Крыма. Ее определяющим археологическим признаком остаются могильники из каменных ящиков¹²². Небольшое количество лепных сосудов, найденных в погребениях, на раннем этапе характеризуются декором кизил-кобинского или восточно-крымского облика, позднее они близки скифской керамике Восточного Крыма.

Внутренняя степная часть Крыма, по уже устоявшемуся мнению исследователей, была занята скифским населением, которое вело кочевой, или, в связи с ограниченностью территории, полукочевой образ жизни. Лепная керамика здесь разнообразна, так как население испытывало самые разнообразные культурные влияния. Выделение погребений смешанной скифо-кизил-кобинской группы, охарактеризованной С.Ольховским как группа "КК", правом рно лишь археологически, на основе встречаемости в захоронениях лепных сосудов с кизил-кобинским орнаментом. Все прочие признаки, так же как и в предшествующее время, характеризуют захоронения как скифские.

Керамика поселений. Лепная керамика, встречаенная в культурных отложениях боспорских городов, несмотря на многолетние раскопки, изучена явно недостаточно. До сих пор исследователи обращаются к работам И.Т.Кругликовой и Е.Г.Кастанин, подготовленным в 50-е годы

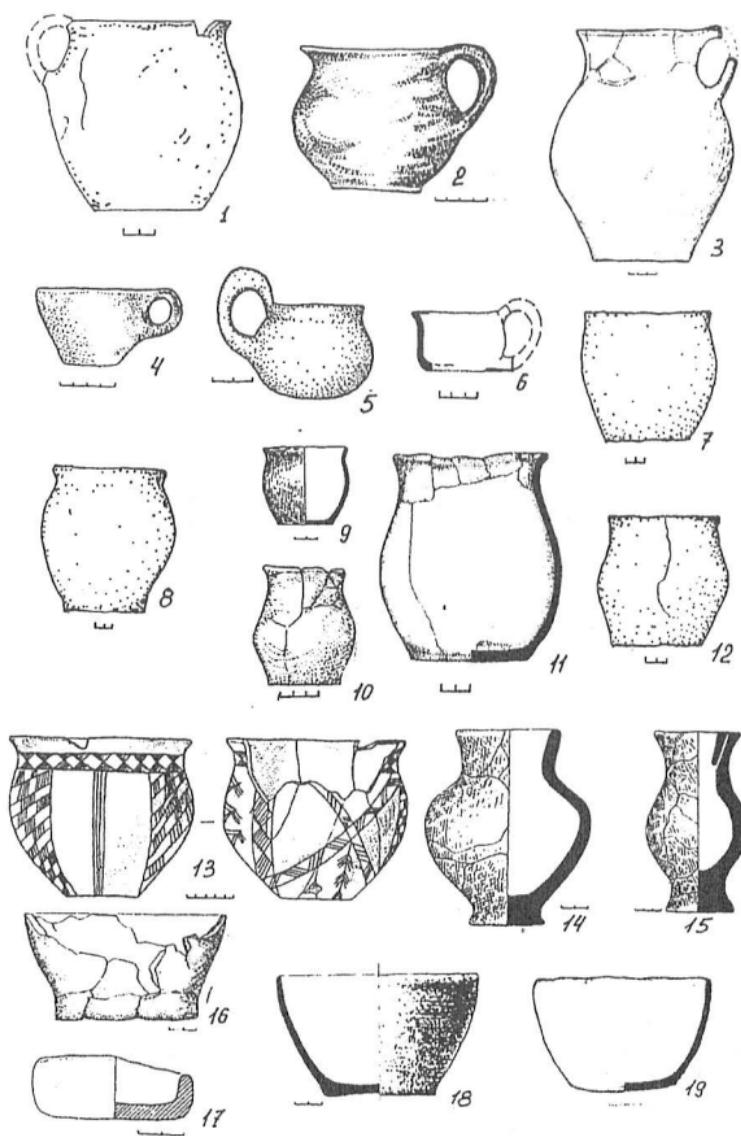

Рисунок 7

Керамика из погребений. Сосуды с ручками, сосуды баночного типа, курильницы, миски

прошлого века. Из них можно получить убедительные свидетельства того, что и в Пантикее, и в Мирмекии, и в Тиритаке, в слоях VI-V и IV вв. до н.э. находили лепные горшки, нередко украшенные вдавленным орнаментом. В архаическое время, а возможно и позднее, в городских на-пластованиях встречались единичные обломки лощеных сосудов с восточно-крымским орнаментом, лощеные и не лощеные миски. До сих пор ровно столько же известно о лепной керамике большинства сельских поселений на Керченском полуострове. К сожалению, дело мало изменилось и после появления публикаций, посвященных исследованиям Андреевки Южной и Южно-Чурубашского поселения¹²³. Впрочем, на материалах Андреевки можно уверенно говорить о наличии в керамическом комплексе памятника горшков с вертикальным и растрюбовидным горлом, с вдавленным орнаментом и без него. Материалы поселения Марфовка свидетельствуют о существовании в IV-первой четверти III в. до н.э. неорнаментированных горшков с вертикальным венчиком, горшков с дуговидным в разрезе горлом, об украшении горшков вдавленным орнаментом, а некоторых лощеных сосудов восточно-крымским резным декором¹²⁴.

Несколько больше материала происходит с селищ Кринички и Журавки, расположенных в степи севернее Феодосии и датированных А.В.Гавриловым V - первыми десятилетиями III вв. до н.э.¹²⁵. На поселении Журавки в 1974 г. небольшие раскопки провел Е.А.Катюшин. По

данным С.Н. Сенаторова¹²⁶, два жи-лица, обнаруженные здесь, могут относиться к концу V - началу IV вв. и ко второй - третьей четвертям IV в. до н.э. Материал свидетельствует о том, что на поселении пред-ставлены неорнаментированные горшки с дуговидной шейкой. К IV в. до н. э. относятся фрагменты горшков, с вдавленным орнаментом на горле, такой же орнамент известен и на закраине дна. Лощеная посуда представлена сосудами с резным орнаментом восточно-крымского типа, выполненным одним острием. В сущности, не больше известно и о поселении Айвазовское, раскапы-вавшемся И.Т.Кругликовой в 1956 г. в степи, севернее Старого Крыма¹²⁷. В хозяйственных ямах и в слое IV-III вв. до н.э. были обнару-жены фрагменты разнообразных лепных сосудов, в том числе и с рез-ным орнаментом восточно-крымс-кого типа¹²⁸. Однако здесь же вы-явлен и нижний слой, в котором керамика с резным орнаментом, не сопровождается гончарной посу-дой. Очевидно, его можно датиро-вать временем не позднее VI в. до н. э., так как со времени основания Феодосии, в ее округе начали рас-пространяться античные гончар-ные сосуды. Интересно и то, что в заполнении древней водоотводной канавы, которую сейчас можно от-нести к концу IV - первой четверти III в. до н.э. уже не было обломков сосудов с резным орнаментом.

На поселении Кринички есть ке-рамика, относящаяся к первому этапу кизил-кобинской культуры или к белозерской культуре по-

здного бронзового века¹²⁹. Более поздняя лощеная орнаментированная посуда представлена кубком с кизил - кобинским резным орнаментом и фрагментами сосудов с орнаментом выполненным одним остринем. Лепные не лощеные горшки, с вдавленным декором на венчике, относятся к типам с дуговидной и вертикальной шейкой¹³⁰.

Поселение Новопокровка I, единственное селище с материалами V - первой трети III вв. до н.э. в районе Феодосии, на котором были проведены раскопки большого участка¹³¹, дало в процессе исследований достаточно интересную, хотя и простую коллекцию лепной посуды. Античный материал позволил А.В.Гаврилову отнести вскрытые напластования и многие хозяйствственные ямы, и исследованную сырцово-каменную постройку, в основном к последним десятилетиям IV – первой трети III в. до н.э. Серьезные возражения такая хронология вызвала у В.И.Каца, предложившего отнести сооружение сырцово-каменного здания ко времени не позднее конца первой трети IV в. до н.э.¹³². Предположение Каца основывалось на датировке клейм из заполнения одной из хозяйственных ям (№6), предшествовавшей или синхронной постройке. И в слое поселения, и в некоторых хозяйственных ямах, присутствовали фрагменты гончарных сосудов V в. до н. э. В силу этого, датировку известных и в слое и в ямах редких обломков лощеных лепных сосудов с резным орнаментом восточно-крымского типа (рис.8,7,11,12), следует производить в соответствии с широ-

кой датировкой памятника.

В балансе керамического материала IV – первой четверти III вв. до н.э., амфорный бой составляет от 72 до 88 %¹³³. Фрагменты иной античной посуды не превышают 0,5 %. Соответственно, на долю лепной посуды придется 12- 28 %. Однако соглашаться с тем, что при таком соотношении, обменно-торговая функция объекта определена как преимущественная¹³⁴, все же преждевременно. Например, на синхронном Акташском поселении в Восточном Крыму, фрагменты амфор составляют 66%, а на близких по времени поселениях Днепровского лимана, при таком же методе подсчета, амфорный бой достигает 65-80 % керамического материала¹³⁵. Несомненно, большое количество амфор отражает товарно-обменный характер сельскохозяйственного производства в целом, и интенсивность обмена продуктов, производимых на таких поселениях, на продукты, поступающие в амфорной таре. Появление же в некоторых селах монет, наиболее характерных для конца IV – первой трети III в. до н.э., свидетельствует о включении восточно-крымских селищ с варварским, или преимущественно варварским населением, в систему боспорских товарно-денежных отношений. Однако, как конкретно был организован этот процесс, пока неизвестно. Для того, что бы понять способ отчуждения, необходим материал, полученный не на трех квадратах, а на серии опорных памятников. Обилие амфор пока не может подменить собой малочисленность прочей гончарной посуды. Странно

выглядит и специализация такого обменного пункта.

То место, которое следовало бы отвести разнообразной античной посуде, занимает лепная керамика, распределяющаяся по категориям следующим образом: 81% фрагментов принадлежит горшкам, 14% мискам, 5% иным лощеным сосудам. Среди категорий лепной посуды выделяются горшки, миски, а также редкие черпаки или кувшины с петельчатой ручкой и слабо отогнутым венчиком. Основное количество гор-

шков не имеют лощения, лишь на единичных фрагментах отмечается подлощенность горла с внутренней стороны. Около 20 % венчиков покрыто орнаментом в виде вдавлений и защипов. Количественно преобладают горшки с дуговидной шейкой (рис. 8, 1-6, 8), среди которых можно выделить варианты удлиненных и укороченных пропорций (рис. 8, 4, 8). Единичными обломками представлены пифосы — горшки с диаметром венчика приближающимся, или превышающим 30 см, широко распрост

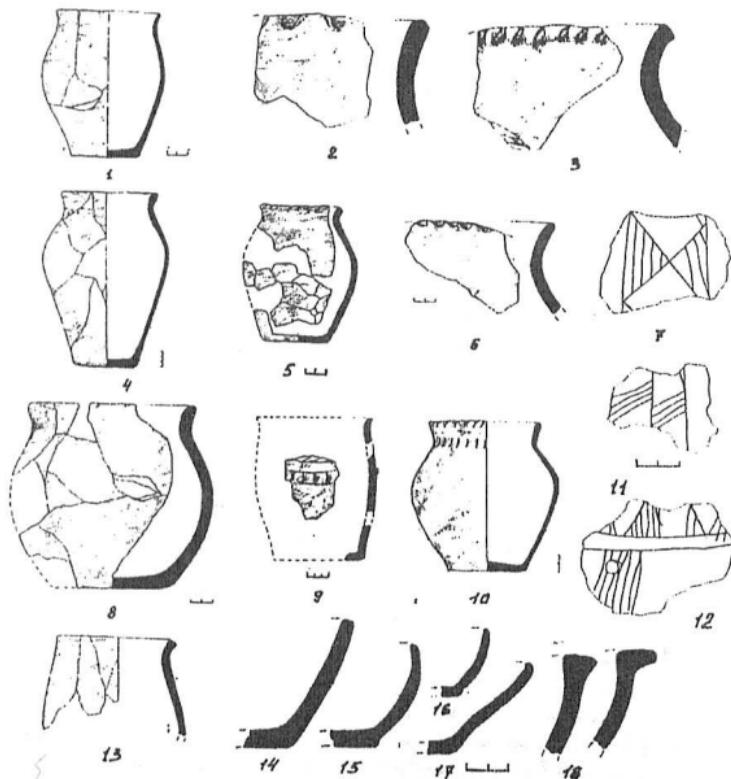

Рисунок 8

Лепная керамика поселения Новопокровка I по А.В.Гаврилову

ранены крупные горшки с диаметром венчика около 20 см, и небольшие с диаметром венчика около 10 см. Горшков с вертикальным венчиком практически нет. Единичны сосуды с горлом в виде раstra (рис.8,10). Несколько фрагментами представлен сосуд баночной формы с рельефным валиком, орнаментированным вдавлениями (рис.8,9). Подобный декор на баночных сосудах встречается в это же время в ольвийском регионе¹³⁶.

Миски, около 50% которых покрыто односторонним или двусторонним лощением, представлены двумя основными типами. Преобладают сосуды с дуговидно изогнутыми стенками (рис.8,14-16). Появляется вариант этого типа с утолщенным или отогнутым наружу краем (рис.8,18). Реже встречаются сосуды с коническими стенками и плоским дном (рис.8,17).

В целом же, лепная керамика Новопокровки I, и на уровне категорий и на уровне типов, проста и представлена в основном сосудами斯基фского степного облика. При этом количество импортной гончарной посуды, которая могла бы заменить исчезающие традиционные категории лепных лощеных сосудов минимально. В керамическом комплексе практически не прослеживается связь с кизил-кобинской культурой. Отдельные обломки сосудов с восточно-крымским декором могут относиться к раннему времени и отражать иную традицию, могут быть синхронными и свидетельствовать о пережиточных проявлениях некоторых, более ранних орнаментальных приемов, или о связях с горно-предгорной частью Восточного Крыма.

Более строго хронологические рамки определены для Акташского скифского поселения, исследованного в 80-е гг. на Керченском полуострове¹³⁷. Амфорные клейма, обнаруженные здесь, позволяют датировать памятник последними десятилетиями – концом IV – первой четвертью III в. до н.э.¹³⁸. Фрагменты амфор составляют 66% в керамическом балансе памятника. Обломки гончарной и чернолаковой посуды 4%. Скромная коллекция лепной керамики поселения еще более проста, чем в Новопокровке. Это нелошеные горшки трех хорошо известных типов (рис.9,1-5) и варианты мисок первого типа (рис.9,6,7). Интересен горшок третьего типа с зауженным раструбовидным горлом (рис.9,1). Подобные сосуды не характерны для Крыма, однако известны на Каменском городище¹³⁹. Отсутствует лощеная керамика с резным орнаментом. Только один фрагментированный сосуд может быть условно связан с черпаками или кубками предшествующего времени (рис.9,8). Все это позволяет видеть в жителях поздней Новопокровки и Акташского селища скифское население, использовавшее керамику более близкую синхронной лепной посуде Степного Причерноморья, чем кизил-кобинской или восточно-крымской.

В Северо-Западном Крыму лепная керамика известна в Керкинитиде с первой четверти V в. до н.э. Она представлена в публикации фрагментами лощеной, преимущественно орнаментированной посуды¹⁴⁰, нелошеная керамика этого памятника не опубликована. В керамическом комплекс-

се V-IV вв. до н.э. присутствуют обломки лощеных неорнаментированных горшков с дуговидным и вертикальным горлом (рис.10, 4,11,14) и сосуда чашевидной формы (рис.10,10). Лощеный черпак (рис.10,20) не отличается от аналогичных сосудов, известных на поселении Новопокровка I и в скифских погребениях степного Крыма.

Лощеная орнаментированная корчага с растробовидным горлом и округло-биконическим туловом, обнаружена в отложениях первой трети V в. до н.э.¹⁴¹. На плечиках расположено несколько петельчатых ручек. Орнамент выполнен трезубым гребнем (рис.10,1). По форме сосуд восходит к кизил-кобинским корчагам, с округло-биконическим туловом, известным не только в горной

части Крыма, но и в Нимфе. Он имеет некоторое сходство с лощеным орнаментированным сосудом с ручками на плечиках, найденным на Березани. Орнаментированный сосуд с подбиконическим туловом и ручками на плечиках встречен и на Инкерманском поселении¹⁴². Аналогичный профиль имеет небольшая орнаментированная корчага с ручками, обнаруженная в предгорном скифском погребении V-IV вв. до н.э. - Кольчугино 1/7. От известных по публикациям сосудов предшествующего времени корчаги из Керкинитиды и Кольчугино отличаются профилями горла. Возможно, сочетание округло-биконического туловища и растробовидного горла появилось в Западном Крыму на сосудах этой категории во второй половине VI – V вв. до н.э.

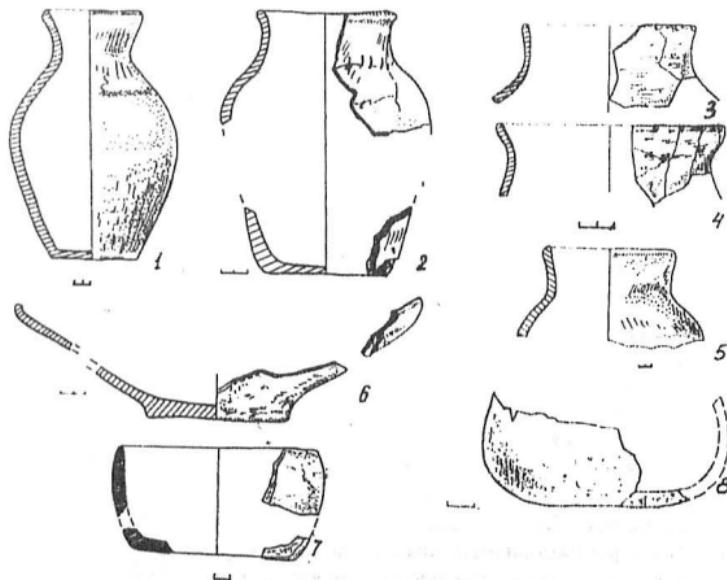

Рисунок 9

Лепная керамика Акташского селища

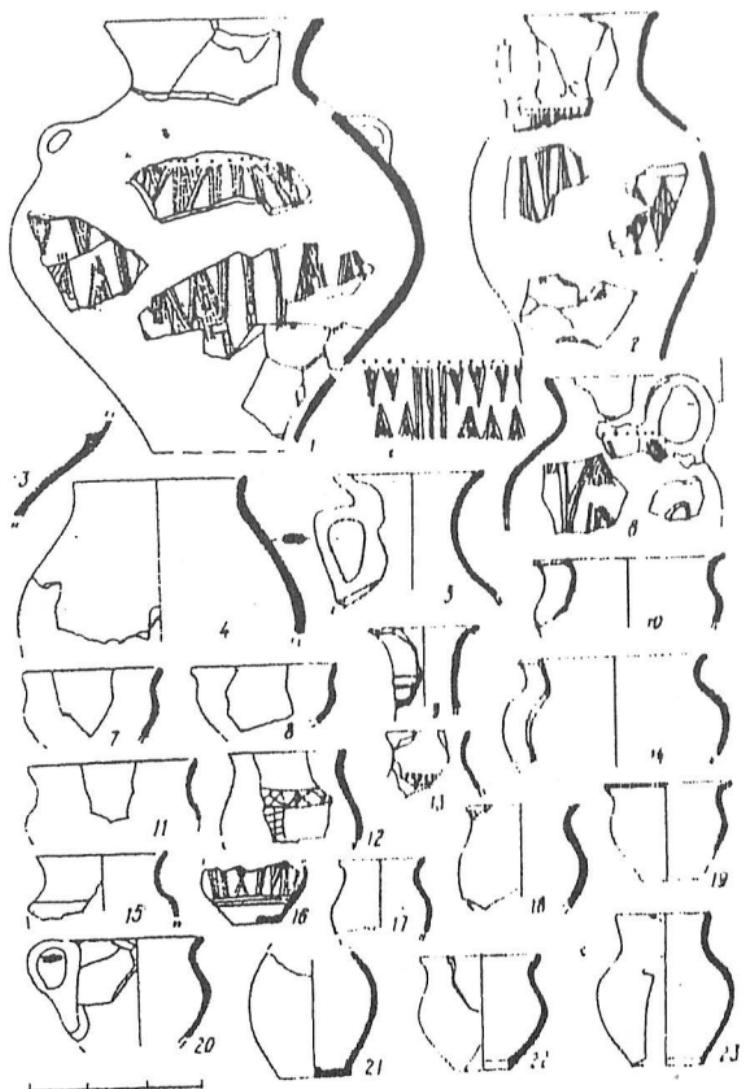

Рисунок 10
Лепная керамика Керкинитиды по В.А. Кутайсою

Несколькими фрагментами представлены кувшины с кизил-кобинским резным и гребенчатым орнаментом, и без него (рис.10,2,5,6,9). По форме они могут рассматриваться как подражания античной керамике¹⁴³. Лощеные неорнаментированные кубковидные сосуды, с дуговидной шейкой (рис.10,15,17,18,22) относятся к IV в. до н.э., однако, в целом, они стройнее и выше чем кубки кизил-кобинской культуры предшествующего времени. Интересен неорнаментированный сосуд с высоким горлом (рис.10,23). Близок ему лощеный кубок из скифского погребения Братское 7/4, относящегося к IV в. до н.э. Орнаментированный сосуд с дуговидной шейкой (рис.10,13), относится к концу V – первым десятилетиям IV в. до н.э. Очевидно, близкую форму и декор имеет кувшин из скифского погребения Межводное 9/6. Интересна находка кубковидного сосуда с резным орнаментом восточно-крымского типа (рис.10,12), в отложениях III в. до н.э. Для IV в. до н.э. характерны небольшие лощеные чащевидные сосуды с дуговидным венчиком, диаметр которого близок диаметру туловы (рис.10,7,8,19).

В целом же, прямая связь лощеной керамики Керкинитиды именно с историческими таврами, обитателями Горного Крыма¹⁴⁴ может вызывать сомнения. Рациональнее соотнести ее со скифской степно-предгорной группой "КК" по В.С.Ольховскому¹⁴⁵.

В настоящее время, из-за отсутствия публикаций, вопрос о лепной посуде, дохерсонесских, так называемых, ионийских поселений Панское I и Калос-Лимен, начала - тре-

тьей четверти IV в. до н.э. не может быть поставлен. Немногое известно и о лепной посуде поселений первого херсонесского периода. Результаты исследований Беляуса, Чайки, Южно-Донузлавского городища, пока свидетельствуют только о том, что она здесь присутствовала. Несколько больше мы знаем о керамике поселения Маслины. Однако, она рассмотрена в широких хронологических рамках конца IV – II вв. до н.э.¹⁴⁶, к тому же изданы только фрагменты сосудов с резным орнаментом. Судя по публикации, в культурных отложениях, наряду с редкими обломками, характеризующимися традиционным для кизил-кобинской культуры гребенчатым декором, встречаются, но еще реже, фрагменты с орнаментом восточно-крымского варианта, с его ромбами и полотнищами, выполненными одним острием. Из общего описания лепной посуды следует то, что в пересчете на бой, она составляла 30 %, в керамическом балансе памятника. Преобладали горшки, на 40 % которых был нанесен вдавленный орнамент. В целом, лепная посуда, по определению В.А. Латышевой, близка к скифской керамике Степного Крыма¹⁴⁷.

Полноценная публикация осуществлена только по материалам усадьбы 6 поселения Панское, относящейся к периоду 320/310- 270 гг. до н.э.¹⁴⁸. Здесь лепная посуда, при пересчете на целые формы заняла первое место. Опубликованный каталог учитывает 130 лепных сосудов, 97 из них относится к горшкам, 25 из которых, покрыто декором в виде вдавлений, насечек, защипов. Преобладают

сосуды с дуговидной шейкой (рис.11,1-3), однако, многие из них за счет достаточно большой высоты горла, представляет собой как бы переходную форму между первым и третьим типом с его раструбовидным горлом. Аналогичную картину можно наблюдать в скифской керамике Нижнего Поднепровья¹⁴⁹. Одним экземпляром представлен горшок стройного варианта с диаметром высокого горла близким диаметру туловища (рис. 11,1) связанный В.Ф.Столбовой с керамикой кизил-кобинского круга¹⁵⁰. Действительно горшки такой формы известны на поселениях Шпиль и Айвазовское¹⁵¹. Однако поиск аналогий можно вести и в Степном Поднепровье¹⁵². Сосуды второго типа с вертикальным горлом единичны, так же как и на синхронных скифских поселениях Акташское и Новопокровка в Восточном Крыму. Значительно больше места, чем на упомянутых памятниках занимают горшки третьего типа с раструбовидным горлом (рис.11,4,5). Аналогии им известны уже в позднеархаическое время в ольвийском регионе¹⁵³, а несколько позже на Каменском городище (Гаврилюк, 1999, рис.8, 1-7) и на селищах Нижнего Поднепровья¹⁵⁴. Особенностью некоторых является валик в основании горла, что характерно для ольвийско-нижнеднепровского района.

Фрагменты лепных сосудов кувшиновидной формы единичны. Аналогии сосуду с высоким коническим горлом и отогнутым венчиком мне неизвестны (рис.11,8). По вполне убедительному мнению В.Ф.Столбы, лепной кувшин с округлым туловом, плос-

ким дном и высоким, дуговидно расширяющимся горлом (рис.11,9) представляет собой подражание гончарной керамике¹⁵⁵. Интересен лощеный кувшин с гребенчатым орнаментом (рис.11,7). Близкую профилировку, орнаментальные приемы и мотивы можно найти в лепной посуде Керкинитиды V-IV вв. до н.э.¹⁵⁶. Очевидно, такие сосуды в Северо-Западном Крыму представляют собой синтез античной морфологической и кизил-кобинской орнаментальной традиций и бытуют здесь, по меньшей мере, до первой четверти III в. до н.э.

Немногочисленные лепные миски представлены исключительно сосудами с изогнутыми стенками, т.е. первым типом (рис.11,10,11), известна и миниатюрная лепная солонка (рис.11,12). Подобная керамика не имеет четко выраженных этнокультурных особенностей. Интересна крышка лепного сосуда (рис.11,14) и "алтарик" (рис. 11,13). Крышки характерны для ольвийско-нижнеднепровского района, алтаики же, хорошо известны позднее в позднескифской культуре. Остальные лепные сосуды являются прямым подражанием греческой кухонной посуде.

В целом, лепная керамика памятника, вполне определенно указывает на район Ольвии и Нижнего Днепра, возможно на восточную часть ольвийской хоры, откуда и могло появиться население, обитавшее в усадьбе 6. Это позволяет высказатьсь в поддержку мнения об ольвийском происхождении поселения Панское I¹⁵⁷ и отказаться от его размытой характеристики в качестве ионийского памятника. Слабее про-

являются черты характерные для лепной посуды Керкинитиды и варварского населения Западного Крыма. Предположение же о возможности переселения херсонеситов в Северо-Западный Крым варварского - "таврского" населения, на материалах усадьбы б не подтверждается. Для этого достаточно сравнить материалы усадьбы и позднего кизилкобинского поселения Карань 2¹⁵⁸, расположенного в Юго-Западном Крыму близ Херсонеса.

Лепная керамика, происходящая из погребений в степных и предгорных курганах, и степных бескурганных могильниках, многочисленнее и разнообразнее, чем в предшествующее время. На уровне категорий она представлена горшками, небольшими корчагами или корчаго-видными сосудами, кувшинами, кубками, мисками, чашами, черпаками.

Горшки в погребениях представлены сосудами двух основных типов: с дуговидным в разрезе горлом и рас-

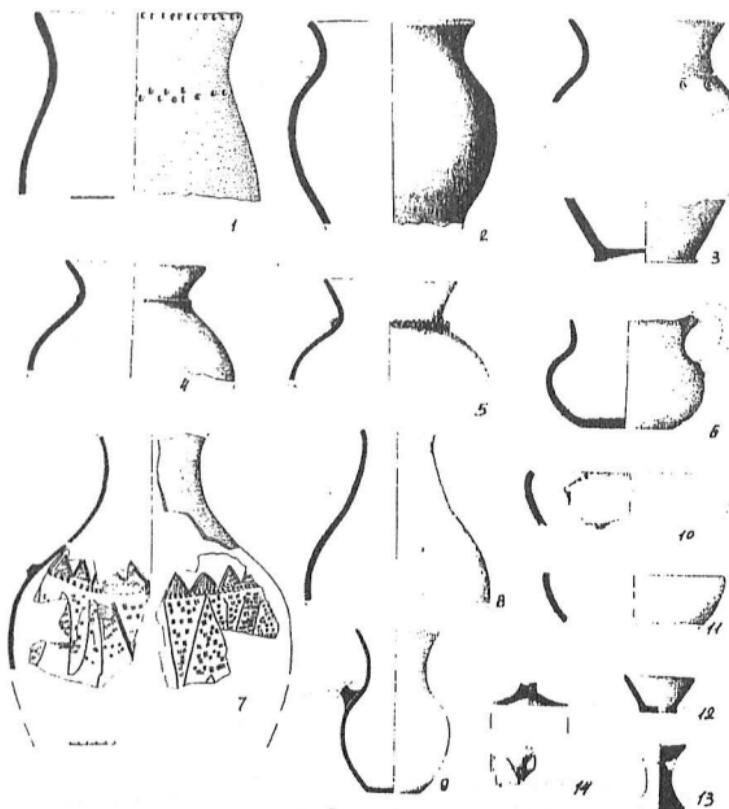

Рисунок 11

Лепная керамика усадьбы Панское 1/6

трубовидным горлом. Наиболее широко в погребальном обряде, как и на поселениях, использовались горшки с дуговидной в разрезе шейкой. По форме туловы можно выделить среднеширокий, стройный и подбиконический варианты. Интересны два сравнительно высокогорлых нелощенных сосуда с широкими плечиками (рис.5,4,6) из восточно-присиавшских катакомбных погребений Владимировка 1/1 и Владимировка 1/4, датированных временем не ранее второй половины IV в. до н.э.¹⁵⁹. В западном Присиавшье такой же горшок найден в кургане IV в. у с. Крепкое (рис.5,7). Скорее всего, эта разновидность в Крымском Присиавшье отражает не местную, а материковую степную традицию¹⁶⁰.

Основное количество учтенных горшков характеризуется средневысоким и низким горлом. К V в. до н. э. относятся два лощеных орнаментированных горшка с гребенчатым и резным орнаментами происходящие из курганных погребений. Сосуд с кизил-кобинским декором обнаружен в погребении Кольчугино 4/4 (рис.4,1), исследованном А.А.Щепинским в 1970 г. в предгорье западнее Симферополя. Второй сосуд, с орнаментом, близким восточно-крымскому, происходит из предгорного кургана 1/1895 г. раскопанного Н.И.Веселовским в имении Бобовича к северо-западу от Симферополя (рис.4,4). Остальные нелощенные сосуды средних и небольших размеров происходят из курганных погребений и захоронений в грунтовых могильниках, датируемых IV в. до н.э., несколько сосудов орнаментиро-

вано вдавленным декором. Орнаментальные пояски чаще всего расположены на венчике, изредка на плечиках и закраине дна. В Восточном Крыму среднеширокие орнаментированные и неорнаментированные горшки обнаружены в могилах Кирово 3/1 и Ленино 12/1 (рис.4,7,12;7,9) в Восточном Присиавшье в погребении Рисовое 6/10 (рис.5,1,3). На границе предгорья и южно-присиавшской степи в погребении 7 грунтового могильника у с. Приречное (рис.7,8). В центральной части Степного Крыма в курганных погребениях Дальнее 2/5; Октябрьское 3/1; Краснопартизанская 1/6 (рис.4,11;5,5;4,2,10), в Северо-Западном Крыму в погребении Далекое 7/2 (рис.4,10). Сосуд стройного варианта (рис. 4,9) происходит из погребения Ильичево 30/9, исследованного на Керченском полуострове Северо-Крымской экспедицией. По профилю ему близок небольшой горшок из погребения Ленино 5/12 (рис.5,16). В центральной части Степного Крыма к стройному варианту можно отнести горшок из погребения Далекое 7/4 (рис.5,15). Особенностью таких горшков является слабый отгиб венчика. Биконический горшок обнаружен Н.Л.Эрнстом в 1924 г. Предгорном Крыму, в погребении 3/1 у с. Бахчи-Эли под Симферополем (рис.5,12). В центральной части степного Крыма сосуды такой формы найдены в погребениях Крыловка 19/1 (рис.5,14) и Григорьевка 5/5 (рис.5,11). К типу горшков с дуговидной шейкой может быть отнесено несколько небольших сосудов бочочной формы, происходящих из уже упомянутого могильника Приречное

(рис.7,7,12), погребения Котельниково 1/5 в центральной части Степного Крыма (рис.7,8) и погребения Владимировка 1/4 в Присивашье (рис.7,9).

Горшки с раструбовидным горлом встречаются намного реже. Своеобразен подлощенный орнаментированный сосуд с невысоким округло-биконическим туловом и средневысоким горлом (рис.5,10). Он происходит из погребения в кургане Дальнее 3, однако датировка захоронения строго не определена. Впрочем, сосуд имеет сходство с кувшином и корчагой (рис.3,7; 6,4) из скифских погребений V в. до н.э. В степи завершает линию развития небольших нелощенных орнаментированных горшков, характерных для кизил-кобинской культуры, сосуд с округлым туловом и средневысоким горлом (рис.4,5), украшенный резным орнаментом. По особенностям профилировки горла он близок корчаге из Керкинитиды. Погребение датировано рубежом V-IV - первой половиной IV в. до н.э.¹⁶¹. В Северо-Западном Крыму в погребении Наташино 15/2¹⁶² обнаружен нелощеный высокогорлый сосуд (рис.5,8). Он близок горшкам этого же типа из усадьбы 6 на поселении Панское. Еще один нелощенный горшок (рис.5,9) из погребения 21/1 Акташского курганныго могильника¹⁶³, характеризуется асимметрично-биконическим туловом и четко выраженным ребром. Аналогии ему в скифское время мне неизвестны.

Корчаги. С V в. до н.э. в скифских погребальных комплексах Степного и Предгорного Крыма распространяются небольшие корчаги или корчаговидные лощеные сосуды высотой

15-27 см. Возможно, новые типы сочетают в себе морфологические особенности характерные для кизил-кобинских корчаг и для степных предскифских корчаговидных сосудов. Это можно объяснить как традиционной унификацией форм, и единством технологии производства керамики, так и новым, восточно-крымским импульсом в керамику степно-предгорного крымского района. Во втором случае, придется признать, что для керамики, условно называемой восточно-крымской, характерны определенные традиции сложившиеся еще в предскифское время.

Корчаги с округло-биконическим корпусом и раструбовидным горлом, представлены небольшим сосудом высотой 18 см (рис.3,4), восходящим ко второму варианту корчаг архаического времени. Он обнаружен в разрушенном погребении Кольчугино 1/1, исследованным А.А.Щепинским в 1970 г. в юго-западной части Предгорного Крыма. По особенностям формы сосуд близок корчаге первых десятилетий V в. до н.э. из Керкинитиды. Лощеная поверхность покрыта кизил-кобинским орнаментом, выполненным мелкозубчатым гребнем. К венчику и плечикам сосуда крепятся две небольшие петельчатые ручки. С этим же комплексом связана ручка меча с овальным навершием. В таком контексте сосуд следует отнести к V-IV вв. до н.э. К сожалению, трехгранные стрелы из этого погребения, которые позволили бы уточнить датировку, не сохранились.

К третьему варианту корчаг, характеризующемуся узким дуговидным в разрезе горлом относится вер-

хняя часть сосуда с резным декором (рис.3,10) из гробницы 16/25 могильника Стоячий Камень в Крымском Приазовье, датированной концом VI – V вв. до н.э.¹⁶⁶.

Очевидно в V в. до н.э. появляется новый вариант корчаг, характеризующийся средневысоким, дуговидным в разрезе горлом и округлым, или округло-грушевидным туловом. Лощеная орнаментированная корчага (рис.3,6) происходит из подкурганного погребения середины - второй половины V в. до н. э. Григорьевка 5/9, раскопанного в центральной части Степного Крыма¹⁶⁷. Тулооо покрыто резным орнаментом близким к декору восточно-крымского типа и рельефными налепами. К этому же варианту принадлежит небольшой сосуд с резным орнаментом, сочетающим поясок из наколов, характерный для кизил-кобинской культуры, со сложным декором восточно-крымского типа, происходящий из кургана 1/1895 г. в имении Талаевой близ Симферополя (рис.3,7). Судя по начечникам стрел из этого погребения¹⁶⁸, сосуд можно датировать первой половиной V в. до н. э. Фрагмент стенки еще одного лощеного сосуда с кизил-кобинским орнаментом, который может быть отнесен к этому варианту корчаг, происходит из степного погребения Октябрьское 4/1, датированного второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э.¹⁶⁹. Автору представляется более корректной датировка в рамках второй половины V – начала IV в. до н. э.

В IV в. до н.э. в Степном и Предгорном Крыму резной орнамент на сосудах этого варианта исчезает.

Например, лощеный сосуд (рис.3,9) из погребения Сторожевое 1/4, в степи близ Симферополя, датированного по гераклейской амфоре началом IV в. до н.э.¹⁷⁰, орнамента не имеет. Аналогичный сосуд (рис.3,12) из погребения Бахчи-Эли 2/1, раскопанного Н.Л.Эрнстом в 1924 г. на северо-восточной окраине Симферополя, так же лишен орнамента. И в этом случае, дата, определяемая по чернолаковому скифо-килику, укладывается в рамки двух первых десятилетий IV в. до н.э.¹⁷¹. Такие же сосуды (рис.3,8,11) происходят из погребений IV в. до н.э. Братское 10/2 и Дальнее 2/4¹⁷² в центральной части Степного Крыма.

К морфологически близкому варианту относится лощеная корчажка с округло-биконическим туловом, удлиненным горлом и отогнутым венчиком (рис.3,13). Она обнаружена в склепе 4/1 Акташского курганного могильника, датированном второй половиной IV в. до н.э.¹⁷³. Безусловно, ей можно найти аналогии в памятниках раннего этапа кизил-кобинской культуры, однако, ближе аналогии в керамике меотов¹⁷⁴. Датировка погребального сооружения IV в. до н.э. не вызывает сомнений. Но, возникает вопрос, как датируются захоронения в склепе. Судя по своду С.Ротроф, чернолаковая чаша, по которой ранее определялась дата - последняя четверть IV в. до н.э.¹⁷⁵ должна быть отнесена ко времени не ранее II в. до н.э.¹⁷⁶. К сожалению, аналогии №№ 802 и 803 оказались неточными¹⁷⁷. Вообще же, в Акташском могильнике, как и в могильнике Стоячий камень,

нередки захоронения позднеэллинистического времени.

Кувшины, в предгорно - степных скифских погребениях распространяются с конца VI-V вв. до н. э. Среди них можно выделить сосуды близкие по морфологическим особенностям античной гончарной посуде, кувшины, восходящие по форме корпуса и горла к сосудам предскифского или раннескифского времени, кувшины появившиеся в результате прикрепления ручки к сосудам других классов. Отсутствие устойчивых морфологических стандартов подтверждает предположение В.А.Кутайсова, выдвинувшее на материалах Керкинитиды, о том, что эта категория посуды появляется в крымской лепной посуде под влиянием античной керамики¹⁸¹.

Как самостоятельный тип можно рассматривать сосуды с невысоким отогнутым венчиком и среднешироким округлым или округло-грушевидным туловом. Лощеный кувшин из погребения Вилино 2/6 в Юго-Западном Крыму¹⁸², покрыт гребенчатым кизил-кобинским орнаментом (рис.6,10). Он выполнен, двузубым орнаментиром, тип орнамента известен на лепной посуде Керкинитиды с первых десятилетий V в. до н.э.¹⁸⁴. Близкий по форме кувшин, но с более поздним гребенчатым орнаментом, обнаружен в Керкинитиде¹⁸³, в слое первой четверти IV в. до н.э. Видимо, кувшин из Вилино может быть датирован концом VI – V в. до н.э. Лощеный кувшин с кизил-кобинским резным орнаментом (рис.6,6) обнаружен в погребении 9/6 у с. Межводное на Тарханкуте, раскопанном Северо-

Крымской экспедицией в начале 70-х гг. По наконечникам стрел погребение может быть датировано серединой – второй половиной V – первыми десятилетиями IV вв. до н.э. Лощеный неорнаментированный сосуд (рис.6,9) обнаружен в погребении IV в. до н.э. Братское 7/5 в центральной части Степного Крыма. Морфологически, кувшинам близок лощеный сосуд без ручки (рис.6,8) из погребения IV в. до н.э. Братское 7/6. Скорее всего, такой тип кувшинов и кувшиновидных сосудов появился в лепной керамике Степного и Предгорного Крыма под античным влиянием.

К иному типу относится кувшин (рис.6,3) с высоким четко выделенным цилиндро-коническим горлом и округлым туловом. Он обнаружен в погребении 3/2 предгорного курганного могильника Бахчи-Эли. Сосуд не имеет надежных кизил-кобинских и скифских степных аналогий, в большей степени он похож на античные гончарные кувшины, и орнаментированный, лепной кувшин из Керкинитиды, подражающий по форме античным образцам, обнаруженный в слое середины - третьей четверти IV в. до н.э.¹⁸⁵. Погребение 3/2 практически не отличается от погребения 2/1 в соседнем кургане, которое по аттическому скифо - килику датируется первыми десятилетиями IV в. до н.э. В такой ситуации единственный, бронзовый наконечник стрелы VII – VI вв. до н.э., на котором, иногда, строится датировка могилы, можно рассматривать как культовый предмет, более ранний, чем само погребение.

К третьему типу кувшинов, характеризующемуся высоким дуговид-

ным горлом и округло-биконическим туловом и можно отнести два сосуда. Лощеный кувшин (рис.6,1) происходит из погребения Гришино 1 / 2 конца V – начала IV в. до н.э.¹⁸⁶, раскопанного в центральной части Степного Крыма. Декор кизил - кобинского типа выполнен гребенчатым орнаментиро. Близкая дата – 90-80-е гг. до н.э.¹⁸⁷ установлена для тризы кургана 2 у с. Корнеевка на Левобережье Низового Днепра¹⁸⁸, где обнаружен фрагмент лепного сосуда с таким же орнаментом. По форме сосуд близок округло-биконическим корчагам, известным в крымском предгорье, степи и лесостепи как в предскифское, так и в раннескифское время. Морфологически, к этому же типу относится двуручный лощеный кувшин (рис.6,2) из погребения 10/3, курганного могильника IV в. до н.э. у с. Братское.

Четвертый тип кувшинов со средневысоким раструбовидным горлом и широким округлым туловом с большим дном представлен двумя сосудами. Лощеный орнаментированный кувшин (рис.6,4) обнаружен в погребении Калинино 3/3 в Степном Крыму. Орнамент в виде черных, расходящихся от горла пролощенных полос не типичен для Степного Причерноморья и Горного Крыма. Сосуд следует рассматривать как импорт. Лепная посуда с аналогичным декором известна в греческих городах Азиатского и Европейского Боспора в слоях позднеархаического и классического времени¹⁹¹. Погребение, в котором обнаружен сосуд, отнесено И.И. Вдовиченко к IV в. до н.э. по найденной в нем чернолаковой солонке¹⁹². Одна-

ко, судя по размерам и особенностям профилировки, она датируется временем от второй четверти - середины, до последней четверти V в. до н.э.¹⁹³. Такой дате не противоречит и остальной инвентарь погребения. Морфологически к этому же типу сосудов относится лощеный кувшин (рис.6,5) из погребения IV в. до н.э. Дальнее 7/4 в центральной части Степного Крыма. Вместе с ним был обнаружен лепной горшок, закрытый лепной миской. Подобная особенность размещения посуды не характерна для степных скифов, но известна в погребальной практике меотов.

Широкогорлый лощеный кувшин (рис.7,3) из погребения Сторожевое 1/2¹⁸⁹, в сущности, является горшком с дуговидным горлом, к которому прикреплена ручка. Он может быть датирован первой половиной IV в. до н.э. Еще один небольшой лощеный кувшин с резным орнаментом (рис.6,7), по профилировке и декору сопоставим с кубками восточно-крымского типа. Он происходит из погребения 31/2 Акташского могильника и датируется временем не позднее середины IV в. до н.э.¹⁹⁰.

Кубки в основном лощеные, на протяжении V в. до н. э. продолжают украшаться резным орнаментом, однако в IV в. до н.э. орнаментация исчезает. Широко распространенные в предшествующее время, сравнительно низкие кубки с короткой дуговидной шейкой и кизил-кобинским орнаментом единичны. В степи тип встречен лишь однажды (рис.2,6). Это небольшой сосуд из погребения 9/3, в курганом могильнике у с. Межводное на Тарханкуте, раскопанном в 1972 г.

Судя материалам из погребений скифского времени в этом кургане, они были совершены не ранее V в. до н.э. и не позднее первой половины IV в. до н.э.

В V – IV вв. на Керченском полуострове и в Степном Крыму бытуют восточно-крымские кубки с высоким или средневысоким горлом. Ранний вариант с высоким цилиндрическим горлом, округлым туловом и резным орнаментом известен на Керченском полуострове. Такой сосуд обнаружен в относящемся к V в. до н.э. погребении 17 грунтового могильника Фронтовое I (рис.2,11). Вероятно, верхней хронологической границей для высокогорлых сосудов с округлым туловом и слабо выраженным дном окажется первая половина V в. до н.э. Более поздними являются небольшие высокогорлые сосуды с плоским дном. Один из них найден в степи близ Феодосии на поселении Журавки 1 (рис.2,10), где в подъемном материале, вместе керамикой IV – первых десятилетий III в. до н.э., встречаются фрагменты чернофигурных сосудов и амфор V в. до н.э. Второй – из Акташского курганныго могильника, уже упомянутый при описании кувшинов (рис.6,7), относится ко времени не позднее середины IV в. до н.э. Третий (рис.2,12) обнаружен в центральной части Степного Крыма в разрушенном погребении кургана 21 у с. Григорьевка¹⁹⁴. Видимо, такие кубки могут быть широко датированы V-первой половиной IV в. до н.э.

Вариант, характеризующийся средневысоким цилиндрическим или дуговидным в разрезе горлом, первоначально известен на Керченским

полуострове, а позднее и в Степном Крыму. Один из кубков с резным орнаментом обнаружен в погребении у пос. Аршинцево (рис.2.14), которое, вряд ли датируется временем ранее V в. до н.э. Близкий ему кубок, но с более сложным декором в двух зонах – на горле и тулове, найден в Пантикееве отложениях “архаического” дома¹⁹⁵. Наиболее поздним является крупный неорнаментированный кубок IV в. до н.э. (рис. 2.15). Он происходит из погребения 7/4 курганного могильника у с. Братское.

Черпаки высотой около 10 см, как правило лощеные, но неорнаментированные, известны в погребениях, которые могут быть датированы как IV в. до н.э., так и IV - первыми десятилетиями III в. до н.э. Такие могилы раскапывались в центральной части Степного Крыма и на границе степи и предгорья. Сосуды найдены либо в женских, либо в детских захоронениях. Вероятно, характерный для кизил-кобинской керамики черпак с широким устьем, сравнительно низкой дуговидной в разрезе шейкой, и плавным переходом от стенок ко дну представлен в степи сосудом из погребения Дальнее 7/2¹⁹⁶ (рис.6,13). Сосуды из погребений Березовка 6/5 (рис.7,2), Крыловка 19/1¹⁹⁷ (рис.6,11), Дальнее 4/3¹⁹⁸ (рис.6,14), Братское 11/2 (рис.6,12), Григорьевка 15/2 (рис.7,1), представляют собой небольшие лощеные горшки с дуговидной в разрезе шейкой к которым прикреплена ручка. Черпак из погребения Березовка 6/5, в сущности, миниатюрная миска с вертикальной петельчатой ручкой (рис.7,4). Сосуды такой формы существовали как в

ранних кизил-кобинских памятниках Горного Крыма¹⁹⁹, так и в лестостенных древностях скифского времени.

Лощеные чаши с кизил-кобинским резным орнаментом единичны. По форме одна из чаш, восходит к кизил-кобинским чашам предшествующего времени, однако отличается от них отсутствием шейки (рис.2.18). Она происходит из погребения Гришино 5/7, датированного V – первой половиной IV в. до н.э.²⁰⁰. На таврском памятнике Кызык-Кулак-Кая в Юго-Западном Крыму найден фрагмент лощеной чаши с близким профилем и декором²⁰¹.

Иным вариантом является орнаментированная лощеная чаша выделенной шейкой, несколько отличными пропорциями, вогнутым дном и горизонтальной петельчатой ручкой, обнаруженная в погребении Колоски 5/5 в Северо-Западном Крыму (рис.2.16). По комплексу она датируется концом VI – первой половиной V в. до н.э. Близкую форму имеют орнаментированные сосуды таврских поселений Инкерманское и Сахарная Головка²⁰², а так же широкие, приземистые кубки Инкерманского поселения²⁰³. Появление же горизонтальной ручки можно связать с влиянием образцов античной посуды, например чаши с одной ручкой, что вполне вероятно в Северо-Западном Крыму, где уже возникла Керкинитида.

Близок к чашам по параметрам небольшой средневысокий сосуд с широким устьем и дуговидным краем и резным орнаментом восточно-крымского типа (рис.7,13). Он происходит из погребения второй половины V - первой половины IV в. до н.э.

Березовка 6/5 на Тарханкуте²⁰⁴. Сходный профиль имеют венчики лощеных сосудов с резным декором из поселений Айвазовское и Лесное²⁰⁵, одно из которых расположено на границе степи и Предгорья, второе в Горном Крыму. Такой же сосуд с восточно-крымским резным орнаментом обнаружен А.В.Гавриловым на поселении Новопокровка 3 в степи близ Феодосии. Он находился в слое пожара, который можно датировать V – первыми десятилетиями IV вв. до н.э. По существу аналогичный профиль и близкий декор характерен для фрагментированного сосуда из могильника Стоячий камень в Восточном Крыму. Погребение 5, в котором он найден, содержит инвентарь, датируемый не только ранним V до н.э., но и более поздним временем²⁰⁶. Собственно чаши – более низкие сосуды с близким профилем и резным орнаментом известны в скифское время на Северном Кавказе²⁰⁷. Если исходить из формы и декора на горле, то прототип следует искать на памятниках эпохи поздней бронзы. Однако, учитывая возникающий в таком случае хронологический разрыв, занимающий несколько столетий, а также ориентируясь на комбинацию формы и декора в целом, можно предположить, что такой тип чащевидных сосудов, распространяется в Степном и Горном Крыму вместе с восточно-крымской керамикой.

Небольшие, обычно нелощенные миски, происходящие из погребений единичны. Сосуды конической формы встречены в курганных погребениях: Григорьевка 5/5, датированном концом V – началом IV в. до

н.э.²⁰⁸ и Ильичево 31 / 3, раскопанном СКЭ в 1973 г. и относящемся к IV в. до н. э. Миски с дуговидными стенками известны в датированном IV в. до н. э. погребении 30 / 39 могильника Стоячий камень²⁰⁹, в погребении 21 / 1 Акташского курганных могильника, датированном IV в. до н. э.²¹⁰ (рис. 7,18) в курганном погребении IV – первой четверти III в. до н. э. Дальнее 7 / 4²¹¹ (рис. 7,19). Плошка с короткими вертикальными стенками обнаружена в курганном погребении Крыловка 19 / 1 (рис. 7,17), отнесенном к IV в. до н. э.²¹². Сосуды этих типов, известны с раннескифского времени, но широко распространяются в погребениях Степной Скифии к IV в. до н. э.²¹³.

Оригинальную форму имеет миниатюрная сероглиняная миска из гробницы 41 / 50 могильника Стоячий Камень, датированной концом IV – началом III вв. до н. э.²¹⁴. Это суд с изогнутыми стенками, бортиком, образованным широким желобком, расположенным под венчиком и массивным сплошным поддоном. В Крыму и Степной Скифии аналогий мне не известно. Близкий профиль характерен для посуды среднемеотского периода²¹⁵. Скорее всего, сосуд следует рассматривать как импорт.

Курильницы. Характеристика подобных, в основном лощеных сосудов, обнаруженных в Крыму и относящихся к скифскому времени дана Э.В. Яковенко²¹⁶. Практически все они представлены толстостенными сосудами с симметричной верхней и нижней частью, морфологически близкими горшкам. Безусловно, к IV в. до н. э. относится толстостенная

биконическая курильница с отверстиями из разграбленной могилы Краснопартизанская 1 / 8 (рис. 5,13), раскопанной в центральной части Степного Крыма. Несколько больше сомнений возникает при датировке сосудов из восточно-крымских и предгорных погребений. Неясна дата стройной курильницы из разграбленного склепа в кургане Ленино 12 / 1 на Керченском полуострове (рис. 7,15). По форме она близка стройной курильнице из “коллективного” погребения в кургане 1895 / 2, раскопанного Н.И. Веселовским на землях Черкеса под Симферополем, где найдены три толстостенные курильницы. В погребении Ленино 12 / 1, обнаружен железный трехлопастной наконечник стрелы, который по корреляционной таблице И.И. Марченко можно отнести ко второй – третьей четверти III в. до н. э.²¹⁷. Реально же, время бытования этого типа может оказаться и более ранним, и более поздним²¹⁸. Не позволяет уточнить датировку курильниц и гробница из кургана Черкеса, погребальный инвентарь которой, относящийся к нескольким столетиям, не разделен по комплексам²¹⁹. Нет строгих оснований и для определения даты асимметричной горшковидной курильницы (рис. 7,14) из кургана Ильичево 6 / 1. Все сказанное по поводу курильниц свидетельствует о том, что они появляются еще в IV в. до н. э. однако последующую их датировку следует уточнять. Как показывает повторное изучение материала восточно-крымских курганов, здесь в склепах IV в. до н. э. встречаются захоронения, которые следует отнести к III - II вв. до

н. э.²²⁰. Например, красноглиняный бальзамарий, из погребения Ильичево 8/1, сейчас можно уверенно датировать серединой - второй половиной II в. до н. э.²²¹, а на возможность "омоложения" некоторых захоронений в Акташском могильнике автор указывал выше.

В целом, анализ материалов V – первой четверти III в. до н.э. затруднен двумя обстоятельствами. Во-первых, керамику поселений и погребений степной части Крыма, и курганных погребений его предгорной части трудно сравнивать с кизил-кобинской керамикой горного района. Здесь следует окончательно согласиться с уже не раз упоминавшимся мнением В.А. Колотухина о том, что "...представления о керамическом комплексе этого времени носят достаточно общий характер...", так как кизил-кобинские поселения V – III вв. по существу не раскапывались²²². Такие памятники как Карапь 2, Лесное, Дружное 3, Таш-Джарган 3, Инкерманское и др., либо изучались малыми площадями, либо недостаточно четко стратифицированы.

Во-вторых, лепная керамика многочисленных поселений Керченского полуострова и степной зоны близ Феодосии, до сих пор изучена слабо. Мы можем ориентироваться лишь на незначительные коллекции таких поселений как Акташское и Новопокровка 1, с материалом, относящимся, в основном, к концу IV – первой четверти III вв. до н.э. Они же показывают абсолютное преобладание горшков и мисок скифских типов. Это свидетельствует, либо об отсутствии прямой преемственности между ке-

рамическим комплексом памятников и кизил-кобинской, или восточно-крымской керамикой, либо о постепенном затухании прежних традиций, и развитии лепной посуды в русле степных скифских традиций. Выяснить, что же произошло на самом деле, скорее всего, удастся после достаточно обстоятельной публикации материалов раскопок таких поселений как Марфовка, Марьевка, Кошара, Золотое Плато. Присутствие обильного амфорного боя говорит о том, что варварские поселения восточной части Степного Крыма были втянуты в интенсивные товарно-обменные, а судя по распространению монет в товарно-денежные отношения. По сути дела, они являлись частью хозяйствственно-экономического организма позднеклассического - раннеэллинистического Боспора.

Лепная керамика Керкинитиды свидетельствует о существовании в Северо-Западном Крыму в скифское время форм и орнаментов, преимущественно гребенчатых, характерных для поздней кизил-кобинской культуры. Возможно, такую керамику, явно отличающуюся от восточно-крымской, со второй половины VI – V вв. до н.э. следует называть западно-крымской. К совершенно иным выводам приводят лепная посуда усадьбы Панское 1/6. Здесь явно выражены традиции, характерные для населения Ольвии, возможно восточной части ольвийской хоры и скифских поселений Нижнего Днепра.

Погребения, несмотря на сравнительно немногочисленную лепную керамику, показывают более яркую картину. В центральной час-

ти Степного Крыма и в предгорье, как и в предшествующее время, в могилы помещалась преимущественно лощеная посуда. С конца VI - V в. до н. э. в Предгорном и Степном Крыму распространяются небольшие орнаментированные корчаги и кувшины. Кубки кизил-кобинской формы с резным орнаментом, с этого времени единичны, по крайней мере, автору известен лишь один экземпляр такого сосуда, относящийся к V в. до н. э. Чаще встречаются орнаментированные кубки восточно-крымского облика. Орнаментированные чаши и чашевидные сосуды редки, для них обычен кизил-кобинский и восточно-крымский орнамент. Следует отметить, что сосуды с кизил-кобинским декором характерны в основном для западной степно-предгорной части Крымского полуострова. Сосуды с восточно-крымским орнаментом, распространяются в западном направлении ориентировано до линии Симферополь - Перекоп, они известны как в степных, так и в предгорных курганных захоронениях.

С начала IV в. до н. э. в степи и на границе степи и предгорья появляются лощеные неорнаментированные сосуды корчаговидных форм, одноручные и двуручные кувшины. По форме и параметрам они близки сосудам предшествующего времени. Однако следует заметить, что похожие корчаги и кувшины, так же одноручные и двуручные, известны и в погребениях днепровской правобережной лесостепи, датируемых VI-V вв. до н. э.²²³. Скифские горшки с вдавленным орнаментом и без него

известны с IV в. до н. э. во всех районах Степного и Предгорного Крыма, однако, являются преобладающей категорией посуды лишь на востоке полуострова и в Присивашье. В целом же, можно говорить о том, что в V в. до н. э. керамика, используемая в погребальном обряде, все еще отражает традиции предшествующего времени. Более глубокое изменение керамического комплекса, фиксируется с первых десятилетий IV в. до н. э.

В связи с этим, следует сказать несколько слов о времени исчезновения в крымской степи резного и гребенчатого орнамента. Из приведенного выше материала становится понятно, что это отнюдь не единовременный процесс, повсеместно происходивший около середины IV в. до н. э.²²⁴. Так в Северо-Западном Крыму на усадьбе 6 поселения Панское, сосуд с кизил-кобинским декором найден в отложениях конца IV - первой четверти III вв. до н. э. В последние десятилетия IV - первой четверти III вв. до н. э., а возможно и позднее такой же орнамент бытует на посуде поселения Маслины. В Керкинитиде он существует, по меньшей мере, до конца IV - III вв. до н. э. Несомненно, тавро-скифское население Западного Крыма, связанное с Херсонесом и его хорой, сохранило кизил - кобинские традиции в изготовлении лепной посуды, по меньшей мере, до разгрома хоры Херсонеса, произошедшего в 70-е гг. III в. до н. э. В центральной части Степного Крыма наиболее поздние сосуды с кизил-кобинским и восточно-крымским орнаментом относятся ко времени не позднее конца V -

первых десятилетий IV в. до н.э. В раннем IV в. до н.э. здесь на смену посуде с резным и гребенчатым декором приходят неорнаментированные сосуды. Возможно, следы такого процесса фиксируется и на Нижнем Днепре. Так фрагмент сосуда с кизил-кобинским орнаментом из кургана Корнеевка 2, датируется 90-80-ми гг. IV в. до н.э. Фрагменты лепных сосудов с поздним кизил-кобинским орнаментом на Каменском городище найдены в нижних отложениях раскопа 11, которые датируют временем несколько более ранним, чем третья четверть IV в. до н.э.²²⁵. Близкая ситуация отмечается и в восточной части Крыма. Например, на расположенным в пределах Керченского полуострова Акташском селище конца IV - первой четверти III в. до н.э. орнаментированной керамики уже нет. В Акташском могильнике единственный сосуд с восточно-крымским орнаментом отнесен ко времени не позднее середины IV в. до н.э. В степи близ Феодосии керамика с восточно-крымским орнаментом встречена на многих селищах, однако здесь она не имеет надежной датировки. Впрочем, при знакомстве с материалами поселения Новопокровка I, складывается впечатление, что орнаментированная посуда в течении IV в. до н.э. и здесь либо выходит, либо почти выходит из употребления.

Итак, опираясь на материалы поселений и погребений, мы можем достаточно уверенно говорить о том, что в Степном и Предгорном Крыму, в VII – VI вв. до н.э. господствуют традиции изготовления лепной посу-

ды, полностью, или почти полностью совпадающие с теми, которые существовали в кизил-кобинской культуре Горного Крыма. Во второй половине - конце VI – V вв. до н.э. распространяется керамика восточно-крымского облика, хотя она и не вытесняет собственно кизил-кобинскую посуду, сохраняющуюся в горах и в Северо-Западном Крыму. Заметные изменения в керамическом материале происходят не позднее первой четверти IV в. до н.э. в центральном районе Степного Крыма и во внешней части предгорья. Здесь на смену орнаментированной посуде приходит посуда без орнамента. Широкое распространение простых форм степной скифской керамики фиксируют материалы последних десятилетий IV – первой четверти III в. до н.э., происходящие с поселений Новопокровка и Акташское, расположенных в восточной части Крымского полуострова. Несколько особняком стоит лепная керамика херсонесской усадьбы Панское I / 6. Здесь, керамика явно свидетельствует в пользу того, что в освоении Северо-Западного Крыма, могло принимать и принимало участие варварское, или смешанное греко-варварское население, связанное с Ольвией.

Завершение скифского периода в Степном Причерноморье и в Крыму обоснованно относят к первой четверти – первой трети III в. до н.э. Комплексы же позднескифской культуры, фиксируются в Предгорном Крыму с конца III – середины II в. до н.э. Последнее не значит, что здесь нет памятников промежуточного времени, они просто не исследованы. Однако и в

такой ситуации, сравнение сосудов, сведенных в этой работе, с имеющейся, но пока не опубликованной лепной керамикой Неаполя скифского, Доб-

рого и поселений Северо-Западного Крыма, позволит достаточно определенно ответить на вопрос о происхождении позднескифской культуры.

Примечания

1. Власов В.П. Етнокультурні процеси Криму у III ст.. до н.е. – IV ст.. н. е. (за матеріалами ліпної кераміки). Автореф. дисс. канд. іст. наук. К., 1999.
2. Сенаторов С.Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань 2 // ХС. Вып. IX. Севастополь, 1998.
3. Колотухин В.А. Киммерийцы и скиты Степного Крыма // Симферополь, 2000. С. 62.
4. Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
5. Колотухин В.А. Киммерийцы и скиты... С. 62.
6. Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. К., 1965. С.91-100.
7. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура и тавры // САИ - 1981, вып. Д.1-7. С. 17-20.
8. Крис. Х.И. Ук. соч. С. 20.
9. Там же. С. 30-31, табл.5.
10. Колотухин В.А. Население предгорного и горного Крыма в VI – V вв. до н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987; Колотухин В.А. Кизил-кобинський посуд VIII – першої половини V ст.. до н.е. // Археологія. 1990. № 2.; Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. К., 1996. С.35 – 44.
11. Колотухин В.А. Горный Крым...С.35.
12. Там же. С.36.
13. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 3-4.
14. Там же. С.4 – 5.
15. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология // / Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2002.
16. Там же.С. 10.
17. Ср. Власов В.П. Етнокультурні процеси в Криму...С.6.
18. Сенаторов С.Н. Ук. соч. С.16.
19. Там же. С. 14-19.
20. Сенаторов С.Н. О восточно - крымской лепной керамике середины VI – первой трети III вв. до н.э.// Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 299.
21. Колотухин В.А. Горный Крым...С.62-63
22. Лесков А.М. Горный Крым...С.83-85.
23. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. табл.89.
24. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско - кавказские связи // Скифия и Кавказ К., 1980. рис.5,12;6,2,19.
25. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по материалам Северо-Кавказской экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК, 1935. Вып. 104.
26. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 64 с. 68- 81.
27. Гаврилюк Н.О. Керамика степовых скіфських поховань IV-III ст. до н.е. // Археология. 1984. № 48; Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика архангельского поселения Черноморка II // Древности Степной Скифии. К., 1982; Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скитов. К., 1989.

28. Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика... С.75.
29. Гаврилюк Н.О. Кераміка степових скіфських поховань. С.18-19; Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скіфов. С.41-57.
30. Былкова В.П. Лепная керамика поселений Нижнего Поднепровья античной эпохи (VI – первая треть III в. до н.э.) // Древнее Причерноморье: IV чтения памяти П.О. Карышковского. Одесса., 1998; Былкова В.П. Поселення Нижнього Дніпра в IV ст.. до н.е. – III ст.. н.е. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 1999. С.9-11.
31. Яковенко Е.В. Кулясті курильниці IV ст. до н.е. – Й ст. н.е. // Археологія. 1971. № 2; Скіфи Східного Криму в V – III ст.. до н.е. К., 1974. С.108-112; Ліпна кераміка VI-V ст. до н.е. з Німфея // Археологія. 1978. № 27.
32. Кастаная Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1952. № 25; Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. С. 9-10.
33. Марченко К.К. Лепная керамика V- III вв. до н.э. городища у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1. С. 124.
34. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII - первой половине I в. до н.э. (по материалам лепной керамики). Л., 1988. С. 71 и сл.
35. Лесков А.М. Кировское поселение // Древности восточного Крыма. К., 1970. С. 16-31.
36. Деопник Д.В. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово // Древности восточного Крыма. К., 1970.
37. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии... С. 67.
38. Там же. С. 67.
39. Латышева В.А. О населении херсонесской хоры в Северо - Западном Крыму // Древности. Харьков, 1996, С. 57; L. Hannestad, V. F. Stolba, A.N. Ільєглов. Panskoye I. Volume I. The monumental building U 6. Aarhus University Press, 2002, Р. 180.
40. Сенаторов С.Н. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов северного Причерноморья. СПб., 1999.
41. Там же. С. 60.
42. Сенаторов С.Н. Кизил-кобинская керамика VIII – первой половины VI в. до н.э. из Нимфея // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С.87-88.
43. Бутягин А.М. Варвары на поселениях архангельского Боспора по материалам лепной керамики из ранних комплексов Нимфея и Мирмекия // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998. С. 141.
44. Соловьев С.Л. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ. Вып. 32. 1995. С.37-38; Ольховский В.С. О населении Крыма в скіфское время // СА. 1982. № 4. С.61.
45. Скуднова В.М. Скифские памятники Нимфея // СА. № 21.1954. С. 313; Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962, С.13 и сл.; Яковенко Е.В. Ліпна кераміка VI – V ст.. до н.е... С. 41; Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров (территория хронология, взаимоотношения с античными городами и скіфами) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1957. С.65; Лесков А.М. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА. 1961. №1. С.262; Колотухин В.А. Горный Крым... С.83.
46. Яковенко Е.В. Ліпна кераміка VI – V ст. до н.е...
47. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология // Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2002. рис.208 – 228.
48. Бутягин А.М. Варвары на поселениях архангельского Боспора ...
49. Там же. С. 142.
50. Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика... С.80.
51. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии...

52. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... С. 15-16.
53. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. № 33. С. 81; Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. М., 1981. С. 29, 54-55.
54. Книпович Т.Н. Опыт характеристики... С. 162, 172.
55. Онайко Н.А. Архайический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 85-86.
56. Марченко К.К. Лепная керамика V-III вв. до н.э... С. 130-131.
57. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 165, 171; Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской // МИА. 1958. № 64. С. 279.
58. Онайко Н.А. Архайический Торик... С.84-85.
59. Сенаторов С.Н. О лепной керамике варварского поселения... С.64.
60. ср. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе...табл. 89,4.
61. ср. Колотухин В.А. Горный Крым... рис.38,9;43,10.
62. Там же. Рис. 41,8, 42,1.
63. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура... Табл. 19, 3,5,6; Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени в долине Салгира // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Віп. VII. Запоріжжя, 1999. Рис. 4,5,6; Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... Рис. 5,1; Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских погребений Северного Причерноморья" // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997. Рис.10,4.
64. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис. 10,11.
65. Соловьев С.Л. Лепная керамика...С.32, рис. 2. 1-5; Марченко К.К. Варвары в составе населения... Рис. 19.
66. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура...; Колотухин В.А. Горный Крым... ; Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени...
67. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикея... С.82.
68. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник..... Рис.1,9.
69. Яковенко Е.В. Ліпна кераміка VI – V ст. до н.е.... С. 38, рис. 3.
70. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время М., 1989. Табл.90- 91.
71. Власов В.П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры // Древности. Харьков, 1996. С. 19.
72. Колотухин В.А. Горный Крым... С.43.
73. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... С.18, мотив 18.
74. Марченко К.К. Лепная керамика V- III вв. до н.э... С. 88, 90.
75. Соловьев С.Л. Ук. соч. С.32.
76. Марченко К.К. Лепная керамика V- III вв. до н.э... Рис.22,8.
77. Храпунов И.Н., Власов В.П. Ук. соч. Рис.5,2.
78. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II веков до н.э. Саратов, 1999. С.580.
79. Виноградов Ю.А. Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991. С.15; Бутягин А.М. Варвары на поселениях архайического Боспора ...С. 85.
80. Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени...
81. Шульц П.Н., Столляр А.Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСИИМК. Вып.71. 1958. С. 64.
82. Лесков А.М. Горный Крым...С.178.
83. Ольховский В.С. Погребально - поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н.э.). М., 1991. С.85.

84. Колотухин В.А. Горный Крым...С.40; Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры...С.16-18.
85. Сенаторов С.Н. Ук. соч. С.15.
86. Там же. С.19.
87. Колотухин В.А. Горный Крым...С. 44.
88. Сенаторов С.Н. Ук. соч. С. 17-18.
89. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 39,6.
90. Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени... С. 85.
91. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. С. 77. Табл. 16. 1-6.
92. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология / / Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1993. С.29-30, тип. 2,33.
93. Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время. С. 63. Рис.2.6.
94. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура...Табл.10, 3,7.
95. Марченко К.К. Лепная керамика V- III вв. до н.э... Рис.19,7.
96. Соловьев С.Л. Ук. соч.С.36.
97. Яковенко Э.В. Раннескифские погребения Восточного Крыма / / Древности степной Скифии. К., 1982. С. 68.
98. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000. С.33.
99. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис.10,5.
100. Там же. Рис.10,4.
101. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура...Табл. 29,9; Колотухин В.А. Горный Крым... Рис. 40,19.
102. Капошина С.И. Из истории колонизации нижнего Побужья / / МИА. № 50. 1956. Рис. 6.
103. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966. С. 121.
104. Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии / / МИА. № 50. 1956. Рис. 5,6; Соловьев С.Л. Ук. соч. Рис. 2,13.
105. Крис Х.И. Кизил – кобинская культура...Табл.30;50; 28,2.
106. Троицкая Т.Н. Погребение у с. Белоглинка под Симферополем / / СА. 1957. Вып. XXVII; Лесков А.М. Горный Крым...С. 174.
107. Соловьев С.Л. Ук. соч. Рис.1,1,2,2,1,7,13.
108. Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени...Рис. 4,4.
109. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис.10,2.
110. Сенаторов С.Н. О восточно – крымской лепной керамике середины VI – первой трети III вв. до н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999; Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры...С. 19.
111. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Рис.24, 1,2,4,10.
112. Махортых С.В. Скифы на северном Кавказе. К., 1991, с. 50.
113. Скуднова В.М. Архaeический некрополь Ольвии. Л., 1988. Кат. 145, 243.
- 114.ср. Колотухин В.А. Горный Крым...Рис.48,6, 7.
115. Соловьев С.Л. Ук. соч. Рис 2, 14.
116. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 40; Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль. Рис.3,4.
- 117.ср. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис.1,22; 8,17,20,54.
118. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея... С.82.
119. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975; Гаврилов А.В. Сільська округа Феодосії у V – II ст. до н.е. Автореферат дис. канд. іст. наук. К., 1999.
120. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. К., 1990. С.26,43,70.
121. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды / / Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987. С.37.

- 122.ср. Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора VI – I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 8. 1995. С.57-62.
- 123.Кругликова И.Т. Поселение Андреевка Южная // Древности Боспора. 4. М., 2001; Кругликова И.Т. Южно-Чурубашское поселение // Древности Боспора. 5. М., 2002.
- 124.Кругликова И.Т.Сельское хозяйство Боспора. Рис.27; 28;29,2.
- 125.Гаврилов А.В. Сільська округа Феодосії у V – II ст. до н.е. Автореферат дис. канд. іст. наук. К., 1999.
- 126.Сенаторов С.Н. О восточно-крымской лепной керамике середины VI – первой трети III вв. до н.э. С.296.
- 127.Кругликова И.Т. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г. // КСИА. Вып. 74. 1959 ; Кругликова И.Т.Сельское хозяйство... С. 72.
- 128.Лесков А.М. Горный Крым...Рис.15,5-11; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... Рис.31,32.
- 129.Гаврилов А.В. Сельская округа Феодосии в V – II вв. до н.э. // Дисс. канд. ист. наук. К., 1999. Рис. 49-13-18.
- 130.Там же. Рис 19-22.
- 131.Там же. С.18.
- 132.Кац В.И. Пункт обмена зерна на вино на поселении Новопокровка I // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003, С.135.
- 133.Там же. С.137. прим.
- 134.Там же. С.136-137.
- 135.Бессонова С.С., Бунятиян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988, С.91; Билкова В.П. Поселення Нижнього Дніпра в IV ст.. до н.е. – III ст..н.е. // Автореф. канд. іст. наук. К., 1999. С.9.
- 136.Марченко К.К. Лепная керамика V- III вв. до н.э...Рис. 14.
- 137.Бессонова С.С., Бунятиян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник ...
- 138.См. Ук. соч. С.76-90 с хронологическими корректировками по С.Ю.Монахову, Н.Ф. Федосееву и А.В.Гаврилову.
- 139.Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI – III вв. до н.э. К., 1999. Рис. 8,2,6,8.
- 140.Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987. С. 27.
- 141.Там же. С. 31.
- 142.Крис Х.И. Кизил-кобинская культура...Табл. 21,1.
- 143.Кутайсов В.А. . Кизил-кобинская керамика...С. 34.
- 144.Там же. С.37.
- 145.Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность...С.80.
- 146.Латышева В.П. Ук. соч.С.58.
- 147.Там же. С.57.
- 148.L. Hannestad, V. F. Stolba, A.N. Ščeglov. Panskoye I. Volume I. The monumental building U 6. Aarhus University Press, 2002, P.37.
- 149.Гаврилюк Н.А. Домашнее производство... Рис.4,3;6,1,7;10,5,6,12;11,5,20.
- 150.L. Hannestad, V. F. Stolba, A.N. Ščeglov. Panskoye I... P.188.
- 151.Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... Рис. 4,10; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... Рис. 32,8.
- 152.Гаврилюк Н.А. Домашнее производство ...Рис. 16,3.
- 153.Гаврилюк Н.А., Отрошко В.М. Ук. соч. Рис. 1,13-17.
- 154.Гаврилюк Н.А. Ук. соч. Рис. 5,12,13,14,16.
- 155.L. Hannestad, V. F. Stolba, A.N. Ščeglov. Op. cit. P.188. Pl. 80, C. 20.
- 156.Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... Рис.1;4.

- 157.Щеглов А.Н., Рогов Е.А. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Приднестровье и в Северо – Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии: Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985; Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры (типология и хронология) // Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2001. С.151.
- 158.Сенаторов С.Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань 2.
- 159.Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.11,14.
- 160.Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность... С. 148; Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.71.
- 161.Колотухин В.А. Ук. соч. С. 22.
- 162.Там же С. 42.
- 163.Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С.47.
- 164.Гаврилов А.В., Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V-III вв. до н.э. у с. Приречное в Крыму // Старожитності Степового Причорномор'я в Криму. Віл. X. Запоріжжя, 2002, С.100,103.
- 165.Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. К., 1970. С.159-160.
- 166.Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма. С. 12.
- 167.ср. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.35-37.
- 168.Лесков А.М. Горный Крым...Рис.39, 12-16.
- 169.Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.32.
- 170.Там же. С.53.
- 171.Sparkes B., Talcott L. Bleck and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // A.A. 1970. Vol. XII. Kat. 621, 622.
- 172.Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганы Степного Крыма. Запорожье, 1994. С.43.
- 173.Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... Рис. 2,13.
- 174.Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.36.
- 175.Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганы Степного Крыма. С.17.
- 176.Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник ... С.114.
- 177.Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VIII в. до н.э. – III в.н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, табл. 91, 27.
- 178.Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С. 41.
- 179.Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials.The Athenian Agora.Vol. XXIX.1997.Cat.685 .
- 180.Sparkes B., Talcott L. Bleck and Plain Pottery ...
- 181.Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... С.34.
- 182.Лобода И.И. 2001, С.24.
- 183.Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... Рис. 1,6.
- 184.Там же. С.30 –31.
- 185.Там же. Рис.2,2.
- 186.Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Курган скифского времени в Северном Крыму // СА.1986, №4. С.238.
- 187.Монахов С.Ю. Ук. соч. С. 576.
- 188.Ковалев Н.В. Полин С.Н. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской обл.// Курганы Степной Скифии. К., 1991, рис. 4.
- 189.Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы...С. 51-52.
- 190.Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Ук. соч. С.48-49.
- 191.Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикеапея...С.82-83.
- 192.Колотухин В.А. Ук. соч. С. 25.
- 193.Sparkes B., Talcott L. Op. cit. Kat. 854, 871.
- 194.Колотухин В.А. Ук. соч. С.39.

195. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры (типология и хронология) // Дисс... канд. ист. наук. Рис. 207,1.
196. Колотухов. С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Ук. соч. С. 57.
197. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.18,29.
198. Колотухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Ук. соч. С.53.
199. Лесков А.М. Горный Крым...Рис.17.
200. Колотухин В.А. Ук. соч. С.35.
201. Лесков А.М. Горный Крым... Рис. 15,5.
202. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура...Табл.16, 7,8.
203. Там же. Табл.28,3,10.
- 204.. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.18-19.
205. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 15,7; Колотухин В.А. Горный Крым...Рис.47,8.
206. Корпусова В.Н., Орлов Р.С. Могильник VI – IV вв. до н.э. на Керченском півострові / / Археологія. Він. 28. 1978. Рис. 3, 8-10.
207. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 38,59; Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе...Табл. 89, 12; Козенкова В.И. Kobанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скіфо-сарматское время. М., 1989. Табл. 104,19,24.
208. Колотухин В.А. Горный Крым...С. 39.
209. Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма... С. 16.
210. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С.115.
211. Колотухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Ук. соч. С.57-58.
212. Колотухин В.А. Ук. соч. С. 30.
213. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Ук. соч. С.48.
214. Масленников А.А.Каменные ящики ... С. 20.
215. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа...Табл. 91,31; 96, 11, 12.
216. Яковенко Е.В. Кулясті курнільниці IV ст. до н.е. – I ст. н.е...
217. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. Рис. 116.
- 218.ср. Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скіфских погребений в курганах Восточного Крыма...Рис.26,28; Колтухов С.Г. О крымских курганах с "коллективными погребениями" // Поздние скифы Крыма. М., 2001. Рис.5-6; Зайцев Ю.П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма. М., 2001. Рис. 8.
219. Дащевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1-7. М., 1991. Табл. 46.
220. Колтухов С.Г. О крымских курганах с коллективными погребениями. С.62-63.
221. Πατακονταντίου Μ.Φ. Εχίνος//Ελληνιστική κεραμική από τη Θεσσαλία. Αθήνα., 2000. Εικ 1.
222. Колотухин В.А. Ук. соч. С. 62.
223. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скіфской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. К., 1989. Рис.21,1-5; 22, 2,7,10.
224. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С.49; Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы...С.19,22,39.
225. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии...С.49,247,251.

О ГРАНИЦАХ ТЕРРИТОРИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОСУДАРСТВА НА РУБЕЖЕ IV – III ВВ. ДО Н.Э.

По единодушному мнению антиковедов херсонесские владения достигают максимальной величины в последней трети IV в. до н.э. Однако конкретная территория этих владений до сих пор не установлена. Вместе с тем, возможности для решения этого вопроса еще не исчерпаны (рис. 1). Основная задача статьи сводится к попытке определить территориальные размеры херсонесского государства в период его наивысшего расцвета. Важность данной проблемы обусловлена тем, что уровень развития античных государств, в значительной степени, определялся размером территории, подверженной сельскохозяйственной эксплуатации. Для решения поставленной задачи предполагается собрать вместе как можно больше прямых и косвенных материалов, касающихся возможности присутствия херсонесских памятников на участках западного побережья Крыма: между озером Кизил-Яр и Севастопольской бухтой, к северу от Бакальской косы, а также вокруг озера Донузлав. Все пять численные земли, как правило, и случались из херсонесских владений.

До последней четверти XIX в. внимание исследователей было сосредоточено, в основном, на изучении Херсонеса, как городского центра. Условия для постановки проблемы о его земельных владениях были созданы находками и введением в на-

учный оборот важных эпиграфических документов: гражданской присяги херсонеситов, декретов в честь Диофанта и Агасикла, надписи об осаде Калос Лимена (*IosPE*, I², 401; *IosPE*, I², 352, 313)¹. Таким образом, в начальный период изучения Херсонеса, как государства в его территориально-географическом аспекте (80-е гг. XIX - 30-е гг. XX вв.), на основании, преимущественно лапидарной эпиграфики, не дающей однозначного ответа, среди исследователей возникли различные мнения относительно его величины, которые, в основном, разделились на четыре группы².

1. Ряд исследователей принял предположение В.В.Латышева о значительной величине херсонесской территории (*IosPE*, I², 401)³. По этой гипотезе, развитой Ю.А.Кулаковским, хора Херсонеса представляла собой узкую полосу степной равнины вдоль западного побережья Крыма со сплошной зоной "хлебопашества"⁴.

2. По мнению Л.А.Монсеева, херсонесское государство простипалось на всю западную половину Крыма. Помимо того, основываясь на ошибочном отнесении топонима *Хερσόνησος* у Страбона (VII, 4,6) не к Крымскому полуострову, а к полуострову, он считал, что к нему также отходила "и некоторая часть южного побережья"⁵. О возможности впасть в подобную ошибку и перепутать Хер-

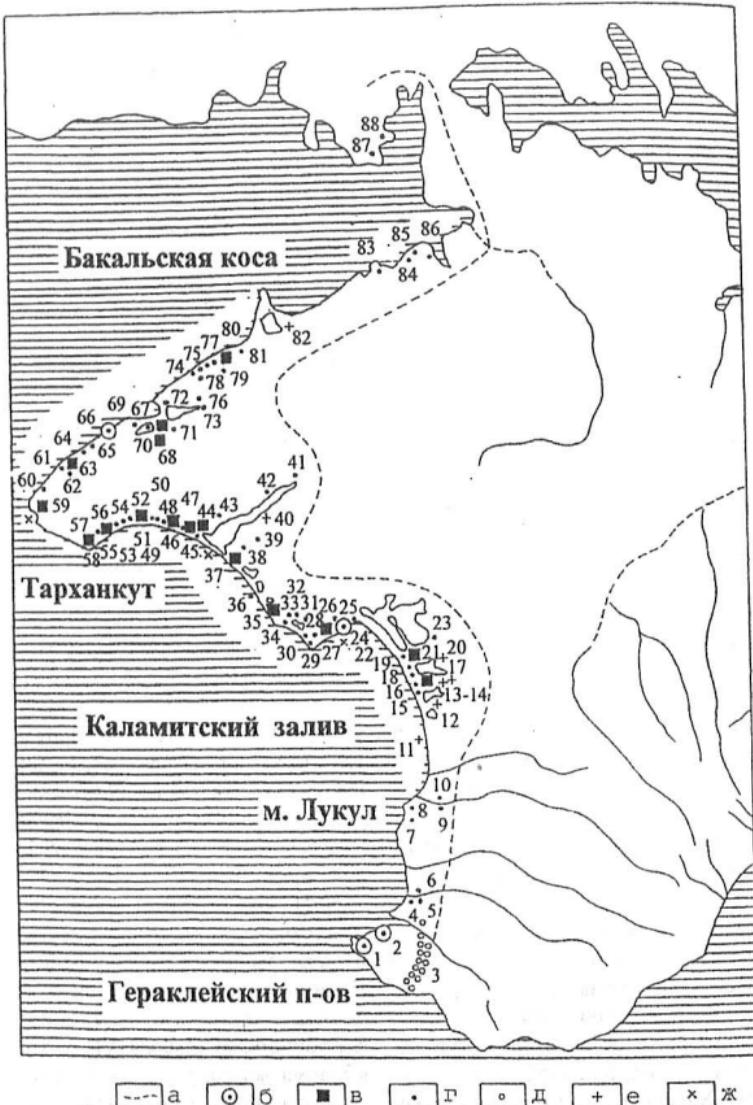

Рисунок 1
Обзорная картосхема памятников Херсонесского государства (рубеж IV - III вв. до н.э.)
в Западном Крыму

согласно Таврический с Крымом предупреждал еще Э.Х. Минз⁶.

3. П.О. Бурачков и, вслед за ним, Е.Э. Иванов, в связи с локализацией "прочих земель" Присяги вне пределов Крыма, решили, что северная граница хоры проходила у Днепровских порогов⁷. Этот вывод не критически, почти буквально был использован К.Э. Гриневичем⁸. Однако, в скромном времени он отказался от него и пришел к мнению о распространении херсонесских владений "на всю западную половину Крыма до Евпатории включительно"⁹. Несмотря на недостаточно ясно выраженную мысль автора, государственная территория на сей раз ограничена крымскими землями. Представления о размерах херсонесских владений, аналогичное второй гипотезе К.Э. Гриневича, имел и М.И. Ростовцев¹⁰. В настоя-

щее время у гипотезы П.О. Бурачкова и Е.Э. Иванова не осталось явных приверженцев.

4. А.Л. Бертье-Делагард, на основании того же набора источников, отрицал значительность херсонесских владений, считая, что они сводились к окрестным землям города и его временным факториям на "жалких берегах западной Тавриды"¹¹. Этими четырьмя гипотезами исчерпывается начальный период изучения херсонесской хоры.

Новый этап изучения этой проблемы начался с 30-х гг. XX в., когда М.А. Наливкиной была поставлена задача первоочередного разведочного обследования западного побережья Крыма с фиксацией на карте всех эллинистических поселений для увеличения "скучных археологических данных об исторической жизни этого района"¹².

На схеме (рисунок 1):

- а - приблизительные границы херсонесской территории; б - города; в - укрепления; г - поселения; д - зависящие от Херсонеса варварские поселения; е - пункт обнаружения подъемного материала IV - III вв. до н.э.; ж - места кораблекрушений;*
- 1 - «Херсонес Странова»; 2 - Херсонес; 3 - условное обозначение группы варварских поселений, зависящих от Херсонеса; 4 - Усть-Бельбек (поселок гончаров, разведки О.Я. Савели); 5 - Угловое; 6 - Вилино (5-6 - см. Колтухов, Зубар, Миц, 1992); ба - Алма-Тамак (Шулыц, 1948 г.; разведки А.А. Волошина, И.И. Неневоли 1998 - 1999 гг.); 7 - Усть-Альма; 8 - Николаевка; 9 - Ивановка I; 10-11 - Михайловка I, 2, 12-13 - Кизил-Яр, Кизил-Яр I; 14 - Ново-Федоровка; 15 - Сакская пересыпь; 16 - Саки I; 17 - Беркина балка (?); 18 - Кара-Тобе; 19 - Кара-Тобе I; 20 - Гаршино; 21 - Соляная пристань (разведки А.И. Полканова начала 50-х гг.); 22 - Керкиништада; 23 - поселение на ул. Сантарской в Евпатории; 24 - Чайка; 25-26 - Маяк I, II; 27 - Песчанка; 28 - Тереклы-Контрат; 29 - Мурзачек; 30 - Витино; 31 - Берегово; 32 - Айрычи; 33 - Хуторок; 34 - Поповка (Южно-Донузлавское); 35 - Южно-Донузлавское I; 36 - Крыловка; 37 - Новоозерное; 38-39 - памятники, открытые П.И. Шульцем, но не получившие название; 40 - Озерное (Озеровка, Теркли-Ас); 41 - Западно-Донузлавское; 42 - Беляусский трактир; 43 - Беляуское укрепление и поселение Беляус Восточное; 44 - Громовка; 45 - Кульчик; 46 - Лазурное; 47 - Окунеква I; 48 - Тарпанчи Восточное; 49 - укрепление Тарпанчи и поселение Тарпанчи Западное; 50 - Пристань N 15; 51 - Акчи Сарай; 52 - Мармино; 53 - Джан Баба; 54 - Джан Баба I; 55 - Ойрат; 56 - Караджа; 57 - Чортовая; 58-59 - Джангуль I, II (N 58 относится ко II в. до н.э., но также принадлежит Херсонесу); 60 - Большой Кастрель; 61 - Кипчак; 62 - Абузлар; 63 - Калос Лимен; 64-67 - Панское I, II, III, IV; 68 - Ярылач; 69 - Межводное; 70 - Джарылгач; 71 - Гроты; 72-73 - Скалистое 3,4; 74-75 - Бурун-Эли 2,3; 76 - Северное 2 (NN 72-76 - разведки С.Г. Колтухова); 77 - Маслины (городище и селище); 78 - Котовское 2 (разведки С.Г. Колтухова); 79 - Бакал (разведки П.И. Шульца); 80 - Портовой (разведки А.А. Щепинского); 81-82 - Борисовка I, II; 83 - Кумов (NN 81-83 - разведки М.К. Зинновьева); 84-85 - Александровка I, II (разведки С.Б. Буяских). На схеме не обозначены остатки сельскохозяйственных наделов, могильники (см. Щеглов, 1978, с. 32) и большинство памятников сельских округов г. г.

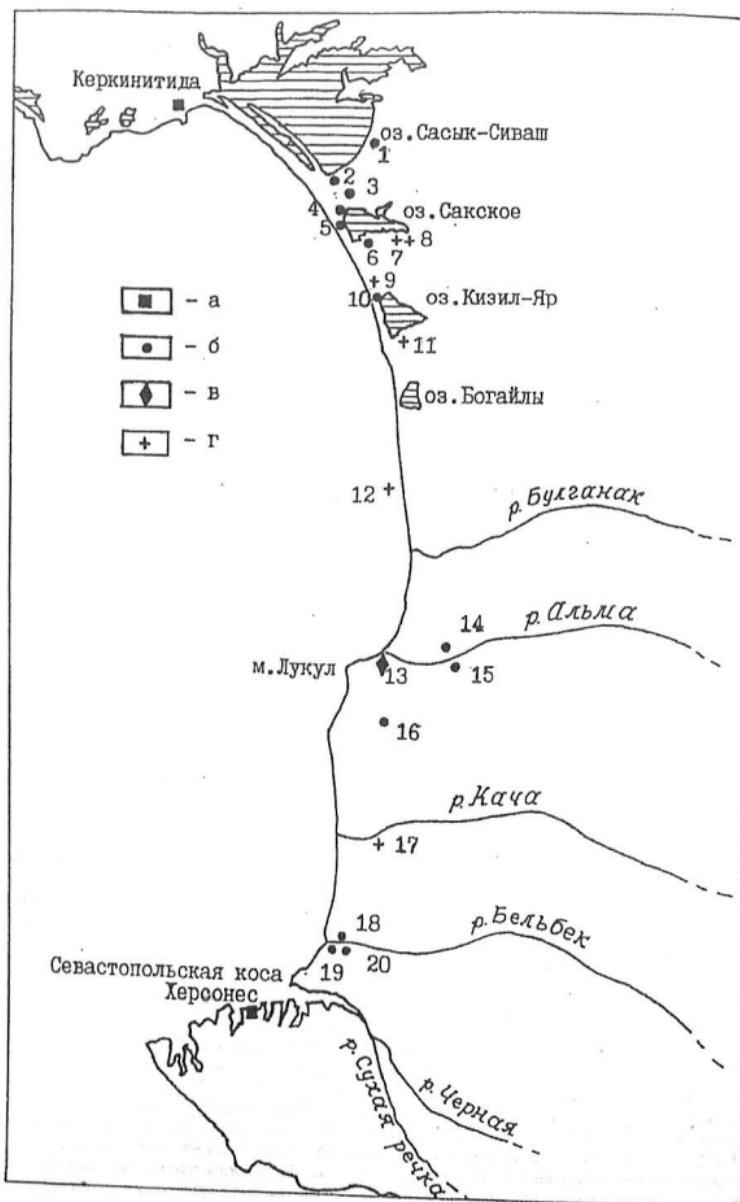

Рисунок 2

Археологическая картосхема античных памятников Юго-Западного Крыма.

Первый конкретный шаг в этом направлении осуществил П.Н. Шульц, который провел разведки и небольшие раскопки в Северо-Западном Крыму. В 1933-1934 гг. он исследовал участок побережья от поселка Оленевка (б. Караджа) Черноморского района до поселения Кара-Тобе у южной оконечности оз. Сасык-Сиваш¹³.

По ряду причин П.Н.Шульцу удалось продолжить свои работы только после Великой Отечественной войны¹⁴. В 1948 году он вместе с Г.Д.Смирновым обследует побережье от р. Альмы до Перекопа и южный берег оз. Донузлав¹⁵. В начале шестидесятых – наносит на карту археологические памятники на северной стороне Донузлава¹⁶. В 1960 и 1964 гг. он безуспешно разыскивал эллинистические памятники в устье реки Колончак на территории Херсонской области¹⁷. Опубликовать материалы всех этих изысканий ему не удалось. Они и по сей день не введены в научный оборот.

Все дальнейшие исследования до самого последнего времени проводились в границах территории, обследованной П.Н.Шульцем еще в 1933 – 1934 гг. Более поздние его открытия за пределами исследованной в указанные годы территории не рассматривались. Из зсех поселений Западного Крыма он на основании подъемного материала, в котором преобладала “скифо-сарматская посуда”,

считал греко-скифскими только пять: Керкинитиду, Калос Лимен, Беляус, Караджу и Чайку¹⁸. Все остальные, по его мнению, являлись варварскими, возникшими одновременно с греческими поселениями в IV в. до н.э., и “скифы … доминировали (здесь – автор) вплоть до IV в. н.э.¹⁹. Согласно этой гипотезе хора Херсонеса представлялась П.Н.Шульцу совокупностью территориального массива Гераклейского полуострова и разомкнутых херсонесских владений в земледельческой области позднескифского государства, что по существу не отличалось от мнения А.Л.Бертье-Делагарда о структуре и границах херсонесской хоры. Гипотеза П.Н.Шульца подверглась дальнейшей разработке и была принята большинством отечественных ученых в 30-х – 50-х гг. XX в.²⁰.

С 1959 г. в Северо-Западном Крыму развернулись широкие полевые работы. Одной из основных задач становилось выявление границ херсонесской хоры, ее устройства и развития. Пересмотрела гипотезу П.Н.Шульца в 1964 г. О.Д.Дашевская, отнесшая возникновение скифских поселений на месте греческих ко II в. до н.э.²¹. Пришедший к такому же выводу А.Н.Щеглов, на основе выработанных им же надежных и достаточных критериев²², в общих чертах определил границы Херсонесского государства. По предложенной

На схеме (рисунок 2):

1 - пос. Гаршино; 2 - пос. Кара-Тобе I; 3 - пос. Кара-Тобе; 4 - пос. Саки I; 5 - Сакская пересыпь; 6 - пос. Ново-Федоровка; 7, 8 Михайлова I, 2; 9 - Кизил Яр I; 10 - пос. Кизил-Яр; 11 - Ивановка I; 12 - место находки керамики вблизи пгт. Николаевка; 13 - пос. Усть-Альма; 14 - пос. Алма-Тамак; 15 - пос. Вилино; 16 - пос. Угловое; 17 - место находки мраморного рельефа со сценой трапезы; а - античный город; б - херсонесское поселение; в - скифская крепость; г - пункт обнаружения подъемного материала

им четкой концепции, не подвергавшейся сомнению до недавнего времени, владения Херсонеса в период его наивысшего расцвета находились вблизи города на Гераклейском полуострове (ближняя хора), а также простирались, в основном, узкой полосой вдоль берега Северо-Западного Крыма (дальняя хора) от оз. Сасык-Сиваш (включительно) на юге до Бакальской косы на севере, захватывая, однако, и весь Тарханкутский полуостров. Между этими двумя освоенными зонами отмечался территориальный разрыв, протяженностью до 60 км²³.

Гипотетичная реконструкция херсонесских границ порой принимается за отправную точку, на основе которой выводятся последующие исторические построения. В частности, Д.С.Раевский локализовал упомянутый Страбоном (VIII, 4, 7) и Птолемеем (III, 6, 2) город Евпаторион на поселении Кара-Тобе²⁴, исходя из того, что согласно свидетельству декрета в честь Диофанта, его войско переправилось “на ту сторону”, где он и основал город (IosPE, I², 352). Под той стороной понимались противоположный от Херсонеса берег Каламитского залива, а главное – другая часть государства в Северо-Западном Крыму. Этую локализацию Евпаториона косвенно поддержал и С.Ю.-Внуков²⁵. В период всеобщего признания гипотезы территориального разрыва против нее выступил только В.В.Лапин. Он в 1966 г. высказал мысль о том, что с точки зрения здравого смысла невозможно изолированное положение Херсонеса и Керкинитиды. И будет вполне естественным,

если будущие исследования откроют нам ныне неизвестные поселения²⁶.

А.Н.Щеглов никогда полностью не исключал возможности заселения греками участка побережья, соединяющего Юго-Западный и Северо-Западный Крым, но считал, что археологическим путем этого проследить нельзя в связи с интенсивной абразией²⁷. Однако, впоследствии он априорно определил южную границу северо-западной части херсонесской хоры до п.г.т. Николаевка²⁸. Между тем, наличие разрыва в херсонесских владениях по-прежнему не оспаривалось. Не поднимались и вопросы о возможности вхождения в херсонесскую государственную территорию участка побережья к северу от Бакальской косы. До сих пор не проанализированы уже давно известные находки античного времени вокруг озера Донузлав, берега которого традиционно исключаются из зоны херсонесских владений.

Предложенная А.Н.Щегловым археологическая карта античных памятников Западного Крыма²⁹, а, следовательно, и схема максимальных границ Херсонесского государства, безусловно, весьма достоверная, по существу, никем, кроме ее создателя до начала 90-х гг. XX в. не дополнялась и не уточнялась. В результате сам исследователь пришел к заключению, что археологические возможности исчерпаны, и мы не можем более точно определить границы и площадь херсонесских владений, а скорее всего – никогда не сможем³⁰. Однако за последнее время удалось установить, что имеются еще значительные резервы, позволяющие при-

близить решение данного вопроса.

Херсонесская принадлежность же определенной А.Н.Щегловым территории в Северо-Западном Крыму возражений не вызывает. В связи с этим для того, чтобы надежно оконтурить херсонесские государственные границы, наиболее эффективным несомненно является путь непосредственного исследования участков побережья Западного Крыма, еще и поныне воспринимаемых, в плане обнаружения памятников херсонесской хоры, в качестве "белых пятен".

Общую палеогеографическую характеристику прибрежной части Северо-Западного Крыма от Сак до Бакальской косы предложил А.Н.Щеглов³¹. Однако вне его пристального внимания целиком осталось побережье Западного Крыма от Сакского озера до Севастопольской бухты, поскольку здесь не были известны античные поселения, и, следовательно, оно исключалось из зоны херсонесских владений.

В связи с этим отметим, что одной из коренных причин возникновения гипотезы о территориальной расчлененности государственной территории Херсонеса, наряду со слабой изученностью этого района, явилась недооценка предшествующими исследователями возможности получить первоначальную историческую информацию путем изучения геологогеографических особенностей строения и развития локальных участков прибрежной территории. Поэтому рассмотрим только побережье Юго-Западного Крыма. Предварительно условно разделим 60-километровую береговую полосу по различию ланд-

шафтных зон и типов берегов на два неравных по протяженности участка: северный – побережье от оз. Сасык-Сиваш до южной оконечности оз. Кизил-Яр (№ 1) и южный – побережье от оз. Кизил-Яр до Севастопольской косы (№ 2).

Северный участок является частью степной приморской аккумулятивной золово-аллювиальной-пролювиальной низменной равнины³², начинающейся еще от оз. Донузлав и имеющей ровные низменные берега из песка, известняковой и сланцевой галек³³. Очевидно, здесь береговая линия с античного времени изменилась незначительно, поскольку важнейшим условием абразионного развития берега является относительно крутой угол исходного откоса прибрежной части дна моря. Не могла оказать сильного влияния на изменение береговой линии и характерная для Черноморского бассейна циркуляция вод, направленная против часовой стрелки и осложненная различными ответвлениями³⁴, потому что на вытянутых участках берега это воздействие не является существенным³⁵. Таким образом, условий для активного разрушения берега волновыми процессами на участке № 1 не существовало.

Береговую динамику здесь нужно связывать, в первую очередь, с возможными ингрессионными процессами, вызванными новейшим тектоническим прогибанием Сакской мульды³⁶ и общим повышением уровня мирового океана за последние 2500 лет³⁷. Несомненно имело место и некоторое изменение антропогенного характера³⁸.

Начиная с 1929 г. на сакско-евпаторийских пляжах производилась разработка гальки для строительства Днепровской гидроэлектростанции. Добыча продолжалась вплоть до семидесятых годов. За это время было вывезено невообразимое количество ценного сырья³⁹. В результате произошел размыт пляжей, появились котлованы, вырытые глубже уровня моря. В штормы искусственные водоразделы подверглись разрушению, и море соединилось с этими мелководными лагунами. Таким образом, было уничтожено более 30 м суши на протяжении 23 км от Евпатории до южной оконечности оз. Кизил-Яр. На указанном расстоянии от берега, не сколько южнее пгт. Федоровка, под водой еще и сейчас можно увидеть железнодорожную ветку и ДОТ времени Великой Отечественной войны.

- Кроме того, вдоль всего побережья сплошной полосой тянутся частью оплавившие, а частью превратившиеся в озера, громадные котлованы.

На территории северного участка вдоль побережья в настоящее время находятся три крупных соляных озера: Сасык-Сиваш, Сакское и Кизил-Яр. Два последних еще 1-2 тысячи лет назад были довольно глубокими⁴⁰. Геологические исследования⁴¹, в частности изучение иловых отложений⁴², говорят о том, что бассейны отшлифовались от моря не позднее 5 тысяч лет и, следовательно, их галечно-песчаные пересыпи в античное время уже существовали. Таким образом, основным видом минеральных ресурсов данного района, которые могли разрабатываться в античное время, была самосадочная

соль. О наличии поселков соледобытчиков вблизи лиманов Западного Крыма сообщает в I в. до н.э. Страбон (VII, IV, 7).

Кроме того, в донных отложениях озер этой группы содержится темный тугопластичный сапропель, обладающий лечебными качествами. Однако некоторые специалисты считают, что в древнем Крыму лечебной являлась лишь грязь Сакского озера⁴³. О грязелечении в античное время свидетельствует Аристид Элий (II в. н.э.), сам подвергшийся его применению (I, 486). Известна также надпись из Эпидавра середины II в. н.э. с описанием курса лечения Марка Юлия Апелла из Карии⁴⁴. В перечне прописанных ему в Асклепионе лечебных средств упоминаются и грязевые процедуры. Имеется информация и о целебных свойствах крымских грязей. Плиний Секунд (I в. н.э.) в «Естественной истории» пишет о том, что «на Таврическом полуострове в городе Парасин есть земля, с помощью которой излечиваются всякие раны» (II, 210). Обычно этот пункт по сходству названия отождествляют с Паростой⁴⁵, координаты которой 61°30' широты и 48°10' долготы указывает Клавдий Птолемей (III, 6, 5).

Все перечисленные озера содержат громадные запасы гипса, из которого кустарным способом можно получить соответствующий строительный материал⁴⁶. Другими минеральными ресурсами и полезными ископаемыми, пригодными для хозяйственного использования в интересующий нас период, данный участок побережья не располагает. Только у оз. Кизил-Яр изредка встречают-

ся яшма и самоцветные халцедоны: сердолик, оникс, агат и другие полу-драгоценные камни, из которых греки могли изготавливать бусы.

Источников пресной воды в районе расположения озер в настоящее время мало. На северном берегу Сакского озера известны минеральные источники. В его юго-восточной части, называемой заливом Гудим, отмечено неглубокое залегание подземных вод; в восточной, где сейчас находится Михайловский пруд, ключи были еще недавно⁴⁷. Несколько родников было известно с восточной стороны оз. Кизил-Яр, поблизости находились и артезианские колодцы⁴⁸. По балкам наблюдаются лишь временные сезонные потоки, в периоды ливней и таяния снегов. Возможным источником пресной воды могла являться и, так называемая, «верховодка». Она несколько солоноватая на вкус, настилает уровень морской воды в пересыпях приморских озер, залегая под песком и галькой максимально на глубине 2 - 3 м от поверхности, в зависимости от высоты водоразделов и сезонных колебаний⁴⁹.

При споро-пыльцевом анализе донных отложений (илов) Сакского озера (в возрасте 1500 - 2000 лет) в них была обнаружена пыльца дуба, буквы, граба, лещины, ольхи, каштана и различных трав⁵⁰. Исходя из того, что пыльца встречается лишь в ареалах распространения самих пород, А.А.Борисов пришел к бесспорному выводу, что во время формирования исследованного сапропеля, т.е. в античный период, на берегах водоема располагалась лесостепь. В последствии споро-пыльцевые анализы проб

древесного угля из культурного слоя были выполнены на ряде памятников античного времени севернее Евпатории⁵¹. Наличие лесостепной растительности может указывать и на более благоприятный, чем теперь, гидрологический режим⁵².

По разлинию в почвенном покрове во всем Северо-Западном Крыму еще недавно выделяли два основных района - Тарханкутский и Евпаторийский. В состав последнего входит и избранный нами для изучения участок побережья⁵³. Его характеризовали как приморско-озерный пустынно-степной район темнокаштановых карбонатных слабо солонцеватых почв, южных и карбонатных черноземов и малоразвитых почв на известняках. В последнее время общая картина представляется более сложной и дробной⁵⁴. Только в прибрежном районе соляных озер Сасык, Сакское, Кизил-Яр выделяются следующие компоненты галогенных почв: черноземы солонцеватые, лугочерноземные солонцеватые, темнокаштановые солонцеватые, солонцы на средних и тяжелых глинах (по Н.А.Драган). Следует обратить внимание на общую карбонатность почв, характеризующуюся некоторым накоплением кальция в условиях недостатка влаги, а также малым содержанием фосфора. Возможно увеличение карбонатности, как исчезновение древесно-кустарниковой растительности, связано с изменением климата и ухудшением гидрологии района в постисточное время.

В целом же здешние почвы вполне пригодны для возделывания культурных злаков и других основных

сельскохозяйственных культур. Они не менее плодородны, чем лишь слегка прикрывающие на отдельных участках скалу щебнистые черноземы Донузлавского района и слабогумусированные черноземы Евпаторийского увала⁵⁵, в месте формирования которых, однако, уже давно были известны памятники херсонесской хоры IV – III вв. н.э.

В результате вышеизложенной краткой палеогеографической характеристики избранного локального участка побережья стала ясна естественная близость экологической ситуации в нем другим, хорошо изученным археологически районам Северо-Западного Крыма. Это в первую очередь касается плодородия почв и наличия в античное время древесно-кустарниковой растительности. Относительная же неизменность за последние 2500 лет береговой линии здесь позволила, вопреки мнению А.Н.Щеглова, изучить это место археологически, и таким образом, решить вопрос о возможности его вхождения в территорию херсонесских владений (см. ниже).

Другой участок (№ 2), как и первый, до недавнего времени являвшийся "белым пятном" в плане обнаружения памятников херсонесской хоры – пятидесятикилометровая территория побережья Западного Крыма, расположенная между оз. Кизил-Яр и Севастопольской косой, представляет собой окраинную зону предгорной наклонной равнины, отличающуюся пологохолмистостью и увалистым рельефом⁵⁶. Несмотря на то, что береговой контур Западного Крыма сейчас является как бы продолже-

нием северной части Каламитского залива, образуя общую дугу, он развивался по иному пути. Этот берег по типу приурезной полосы классифицируется как бенч с обнажениями коренных пород⁵⁷. В береговом клифе, высотой 7 – 15 м, выделяются три разновидности плиоценовых толщ⁵⁸. Нижняя, называемая таврской свитой, представляет собой мощный пласт краснобурых глин. Выше залегает толща песчаника с линзами гравия и гальки, сцементированными природным карбонатным составом в конгломераты, толщиной в среднем 1 – 2 м. Максимальная мощность этих конгломератов до 10 – 11 м, т.е. почти во всю высоту клифа, прослежена в районе Николаевки – мыса Лукук. Верхняя толща состоит также из сцементированных галечников.

Абрационный уступ Западного Крыма в силу своей специфики подвержен интенсивному разрушению, протекающему в настоящее время со скоростью около 1 м в год⁵⁹. Мои спорадические немногочисленные замеры в течение семидесятых – восьмидесятых годов ХХ в., произведенные на Красной горке, порой вдвое превышали указанную величину. Вероятно скорость абразии на западном побережье Крыма с самого начала Нимфейской трансгрессии (по П.В.Федорову)⁶⁰, последовавшей за максимумом Фанагорийской регрессии (середина I тыс. до н.э.), была не ниже, чем на современном этапе повышения уровня моря, напротив, характеризующимся специалистами, как замедленный или стабильный⁶¹. В пики же Нимфейской и Корсунской трансгрессий (по П.В.Федорову,

или в период Джеметинского скачка, по Е.Н.Невесскому) скорость абразии значительно превышала нынешнюю. Относительно конкретных проявлений интенсивности трансгрессионных процессов в период, синхронный существованию прибрежных поселений херсонесской хоры (IV – III вв. до н.э.), кажется весьма значимым свидетельство Аристотеля о том, что вследствие наносов Керченский пролив сузился и войти в него могут только корабли гораздо меньших размеров, чем 60 лет назад (Aristo., Meteorol., I, 14, 291), т.е. в начале IV в. до н.э. В данном случае прослеживается расцвет аккумулятивных форм, совпавший с Каламитско-джеметинским замедлением (по Е.Н.Невесскому)⁶² или началом Нимфейской трансгрессии (по П.В.Федорову), одинаково характеризующихся стабильным повышением уровня океана. В данной же определенной ситуации аккумулятивному развитию подвергся пологий азиатский берег Боспора Киммерийского, в IV в. до н.э., вероятно, еще состоявший из островов⁶³.

Разрез, выполненный Е.Н.Невесским напротив оз. Богайлы (б. Кантуган), единственного на характеризуемом участке западнокрымского побережья соленого озера, отшнуровавшегося от моря совсем недавно⁶⁴, показал, что на траверзе этого водоема широко развивается глинистый бенч, доходящий до вытянутой вдоль берега банки, образовавшейся в хронологическом диапазоне 3500 – 1000 лет назад и расположенный на расстоянии около 10 км от современного берега. Приведя ряд доказа-

тельств, Е.Н.Невесский пришел к выводу, что в недавнем прошлом здесь была суши, уничтоженная морем, и не существовало дуги Каламитского залива, врез которого располагался напротив Сакского и Сасынского озер⁶⁵. Дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения может послужить изображение береговой линии практически на всех русских картах Крыма конца XVIII – начала XIX вв. в виде ровной полосы, как к северу, так и к югу от крайней точки м. Лукул, не имеющей выступов⁶⁶.

На основе ранее рассмотренной динамики древних берегов стало очевидным, что на интересующем нас участке море уничтожило береговую полосу на значительную ширину – несколько километров. При таком развитии берега должно быть уничтожено большинство древнегреческих памятников, чаще всего находившихся в непосредственной близости к морю (Phucid., Anap., 8, 2-3). Таким образом, в силе остается мнение А.Н.Щеглова о малой вероятности решения археологическим путем вопроса о возможности вхождения данного района (во всяком случае, целиком) в зону развития Херсонесского государства⁶⁷.

Все же на обрывистом участке побережья, претерпевшем значительные морфологические изменения, в море выдается мыс Лукул с расположенным на его северной стороне давно и широко известным скифским городищем эллинистического времени⁶⁸. Сохранность этого места, несмотря на абразионное воздействие и выравнивающую тенденцию цирку-

лирующего потока Черноморских течений, объясняется, по-видимому, мощностью толщи карбонатного стяжения гальки и гравия (см. выше). Помимо того, поселение находилось, очевидно, на некотором удалении от берега⁶⁹ и было основано в конце II в. до н.э.⁷⁰, т.е. около двух веков спустя после начала херсонесской колонизации Западного Крыма, а, следовательно, дальше от уреза, чем, возможно, расположенные здесь греческие поселения, поскольку часть абразионного уступа к этому времени была уже поглощена морем. Однако, даже невзирая на несколько более благоприятные условия расположения Усть-Альминского городища, чем те, в каких могли находиться пункты херсонеситов, оно частично уничтожено абразией. Вместе с тем, возможность обнаружения херсонесских памятников в Юго-Западном Крыму существует, прежде всего, на участке между п.г.т. Николаевка и мысом Лукул, где клиф укреплен естественным карбонатным раствором.

Западный Крым пересекают пять постоянных пресноводных артерий (реки Черная, Бельбек, Кача, Альма, Булганак), владающих в Каламитский залив. С античного времени направление речной сети существенно не изменилось⁷¹, хотя и замечены некоторые отклонения в конфигурации русла⁷². Размещение же устьев рек осталось неизменным. Именно здесь можно ожидать обнаружения античных памятников. Однако, весь этот район, включая Севастопольскую бухту, подвержен интенсивному неэтиотоническому опусканию⁷³. Наибольшее погружение с высоки-

ми градиентами (25 – 30 см столетие) за антропогенное время испытывает Альминская впадина⁷⁴. Вследствие этого развитие приморских долин рек носит ингрессионный характер, т.е. происходит их затопление, что осложняет поиск здесь пунктов херсонесской хоры. Что касается общих гидрологических условий района, то они более благоприятны, чем в других местах западного побережья Крыма.

Изучаемая территория характеризуется пестротой почвенного покрова⁷⁵. На водоразделах рек Альма – Булганак располагаются черноземы южные на красно-бурых глинах и черноземы южные карбонатные на глинисто-галечных отложениях. На водоразделах рек встречаются и полнопрофильные черноземы, которые являются лучшими почвами Крыма. Территория же, прилегающая к Севастопольской косе, занята, в целом, щебнистыми черноземами.

Основными полезными ископаемыми района, которыми могли быть воспользоваться в древности, являются красно-бурые глины и серовато-зеленый кил. Первые, в отличие от других глин Западного Крыма с большим содержанием гипса⁷⁶, вполне пригодны для керамического производства⁷⁷. Кил – крымская разновидность отбеливающих глин, встречающаяся именно здесь. Данный мылящийся материал легко доступен для разработок и является отличным моющим средством. Он мог применяться для отмычки и обезжикирования шкур, кож, шерсти и др.⁷⁸ Выходов известняка в северной части рассматриваемого отрезка побережья нет,

как, впрочем, и на описываемом выше северном участке (№ 1). Они известны только южнее, ближе к Севастопольской бухте.

На основании вышеизложенного стало очевидным, что южный участок (№ 2) по гидрологическому режиму, составу почвенного покрова, богатым месторождениям гончарной глины более пригоден для расселения людей, чем Северо-Западный Крым, значительно дальше расположенный от Херсонеса, где, однако, уже давно известны принадлежащие ему поселения.

Надеюсь, собранные материалы по палеогеографии побережья Юго-Западного Крыма послужат для дальнейшего археологического изучения региона, направленному на обнаружение пунктов херсонесской хоры, облегчат выбор места для проведения разведок и раскопок. Краткий анализ общей ситуации на 60-километровом участке от Сак до Севастополя позволил прийти к выводу о том, что географические источники дают основания для предположения о вероятности заселения его херсонеситами. Однако в силу специфики развития берегового контура более перспективным для археологического поиска представлялся северный район (№ 1), где располагаются крупные солёные озера - Сакское и Кизил-Яр.

Именно здесь в результате эпизодических разведок семидесятых - восьмидесятых годов XX в. удалось обнаружить и частично исследовать 8 неизвестных ранее античных пунктов: поселения Ново-Федоровка⁷⁹, Кизил-Яр⁸⁰, Саки I⁸¹, памятник на пересыпи Сакского озера⁸², а также

четыре местонахождения материала эллинистического времени (рис. 1; 2). Материалы из Ново-Федоровки, Кизил-Яра и Сакской пересыпи уже получили определенное отражение в научной литературе, чего не скажешь о других объектах.

Поселение Саки I расположено с северо-западной стороны Сакского озера, открыто в 1974 г. Раскопок не проводилось. Зона распространения подъемного материала - около 2 га. По находкам из сбров датируется второй половиной IV - первой половиной III вв. до н.э. Хронология памятника, его локализация, отсутствие в керамическом комплексе варварских черт, возможно дорийская форма граффити-аббревиатуры ΔΑ⁸³, присущая лишь Херсонесу, свидетельствуют о том, что поселение Саки I относилось к его хоре.

Кизил Яр I. Пункт обнаружения керамического материала эллинистического времени открыт в 1975 г., расположен в 1,5 км к северу от поселения Кизил Яр по направлению к пересыпи Сакского озера в 100 м от берега моря. Здесь найдены отдельные невыразительные фрагменты гончарных сосудов и пустотелая амфорная ножка, идентичная встречающимся при раскопках античных поселений в слоях IV - III вв. до н.э.⁸⁴

Михайловка I и II. Два зафиксированных в 1975 г. пункта обнаружения керамики эллинистического времени расположены на южном берегу Михайловского пруда, являющегося оконечностью Сакского озера. Здесь наряду с разнообразными находками позднесрубного времени, обнаружены фрагменты античной тары, столо-

вой и кухонной посуды, чернолаковых сосудов хорошего качества, херсонесская амфорная ручка с клеймом астинома Героника последней четверти IV в. до н.э.⁸⁵

Ивановка. Пункт обнаружения античной керамики. Расположен на южном берегу оз. Кизил Яр. Среди невыразительного подъемного материала найдена ручка синопской амфоры с клеймом астинома Протофана (группа II а) и фабриканта Посейдона (по Н. Коновичи, рубеж третьей – последней четверти IV в. до н. э.)⁸⁶.

Решить вопрос о характере памятников Кизил Яр I, Ивановка, Михайловка I и II, представленных пока только малочисленным подъемным материалом, можно лишь путем археологических раскопок. Однако ранняя датировка находок и места расположения памятников позволяют говорить, что они хронологически и топографически примыкают к открытым и частично исследованным мной пунктам херсонесской хоры Ново-Федоровка, Кизил-Яр, Сакская персыпь и Саки I.

Таким образом, в ходе археологического поиска на побережье между озерами Сасык-Сиваш и Кизил Яр, благодаря обнаружению перечисленных археологических объектов, полностью подтвердилась прогнозируемая по географическим источникам возможность заселения и хозяйственной эксплуатации этой территории херсонеситами⁸⁷. Сейчас ее принадлежность к херсонесскому государству признана всеми исследователями античного Северного Причерноморья.

Другой же участок берега моря между оз. Кизил-Яр и Севастопольской косой длительное время подвержен интенсивной абразии, что затрудняло решение археологическим путем вопроса о включении его в состав херсонесских владений. Кроме того, донные отложения прибрежной части перекрыты здесь мощным глинистым бенчем. Подобное обстоятельство, в целом, сильно осложняет возможность обнаружить материал и в результате подводных исследований. Следует также отметить, что сплошного археологического обследования данного участка побережья не проводилось. Разведки долгое время носили лишь эпизодический характер, не имея целью обнаружить херсонесские пункты.

Южнее оз. Кизил-Яр до устья реки Альмы в 1946 и 1948 гг. проводил рекогносцировки П. Н. Шульц. Недалеко от села Вилино в долине Альмы он открыл городище (Вилино) и селище (Алма-Тамак) эллинистического и римского времени⁸⁸. В 1953 г. их осмотрел Е. В. Веймарн, который долгое время считался первооткрывателем памятников⁸⁹. Вслед за этими исследователями эти пункты считали позднескифскими, как и большинство поселений античной эпохи в Юго-Западном Крыму⁹⁰. Разрозненные сведения о памятниках и отдельных находках в прибрежной части Юго-Западного Крыма собрал Н. И. Репников⁹¹. Ряд поселений и могильников античного времени известен в устьях рек Качи и Бельбек⁹². К сожалению, серьезных исследований на них не проводилось.

В последние десятилетия исследования в окрестностях Севастополя предпринял О.Я.Савеля. По кромке Гераклейского полуострова он открыл около 30 поселений, возникших в середине-конце IV в. до н.э.⁹³, предположительно, с зависимым от Херсонеса варварским населением. Некоторые из них расположены севернее Севастопольской бухты⁹⁴. Кроме того, ряд подобных памятников и античные каменоломни О.Я. Савеле удалось обнаружить на Северной стороне Севастополя и в низовье р. Бельбек⁹⁵, что позволяет говорить о распространении южной зоны херсонесской хоры, как минимум до р. Бельбек. Сам же исследователь, по-видимому, представляет открытые им или предполагаемые (?) памятники "островками" на побережье Юго-Западного Крыма⁹⁶. Тем не менее, благодаря находкам О.Я.Савели, ранее предполагаемый разрыв в территории херсонесского государства сократился. Кроме этих материалов на территории Северной стороны г. Севастополя и по обе стороны реки Бельбек известны следы древней размежевки⁹⁷.

Находок, которые можно было бы уверенно отнести к IV – III вв. до н.э., т.е. ко времени, синхронному существованию в регионе херсонесских пунктов, на побережье от реки Бельбек до озера Кизил-Яр еще недавно было известно всего несколько. Сохранилось свидетельство о коллекции чернолаковой, в том числе и краснофигурной, посуды, обнаруженной в начале XX в. при земляных работах между Севастопolem и Евпаторией, и ее описание⁹⁸. В 1987 г. в Отдел археологии Крыма ИА АН УССР от ак-

валангистов-любителей поступили фрагменты античных керамических сосудов, найденных в море вблизи п.г.т. Николаевка. Суммарная датировка материала – вторая половина IV в. до н.э. – первые вв. н.э. Его разновременность и разнотипность свидетельствуют о том, что керамика некогда принадлежала наземному памятнику, уничтоженному абразией. Из поддающихся датировке фрагментов к последней четверти IV – первой трети III вв. до н.э. относятся горло и две ножки херсонесских амфор, к III вв. до н.э. – горло синопской амфоры.

О наличии отдельных керамических фрагментов IV – III вв. до н.э. на Усть-Альминском городище сообщила Т.Н.Высотская, наконец признавшая возможность существования неподалеку от этого познескифского памятника поселения херсонесской хоры, уничтоженного абразией⁹⁹.

Кроме этих фактов имелся ряд косвенных данных о присутствии херсонеситов в рассматриваемом районе. Все исследователи, изучавшие сырьевую базу керамического производства Херсонеса, отмечают, что одним из источников глины являлось месторождение на побережье между реками Бельбек и Альма, легко доступное для разработок в береговых обрывах¹⁰⁰. Это глинище С.Ю. Монахов считает наиболее вероятным и основным¹⁰¹. Трудно предположить, чтобы массовые разработки этого месторождения не сопровождалась поселками (ныне уничтоженными морем) добывчиков и, возможно, гончаров. К этому надо добавить, что в настоящее время даже сама нижняя

свита глины берегового клифа, судя по петрографическому анализу, использовавшаяся при изготовлении херсонесских амфор¹⁰², оказалась большей частью скрытой морем¹⁰³. В месте залегания этих глин Н.М. Печенкиным обнаружены следы котлованов от глиняных выборок и остатки обжигательных печей первых вв. н.э.¹⁰⁴ Материалов эллинистического времени пока не обнаружено¹⁰⁵.

В нижнем течении реки Кача в могильнике Казак-Мезарлык (Казачья могила) вблизи поселка Чоткара в 1918 г. была случайно найдена стела II – III вв. н.э. с двусторонним рельефным изображением и частично сохранившейся греческой надписью ...ФОУ¹⁰⁶. Этот памятник позволяет предполагать, что определенная часть гетерогенного населения Юго-Западного Крыма в это время была грекоязычной и, скорее всего, являлась потомками ранее живших здесь греков – херсонеситов.

Еще одним аргументом в пользу территориальной непрерывности Херсонесского государства, помимо вышеизложенных, служат логические рассуждения. При тесной экономической связи Херсонеса с его хорой немыслим лишь морской путь сообщений, особенно в длительные периоды штормовой погоды и в зимние месяцы, когда порой замерзали кромка моря и бухты. Именно на время существования херсонесской хоры, исходя из предложенной А.В.Шнитниковым цикличности общей увлажненности материков Северного полушария, приходится период похолодания¹⁰⁷. Таким образом, должен был существовать и сухопутный приморский путь с

цепью близко расположенных друг к другу поселений. В данной связи весьма значимым представляется обнаружение пункта античного времени на Сакской пересыпи¹⁰⁸. Подобный мог быть основан только на пути традиционного сухопутного маршрута передвижения (дороги).

Мнение о территориальной расчлененности Херсонесского государства возникло, в основном, из-за недостаточной археологической изученности побережья Юго-Западного Крыма и отсутствия палеогеографического исследования. Сложилось представление, что расселению греков в этом районе препятствовали жившие здесь тавры, основанное на свидетельстве Геродота о границе между скифами и таврами, проходящей по Керкинитиде (IV, 99). Однако при картографировании всех известных памятников тавров установлено, что ни один из них не находился на побережье Юго-Западного Крыма¹⁰⁹. Вероятно, Геродот в данном случае назвал Керкинитиду лишь в качестве значимого географического ориентира.

Обнаружение греческих памятников южнее предполагаемой ранее окраины северо-западной части хоры, свод разрозненных данных об античных древностях района, изучение палеогеографической ситуации в Юго-Западном Крыму, учет открытой О.Я.Савели заставил усомниться в существовании разомкнутости полисной территории и предположить наличие непрерывности херсонесских владений¹¹⁰.

Заданное направление археологического поиска увенчалось еще некоторыми конкретными результатами.

Так в 1990 г. сотрудники Института археологии АН Украины С.Г. Колтухов, В.М. Зубарь и В.Л. Мыц в центре побережья Юго-Западного Крыма между оз. Кизил-Яр и Севастопольской бухтой (в нижнем течении реки Альма) осуществили небольшие полевые исследования на Вилинском городище, обнаруженному в 1948 г. П.Н. Шульцем (см. выше), и сбор подъемного материала на поселении Угловое, открытом в 1983 г. С.Г. Колтуховым¹¹¹. Небольшие работы позволили обнаружить керамические материалы IV – III вв. до н.э. и причерноморские греческие антропоморфные надгробия, а также вполне определенно говорить о херсонесской принадлежности вышеуказанных пунктов на первом этапе их существования. В доказательстве этого веским аргументом авторов открытия явилось привлечение в публикации результатов исследований карты, выполненной в 1892 г. коллежским асессором Чуклинным, на которой южнее р. Альмы на площади около 27 км² зафиксированы следы старой размежевки, в которой вроде прослеживается модуль, характерный для херсонесского земельного кадастра. Наличие древней системы участков в приморской части междуречья Альмы и Качи отмечал в 1926 г. и Л.А. Моисеев, опираясь на собственные исследования и на карту Генерального штаба 1886 г.¹¹² Он тоже считал их херсонесскими. Здесь ему, если доверять словам автора, удалось даже обнаружить фрагменты керамики IV – III вв. до н.э. Однако, судя по структуре виденных им межей, состоящих из низких грунтовых насыпей, иног-

да со скоплениями камней, очевидно, собранных с полей, не исключено также, что это границы сельских на-делов более позднего времени, может быть и новейшего.

В 1998–1999 г. сотрудниками Бахчисарайского Государственного историко-археологического заповедника А.А. Волошиновым и И.И. Неневолей на правом берегу р. Альмы вблизи от вышеупомянутых пунктов (см. выше) было обследовано многослойное поселение античного времени Алма-Тамак, ранние находки из которого и стратиграфическая ситуация, зафиксированная в разведочном шурфе, позволяют считать его на начальном этапе существования херсонесским¹¹³, как и весь район нижнего течения р. Альма в IV - III вв. до н.э.

В настоящее время для проверки уже сложившихся представлений назрела научная необходимость в проведении широких целенаправленных разведок в Юго-Западном Крыму, а на уже выявленных, по-видимому, херсонесских поселениях – более значительных, чем раньше полевых исследований. Это необходимо, чтобы развеять и некоторые вполне оправданные сомнения в их херсонесской принадлежности¹¹⁴. В дальнейшем, отрезок побережья между Севастополем и Саками, очевидно, станет не менее перспективным для изучения эллинистической хоры Херсонеса, чем Северо-Западный Крым.

Что касается северной оконечности херсонесских владений в Западном Крыму, то и здесь трудно безоговорочно согласиться с господствующими в настоящее время представле-

ниями. По мнению А.Н.Щеглова Херсонесское государство в IV - начале III вв. до н.э. простиравлось почти до Бакальской косы¹¹⁵, причем крайним пограничным пунктом традиционно уверенно считается городище Маслины (Владимировка)¹¹⁶. Только на последней картосхеме Тарханкутского полуострова А.Н. Щегловым за Владимировским городищем (№ 29) отмечены два пункта (№ 30), неназванные в экспликации, один из которых имел фортификационные сооружения (?)¹¹⁷. Следует заметить, что количество, названия, последовательность расположения и локализация археологических памятников на новой карте севернее Ярылгачского поселения сильно отличаются от всех прежних карт автора. Возможно, некоторая путаница возникла из-за сбивки в нумерации объектов при наборе и печати издания. Совершенно очевидно, под № 30 указано то же городище Маслины с селищем.

Оно было обнаружено П.Н.Шульцем и нанесено на карту, составленную по материалам разведок тридцатых годов XX в.¹¹⁸. Заслугу открытия этого памятника приписывали себе и другие авторы¹¹⁹. Первооткрыватель думал, что данное поселение являлось самым северным из городищ Крымской Скифии¹²⁰.

Однако, в 1948 г. он расширил ареал исследований и составил новую карту¹²¹. Обследованию подверглось западное побережье Крыма вплоть до Перекопа. Севернее поселения Маслины он обнаружил греческую керамику эллинистического времени около оз. Бакал и еще дальше – “скифское поселение”¹²². На

карте П.Н.Шульца 1971 г. к северу от поселения Маслины на побережье отмечено уже три селища эллинистического времени¹²³. Два из них открыты М.К.Зиновьевым в Раздольненском районе Крыма – Борисовка и Кумовка¹²⁴. Третье поселение (Портовое), открытое А.А.Щепинским¹²⁵, размещено значительно севернее Бакальской косы на южной оконечности Перекопского перешейка у Сары-Булатской бухты.

Вполне вероятно, что эти пункты входили в зону херсонесских владений. Правда, П.Н.Шульц считал их скифскими, впрочем, как и подавляющее большинство памятников в Северо-Западном Крыму. Но дальнейшие исследования в этом районе показали, что все они на рубеже IV – III вв. до н.э. были подвластны Херсонесу. В этой связи отметим, что М.К.Зиновьевым у с. Борисовка обнаружен материал, в котором преобладала гончарная греческая посуда IV – III вв. до н.э., включая и черный лак¹²⁶. Эти данные позволяют считать Борисовку поселением херсонесской хоры. Остается только сожалеть о полном отсутствии интереса к вышеперечисленным поселениям Раздольненского района со стороны современных исследователей, как античников, так и скифологов.

В 1987 году разведки на территории Тарханкутского полуострова, на участке побережья между Бакальской косой и с. Межводное, предприняла Северо-Крымская экспедиция ИА АН УССР¹²⁷. Ею была обследована территория на глубину 3 – 5 км, в результате чего было обнаружено 10 поселений. На всех найден материал

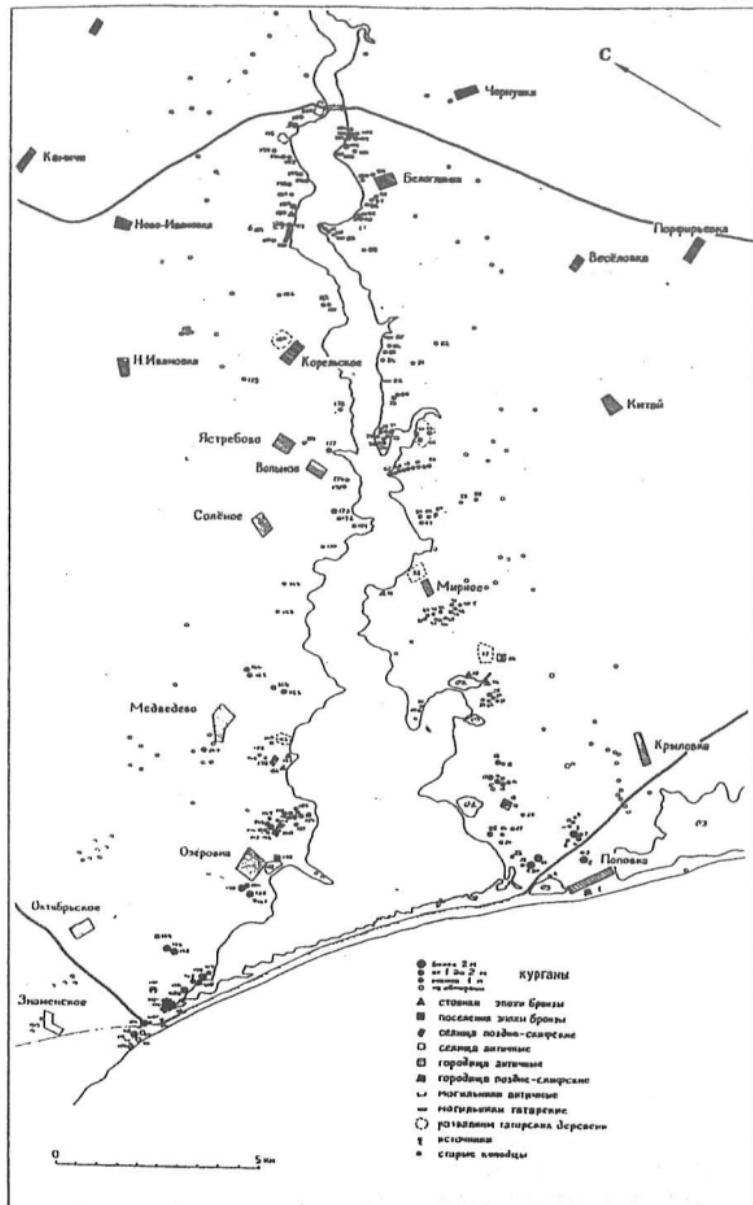

Рисунок 3

Карта П.Н.Шульца археологических памятников на берегах Донузлавского озера

IV – III вв. до н.э., в большинстве случаев – незначительный. Однако три из них: Скалистое 3, Бурун-Эли 2 и Бурун-Эли 3, находящиеся на береговом клифе, судя по обильным находкам греческой керамики, авторами отчета без сомнения отнесены к поселениям хоры Херсонеса. Местонахождение этих памятников как будто подтверждает мое предположение о более значительной протяженности к северу территории Херсонесского государства, нежели считалось прежде¹²⁸. Окончательное решение этого вопроса за археологическими раскопками.

На имеющихся сейчас материалах уверенно очертить северную границу Херсонесского государства весьма затруднительно. Не исключено, что она проходила в районе реки Каланчак, впадающей в море на территории Херсонской области¹²⁹, недалеко от которой по данным С.Б.Буйских обнаружены два эллинистических поселения Александровка I и Александровка II, с преобладанием в подъемном материале фрагментов херсонесской амфорной тары (рис. 1). Однако малочисленность и невыразительность керамических находок, отсутствие их прорисовок и т.д. вызывают некоторое сомнение в верности определения материала¹³⁰.

В уточнении и пересмотре нуждаются не только представления о границах Херсонесского государства и вопрос о территориальной разомкнутости полисной территории. Уже сейчас имеются материалы, позволяющие также дополнить опубликованную в 1978 г. А.Н.Щегловым археологическую карту памятников херсонес-

ской хоры в Северо-Западном Крыму¹³¹, практически без добавлений поныне используемую почти всеми современными исследователями.

В конце сороковых и начале шестидесятых годов XX в. экспедиция под руководством П.Н.Шульца изучала берега Донузлавского озера и зафиксировала здесь ряд памятников эллинистического времени по обеим сторонам. Среди них – шесть поселений (рис. 3)¹³². Три из них: городища Западно-Донузлавское (=Беляус-Северное), открытые в 1962 г. П.Н.Шульцем и О.Д.Дашевской; Южно-Донузлавское (=Поповка), обнаруженное П.Н.Шульцем в 1934 г., и селища (?) Беляусский Трактир (=Трактир) и Беляус-Восточное (=Восточно-Беляусское), выявленное О.Д.Дашевской в 1962 г. – в той или иной степени исследованы¹³³. Они были поселениями херсонесской хоры. Остальные же, дальше отстоящие от морского побережья и расположенные вдоль северного берега оз. Донузлав, вплоть до северо-восточной оконечности озера: не только не изучены, но и сам факт их существования не отражен в новейшей литературе. П.Н.Шульц считал эти поселения скифскими, как и ранее упоминаемые, в силу основной направленности своих научных интересов (скифология), а также рекогносцировочного характера изучения Западного Крыма. Вполне вероятно, что отмеченные им пункты вдоль северного берега Донузлава являлись поселениями херсонесской хоры, так как топографически и хронологически тесно примыкают к ним.

На юго-восточной стороне оз. Донузлав, в трех километрах северо-во-

сточнее Южно-Донузлавского городища (см. выше), на южной окраине с. Крыловка Сакского района в шестидесятые годы О.Д.Дашевской было открыто еще одно античное поселение, также названное Южно-Донузлавским¹³⁴. В 1976 г. оно было обследовано В.А.Колотухиным и предварительно датировано по подъемному материалу IV – III вв. до н.э. – первыми вв. н.э. Исследователь поставил его на государственный учет, как впервые открытые, и назвал Крыловкой¹³⁵. Поселение на раннем этапе, очевидно, тоже относится к херсонесской хоре. К сожалению, других памятников эллинистического времени с южной стороны оз. Донузлав В.А.Колотухину найти не удалось¹³⁶. Однако возможность их обнаружения в дальнейшем на мой взгляд не исключена, поскольку здесь еще в 1963 г. П.Н.Шульцем, судя по его карте, был открыт "зольник" (поселение?) античного времени, осмотренный в начале девяностых годов XX в. сотрудниками КФ ИА НАНУ В.В.Анохиным и В.И.Павленковым. Памятник находится на южном берегу оз. Донузлав в 2 км к юго-востоку от п.г.т. Новоозерное Евпаторийского горсовета. На поверхности выделяется золистое пятно площадью 0,2 га. Подъемный материал представлен фрагментами амфор Гераклеи, Херсонеса и Фасоса IV - III вв. до н.э. Памятник не раскапывался, публикаций нет. На основании ранней хронологии и состава находок этот пункт, очевидно, относился к хоре античного Херсонеса.

Исключительное значение имеет исследование О.Д.Дашевской посе-

ления Озерное (=Озеровка, Тереклы-Ас)¹³⁷, также расположенного рядом с оз. Донузлав (с северной стороны), на значительном удалении от берега моря, в 8 км северо-восточнее городища Беляус. Поселение Озерное открыто в 1949 г. А.А.Щепинским и наряду с другими выше упомянутыми памятниками выпало из поля зрения А.Н.Щеглова¹³⁸. Памятник в 1980 г. обследован О.Д.Дашевской. В береговом обрезе озера прослежен на протяжении 100 м культурный слой. Найдки в нем, в основном, датируются не позднее III в. до н.э. На поселении проведены шурфовки, зафиксирована каменная эллинистическая усадьба и расчищен античный колодец. Памятник, несомненно, относился к хоре Херсонеса. Таким образом, его местоположение, наряду с другими вышеупомянутыми данными позволяет подвергнуть пересмотру ортодоксальную точку зрения на то, что берега Донузлавского озера в античную эпоху не были освоены жителями Херсонесского государства¹³⁹. Кроме того, наличие поселений херсонесской хоры по берегам упомянутого водоема свидетельствует о том, что в античное время Донузлав, по-видимому, еще не отделялся от моря сплошной пересыпью и был лиманом, вероятно, образовавшимся на месте тектонической трещины¹⁴⁰, который мог восприниматься древними мореплавателями за устье реки Гипакирис, поблизости от которой Геродот локализовал Керкинитиду (IV, 55)¹⁴¹. Однако, на месте нынешней пересыпи все же существовали какие-то косы или острова, поскольку здесь, очевидно, тоже существова-

ли временные или постоянные пункты, относящиеся, судя по хронологии (IV – III вв. до н.э.), к Херсонесскому государству¹⁴².

На побережье Северо-Западного Крыма в 70-80 гг. ХХ вв. найдено еще несколько поселений эллинистического времени. Четыре памятника открыты в Сакско-Евпаторийском районе, три из них: Песчанка¹⁴³, Витино¹⁴⁴ и Маяк II¹⁴⁵ - Крымской экспедицией МГУ, четвертое (Хуторок) - сотрудником Евпаторийского краеведческого музея В.И.Павленковым¹⁴⁶. Крупномасштабные работы, ряд лет проводимые на поселении Песчанка, документально подтвердили его принадлежность на ранних этапах к хоре Херсонеса.

Античное поселение Витино находится в 2,5 км к северу от села Витино Молочненского сельского совета Сакского района. Оно открыто в 1979 г. На поверхности возвышаются два больших золистых холма, высотой до 2 м. Площадь распространения керамики 0,4 - 0,5 га. ТERRITORIA систематически распахивается. Подъемный материал представлен, в основном, фрагментами херсонесской и синопской черепицы и тары. 30 обнаруженных амфорных клейм не выходят за рамки IV-III вв. до н.э. Найдены хранятся в Евпаторийском краеведческом музее. Поселение, по-видимому, относится к херсонесской хоре.

Поселение античного времени Хуторок находится в 2,5 км к югу от села Хуторок Штормовского сельского совета Сакского района. Оно открыто в 1974 г. Полностью затоплено морем. Керамика встречается на рассто-

янии до 70 м от берега (на участке протяженностью вдоль берега 100 - 150 м), на глубине до 3 м. В 60 м от берега под водой обнаружены известняковые квадры, размером 1 x 0,60 x 0,30 м. Найдены представлены фрагментами амфор и черепицы Гераклеи, Синопы, Херсонеса и датируются IV-III вв. до н.э. Известны фрагменты средневековых амфор с зональным рифлением VIII-X вв. Материал хранится в Евпаторийском краеведческом музее. Керамический комплекс не оставляет сомнений в херсонесской принадлежности античного пункта, уничтоженного морем.

Еще об одном античном памятнике Сакско-Евпаторийского района упомянул П.Н.Шульц в полевом дневнике за 1955 год. На северной оконечности пересыпи оз. Сасык-Сиваш на расстоянии около 1,5 км от Кара-Тобе и в 0,5 км от въезда в Евпаторию со стороны Сак около большой соляной пристани известным крымским краеведом А.И.Полкановым в начале 50-х гг. ХХ в. было найдено большое скопление античной посуды¹⁴⁷.

В Евпаторийском краеведческом музее хранится подъемный материал V в. до н.э. – первых вв. н.э., обнаруженный В.И.Павленковым, начиная с 1979 г., на берегу и на дне Евпаторийской бухты, всего в 1 км к юго-востоку от Керкинитиды, около так называемого Конского пляжа. Наиболее интересная находка – херсонесский терракотовый горельеф Геракла, играющего на лире¹⁴⁸. Казалось, что датировка и месторасположение пункта обнаружения фрагментов античных изделий подтвер-

ждает предположение А.Н.Щеглова о распространении хоры Керкинитиды к востоку от города¹⁴⁹. Однако сейчас автор открытия и С.В.Приднев, также специально занимавшийся обследованием места находок, склоняются к тому, что керамика происходит из грунта, перемещенного с какого-то другого античного памятника в результате современной антропогенной деятельности.

В Черноморском районе один ранее неизвестный пункт херсонесской хоры открыт в 1973 г. Южно-Донузлавской экспедицией ИА РАН (начальник О.Д. Дашевская) у с. Громово¹⁵⁰. Он находится в 3 км к северо-западу от села и в 3 км от берега моря. Площадь распространения подъемного материала - 1 га. Поселение систематически распахивается. На местности выделяется небольшим всхолмлением. Материал представлен фрагментами херсонесских и синопских амфор и черепиц IV-III вв. до н.э. Найдены хранятся в Евпаторийском краеведческом музее.

Кроме Громовского на побережье в Черноморском районе, возможно, существовали и другие неизданные памятники эллинистического времени. Во всяком случае, ряд поселений отсюда поставлен на государственный учет по паспортам, составленным А.А.Щепинским. Однако место содержания археологического материала не известно, авторское определение его и датировки вызывают сомнения, публикаций нет. В связи с этим пока воздержусь от привлечения этих сведений.

Обнаружение новых приморских памятников свидетельствует о более

высокой плотности заселения побережья херсонеситами, чем представлялось прежде. Всего в настоящее время известно свыше 80 пунктов античного времени только в Северо-Западном Крыму (поселений, могильников, следов древнего землепользования, каменоломен, глинищ, затопленных памятников, мест кораблекрушений, отдельных местонахождений материала и т.п.), почти вдвое больше, чем ранее (рис. 1). Появление новых материалов позволяет скорректировать вывод А.Н.Щеглова, которому к семидесятым годам XX в. было известно около 45 пунктов (включая могильники и позднескифские селища), о том "что общее число поселений вряд ли значительно превышало эту величину"¹⁵¹. Поиски на местности, в старых малоизвестных изданиях и архивах, напротив показали, что мы знали лишь некоторую часть памятников херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму. Не исключаю, что в ближайшие десятилетия количество известных науке памятников может еще увеличиться даже по сравнению с новой картосхемой (рис. 1). Кроме памятников Северо-Западного Крыма до тридцати зависимых от Херсонеса варварских поселений насчитывается в Юго-Западном Крыму (см. выше). Сплошному же освоению и сельскохозяйственной размежевке были подвергнуты Гераклейский и Тарханкутский полуострова, а также значительные участки побережья в Северо-Западном Крыму¹⁵². Суммарная площадь только размежеванных херсонесских земель в последнее время оценивалась исследователями от 420-450 км²

до 44 100 – 48 000 га¹⁵³. По другим общим подсчетам А.Н.Щеглов допускал использование Херсонесом на рубеже IV – III вв. площади до 800 км².¹⁵⁴ Очевидно, государственные владения были значительно большими, учитывая еще не выявленные полевые кадастры и территорию другого назначения, организованную иным образом, нежели межевание.

Базируясь на ознакомлении с архивными материалами (в первую очередь П.Н.Шульца) и публикациями сравнительно недавно открытых памятников, а также на результатах проведенных мной работ (см. выше), наряду с изучением палеогеографии Западного Крыма, считаю возможным предложить новую схему максимальных государственных границ Херсонеса на начало III в. до н.э. (рис. 1). По ней земледельческая территория города характеризуется непрерывностью и распространяется вдоль всего западного побережья Крыма от Балаклавской долины на юге¹⁵⁵ до Перекопа на севере, а, возможно, и далее за пределы Крыма, захватывая берега приморских озер, в том числе, по-видимому, и оз. Донузлав. В ее зону также попадают все мысы, Тарханкутский и Гераклейский полуострова. Насыщенность поселений на побережье Юго-Западного Крыма, вероятно, была наименее плотной в силу отсутствия здесь удобных бухт, интенсив-

ной береговой абразии и естественной неприступности со стороны моря. Вместе с тем, прекрасно сознаю, что предложенная картосхема и точное расположение на ней памятников нуждаются в проверке, уточнении и дополнении. Она, главным образом, рассчитана на дальнейший поиск на местности.

Южная пограничная территория Херсонесского государства эллинистического времени с таврами, проходящая по бухте Символов (Балаклавской), как представляется, достаточно определено указана Страбоном (VII, 4, 2). Для определения северной границы государства мы не можем твердо опереться ни на один нарративный источник. Анонимная же информация [Аноним, Р.Роп., 83 (57)] о том, что “от Калос Лимена (“Прекрасная гавань”) до реки Истра ... опять обитают скифы” не находит подтверждения в археологических материалах, поскольку четко определенные к настоящему времени херсонесские пункты, например, такие как “Маслины”, располагались севернее Калос Лимена; позднескифских же приморских поселений севернее этого города пока не известно ни одного¹⁵⁶. Кроме того, приведенный отрывок из анонимного компилятора V в. н.э. не оставляет места для поселений ольвийской хоры, существовавших, однако, в реальности.

Примечания

1. Юргевич В.Н. Псифизма древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Мирафрадата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // ЗООИД. – 1881. – Т. XII. - С. 1 – 45.
2. Подробные библиографию и обзор см.: Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л., 1978. – С. 4 – 8.

3. Латышев В.В. Гражданская присяга херсонесцев // Латышев В.В. ПОНТИКА. – СПб., 1909. – С. 150, 157.
4. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. - Киев, 1914, с. 3, 157, табл. I.
5. Моисеев Л.А. Из истории западного побережья Тавриды. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТУАК. - 1918, с. 248, 249, 254.
6. Minns E.H. Scythians and Greeks... - Cambridge, 1913. – Р. 493.
7. Иванов Э.И. Херсонес Таврический. - Симферополь, 1912. - С. 16.
8. Гриневич К.Э. Что такое Херсонес? – Севастополь, 1926. - С. 7.
9. Он же. 100 лет херсонесских раскопок (1827 – 1927). - Севастополь, 1927. – С. 7.
10. Rostovtzeff M. Chersoneso Taurica // Encyclopedie Italiana. – 1939. - Vol. 9. - P. 978.
11. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе. – ИАК. - 1907. – Вып. 21. – С. 192, 193, прим.
12. Наливкина М.А. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации // ПИДО. – 1934. - №№ 9 – 10. – С. 165.
13. Архив ИИМК, ф.2, 1934 г., оп. 1, д. 203, л. 84 – 85; Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. – 1937. - С. 252 – 254; Он же. Евпаторийский район: 1933 – 1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. – М. - Л., 1941. - С. 265 – 277.
14. Архив ИИМК, ф.2, 1934 г., оп. 1, д. № 202, л. 30 – 31.
15. Архив КФ ИА НАНУ, 1949 г., ина. № 2 / 1. – 42 л.
16. Архив ЕКМ, № 12; фотоархив КФ ИА НАНУ, № 2233.
17. Ратнер І.Д. Довідник з археології України. Херсонська область. - Київ, 1984. – С. 52 – 53.
18. Шульц П.Н. Евпаторийский район... - С. 270 – 271; Он же. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. // Архив ИИМК. - 1948 г. - Ф. 35. - Оп. 2. - Д. 130 (то же - архив КФ ИА НАНУ. - Инв. № 2/1). - Л. 46.
19. Шульц П.Н. Евпаторийский район... - С. 270 – 271; Он же. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. – Симферополь, 1946. - № 2. - С. 115.
20. Библиографию см.: Голенцов А.С. Рец. на кн.: Драчук В.С., Кара Я.Б., Чельышев Ю.В. Керкинитида – Гезлев – Евпатория. – Симферополь, 1977. – 126 с. // СА. – 1982. - № 1. - С. 263; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 10.
21. Дащевская О.Д. ЗЫЧЗ ?екрета в честь Диофанта // ВДИ. – 1964. - № 3. - С. 149 – 155.
22. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 122; Он же. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. – Л., 1986. - С. 155 – 156.
23. Он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // АИКСП. – Л., 1968; Он же. Северо-Западный Крым в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1971; Он же. Полис и хора. – Симферополь, 1976; Он же. Северо-Западный Крым... - 1978; др.
24. Раевский Д.С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. – 1968. - № 3. - С. 128 – 132.
25. Внуков С.Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // АИК. 1993 год. - Симферополь, 1994. - С. 65.
26. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. – Киев, 1966. – С. 83.
27. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 18.
28. Он же. Процесс и характер... - С. 155; Sceglov A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje (bonilles de 1969 – 1985) // DHA. – 1987. – N 13. - P. 267, fig. 18.
29. Щеглов А.Н. Основные этапы истории Западного Крыма... - С. 336; Он же. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 32.

30. Он же. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 31; Он же. Земельный фонд Херсонеса во второй половине IV - начале III вв. до н.э. // Проблемы исследования античных городов. Тезисы. - М., 1988. - С. 129; Он же. Аграрный Херсонес // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Одеса, 1989. - Київ, 1989. - С. 266.
31. Он же. Северо-Западный Крым. - 1978. - С. 13 - 28.
32. Бабак В.И. Геоморфология Крымского полуострова // Геология СССР. - М., 1969. - Т. 8. - Крым. - Ч. I. Геологическое описание. - С. 460 - 473; Ринский Е.В. Инженерно-геологическая характеристика областей и районов (Крыма) // Гидрогеология СССР. - М., 1970. - Т. 8. - Крым. - С. 355.
33. Дзенс-Литовский А.И. Пересыпи и косы Крымских соляных озер // ИГГО. - 1933. - Т. 65. - Вып. 6. - С. 585 - 596.
34. См., например: Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // ПГКСВП. - Тбилиси, 1979. - С. 94 - 100.
35. Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. - М., 1958. - С. 137; Невеский Е.Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. - М., 1967. - С. 31.
36. Невеский Е.Н. Ук. соч. - С. 232.
37. Библиографию по геоморфологии Крыма см. Геологическая изученность СССР. - Т. 33 (NN 1-9). Обзор основной литературы по вопросу см.: Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 15-20.
38. Шуйский Ю.Д. О влиянии неволновых факторов на современное развитие береговой зоны Черного моря // Физическая география и геоморфология. - 1978. - Вып. 20. - С. 35.
39. См.: Дзенс-Литовский А.И. Геология района Сакского озера // Саки-Курорт. - Симферополь, 1935. - Вып. I. - С. 41, 54.
40. Щукарев С.А., Толмачева Т.А. Образование сернистого железа в иле соляных озер // Курортология и физиотерапия. - 1935. - С. 68 - 75.
41. Дзенс-Литовский А.И. Гидрогеологические условия Евпаторийской группы Крымских соляных озер // Водные богатства недр земли на службу социалистическому строительству. Минеральные воды. - М., Л., Новосибирск, 1934. - Сб. 5. - С. 178 - 197; Дзенс-Литовский А.И. Геология района Сакского озера. - С. 56; Дзенс-Литовский А.И. Основные типы соляных месторождений СССР // Тр. Укр.НИИ соляной промышленности. Соляные ресурсы СССР. Соляные месторождения УССР. - М., 1962. - Ч. I. - Вып. 4 (12). - С. 5 - 15; Курнаков И.С., Кузнецов В.Г., Дзенс-Литовский А.И., Равич М.И. Соляные озера Крыма. - М., 1936. - С. 12.
42. Шостокович В.Б. Иловые отложения Сакского озера как летопись климата // Саки-курорт. - Симферополь, 1935. - Вып. I. - С. 260; Перволов Ю.В. Илы и условия их образования в соляных озерах Крыма // Труды лаборатории озероведения АН СССР. - 1953. - Т. II.
43. Щукарев С.А., Косман С.К., Косман О.М., Пастак С.А. К вопросу о рациональном грязевом и рапном хозяйстве в лечебной части Сакского озера // Курортное дело. - 1928. - N 3. - С. 3 - 20.
44. Жебелев С.А. Религиозное врачевание в Древней Греции // ЗРАО. - 1893. - Т. VI. - Вып. 3, 4, новая серия. - С. 417 - 420.
45. Кулаковский Ю.А. Заметки по истории и топографии Крыма // АИЗ. - 1896. - Т. IV. - N 1. - С. 2; ВДИ, 1948, N 2, с. 241, прим. 4; Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плинния Старшего. - К., 1977. - С. - 70 - 72; см.: Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // СЗКАЭ. - К., 1994. - С. 89 - 90; Он же. Античное святилище на берегу Западного Крыма. - Киев, 2003 (в печати).
46. Дзенс-Литовский А.И. Геология района Сакского озера. - С. 75.
47. Там же, с. 87.
48. Курнаков И.С. и др. Соляные озера Крыма. - С. 66.

49. Подгородецкий П.Д. Тарханкут (историко-физико-географическая характеристика) // Территориальные системы природы и хозяйства Крыма. - Л., 1975. - С. - 15.
50. Борисов А.А. О колебаниях климата за историческое время // ИВГО. - 1956. - Т. 88.- Вып. 6. - С. 532 – 540; Кострицкий М.Е. Некоторые вопросы палеогеографии и исторической географии Северного Причерноморья / / Физическая география и геоморфология. - 1978. - Вып. 20. - С. 77.
51. Левковская Г.М. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным споро-пыльцевого анализа // КСИА. - 1970. - С. с. 102 – 108; Маслов С.П., Филин В.Р. К вопросу о природных условиях окрестностей городища Чайка (евпатийское побережье Крыма) в античное время и средневековье // История биоценозов СССР в голоцене. - М., 1976. - С. 175 – 182; см.: Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - 1978. - С. 24 – 25; Sneglow A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje. - Р. 241; Подгородецкий П.Д. Природа Западного Крыма в античную эпоху // СЗКАЭ. - Киев, 1994. - С. 25 – 28.
52. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - 1978. - С. 27.
53. Клепинин Н.И. Почвы Крыма. - Симферополь, 1935; Дзенс-Литовская Н.Н. Почвы района Сакского озера // Саки-курорт. - 1935. - Вып. I. - С. 116; Она же. Почвы и растительность степного Крыма. Л., 1970. - 157 с.; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - 1978. - С. 23.
54. Драган Н.А. Почвы Крыма. - Симферополь, 1983. - с. 71 – 74; Половицкий И.Я., Гусев П.Я. Почвы Крыма и повышение их плодородия. - Симферополь, 1987. - 152 с.; Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. - Симферополь, 1988. - С. 96 – 98.
55. Львова Е.В. Равнины Крыма: Научно-популярный очерк. - Симферополь, 1982, с. 9; Драган Н.А. Ук. соч. - С. 73 – 74.
56. Бабак В.И. Геоморфология Крымского полуострова. - С. 460 – 473.
57. Барковская М.Г. Закономерности распределения терригенного материала в приурезной полосе советского побережья Черного моря // Труды Института океанографии АН СССР. Динамика берегов зоны Черного моря. - 1961. - Т. 53. - С. 64 – 94.
58. Бабак В.И. К стратиграфии континентальных плиоценовых отложений Крыма // Труды МГРИ им. С. Орджоникидзе. - 1961. - Т. 37. - С. 137 – 151.
59. Зенкович В.П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. - М., 1960. - Т. 2. - С. 183; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - 1978. - С. 17 – 18.
60. Федоров П.В. Стратиграфия четвертичных отложений Крымского побережья и некоторые основные вопросы геологической истории Черного моря. - М., 1963. - С. 120; Он же. Последниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15000 лет // Колебания уровней морей и океанов за 15000 лет. - М., 1982. - С. 151 – 156.
61. См.: Невесский Е.Н. Ук. соч. - С. 226.
62. Ук. соч. - С. 224, рис. 90.
63. См., например: Беренбейм Д.Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новых данных об изменении уровня Черного моря // СА. - 1959. - № 4. - С. 47
64. Еще в начале ХХ в. на месте нынешней пересыпи был остров Кичик-Бейль (Кичин-Сель).
65. Невесский Е.Н. Ук. соч. - С. 178 – 181.
66. ГААРК, ф. 373, оп. 7; карты из фондов РНБ и БАН в СПб – СД С.Л.Смекалова.
67. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - 1978. - С. 18.
68. См., например: Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - Киев, 1972. - 192 с.; Она же. Скифские городища. - Симферополь, 1976. - 95 с.; Она же. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология: АДСВ. - Свердловск, 1984. - С. 132 – 140; Она же. Скифские городища. - Симферополь, 1989. - 96 с.; Она же. Усть-Альминское городище и некрополь. - Киев, 1994. - 207 с.

69. Ср. с картами конца XVII – начала XVIII вв. из фондов РНБ и БАН в СПб – CD С.Л.Смекалова; см. также – ГААРК, ф. 337, оп. 7.
70. Высотская Т.Н. Скифские городища. – 1989. – С. 36, 38; Она же. Усть-Альминское городище и некрополь. – С. 12; Ср.: Она же. Скифские городища. – 1976. – С. 70.
71. Махов К.И., Молявко Г.И. Палеогеографические схемы Причерноморья // Материалы по геологии и гидрогеологии. – М., Киев, 1940. – № 1 за 1939 г. – С. 3 – 6.
72. Шевченко Г.Г. Картографический метод выявления современных тектонических движений в Крыму // Геодезия, картография и аэрофотосъемка. Межведомственный республиканский научно-технический сборник. – Львов. – 1969. – Вып. 8. – С. 91 – 99.
73. Зенкович В.П. Заметка о характере побережья Гераклейского полуострова в Крыму // Ученые записки МГУ. – 1937. – Вып. 16, география с. 167 – 172; Николаев Н.И. О некоторых итогах изучения неотектоники СССР // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М., 1950. – Вып. 2. – С. 277 - 291; Бурштар М.С., Варущенко С.И., Полканова Л.П. Новейшая тектоника равнинного Крыма // Советская геология. – 1965. - № 3. - С. 128 – 131.
74. Махаева Т.В. К геоморфологии в динамике Западного Крыма // Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. – Киев, 1968. – Вып. 2. – С. 160 – 165.
75. Драган Н.А. Ук. соч. – С. 74 – 75.
76. Подгородецкий П.Д. Северо-Западный Крым. – Симферополь, 1979. – С. 16; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - 1978. – С. 15.
77. См., например: Монахов С.Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. - 1984. - N 1. - С. 109.
78. Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. – С. 46.
79. См.: Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка... - С. 71 - 104.
80. Див.: Ланцов С.Б. Античные поселения біля озера Кизил-Яр // Археологія. – 1989. - № 3. – С. 78 – 84.
81. Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Работы Западнокрымской экспедиции // АО 1986 г. - М., 1988. - С. 302.
82. Ланцов С.Б.. Две вотивные таблички из святилища римских военнослужащих около Сакского озера в Крыму // Херсонесский сборник. - Севастополь, 1999. - Вып. X. - С. 94 – 100; Он же. Фрагменты скульптуры и лапидарных надписей из античного святилища в Западном Крыму // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научн. конф. Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г. - Спб., 2000. - С. 77 – 80; Он же. Боспорская медь из херсонесского святилища на Сакской пересыпи // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. - СПб., 2001. - Часть 2. - С. 89 – 95; Он же. Культы и адепты в святилище II в. до н.э. - III в. н.э. около г. Саки в Крыму // Бахчисарайский историко-археологический сборник. - 2001. - Вып. 2. - С. 76 – 95; Он же. Монеты из античного святилища около г. Саки // ANAXHARΣΙΣ (Памяти Ю.Г.Виноградова): Херсонесский сборник. - Севастополь, 2001. - Вып. XI. - С. 120 – 134; Он же. Античное святилище на западном берегу Крыма.
83. Ср.: Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. - К., 1984. – С. 20.
84. См.: Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка... - С. 85, рис. 9,9.
85. Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клей // ВДИ. - 1985. - N 1. - С. 87 – 113; Он же. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог - определитель. - Саратов, 1994. – С. 50, 76.
86. Conovici N. Les timbres amphoriques 2. Sinope (tutles timbrīes comprises) // Histria. – 1998. – VIII. – S. 32.
87. Ланцов С.Б. О максимальных размерах Херсонесского государства (IV - III вв. до н.э.) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докл. конф.. - Омск, 1987. - С.

- 149 – 151; Он же. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. - К., 1991. - 16 с.; Он же. Античные поселения близ озера Кизиль-Яр. - С. 78 – 84; Он же. Античное поселение Ново-Федоровка... - С. 71 - 104.
88. Шулыц П.Н. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. // Советский Крым. – Симферополь, 1947. - № 5. - С. 66 – 67; Он же. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. – Л. 13.
89. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - С. 64, рис. 1.
90. Там же. – С. 64; Дащевская О.Д. Поздние скифы в Крыму : САИ. - М., 1991. - Вып. Д I - 7. – С. 49.
91. Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // Архив ИИМК. - 1940 г. - Ф. 10. - Оп. 1. - Д. 9 (10). - Л. 77 – 78, 114.
92. Там же. - Л. 77 - 78; Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - С. 63, 70; Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. – Киев, 1983. – С. 148.
93. Савеля О.Я. Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя // АО 1973 г. – 1974. – С. 338; Он же. К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварами Юго-Западного Крыма в V – III вв. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). – Киев, 1975. – Ч. II. – С. 100 – 102; Он же. О Греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI – IV вв. до н.э. // ПГКСВП. – Тбилиси, 1979. – С. 172 - 173.
94. См.: Щеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // ДСПБГК. – Тбилиси, 1981. – С. 215, рис. 4; АГСП: Археология СССР. - М., 1984. - табл. XVI.
95. Савеля О.Я. О размерах и структуре земельных владений Херсонеса в Юго-Западном Крыму в IV – II вв. до н.э. // ПИАСХ. – Севастополь, 1988. – С. 94; См.: Николаенко Г.М. Хоры Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV - III вв. до н.э. Часть I. – Севастополь, 1999. – С. 74 - 75, рис. 68.
96. См. там же.
97. См.: Николаенко Г.М. Там же. – С. 41 - 43.
98. Штифттар Б.Ф. О коллекции древнегреческой керамической посуды в г. Евпатории // ИТУАК. – 1914. - № 51. С. 304 – 306.
99. Высотская Т.Н. Скифские городища. – 1989. – 38 - 39; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. – С. 10 - 11.
100. Ахмеров П.Б. Амфоры древнереческого Херсонеса // ВДИ. – 1947. - № 1. – С. 175; Борисова В.В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ. – 1974. – Т. XI. - С. 101; Кадеев В.И; Очерки истории экономики Херсонеса в I - IV вв. н.э. - Харьков, 1970. – С. 79.
101. Монахов С.Ю. Ук. соч. - С. 109 - 110.
102. Кадеев В.И. Очерки истории экономики... – С. 79.
103. Монахов С.Ю. Ук. соч. - С. 109.
104. Печенин Н.М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. - 1905. - Вып. 33. - С. 30 – 31.
105. Монахов С.Ю. Ук. соч. - С. 109.
106. Репников Н.И. Материалы к археологической карте... - Ч. II. - Л. 115; ИТУАК. – 1919. - № 56. - С. 288, 374; Ланцов С.Б., Павленков В.И. Рец. на кн.: Соломоник Э.И. Графиты с хоры Херсонеса. - К., 1984 // ВДИ. - 1988. - N 3. - С. 179; Ср.: Соломоник Э.И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. – 1958. – XXVIII. – С. 313, 314. Здесь памятник был ошибочно локализован вдали от побережья у с. Голубника (бывшая Фоти-Сала) Бахчисарайского района в среднем течении р. Бельбек. В связи с этим долгие годы в работах других авторов место обнаружения стелы указывалось неверно.

- 107.Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полуострова / / Записки Географического общества СССР. – 1957. – Т. 16. – 186 с.; Подгорецкий П.Д. Крым: Природа. – С. 132.
- 108.Ланцов С.Б. Культы и адепты... - С. 76 – 95; Он же. Монеты из античного святилища... . С. 120 - 134.
109. Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скіфами) // ПИСПАЭ. – М., 1959. – 237; Крис Х.И. Кизил-Кобинская культура и тавры // САИ. – 1981. – Вып. Д I – 7. С. 8, рис. I; Щеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // ДСПВГК. – Тбилиси, 1981. – С. 205, рис. I; Ольховский В.С. О населении Крыма в скіфское время // СА. – 1982. - № 4. – С. 70, рис. 8; Колтухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (этнокультурные процессы). – Киев, 1996. – С. 101, рис. I.
- 110.Ланцов С.Б. О максимальных размерах Херсонесского государства... - С. 149 – 151; Он же. Античные поселения біля озера Кизил-Яр. - С. 78 – 84; Он же. Западный Крым в составе Херсонесского государства. - С. 6, 8, 11.
- 111.Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. Новий район хори Херсонеса елліністичного періоду // Археологія. – 1992. – № 2. - С. 85 – 95; рис. I.
- 112.Монсеев Л.А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове // Записки Крымского Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы. – 1926. – Вып. IX. – С. 116 - 117.
- 113.Волошинов А.А., Неневоля И.И. Поселение Алма-Тамак у с.Вилино Бахчисарайского района. – Статью см. в данном издании. Не следует путать это поселение с Усть-Альминским городищем, открытых еще раньше Н.Л.Эрнстом и первоначально названным тоже Алма-Тамак. См.: Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. – С. 9.
- 114.Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. – 1996. - № 1. – С. 72.
- 115.Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 32, рис. 8; Он же. Херсонесское государство и Харакс. Источники и история вопроса. Хора Херсонеса // АГСП: Археология СССР. - М., 1984. - С. 47, рис. 5, II; Он же. Процесс и характер... – С. 155, 175.
- 116.См.: Щеглов А.Н. там же, с. 155, 175; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика и культура. – М., 1990. – С. 312, 329; Латышева В.А. Керамические клейма из раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // Проблемы античной истории и культуры. – Ереван, 1979. – Т. II. – С. 335 – 341; Она же. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // Вестник ХГУ. – 1985. - № 268. – С. 100 – 107; Она же. Развитие земледелия на территории херсонесской хоры (по материалам поселений Маслины и Гроты) // Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха средневековья). – Курск, 1985а. – С. 68 – 86; Она же. Северная хора Херсонеса (по материалам Северо-Крымской экспедиции) // ПАК. – Симферополь. – 1988а. – Ч. III. – С. 252; Она же. О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины) // Древности. Харьковский историко-археологический сборник. – 1996. – С. 56 – 61.
- 117.Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N. Panskoe I. Vol. 1. The Monumental Building U 6. – Aarhus, 2002. – Pl. 4, 1.
- 118.Шульц П.Н. Розкопки Неаполя Скифского в 1946 р. // АП. – 1949. – С. 117, рис. 1.
- 119.Див.: Щепинський А.О., Черепанова О.М. Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки // Археологія. – 1974. – Вип. 13. – С. 62.
- 120.Шульц П.Н. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. - Л. 32.
- 121.Он же. Исследования Неаполя Скифского (1945 – 1950 гг.) // ИАДК. – Киев, 1957. – С. 63, рис. I.

122. Он же. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. – Л. 33.
123. Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии: МИА. – 1971. – № 177. – С. 128, рис. 1.
124. Зиновьев М.К. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // ИАДК. – Киев, 1957. – С. 325.
125. Див.: Щепинский А.О., Черепанова О.М. Пам'ятки античного часу... – С. 62 – 63.
126. Зиновьев М.К. Ук. Соч.
127. Колотухин В.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции в 1987 г. – НА ИА НАНУ. – 1987 / 29. – Ф.е. № 22499. – Л. 27, 41, 44 – 47, рис. 1, 96.
128. Ланцов С.Б. О максимальных размерах Херсонесского государства... - С. 149 – 151; Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства. – С. 111.
129. Ср.: Буйских С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. – Киев, 1986. – С. 21; Павленков В.И. Апория локализации Керкинитиды и Гипакриса (попытка решения) // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тез. докл. конф. молодых ученых. – Севастополь. – 1987. – С. 9 – 10.
130. Ср.: Буйских С.Б., Бураков А.В. Отчет о разведке по побережью причерноморских заливов в 1977 г. – НА ИА НАНУ. – 1977 / I. – Ф.е. № 9093. – Л. 7 – 9, 12; То же. - Ф.е. № 9095. - Л. 19, 20.
131. Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. – С. 32, рис. 8.
132. Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского... - С. 63, рис. 1; Он же. Позднескифская культура и ее варианты – С. 128, рис. 1; Фотоархив КФ ИА НАНУ, негатив № 2233.
133. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1960 г. // КСОГАМ. – 1961. – С. 51 – 58; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961 – 1962 гг. // КСОГАМ 1962 г. – 1964а. - С. 50 – 56; Она же. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961 – 1963 гг. // КСИА. – 1965. – Вып. 103. – С. 148 – 152; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963 – 1965 гг. // КСИА. – 1967. – Вып. 109. - С. 65 – 72; Она же. Работы Донузлавской экспедиции // АО 1967 г. – 1968. – С. 215 – 217; Она же. Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму // АО 1970 г. – 1971. – С. 264 – 265; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966 – 1969 гг. // КСИА. – 1972. – Вып. 130. - С. 62 – 69; Она же. Исследования Донузлавской экспедиции // АО 1980 г. – 1981а. – С. 242 – 243; Она же, Голенцов А.С. Западно-Донузлавское городище в Крыму // Евразийские древности. – М., 1999. – С. 161 – 177; Дащевская О.Д., Голенцов А.С., Михлин Б.Ю. Исследования памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму // АО 1973 г. – 1974. – С. 267 – 268; Голенцов А.С. Раскопки Западно-Донузлавского городища // АО 1972 г. – 1973; Он же. Керамические клейма из раскопок Южно-Донузлавского городища // Чтения посвященные 60-летию кафедры МГУ (тезисы докладов конференции). – М., 1999. – С. 131 – 132; Столба В.Ф., Голенцов А.С. Монетные находки из раскопок Южно-Донузлавского городища 1964 - 1965 гг. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы Международной научн. конф. - СПб., 1999. - С. 349 – 352; Они же. Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище (Северо-Западный Крым) // ?ХУУЙФЙ. ?амятию Ю.В. Андреева. – СПб., 2000. – С. 274 – 280.
134. Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма – Осень 1999. (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме). IV Крымская Международная конференция. – Симферополь, 2000. – Т. 2. – С. 45.
135. Архив ОУОПИК КОКМ, индекс 1.2.2558-2.12.12; Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым (по состоянию на 01.01.95 г.). Памятники архитектуры и археологии. - Симферополь, 1995. - Книга 2. - Т. II - III. - С. 171, NN 2949, 2252.

136. См.: Колотухин В.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции в 1987 г. – НА ИА НАНУ. – 1987 / 29. – Ф.е. № 22499. – Л. 59.
137. Дашевская О.Д. Исследования Донузлавской экспедиции. – С. 242 – 243.
138. См.: Щепинский А.А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области // ИКОГО. – Симферополь, 1951. – Вып. I. – С. 113 – 117; Археологичні пам'ятки -1966. - С. 202.
139. См., например: Дашевская О.Д. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961 – 1963 гг. // КСИА. – 1965. – Вып. 103. – С. 151 – 152; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида VI - II вв. до н.э. - К., 1990. – С. 8.
140. Львова Е.В. Равнины Крыма. – С. 9. Противоположную точку зрения см.: Дашевская О.Д. Разведки в Северо-Западном Крыму... – С. 151 – 152; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида... – С. 8.
141. Перечень взглядов по поводу локализации Гипакириса см., например: Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида... – С. 8.
142. Павленков В.И. Костяной кнаф с поселения на пересыпи озера Донузлав (из находок экспедиции В.Д. Блаватского) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. – М., 1999. – С. 88.
143. Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатория: Автограф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1985. - С. 8, 12 – 14, 16 - 19; Он же. Исследования в районе Евпаторийского маяка у с. Песчаное // АО 1983 г. – 1985а. – С. 293; Яценко И.П. Полевые исследования в округе Евпатории // АО 1982 г. - М., 1984. - С. 346 – 347; Она же. Городище Чайка и его округа // АО 1984 г. – 1986. – С. 334 – 335; Она же. Исследования на западной окраине Евпатории // АО 1985 г. – 1987. – С. 442 – 443; Коваленко С.А Античное сельскохозяйственное поселение возле села Песчаное // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М., 1991. – С. 6 – 36; др.
144. Публикаций памятника нет, лишь на нескольких изданных картах отмечено его местонахождение. Popova E.A., Kovalenko S.A. On the Cult of Herakles in the North-Western Crimea: Recent Finds from Chaika Settlement: New Studies on the Black Sea Littoral. – Oxford, 1996. - P. 64, fig. 1, 10; Vnukov S.Y. The North-Western Crimea: an Historical-Archaeological Essay // North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies (Colloquia Pontica; Vol. 6). – Leiden; Boston; Кнїл: Brill, 2001. – P. 150, fig. 2, 10.
145. Колесников А.Б., Яценко И.В. Античный виноградник на Евпаторийском мысу // Проблемы исследования античных городов. – Тезисы. – М., 1989. – С. 57 – 58; Колесников А.Б. К интерпретации источников по античному виноградарству // Древности Боспора. – М., 1998. – Т. I. – С. 125, 128.
146. Памятники истории и культуры Украинской ССР. Каталог-справочник. – Киев, 1987. - С. 298.
147. Шульц П.Н. Дневник эпизодических археологических разведок 1955 г. - 31, VII, 1955. - Архив КФ ИА НАНУ.
148. Павленков В.И. Новый сюжет в изобразительном искусстве Херсонеса // Херсонесский сборник. – 1998. – Вып. IX. – С. 72 – 73.
149. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 95.
150. Дашевская О.Д., Голенцов А.С., Михлин Б.Ю. Ук. соч. – С. 268.
151. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. – С. 31.
152. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму : Херсонесский сборник. - Симферополь, 1961. - Вып. 6. - 247 с; Nikolaenko G.M. Xora Херсонеса Таврического. – 84 с.; Щеглов А.Н. Аграрный Херсонес. – С. 266 – 267; Steglow A.N. Utilisation de la photographe aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonesos Taurique (IV – II e.s.av. N. E.) // DHA. – 1980. – N 6. – P. 63; Chtcheglov A. Postface. De l'apoïki rýpriphýique à l'itat territorial // Polis et Chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin. - Paris. - 1992. – 228 - 234; 250 - 258; Nikolaenko G.M. The Adjacent Chora of Tauric Chersonesus in the 4th Century BC // North Pontic

- 122.Он же. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. – Л. 33.
- 123.Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // / Проблемы скифской археологии: МИА. – 1971. - № 177. – С. 128, рис. 1.
- 124.Зиновьев М.К. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // ИАДК. – Киев, 1957. – С. 325.
- 125.Див.: Щепинский А.О., Черепанова О.М. Пам'ятки античного часу... – С. 62 – 63.
- 126.Зиновьев М.К. Ук. Соч.
- 127.Колотухин В.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции в 1987 г. – НА ИА НАНУ. – 1987/ 29. – Ф.е. № 22499. - Л. 27, 41, 44 – 47, рис. 1, 96.
- 128.Ланцов С.Б. О максимальных размерах Херсонесского государства... - С. 149 – 151; Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства. – С. 11.
- 129.Ср.: Буйских С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. – Киев, 1986. – С. 21; Павленков В.И. Апория локализации Керкинитиды и Гипакириса (попытка решения) // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тез. докл. конф. молодых ученых. – Севастополь. – 1987. – С. 9 – 10.
- 130.Ср.: Буйских С.Б., Бураков А.В. Отчет о разведке по побережью причерноморских заливов в 1977 г. – НА ИА НАНУ. – 1977/1. – Ф.е. № 9093. – Л. 7 – 9, 12; То же. - Ф.е. № 9095. - Л. 19, 20.
- 131.Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. – С. 32, рис. 8.
- 132.Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского... - С. 63, рис. 1; Он же. Позднескифская культура и ее варианты – С. 128, рис. 1; Фотоархив КФ ИА НАНУ, негатив № 2233.
- 133.Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1960 г. // КСОГАМ. – 1961. – С. 51 – 58; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961 – 1962 гг. // КСОГАМ 1962 г. – 1964а. - С. 50 – 56; Она же. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961 – 1963 гг. // КСИА. – 1965. – Вып. 103. – С. 148 – 152; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963 – 1965 гг. // КСИА. – 1967. – Вып. 109. - С. 65 – 72; Она же. Работы Донузлавской экспедиции // АО 1967 г. – 1968. – С. 215 – 217; Она же. Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму // АО 1970 г. – 1971. – С. 264 – 265; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966 – 1969 гг. // КСИА. – 1972. – Вып. 130. - С. 62 – 69; Она же. Исследования Донузлавской экспедиции // АО 1980 г. – 1981а. – С. 242 – 243; Она же, Голенцов А.С. Западно-Донузлавское городище в Крыму // Евразийские древности. – М., 1999. – С. 161 – 177; Дашевская О.Д., Голенцов А.С., Михлин Б.Ю. Исследования памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму // АО 1973 г. – 1974. – С. 267 – 268; Голенцов А.С. Раскопки Западно-Донузлавского городища // АО 1972 г. – 1973; Он же. Керамические клейма из раскопов Южно-Донузлавского городища // Чтения посвященные 60-летию кафедры МГУ (тезисы докладов конференций). – М., 1999. – С. 131 – 132; Столба В.Ф., Голенцов А.С. Монетные находки из раскопок Южно-Донузлавского городища 1964 - 1965 гг. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы Международной научн. конф. - СПб., 1999. - С. 349 – 352; Они же. Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище (Северо-Западный Крым) // ?ХУУЙФЙБ. ?амяти Ю.В.Андреева. – СПб., 2000. – С. 274 – 280.
- 134.Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма – Осень 1999. (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме). IV Крымская Международная конференция. – Симферополь, 2000. – Т. 2. – С. 45.
- 135.Архив ОУОПИК КОКМ, индекс 1.2.2558-2.12.12; Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым (по состоянию на 01.01.95 г.). Памятники архитектуры и археологии. - Симферополь, 1995. - Книга 2. - Т. II - III. - С. 171, NN 2949, 2252.

136. См.: Колотухин В.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции в 1987 г. – НА ИА НАНУ. – 1987 / 29. – Ф.е. № 22499. – Л. 59.
137. Дашевская О.Д. Исследования Донузлавской экспедиции. – С. 242 – 243.
138. См.: Щепинский А.А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области // ИКОГО. – Симферополь, 1951. – Вып. I. – С. 113 – 117; Археологічні пам'ятки -1966. - С. 202.
139. См., например: Дашевская О.Д. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961 – 1963 гг. // КСИА. – 1965. – Вып. 103. – С. 151 – 152; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида VI – II вв. до н.э. - К., 1990. – С. 8.
140. Львова Е.В. Равнины Крыма. – С. 9. Противоположную точку зрения см.: Дашевская О.Д. Разведки в Северо-Западном Крыму... – С. 151 – 152; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида... – С. 8.
141. Перечень взглядов по поводу локализации Гипакириса см., например: Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида... – С. 8.
142. Павленков В.И. Костяной кифас с поселения на пересыпи озера Донузлав (из находок экспедиции В.Д. Блаватского) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. – М., 1999. – С. 88.
143. Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатория: Авторф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1985. - С. 8, 12 – 14, 16 – 19; Он же. Исследования в районе Евпаторийского маяка у с. Песчаное // АО 1983 г. – 1985а. – С. 293; Яценко И.В. Полевые исследования в округе Евпатории // АО 1982 г. - М., 1984. - С. 346 – 347; Она же. Городище Чайка и его округа // АО 1984 г. – 1986. – С. 334 – 335; Она же. Исследования на западной окраине Евпатории // АО 1985 г. – 1987. – С. 442 – 443; Коваленко С.А Античное сельскохозяйственное поселение возле села Песчаное // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М., 1991. – С. 6 – 36; др.
144. Публикаций памятника нет, лишь на нескольких изданных картах отмечено его местонахождение. Popova E.A., Kovalenko S.A. On the Cult of Herakles in the North-Western Crimea: Recent Finds from Chaika Settlement: New Studies on the Black Sea Littoral. – Oxford, 1996. - P. 64, fig. 1, 10; Vnukov S.Y. The North-Western Crimea: an Historical-Archaeological Essay // North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies (Colloquia Pontica; Vol. 6). – Leiden; Boston; Kluin: Brill, 2001. – P. 150, fig. 2, 10.
145. Колесников А.Б., Яценко И.В. Античный виноградник на Евпаторийском мысу // Проблемы исследования античных городов. – Тезисы. – М., 1989. – С. 57 – 58; Колесников А.Б. К интерпретации источников по античному виноградарству // Древности Боспора. – М., 1998. – Т. I. – С. 125, 128.
146. Памятники истории и культуры Укранийской ССР. Каталог-справочник. – Киев, 1987. – С. 298.
147. Шульц П.Н. Дневник эпизодических археологических разведок 1955 г. - 31, VII, 1955. - Архив КФ ИА НАНУ.
148. Павленков В.И. Новый сюжет в изобразительном искусстве Херсонеса // Херсонесский сборник. – 1998. – Вып. IX. – С. 72 – 73.
149. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. - С. 95.
150. Дашевская О.Д., Голенцов А.С., Михлин Б.Ю. Ук. соч. – С. 268.
151. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... - 1978. – С. 31.
152. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму : Херсонесский сборник. - Симферополь, 1961. - Вып. 6. - 247 с; Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. - 84 с.; Щеглов А.Н. Аграрный Херсонес. – С. 266 – 267; Steglov A.N. Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonesos Taurique (IV – II e.s.v. N. E.) // DHA. – 1980. – N 6. – Р. 63; Chtcheglov A. Postface. De l'apoikiu rýgrifhýrique a l'ýtat territorial // Polis et Chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin. - Paris. - 1992. – 228 - 234; 250 - 258; Nikolaenko G.M. The Adjacent Chora of Tauric Chersonesus in the 4th Century BC / North Pontic

- Archaeology: Recent Discoveries and Studies (Colloquia Pontica; Vol. 6). – Leiden; Boston; Kijl: Brill, 2001. – P. 177– 204.
153. Chtcheglov A. Postface. De l'apoiki rýgrphýrique a l'ýtat territorial. – 1992. – 258; ?иколаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. – С. 42 – 44.
154. Chtcheglov A. Postface. De l'apoiki rýgrphýrique a l'ýtat territorial. – 250.
155. Савея О.Я. О размерах и структуре земельных владений... – С. 94; Он же. Работы Севастопольской экспедиции // АИК 1993 г. – Симферополь, 1994. – С. 237 – 238; Он же. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколонизационного периода // Херсонесский сборник. – 1996. – Вып. VII. – С. 14.
156. Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. - II в. н.э.) // Степи европейской части ССР в скифо-сарматское времена : Археология ССР. - М., 1989. - С. 126, карта 11; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. - С. 57, табл. I; Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. – Симферополь, 1999. – С. 125, рис. 1; с. 146, рис. 26.

Е. В. Лебедева

РЕДКАЯ НАХОДКА ИОНИЙСКОЙ АМФОРЫ ИЗ МИРМЕКИЯ

Древнегреческое поселение Мирамекий в настоящее время является одним из наиболее хорошо изученных античных памятников Северного Причерноморья. В течение последних двадцати лет здесь проводилось систематическое и планомерное исследование древнейших культурных слоев. В результате археологических работ на поселении было открыто большое число комплексов архаического времени и собран многочисленный и разнообразный керамический материал, среди которого нередко встречаются очень интересные и даже уникальные как для Мирамекия, так и для всего Северного Причерноморья находки. В данной работе будет представлена и исследована одна из таких находок. Речь пойдет об обломке верхней части родоско-ионийской амфоры, украшенной растительным орнаментом, который был обнаружен в Мирамекии в 1987 году в заполнении позднеархаической ямы в ходе раскопок, проводимых под руководством Ю. А. Виноградова¹.

Глина рассматриваемого фрагмента вполне характерна для родоско-ионийских (а точнее, североионийских) сосудов: плотная, хорошо отмученная, оранжевого с коричневатым оттенком цвета, с примесью редких, но довольно крупных частиц известняка и едва заметных блесток слюды. Снаружи обломок покрыт густой кремовой обмазкой. Роспись нарисована тусклым, не однородным по

густоте лаком, меняющим оттенок от светло-коричневого до почти черного, с применением накладных красок: белой и пурпурного (Рис. 1, 1). Отогнутый наружу край сосуда с обеих сторон покрыт лаком. Слегка расширяющееся горло амфоры украшено неровным пояском «Z»-образной или «ломаной» плетенки². Плечики орнаментированы сложной спиралевидной плетенкой, состоящей из трех рядов соединяющихся окружностей, нанесенных с применением пурпурного. В местах соединения окружностей с внешней стороны помещены элементы заполнительного орнамента: четвертные розетты с петельчатым орнаментом и более простые розетки. Роспись плечевого фриза сверху и снизу ограничена узкими неровными полосками лака. Средняя часть туловы сосуда украшена полосами коричневого лака различной ширины. Поверх одной из них проведена узкая полоска белой краски, покрытая, в свою очередь, полосой пурпурного. Сохранившаяся двуствольная ручка амфоры орнаментирована овальными пятнами лака.

Описанный выше фрагмент интересен прежде всего тем, что сосуда, роспись которого полностью бы соответствовала мирамекийскому, среди опубликованных материалов найти не удалось, хотя можно подобрать аналогии всем элементам орнамента, взятым по отдельности. Так, орнамент в виде «ломаной» плетенки,

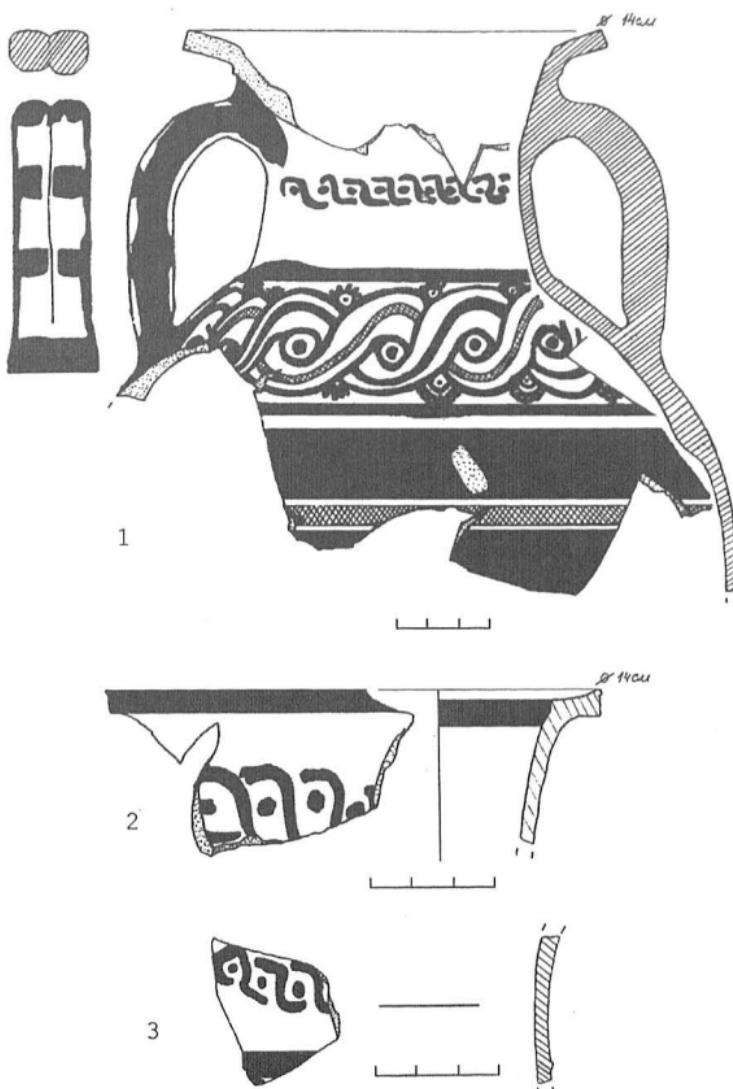

Рисунок 1

Фрагменты родосско-ионийской керамики из Мирмекия

украшающий горло рассматриваемого фрагмента, является вполне характерным для родосско-ионийской керамики³ и встречается на сосудах, которые изготавливались на протяжении довольно длительного промежутка времени. Впервые этот орнамент появляется на сосудах позднегеометрического стиля. Зачастую очень небрежной плетенкой украшены края хиосских кратеров 760–700 гг. до н.э.⁴. Однако и на сосудах 2-ой половины VI в. до н.э. также встречается подобная роспись. Например, она представлена на горле амфоры «стиля Фикеллура» из собрания Базеля⁵.

Что же касается родосско-ионийской керамики, то плетенка, аналогичная орнаменту амфоры из Мирмекия, украшает горло найденной в Истрии ольпы, датированной последней четвертью VII в. до н.э.⁶ На плечиках этого сосуда изображены животные, идущие в ряд, и заполнительный орнамент, среди которого встречаются и половинные розетки с пettelчатым орнаментом.

На Березани была обнаружена ойнохоя 1-ой четверти VI в. до н.э. с орнаментом в виде «ломаной» плетенки на горле и изображением фигуры бегущего козла на плечиках. В средней части туловы проведена широкая полоса темно-коричневого лака, ограниченная узкими поясками пурпур и белой краски. Пурпуром подчеркнуты и некоторые детали фигуры животного⁷.

Фрагмент горла амфоры из Тэлль-Сукаса, украшенный пояском неровной плетенки, был причислен к сосудам позднего периода существования «стиля дикого козла»⁸. Примерно

этим же временем, а точнее, 2-ой четвертью — серединой VI в. до н.э., датированы североионийские амфоры из Делоса и ольпа из Турин⁹. На горле этих сосудов размещается тот же орнамент в виде «ломаной» плетенки. Плечики туринской ольпы украшает протома льва, а плечевой фриз амфоры из Делоса состоит из спиралей, соединенных стилизованными цветами лотоса. То, что в росписи описанной амфоры присутствуют лишь орнаментальные мотивы и нет изображений животных, является сходным с росписью мирмекийской амфоры. Однако же эти сосуды нельзя назвать полностью идентичными, так как рисунок на сосуде из Делоса выполнен без применения накладных красок, да и изображение плетенки несколько отличается — ее звенья выглядят более округлыми.

Полностью аналогичная плетенка украшает горло ионийской амфоры, найденной в некрополе Ольвии в могиле 2-ой половины VI в. до н.э.¹⁰ Также как и у сосуда из Мирмекия, отогнутый наружу край ольвийской амфоры покрыт темным лаком, в месте перехода горла в тулово проведена узкая неровная полоска, а само тулово украшено широкими горизонтальными полосами лака. На плечиках помещен орнамент в виде концентрических кругов, чередующихся со сдвоенными цветами лотоса. Роспись выполнена без применения накладных красок. Е. Вальтер-Кариди сравнила этот сосуд с рассмотренной выше амфорой из Делоса и по форме сосуда и росписи плечевого фриза датировала его 2-ой четвертью VI в. до н.э., хотя В. М. Скудно-

ва считала, что точная датировка данной амфоры неизвестна¹¹.

Что касается росписи, украшающей плечики амфор из некрополя Ольвии и Делоса, то, хотя это и не имеет прямого отношения к изучаемому в данной работе сосуду, интересно отметить, что в Мирмекии в 1992 году в заполнении одной из ям 2-ой четверти VI в. до н.э. был найден обломок ионийского сосуда с очень похожим орнаментом¹². Плечевой фриз фрагмента украшен концентрическими кругами, соединенными гирляндой пальметт, а по тулово проведены горизонтальные полосы коричневого лака (Рис. 2).

Также необходимо отметить и то, что в Мирмекии было найдено еще несколько небольших фрагментов родосско-ионийских закрытых сосудов, горло которых орнаментировано поясом неровной плетенки. Один из них (Рис. 1, 2) был обнаружен в 1991 году в заполнении полуzemлянки XVI, которая существовала довольно длительное время — с середины VI в. до н.э. по конец этого столетия. Сам же фрагмент был найден при разборке глинистых промазок пола помещения, что позволяет говорить о том, что он синхронен более раннему периоду существования полуземлянки¹³. Другой обломок горла закрытого сосуда с орнаментом в виде «ломаной» плетенки (Рис. 1, 3) был обнаружен в 1992 году в заполнении одной из хозяйственных ям, датированной 2-ой четвертью VI в. до н.э.¹⁴

Как уже говорилось, плечики рассматриваемого обломка амфоры из Мирмекия орнаментированы сложной спиралевидной плетенкой (Рис.

1, 1). К сожалению, полностью аналогичного орнамента, который при этом также располагался бы на плечевом поясе сосуда, найти не удалось. Однако похожий рисунок можно увидеть уже на протокоринфской керамике. Так, немного более простая спиралевидная плетенка украшает горло ойнохой, найденной в Афинах¹⁵. Отличается она тем, что внутренние кружки рисунка не закрашены, отсутствует заполнительный орнамент в местах соединения окружностей, а сама роспись выполнена без применения пурпур. Интересно, что подобный рисунок встречается и на ручках протокоринфских ойнохой¹⁶. Причем, здесь можно увидеть орнамент, более похожий на исследуемый: например, выполненный с применением пурпур, или с дополнительными элементами орнамента в виде четвертных розетт¹⁷.

То, что подобный рисунок впервые встречается на коринфских сосудах, неудивительно. Как отмечала Л. В. Копейкина, в конце VII – начале VI в. до н.э. стремительно возрастает торговая экспансия Коринфа и в вазописи Родоса и Ионии отчетливо прослеживается его влияние¹⁸. С конца VII в. до н.э. по стилю росписи родосско-ионийская керамика вступает в завершающий этап «стиля дикого козла». В это время из коринфской вазописи заимствуются изображения животных, а также, хотя и в меньшей степени, некоторые элементы заполнительного орнамента¹⁹. В то же время в родосско-ионийской росписи появляются и новшества. Широкие горизонтальные полосы лака, опоясывающие тулово, оживляются

узкими полосками белой краски и пурпуром; становится популярной новая форма сосуда — амфоры²⁰. Причем, как считала Н. А. Сидорова, амфоры появляются лишь в северной группе ионийской керамики²¹.

Орнамент в виде сложной спиралевидной плетенки в родоско-ионийской вазописи впервые появляется в конце 3-ей — в 4-ой четверти VII вв. до н.э. Такой плетенкой украшено горло кратера 30-х гг. VII в. до н.э., фрагменты которого были найдены на Березани²². Подобный рисунок встречается и на горле ойнохой 630—615 гг. до н.э. из собраний Ричмонда и Лувра²³. И все-таки орнамент этих сосудов довольно существенно отличается от плетенки, украшающей плечики мирамекийской амфоры. Полностью отсутствуют какие-либо эле-

менты украшения на внешней стороне окружностей, нет пурпур, да и сама плетенка более простая — состоит лишь из двух рядов концентрических кругов.

Как считают Р. Кук и П. Дюпон, дополнительные элементы орнамента, расположенные во внешних углах плетенки, появляются на сосудах более позднего времени²⁴. В качестве примера они приводят росписи, украшающие горло кариийской ойнохой конца VII — начала VI вв. до н.э. и североионийской ойнохой, датированной поздним этапом «стиля дикого козла», а точнее, I-ой третью VI в. до н.э.²⁵ В первом случае внешние углы плетенки дополнены треугольниками с точками посередине, во втором — закрашенными крупными точками, напоминающими бутоны лотоса.

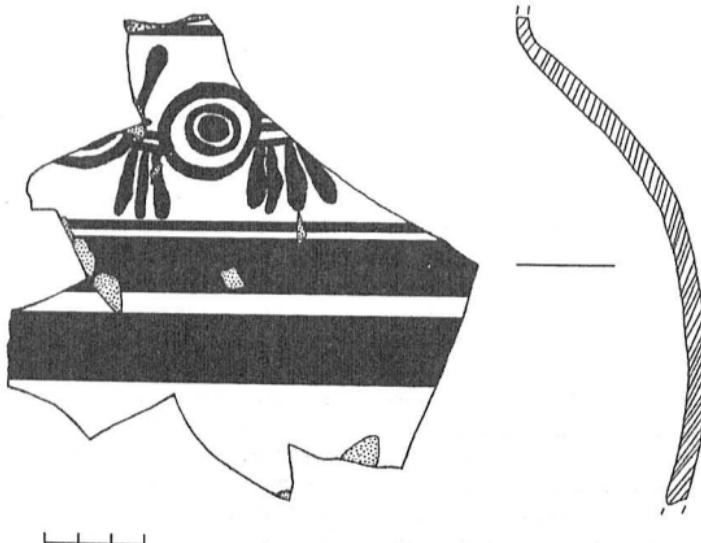

Рисунок 2
Фрагмент ионийского закрытого сосуда из Мирамекия

Что касается закрытых сосудов позднего периода «стиля дикого козла», то последний из описанных выше видов росписи довольно часто украшает горло ионийских ойнохой и амфор. Причем, иногда подобная плетенка полностью опоясывает горло сосуда, а иногда она упрощается до орнамента в виде соединяющихся двух или трех окружностей. Датируют рассматриваемые сосуды концом 1-ой – 2-ой четвертью VI в. до н.э.²⁶

Фрагменты сосудов с аналогичным орнаментом были найдены и в Мирмекии. Из них наибольший интерес вызывают обнаруженные в 1992 году обломки ионийской амфоры, которые позволяют полностью реконструировать сосуд. На плечиках амфоры помещено изображение козла с повернутой назад головой, а горло украшено орнаментом в виде двух соединяющихся окружностей с крупными точками во внешних углах рисунка. Датирован сосуд 580–560-ми гг. до н.э.²⁷

В росписи сосудов этого же времени также встречается, хоть и значительно реже, плетенка, состоящая из трех соединяющихся окружностей. Например, такая плетенка украшает край родосско-ионийского диноса из раскопок Нимфея²⁸. Интересно, что аналогичный орнамент помещен и на крае открытого хиосского сосуда из Навкратиса²⁹.

Иногда с внешней стороны плетенки можно увидеть не точки, а небольшие полуокружности³⁰. Датируются сосуды с подобной росписью обычно также 2-ой четвертью VI в. до н.э.³¹. Однако встречаются и исключения. Так, на Березани были найдены фраг-

менты родосско-ионийского диноса, край которого украшен сложной плетенкой, дополненной полуокружностями с точками в центре. Датированы фрагменты 40-ми гг. VII в. до н.э.³²

Из представленного выше описания родосско-ионийских сосудов и их фрагментов видно, что ни один из рассмотренных орнаментов не является точной аналогией росписи, украшающей плечики изучаемой амфоры из Мирмекия. Удивительно, что практически полностью идентичную плетенку можно увидеть в росписи фрагментов хиосской тарелки, найденной в Навкратисе и датированной 2-ой четвертью VI в. до н.э. Орнамент, состоящий из трех рядов соединяющихся окружностей и дополненный во внешних углах четвертными розеттами, украшает край с наружной стороны тарелки. Единственным отличием от исследуемого рисунка является отсутствие пурпур в изображении плетенки, хотя при нанесении фигур животных пурпур, по всей видимости, применялся.

Как считала Е. Вальтер-Карида, подобный орнамент впервые встречается во 2-ой четверти VI в. до н.э. и продолжает свое существование в дальнейшем³⁴. Например, похожая, но двойная плетенка украшает туловище североионийской амфоры 2-ой половины VI в. до н.э. Причем, здесь орнамент выполнен с применением пурпур, хотя сама амфора имеет совершенно другую форму, чем мирмекийская³⁵. Кроме того, подобный рисунок довольно часто можно встретить в росписи клазоменских саркофагов 2-ой половины VI – начала V вв. до н.э.³⁶

Таким образом, на основании приведенных выше примеров, можно достаточно уверенно утверждать, что рассматриваемый фрагмент амфоры из Мирмекия вряд ли был изготовлен ранее, чем во 2-ой четверти VI в. до н.э. Но в то же время, нет никаких убедительных данных, которые позволили бы датировать сосуд более поздним временем. В подтверждение этого необходимо обратить внимание еще на несколько моментов. Так, при исследовании элементов орнамента мirmекийского сосуда в работе не раз приводились аналогии из росписи сосудов позднего периода «стиля дикого козла». Что вовсе неудивительно. Как писал Р. Кук, роспись ионийских сосудов этого времени могла быть упрощена: горло и плечики украшались орнаментальным рисунком, тулово — фризом широких полос темного лака с добавлением пурпурса, а изображения животных вообще отсутствовали³⁷. На то, что в этот период были распространены амфоры с исключительно растительным орнаментом,

обращал внимание и Г. Плауг³⁸. Примерно такого же мнения придерживались Дж. Бордман и Дж. Хейс³⁹. Да и сама форма мirmекийского сосуда соответствует амфорам именно этого периода.

Наконец, необходимо упомянуть, что довольно часто двустольные ручки амфор и ойнохой позднего этапа «стиля дикого козла», также как и ручки мirmекийской амфоры, были орнаментированы овальными пятнами лака⁴⁰. Точно также украшены и ручки упомянутой выше амфоры с изображением фигуры козла, обнаруженной в Мирмекии в 1992 году.

Большинство исследователей датируют описанные выше сосуды 580–560-ми гг. до н.э.⁴¹ В целом же поздний период «стиля дикого козла» прекращает свое существование примерно в середине VI в. до н.э.⁴² Вероятней всего, именно этим временем (а точнее, как уже говорилось выше, 2-ой четвертью VI столетия) следует датировать и фрагмент ионийской амфоры с растительным орнаментом из Мирмекия.

Примечания

1. Виноградов Ю. А. Отчет о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИИМК РАН. СПб., 1988. Ф. 35, оп. 1987, д. 78, л. 43.
2. Название «ломаная» плетенка употребляется из-за того, что в орнаментации рассматриваемого фрагмента присутствует «плетенка» двух разновидностей. Например, в работе Р. Кука и П. Дюпон используется наименования «cable» и «broken cable» (см.: Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. London, New York, 1998. P. XXV).
3. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 96.
4. Boardman J. Early Greek Vase Painting. London, 1998. P. 76, №№ 141, 142; Cook R. M., Dupont P. East Greek... P. 22-23, Fig. 5.8.
5. Cook R. M., Dupont P. East Greek... P. 85, Fig. 10.8a.
6. Alexandrescu P. La céramique D"époque archaïque et classique (VIIe – IVe s.) // Histria IV. Paris, 1978. P. 41, cat. 50.
7. Корпусова В. Н. Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 39-40, рис. 15, 3, 4.

8. Ploug G. The Aegean, Corinthian and Eastern Greek Pottery and Terracottas // *Sylks*, II. Kneibenhavn, 1973. P. 52, ? 187.
9. Walter-Karydi E. Samische Gefässse des 6 Jahrhunderts v. CHR. // *Samos*. Band VI. Bonn, 1973. S. 84, 81, Taf. 113, 924; 111, 914.
10. Скуднова В. М. Архайический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 36-37, 41, кат. 4.
11. Walter-Karydi E. Samische Gefässse... S. 79, 84, Taf. 113, 925; Скуднова В. М. Архайический некрополь... С. 12.
12. Виноградов Ю. А. Отчет о работе Мирмекийского отряда Объединенной Боспорской экспедиции ИИМК - КГИКЗ в 1992 г. // Архив ИИМК РАН. СПб., 1993. Ф. 35, оп. 1992, д. 20, л. 41; Vinogradov Y. A. Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // ETUDES et TRAVAUX, XVIII, 1999. P. 284, Fig. 7, 1; Бутягин А. М. Расписная керамика из ранних комплексов Мирмекия (раскопки 1992 г.). // Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб., 2000. С. 177-178, рис. 8.
13. Виноградов Ю. А. Отчет о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. // Архив ИИМК РАН. СПб., 1992. Ф. 35, оп. 1991, д. 37, л. 25-26.
14. Виноградов Ю. А. 1993. Отчет о работе... СПБ., 1993... л. 39.
15. Dunbabin T. J. Perachora. The sanctuaries of hera Akraia and Limenia // Excavations of the British school of Archaeology at Athens 1930-1933, II. Oxford, 1962. P. 28, № 129.
16. Dunbabin T. J. Perachora. №№ 302-314.
17. Dunbabin T. J. Perachora. P. 48, №№ 305, 308.
18. Конейкина Л. В. Особенности развития родосско-ионийской керамики в I-ой половине VI в. до н.э. и вопросы локализации некоторых ее групп // ВДИ, № 1. 1970. С. 95.
19. Boardman J. Early Greek... P. 142; Cook R. M. Greek Painted Pottery. London, 1960. P. 122; Cook R. M., Dupont P. East Greek... P. 55.
20. Cook R. M. Greek Painted... P. 122.
21. Сидорова Н. А. Керамика архайического периода из раскопок Пантикея. 1965-1985 гг. (кроме аттической чернофигурной). // СГМИИ, вып. 10. М., 1992. С. 133.
22. Конейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 14, 16, рис. 10 а.
23. Cook R. M. Greek Painted... P. 119, Pl. 30 B; Cook R. M., Dupont P. East Greek... P. 36-39, Fig. 8.6, 8.7.
24. Cook R. M., Dupont P. East Greek... P. xxv.
25. Cook R. M., Dupont P. East Greek... P. 64, Fig. 8.26, p. 55, Fig. 8.20.
26. Alexandrescu P. La céramique... P. 37, Pl. I, cat. 9; 2, 16; Ploug G. The Aegean... P. 51, №№ 172, 185, 186; Walter-Karydi E. Samische Gefässe... S. 81, 84, Taf. 111, 895; 113, 928, 929.
27. Виноградов Ю. А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ, № 3. 1995. С. 155-156.; Vinogradov Y. A. Selected Findings... P. 284, Fig. 5; Бутягин А. М. Расписная керамика... С. 172-173, рис. 2.
28. Худяк М. М. Из истории Нимфея VI – III вв. до н.э. Л., 1962. С. 17, табл. 5, 5; Древний город Нимфей. // Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 28, кат. 22.
29. Walter-Karydi E. Samische Gefässe... S. 68, Taf. 98, 722.
30. Walter-Karydi E. Samische Gefässe... Taf. 98, 696; 108, 901.
31. Walter-Karydi E. Samische Gefässe... S. 78.
32. Конейкина Л. В. 1982. Родосско-ионийская керамика... С. 27, рис. 22.
33. Walter-Karydi E. Samische Gefässe... S. 87, Taf. 97, 731.
34. Walter-Karydi E. Samische Gefässe... S. 87.
35. Walter-Karydi E. Samische Gefässe... S. 84, Taf. 127, 977.
36. Walter-Karydi E. Samische Gefässe... S. 87.
37. Cook R. M. Greek Painted... P. 119.

-
38. Ploug G. The Aegean... P. 52.
  39. Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra. 1963-1965. // BSA. Suppl. Vol. № 4, 1966. P. 42, № 587.
  40. Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra... P. 42, №№ 580, 582, 588; Dimitriu S. Cartierul de locuinte din zona de vest a cetatii, on epoca arhaica. Sapaturi 1955-1960. // Histria II. Bucuresti, 1966. P. 59, Pl. 4, 41-47; Ploug G. The Aegean... P. 53, ? 251.
  41. Alexandrescu P. La ceramique... P. 37; Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra... P. 42; Ploug G. The Aegean... P. 51-53; Vinogradov Y. A. Selected Findings... P. 284.
  42. Cook R. M., Dupont P. East Greek... P. 56.

Ю.М. Могаричев

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ КРЫМА СЕРЕДИНЫ-ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII В.

В ряде предыдущих статей автор настоящей работы совместно с А.В. Сазановым попытался показать, что в начале VIII в. Боспор, Херсон и крымские архонтии (впоследствии климаты) оставались частью империи, как в представлении самих жителей, так и, по мнению византийских летописцев. Хазары здесь не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата, по отношению к Крыму, сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими¹.

Несомненно, начиная с середины второй половины VIII в. византийско-хазарские отношения в Крыму перерпевают изменения, что в итоге вылилось в открытое столкновения хазар с местным населением, известное в литературе как восстание Иоанна Готского и произошедшее, вероятно, в промежутке между концом 784 и 786 гг.²

По мнению ряда исследователей, эти изменения привели к появлению в середине или во второй половине VIII в Восточном, Центральном и Северо-западном Крыму большого числа новых поселений и могильников оставленных пришлым населением Хазарского каганата³

М.И. Артамонов объяснял появление данных поселений развитием оседлости среди населения Хазарии, составной частью которой являлся и Крым⁴.

А.Л.Якобсон считал, что они принадлежали болгарам, мигрировавшим из Приазовья. По его мнению, в конце VIII-IX в полуостров становится практически независимым как от Византии, так и от хазар. Это привело к экономическому подъему, стали оживать земледельческие поселки. Как следствие, сначала в восточный, а затем и в западный Крым из Приазовья потянулось новое население⁵.

И.А. Баранов относил данные поселения ко второй миграционной волне салтовцев (в основном «кутригур Волжской Болгарии») в Крым, во время которой были разгромлены византийские крепости и поселения, а также «оногурские аилы первого периода»⁶.

А.И. Айбабин связывает их с «миграцией булгарских племен в контролируемый хазарами Крым». Эта миграция «была вызвана разгромом, учиненным арабами во время второй арабо-хазарской войны (722-737 гг.) на территории Хазарского каганата в Предкавказье в 730-е гг.». Нельзя не согласиться с его выводом: появление новых поселений не связано с разрушениями и пожарами на уже существующих, а пришельцы мирно осели на свободных землях⁷.

Географически рассматриваемые памятники расположены не равномерно по всему Крыму, а группируются в четырех местах: Керченский полуостров (большая часть), Юго-восточное побережье, Центральный Крым, Северо-западное побережье⁸.

Керченский полуостров^{*}. На археологических картах, опубликованных в монографиях И.А. Баранова⁹ и А.И. Айбабина¹⁰, и основанных, в основном, на разведках Д.Л. Талиса¹¹ и А.В. Гадло¹² упоминается более 50-ти поселений. В.В. Веселов в 50-х - 60-х гг. XX в обнаружил 170 «салтовских» памятников (правда не опубликованных)¹³. Еще порядка 50 поселений этого времени были выявлены работами Т. Шоля и В.Н. Зинько¹⁴. Таким образом, даже учитывая, что некоторые памятники могли быть отнесены к данному кругу ошибочно, поселений второй половины VIII-IX вв. на Керченском полуострове известно, вероятно, не менее 200. На данный момент ни на одном из них не обнаружено следов каких либо фортификационных сооружений. Все поселения основаны на «чистом» месте или на территории заброшенных античных поселений.

Юго-восточное побережье. И.А. Баранов и А.И. Айбабин помещают здесь порядка 10 памятников хазарского времени¹⁵, из которых по устному сообщению В.В. Майко, исследованиям подвергались только 5. И.А. Баранов выделял в этом районе два «хазарских» укрепления. - Тепсень и Кордон-оба¹⁶. По данным В.В. Майко, основанным на результатах новей-

ших исследований, оборонительные сооружения там отсутствуют (на Тепсene стены, интерпретированные И.А. Барановым как оборонительные, на самом деле являются пристройками к северной и южной сторонам апсиды «большого» храма¹⁷, а оборонительные сооружения Кордон-обы принадлежат генуэзскому замку), все поселения основаны не ранее середины VIII в. на свободных землях¹⁸.

Центральный Крым. На упоминавшейся археологической карте А.И. Айбабина здесь, вместе с районом современного Симферополя показано 8 поселений хазарского времени¹⁹. У И.А. Баранова их порядка 13²⁰. По данным В. В. Майко таких памятников не более 5-6. Фортификационные сооружения там не выявлены, хотя И.А. Баранов и «находил» салтовские оборонительные стены на Баксанском городище²¹ (по сообщению В.В. Майко оборонительные стены там принадлежат позднескифскому городищу). Все поселения возникли на незаселенных местах.

Северо-западное побережье.

А.Н. Щеглов опубликовал шесть подобных памятников.²² На карте И.А. Баранова отмечено 13 поселений²³, А.И. Айбабина - 9²⁴. По данным С.В. Кутайсова, материалы салтово-маяцкой эпохи присутствуют практически на всех античных памятниках Северо-западного Крыма. Им выделены 4 поселения, в том числе, одно укрепление - Аблямитское²⁵, 5 мест погребений и более 10 мест находок материала салтовского времени²⁶.

* Автор выражает искреннюю благодарность В.В. Майко, В.А. Кутайсову, Л.Ю. Пономареву за консультации и помочь в подготовке настоящей работы.

И.А. Баранов определял здесь одно городище - «Чайка»²⁷. Однако, по устному замечанию В.А. Кутайсова, укрепления данного памятника, как и всех остальных, за исключением, возможно, Аблямитского, относятся к эпохе античности. В.И. Павленкову в данном регионе известны три хазарские крепости - Аблямитское городище, Хмелевское городище и Беляуское²⁸. Однако, как пишет сам автор, на Хмелевском городище проводились лишь визуальные разведки, а к настоящему времени следы поселения потеряны. Что касается Аблямитского городища, то оно так же практически не исследовалось. Поэтому присутствие на нем материалов салтовского времени вовсе не означает, что есть и укрепления этого периода. Даже если и допустить, что на ряде салтовских поселений имелись фортификационные сооружения, на настоящий момент, ввиду слабой изученности памятников, невозможно определить когда они там появились - одновременно с основанием, или в связи с появлением венгерской или печенежской угрозы.

Все указанные поселения возникли на месте заброшенных античных. Это, по замечанию В.А. Кутайсова, связано с присутствием в данных местах источников воды или колодцев.

Необходимо учитывать, что, в основном, все памятники Северо-западного Крыма изучались археологами - античниками, поэтому средневековым слоям уделялось меньше внимания. Очевидно, не анализировался средневековый материал на предмет определения узкой хронологии и отнесения его к конкретному культур-

ному кругу. В данном регионе кроме поселений принадлежавших салтовскому населению, вероятно, должны были находиться и византийские (херсонеские). Как известно из сообщений Константина Багрянородного, херсониты добывали в данном районе соль²⁹, причем данный промысел существовал с античного времени³⁰. Соответственно там должны были находиться и поселения соледобытчиков. Напомним, остатки постройки на юго-восточной части современного села Окуневка Черноморского района А.Н. Щеглов убедительно интерпретировал как маяк³¹. А если это так, то он, скорее всего, принадлежал херсонитам, нуждавшимся в бесперебойном функционировании каботажного плавания в данном районе, а не пришлым салтовцам.

Общее количество памятников, которые с определенной долей вероятности можно связать с прибывшим населением Хазарского каганата, в Северо-западном, Центральном и Юго-восточном Крыму составляет не более 15 - 20 % от числа подобных объектов на Керченском полуострове. Мы осознаем, что, вероятно, выявлены далеко не все поселения, что степень археологической изученности различных регионов Крымского полуострова неодинакова, что впоследствии возможны уточнения в хронологии, однако, учитывая вышеизложенные особенности, вряд ли общая картина распределения салтовских памятников по территории Крыма в значительной степени может измениться.

Таким образом, в середине - второй половине VIII в. в Крыму (кроме

Юго-западного и Южного о которых ниже) появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85% из них на Керченском полуострове. Остальные 15 - 20% относительно равномерно «разбросаны» по Северо-западному, Центральному, и Юго-восточному регионам. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано не одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях, и кого- либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений (по крайней мере, на Керченском полуострове Юго-восточном и Центральном Крыму. Что же касается Северо-западного, то, как отмечалось, наличие оборонительных стен хазарского времени с некоторой долей вероятности предполагается только на Аблымитском городище. Однако, и в данном случае, до выяснения хронологии самого поселения, хронология его фортификации его культурно-исторической принадлежности, это не более чем предположение). Они отсутствуют даже на Тепсене, который трудно интерпретировать как сельское поселение. Археологические материалы не отмечают изменений в жизни уже существующих населенных пунктов, в частности городов Боспора и Сугдени³², окружанных новым, пришлым населением.

На ряде рассматриваемых памятников, а большая часть их археологически не изучалась, были выявлены христианские культовые сооружения. Крупные храмы исследованы на Тепсене, что дало возможность

ряду авторов локализовать здесь центр Фульской епархии³³, небольшая церковь открыта на Кордон-обе³⁴, известны христианские памятники на поселениях Героевка и Плашкино³⁵.

И.А. Баранов определяет количество жителей Тау-кипчака не менее 120 человек³⁶. Даже если предположить, что в среднем число обитателей на каждом поселении составляло половину от этой цифры (не все постройки могли существовать одновременно, некоторые поселки имели меньшие размеры чем Тау-Кипчак и другое), число людей мигрировавших в Крым во второй половине VIII в. можно определить как не менее 12-15 тыс. человек, хотя мы понимаем всю условность настоящих подсчетов.

Возникает вопрос о причинах такой массовой миграции, обстоятельствах и условиях расселения вновь прибывших по территории полуострова.

Скорее всего, данное перемещение населения с территории Хазарии в Крым не было уникальным явлением.

Возможно оно происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона³⁷. Эти события традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722-737)³⁸(напомним, эту же причину называл А.И. Айбабин для объяснения появления новых поселений в Крыму). Хотя по данной проблеме существуют и другие гипотезы, однако,

практически все исследователи не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии³⁹. В. Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 - началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани⁴⁰.

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских салтовских памятников.

Учитывая обстоятельства появления новых поселений (а именно: подавляющее большинство из них основывается на Керченском полуострове; пришельцы селятся исключительно на «чистом» месте; они не ограждаются оборонительными стенами; население «старых» городов остается неизменным; господствует христианская религия), можно с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение новых жителей Крыма. В связи с этим напомним замечание С.А. Плетневой: «В настоящее время мы практически не располагаем на территории Крыма погребениями второй половины VIII - IX вв., которые можно было бы связать с пришедшими из Хазарии воинами».⁴¹

Если бы пришельцы мигрировали, как это предполагалось, в подавленный хазарами Крым, то вряд ли в такой ситуации можно было обойтись

без серьезных конфликтов со «старым» населением. Но, они заселяют исключительно свободные земли, в основном степи Керченского полуострова, и в очень небольших количествах появляются в более благоприятных для жизни юго-восточном и центральном Крыму.

Следует учитывать и политическую обстановку того времени. Как известно, в VIII в. между Хазарией и Византией установились дружеские, союзнические, отношения, подкрепленные в 732 г. междинастическим браком между сыном Льва III, будущим императором Константином V и дочерью хазарского кагана по имени Чичак, после крещения - Ириной⁴². И лишь в 80-х гг. наблюдается их определенное охлаждение⁴³, что подтверждается и данными нумизматики⁴⁴.

Готия с Херсоном, с чем согласны большинство современных авторов, до 80-х гг. подчинялась Византии. Как показала Е.В. Степанова, по данным сграффитики, в Сугдее в VIII - IX вв. не только не наблюдается спада византийской активности, но наоборот, отмечается ее подъем⁴⁵. Вероятно, зависимость даже Боспора от хазар в это время не выходила за пределы выплаты дани⁴⁶.

Можно, конечно, дискутировать о степени хазарского влияния в Крыму, которое мы отнюдь не пытаемся оспорить, о степени зависимости от Византии. Но весь круг источников указывает на то, что Константинополь, несомненно, считал данные территории своими. Поэтому, учитывая перечисленные факты, вряд ли со стороны Хазарии была возможна односторонняя акция по переселению та-

кого числа людей в Крым. Можно предположить, что данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова, и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами (если вообще появление нового населения за пределами Керченского полуострова не произошло несколько позднее. Однако, современная степень изученности памятников и уровень знания археологического материала не позволяет сделать более конкретные выводы).

Широко известна политика Константинополя, позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству⁴⁷. По крайней мере, подобные примеры для Крыма византийского периода известны. По Прокопию, готы страны Дори добровольно остались в Крыму, были союзниками византийцев и «отправлялись ... в поход, когда римляне шли на своих врагов»⁴⁸. Согласно «Аланскому посланию епископа Феодора» в XIII в аланы жили близ Херсона «столъ же по сцой воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана»⁴⁹.

Учитывая союзнический уровень взаимоотношений Византии и Хазарии в данное время, нет ничего удивительного, что части христианского, или согласившегося принять христианство населения, из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель, позволили поселиться в Крыму на пустующих землях.

Таким образом, появление в 50-60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, Юго-восточном, Центральном и Северо-западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с подчинением этих регионов хазарам, и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове.

Как отмечалось, уже в 80-х гг. VIII в. появляются новые черты в политике хазар по отношению к византийским территориям, в том числе и в Крыму. Это лучше всего иллюстрируют материалы Юго-западного Крыма - исторической Готии.

Готия или Климаты (по справедливому замечанию В.Е. Науменко, Готия - название более распространенное в церковной литературной традиции, Климаты же -термин, используемый в официальных источниках⁵⁰) архонства-дистрикты во главе с архонтами⁵¹ до середины VIII в. находились в подчинении Византии, которая управляла данной областью через Херсон. Как показал А.И. Айбабин, до 80-х гг. (восстание Иоанна Готского) в этническом составе Готии не произошло существенных изменений, более того некрополи фиксируют рост населения таких крупных городищ как Эски-кермен и Чуфут-кале, а также округи Мангупа и Баклы.⁵² Зависимость ее населения от хазар не выходила за пределы выплаты дани.

Вероятно, динамику проникновения хазар в Юго-западный Крым отражает городище Кыз-Кермен⁵³. На этом поселении, датирующемся VIII-IX вв., в результате исследований обнаружен археологический матери-

ал, характерный для салтово-маяцкой культуры⁵⁴. Доступ на городище был перекрыт оборонительной стеной, по своим архитектурным особенностям имеющей аналогии среди салтовских памятников⁵⁵. Не вызывает сомнения связь Кыз-кермена с пришлым населением хазарского каганата. В настоящий момент, это единственное известное укрепленное поселение салтовцев в Крыму.⁵⁶ Правда И.А. Баранов к хазарским крепостям Таврики относил также Мангуп, Чуфут-кале, Сюрень. О Мангупе и Чуфут-кале см. ниже. Что же касается Сюреня, то это крепость, построенная по канонам византийской фортификации. Ее строительство исследователи относят или к периоду раннего средневековья или создания фемы Климатов, или к XI - XII вв., при этом нет никаких оснований говорить о связи фортификационных сооружений Сюреня с хазарами⁵⁷.

Возникает вопрос, зачем понадобилось обносить Кыз-кермен стенами. Рядом, всего в нескольких километрах, находилась мощная крепость Чуфут-кале, оборонительные сооружения которой, вероятнее всего, появились в конце VI - первой половине VII вв⁵⁸. В 2 км, от Кыз-кермена, расположено еще одно небольшое укрепление - Тепе-кермен, возникшее, очевидно в один хронологический период с Чуфут-кале⁵⁹.

Несомненно, фортификационные сооружения Кыз-кермена отражают период, когда крепостями - Чуфут-кале и Тепе-кермен хазары не владели, при этом отношения пришельцев с местным населением были далеки от миролюбивых. Ког-

да могли появиться укрепления на Кыз-кермене? Вряд ли это произошло после восстания Иоанна Готского. Крайне маловероятно, что захватив Дорос, находившийся в центре Готии, хазары не подчинили себе более северную Чуфут-кале. А располагая хорошо защищенной Чуфут-кале, надобность в возведении стен на Кыз-кермене вообще отпадала. Проще было отремонтировать, если была необходимость, Чуфут-кальские укрепления, как это было сделано на Мангупе (см. ниже), чем водить новую крепость, тем более менее мощную. Добавим, что по устному сообщению исследователя Кыз-кермена, А.В. Белого, крепостные сооружения там были возведены практически одновременно с основанием поселения. Таким образом, вероятнее всего Кыз-кермен, напомним он расположен в северной части, отражает начальный период хазарского проникновения в Готию, когда последняя еще не была подчинена хазарам, продолжали функционировать византийские крепости, а пришельцы не чувствовали себя в безопасности. То есть это могло произойти в 70-х - начале 80-х гг. VIII в.

В 80-х гг. VIII в. в Готии меняется административное устройство. Во главе появляется Господин, которому подчинены архонты. По мнению А.И. Айабина, впервые отметившего этот факт, данные изменения привели хазары, которые «для облегчения сбора дани, объединили архонства Горного Крыма, подчинив их архонту Дороса». А произошло это во второй четверти VIII в.⁶⁰. Однако, нет оснований утверждать, что до конца

третей четверти VIII в хазары имели возможность влиять на административное устройство Юго-западной Таврики. По мнению Н. А. Алексеенко, упоминаемый в «Житии Иоанна Готского» Господин Готии - «кир», скорее всего по должности являлся наместником пограничной византийской области с особым статусом управления. Подобная должность появилась в конце VIII в. и в Херсоне⁶¹. Такие преобразования были проведены в Таврике византийскими властями перед лицом хазарской угрозы, которая к 80-м гг. стала очевидной. И когда, к 30-м гг. IX в. хазарская угроза спала, в Херсоне эта должность была упразднена.⁶²

Открытое столкновение между хазарами и местным населением произошло в Готии в период между концом 784 и 786 гг.⁶³. О нем сообщает «Житие Иоанна Готского»⁶⁴. Источник фиксирует однозначную последовательность событий. Хазары заняли главную крепость Готии - Дорос и разместили там вооруженный отряд. В ответ Господин Готии, его архонты, епископ Иоанн поднимают восстание, изгоняют хазар и захватывают Клисурь (вероятно под Клисурами надо понимать не столько укрепленные горные проходы, как это обычно трактуется, сколько систему юстиниановских «длинных стен»⁶⁵, сохранившихся к концу VIII в.). Однако восстание было подавлено, Иоанн, преданный одним селением и заточенный в фульскую тюрьму, бежал в Амастриду⁶⁶. Господин Готии был помилован, казнены лишь 17 человек (по крайней мере, такую цифру называет источник).

Сведениям письменного источника имеется археологическое подтверждение. На Мангупе, в отождествлении которого с Доросом вряд ли приходится сомневаться⁶⁷, обнаружен участок оборонительной системы, перестроенный хазарами после его завоевания⁶⁸.

После подавления восстания Иоанна Готского хазарам удалось установить полный контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. По данным А.И. Айбабина тогда «булгары, пользуясь покровительством хазар, селятся в Готии», где «теснили ... аланские и готские общины». Он отмечает появление поселений с домами, аналогичными «булгарским домам из Восточного и Центрального Крыма» на Южном берегу, в районе Главной гряды и даже в ближайшей окрестности Херсона, на Загайтанской скале⁶⁹.

Как представляется, нет однозначного ответа, что отражают эти поселения - новые границы хазарских владений; мирную инфильтрацию булгарского населения в Готию; новые веяния в архитектуре?

Очевидно, не стоит преувеличивать масштабность антихазарского выступления. Житие Иоанна Готского, по времени относительно близкое к событиям⁷⁰, приводит точные цифры жертв (17 человек) и географию восстания (Дорос и клисурь), что позволяет считать их достоверными. Это подтверждают и археологические материалы. Пожары на ряде поселений, раннее связывавшиеся с данным событием, на самом деле датируются более поздним временем.⁷¹. Сложно определить, какие террито-

рии в Готии заняли хазары, а что сохранила за собой Византия, как изменились их взаимоотношения с местным населением. Очевидно, что Херсон остался для хазар недосягаем, их гарнизон появился на Мангупе. Но были ли заняты крепости между Херсоном и Доросом, в частности, Эски-кермен и Каламита. С одной стороны там могли также разместиться хазарские гарнизоны, с другой - после падения Дороса их жители могли добровольно признать власть новых хозяев, с третьей, есть вероятность сохранения этих территорий за византийскими (херсонскими) властями. Н.И. Репников⁷², Е.В. Веймарн⁷³, и И.А. Баранов⁷⁴ предполагали захват Эски-кермена хазарами и разрушение ими оборонительной системы городища. Однако, как показал А.И. Айбабин для таких выводов нет никаких оснований⁷⁵. Не найдены следы «хазарского погрома» и при исследованиях эски-керменской базилики⁷⁶. Если верно предположение А.Г. Герцена о тождестве пункта Кут из Пространной редакции Еврейско-хазарской переписки⁷⁷ с Эски-керменом⁷⁸ то возможно, что некоторое время городище было подчинено хазарам. Однако, как отмечалось исследователями, данные Пространной редакции в отношении крымских владений хазар сильно преувеличены⁷⁹, кроме того, некоторые из названных пунктов в рукописи подвергались позднейшей подправке⁸⁰. Поэтому, вероятнее всего, если крымские пункты Пространной редакции и не являются поздней вставкой, а такое мнение высказывалось⁸¹ (равно как и гипотеза, что «Про-

странная редакция» вообще фальсификация)⁸², то они отражают более желаемое, нежели реальное.

Остается неясным и положение Сугдеи. С одной стороны город оказался в хазарском окружении. С другой, согласно данным сфрагистики, здесь усиливается византийская активность. К периоду VIII-первой половины IX в относится 25,2 % от всех найденных здесь печатей. Сравним 11,5 % в предшествующий период и 11,5 % во второй половине IX-X вв.⁸³. Анализируя данные судакского архива печатей Е.В. Степанова пришла к выводу, что он однотипен херсонскому и представлял собой не просто архив при таможне, а и городской⁸⁴. Основываясь на опубликованных материалах⁸⁵, трудно определить был ли какой-то пробел в его функционировании. Имеются моливдовулы датированные периодом с конца VII-начала VIII вв. до 745-746 гг. и есть печати рубежа VIII - IX в.. Если верны наши наблюдения, то отсутствие печатей второй половины VIII или их сокращение и может как раз указывать на подчиненность Сугдеи хазарам (мы понимаем гипотетичность данного предположения. Во-первых, атрибуции поддаются далеко не все моливдовулы, а во-вторых, современный уровень знаний не позволяет датировать многие из них с точностью до десятилетия). Однако, если такая зависимость и была, то не настолько сильная, чтобы был заброшен архив и уничтожены материалы предшествующей эпохи.

Аргументом в пользу хазарской принадлежности Сугдеи, казалось бы, могут служить сведения Жития

Стефана Сурожского, славянская и армянская версии отмечает там подчиненного правителю Хазарии Георгия (Юрия) Тархана⁸⁶. Правда данный эпизод отсутствует в греческой редакции, что дало основание А.И. Айбабину полагать, что автор славянской версии его сочинил⁸⁷. С одной стороны, присутствие этого сюжета и в армянской версии говорит о подлинности: «в это время царь Вирхор (хазарский правитель - авт.) жил в Керчи. По каким-то причинам он вызвал к себе правителя Сугдеи, по имени Георгий, по фамилии Тархан. Опаясь идти, тот обратился к Стефану ...»⁸⁸. Однако этот отрывок свидетельствует, что если какой-то похожий эпизод и был в первоначальном тексте, то в армянскую редакцию он попал не из греческого прототипа. На это указывает употребление топонима - Керчи. Все византийские источники называют данный город Боспором. Впервые название похожее на Керчь - Крх появляется в начале X в. у Ибн-Рустэ⁸⁹. И впоследствии известно в арабских (в том числе и золотоордынских), еврейских (Еврейско-хазарская переписка - К-р-ц⁹⁰), турецких и русских источниках (Тмутаркарский камень⁹¹ - Корчев) источниках. Таким образом, эпизод с Георгием Тарханом, скорее всего, попал в армянскую версию Жития или из славянской редакции или появился в нынешнем виде в ней не ранее середины XIII - XIV вв. (следуя золотоордынской традиции названия города). Неясен и сам статус Георгия. Несомненно, что он христианин. А был ли он - хазарским наместником или чиновником византийского города пла-

тившего подати хазарам, текст прямого ответа не дает. Согласно Житию не прекращались и церковные связи между Константинополем и Сугдеей. Таким образом, вероятнее всего во второй половине VIII в. Сугдея оставалась византийским городом с развитой экономикой⁹², а зависимость от хазар выражалась в выплате податей. Возможно, на какой-то промежуток времени хазарам удалось подчинить город полностью, однако, надежные источники по данной проблеме на сегодняшний момент отсутствуют.

В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и церковной структуре. Собственно византийские владения в Юго-западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия⁹³.

В качестве косвенного доказательства данного мнения приведем известную Нотицию №3 или Нотицию Де Боора⁹⁴. По мнению большинства современных исследователей, она была составлена во второй половине - конце IX в. и представляла собой проект охвата Хазарии системой христианских епархий⁹⁵. Напомним, что подчиняться все епархии должны были Готской митрополии с центром в Доросе. Естественно, предлагая такой проект византийцы должны были быть уверены, что он не вызовет неприятности у хазар. Поэтому и центр митрополии предполагался не в Херсонской епархии, главном византийском политическом и идеологическом оплоте в Крыму, через

иерархов которой впоследствии (нач. X в.) предпринимались попытки христианизации хазар⁹⁶ а в Готской, создание которой, во многом, было связано именно с хазарами. Отметим, что известен еще один византийский проект на полуострове середины IX в., предполагавший в качестве центра Юго-западную Таврику. Это создание в 841 г. фемы Климатов, впоследствии переименованной в фему Херсона⁹⁷. Вероятно смена названия фемы означало не столько потерю имперского контроля над Климатами, или ослабление там власти, сколько коррекцию византийской политики на полуострове. Очевидно поняв нерациональность выбора в качестве политического центра создаваемой фемы горного юго-западного Крыма, а возможно и потерпев фиаско в попытке христианизации Хазарии, вернулись к привычному и более удачному херсонскому варианту. Соответственно, по имени нового центра, меняется и название фемы.⁹⁸ К этому же выводу, анализируя данные сфрагистики, пришел и Н.А. Алексеенко⁹⁹.

Надо думать, Доросом хазары владели относительно недолго. Интересно в ракурсе рассматриваемой проблемы упоминание правителя Готии в связи с известным событием из жизни императора Константина VI, который в 795 г. заточил свою жену Марнию в монастырь и женился на кувикуларии Феодоте. Согласно Житию Феодора Студита «это зло сделалось известным не только в столице, но и в отдаленнейших странах. Так король Лонгобардский, король Готский и наместник Боспорский, основываясь на этом нарушении ус-

тава, предались прелюбодеинм связям»¹⁰⁰. Этот факт отражен и в письме Феодора Студита, (808 г). Его же зафиксировало и Житие патриарха Никифора¹⁰¹.

Если в данном случае короля Готии воспринимать как правителя одной из имперских окраин, можно предположить, что к этому времени хазарский гарнизон покинул Мангуп. То есть господство хазар там продолжалось 10- 15 лет. Правда, с другой стороны, если предположить, что статус короля Готии был аналогичным статусу короля Лонгобардии, а источники ставят их в один ряд, то можно утверждать, что Готия в это время была фактически независима от Византии (известно, что в середине - второй половине VIII Византия сохранила за собой в Италии только Сицилию, Апулию и Калабрию¹⁰², ее правление Северной и Средней Италии на практике практически перестало осуществляться. Местные лидеры стали фактически независимыми от империи¹⁰³), и остались в определенной зависимости от хазар.

В заключении остановимся еще на одной проблеме. Часто в качестве аргумента в пользу раннего подчинения Крыма, и Готии в частности, хазарам приводится якобы иконопочитательская ориентация местного политического и религиозного руководства: население полуострова заняло антиправительственную позицию в иконоборческом споре, опираясь на поддержку хазар. Автор настоящей работы совместно с А.Г. Герценым неоднократно высказывались по данной проблеме¹⁰⁴ и пришли к выводу, что Таврика в период иконоборче-

ства находилась на проправительственной позиции. Причем иконоборчество было в большей степени политической, чем идеологической позицией. Эта точка зрения нашла поддержку у современных исследователей¹⁰⁵. Правда необходимо отметить, что в ряде случаев ими делаются оговорки в отношении Готии. Так А.И. Айбабин считает, что во второй период иконоборчества, она осталась на иконопочитательских позициях¹⁰⁶, а М-Ф. Озепи, отмечает, что официальной линии следовали лишь власти и епископы Херсона и Боспора, в Готии же шла борьба иконодулов с икономахами¹⁰⁷.

После ввода в научный оборот С.А. Ивановым армянской версии Жития Стефана Сурожского¹⁰⁸ вряд ли стоит сомневаться и в лояльности иконоборцам и сугдейской элиты. Во первых, как убедительно показал автор, первоначальный текст Жития относится к периоду иконоборчества и написан отнюдь не оппозиционером

(Константин V назван благочестивым и правившим с верой во Христа).¹⁰⁹ Далее, будучи отпущен из тюрьмы по просьбе императрицы Ирины, Стефан крестил сына Константина Копронима, будущего императора Льва IV. Не настаивая на подлинности данного факта, мы все же можем утверждать, этот сюжет не характеризует Стефана как оппозиционера. Наоборот, автор первоначальной версии явно хотел показать, что Стефан был лоялен Константину, а его иконопочитание, вероятно, было вставлено в позднейшие списки с целью сохранения имени Стефана в агиографии.¹¹⁰

Уже в начале IX в. хазары постепенно начинают терять контроль сначала над юго-западной частью, а вследствии и над всем полуостровом, что приводит к созданию в середине IX в. фемы Климатов¹¹¹. Однако рассмотрение данной проблемы лежит за пределами исследования настоящей работы.

Примечания

1. Могаричев Ю. М. К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. (в печати); Сазанов А. В., Могаричев Ю. М Боспор и Хазарский каганат в конце VII - начале VIII вв. I. Проблема «хазарских слоев» // Проблемы истории, филологии, культуры. М.:Магнитогорск, 2002. Вып. XII; Сазанов А. В., Могаричев Ю. М Боспор и Хазарский каганат в конце VII - начале VIII вв. 2. Боспор и Хазария по данным письменных источников.(в печати).
2. См. подробнее Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. Вып.30. С. 115.
3. Мы не ставим задачу представить полный историографический обзор по данной проблеме. Поэтому отметим лишь основные точки зрения.
4. Артамонов М.И. История хазар. Спб., 2001. С. 336-339.
5. Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. №85. С. 497-500; Раннесредневековые сельские поселения Юго-западного Крыма. МИА. 1970. № 168. С.29, 187-195.
6. Барапов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 151.
7. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь ,1999. С.200-205.

8. Поселения, оставленные населением Хазарского каганата выявлены и в Юго-западном Крыму. Однако их появление там, как считает большинство исследователей, и к чему мы также присоединяемся, произошло несколько позднее, об этом см. далее. Отметим также, что не все подобные памятники в историографии датируются второй половиной VIII в. Ряд из них относят к концу VII в. и связывают с началом хазарского проникновения на полуостров (Гадло А. В. Раннесредневековые селища на берегу Керченского пролива // КСИА. 1968. №113; Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. // СА. 1969. №1; Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и Предгорий VIII-IX вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 61-75; К истории Восточной Таврики VIII-IXвв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980; Баранов И. А. Таврика в эпоху... С. 18-34; Айбабин А. И. Этническая история... С. 190-194; Пономарев Л.Ю. К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000. С. 117-118. и др.). В настоящей работе мы не ставили перед собой задачи подробный анализ «ранних» памятников. Однако, заметим что, датировка многих из них рубежом VII -VIII вв. аргументирована недостаточно. В большинстве своем они еще практически не исследованы. Выраженный культурный слой конца VII- первой половины VIII вв. там в большей части отсутствует, имеются лишь отдельные керамические материалы. Попытка же датировки на основании наличия землянок, также вызывает возражения. Они могли появиться на начальном этапе жизни поселения, в период обустройства на новом месте, вне зависимости от времени основания. К тому же некоторые поселения, ранее относимые, к рубежу VII-VIII вв. сейчас обоснованно датируются второй половиной VIII в., например, Тепсень (Майко ВВ. Памятник на плато Тепсень в свете основных проблем истории Крыма VIII-X вв (в печати), или Тау-Кипчак, где по данным В.В. Майко также практически неизвестны «ранние» находки.
9. Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. 1.
10. Этническая история... С. 184. рис. 78.
11. Талис Д.Л. Розы в Крыму // СА. 1974. №3. С. 93-96.
12. Гадло А. В. Раннесредневековые селища на берегу Керченского пролива; Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г.; Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и Предгорий VIII-IX вв); К истории Восточной Таврики VIII-IXвв.
13. Пономарев Л.Ю. К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова. С. 119-120.
14. School T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999. См. Также Зинько В. Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII-IX веков с сельской окраиной Боспора // Археология и история Боспора. Керчь, 1999; Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т VII; Пономарев Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Боспорские исследования. Вып. 1. Симферополь, 2001; Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // Боспорские исследования. Симферополь, 2002. Вып. 2; и др.
15. Баранов И.А Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. 1; Айбабин А.И. Этническая история. С. 184. рис. 78
16. Баранов И.А. Таврика в эпоху ...С. 64.
17. Майко ВВ. Памятник на плато Тепсень в свете основных проблем истории Крыма VIII-X вв.
18. Там же.
19. Этническая история... С. 184. рис. 78.
20. Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. 1.
21. Баранов И.А. Таврика в эпоху... С. 64-65.

22. Щеглов А.Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // С.А. 1970. №1.
23. Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. I.
24. Этническая история... С. 184. рис. 78.
25. Там же, с. 156.
26. Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев:Судак, 2002.
27. Баранов И.А. Таврика в эпоху.... С. 65
28. Павленков В.И. Крепости Донузлава / Пилигримы Крыма. Симферополь, 2000. Т. 2. С.47-48.
29. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С.175; Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблема истории византийского города// Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 53-54; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург., 2000. С. 86 - 88.
30. Кадеев В. И. Соляний промысел в позднеантичному Херсонеси // Археология. 1961. Т. XIII; Кутайсов В.А. Соляной промысел в Северо-западном Крыму// Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев:Судак, 2002.
31. Щеглов А.Н Ук. Соч. С.257-259.
32. Айбабин А.И. Этническая история ... С. 189, 205; Хазарский слой в Керчи // МАИ-ЭТ. 2000. Вып. VII; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.2000. Вып.2; Сазанов А. В., Могаричев Ю. М Боспор и Хазарский каганат в конце VII - начале VIII вв . I. Проблема «хазарских слоев» Керчи; Сорочан С.Б. Сугдея в «Темные века» // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев:Судак, 2002; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы / / Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 100-104; и др.
33. Подробнее см. Майко В.В. О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Киев 2002; Памятник на плато Тепсень в свете основных проблем истории Крыма VIII-X вв.
34. Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С.133-137.
35. Гадю А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г; К истории Восточной Таврики ... С. 136- 139; Айбабин А.И Этническая история... С. 207 - 208;
36. Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С. 37.
37. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 268. Несколько другая интерпретация см. Гадю А.В. Кавказ в IV-X вв. (проблемы этнической истории) Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. С.25-26; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998. С. 201. и др.
38. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С 41. и др.
39. См. подр. Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? РА. 2001. №2. С. 52.
40. Ковалевская В.Б. Связь Восточной Европы в эпоху Хазарского Каганата (на основании анализа массового археологического материала) //Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1. С.66 - 67.
41. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 2000. С.168.
42. Артамонов М.И. История хазар. С 323.
43. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 151, 190-191. Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории... С. 114; Науменко В.Е. Место Боспора ... С.341-343.
44. Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа обращения византийских монет VI - VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Харьков,2002. Т.1. С.91.
45. Степанова Е.В. Судакский архив печатей ... С.101.
46. Науменко В.Е. Место Боспора... С.350.

47. См напр. Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С.18-19; Константин Багрянородный. Об управлении империей ... С. 137,141. и др.
48. Прокопий Кесарийский. О постройках. ВДИ 1939. №4. С. 349-350.
49. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 17.
50. Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 693-698.
51. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.С. 318-319.
52. Айбабин А.И. Этническая история ... С. 197.
53. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-западной Таврики. С. 103 -110; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка №2. // История и археология Юго-западного Крыма. Симферополь, 1993; Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып 2.; Белый А.В. Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № I. // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992, и др.
54. Айбабин А.И. Этническая история ... С. 211-212.
55. Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С. 62; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С.190 - 191;
56. В данном случае мы имеем в виду собственно салтовские поселения. При этом, мы помним, что следы хазарских фортификационных работ выявлены на Мангупе, возможно они проводились и в других местах. О проблематичности отождествления ряда укреплений Северо-западного Крыма с хазарами мы уже упоминали.
57. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.:Л, 1964. С. 11; Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 109-110; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 218.
58. Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. Еще раз о дате...; Крепость драгоценностей. Симферополь, 1993. С. 4-38.
59. Талис Д.Л Городище Тепе-кермен. КСИА. 1977. № 148. С. 103; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 191.
60. Айбабин А.И. Этническая история ... С.327.
61. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С.159-160; Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Сугдея, Сурож, Солдайа в истории и культуре Руси-Украины. Киев:Судак, 2002. С. 22.
62. По крайней мере, по данным Н.А. Алексеенко ее упразднение относится ко времени не позднее 30-х гг. IX в.(см. Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. С. 21.), когда стабилизация политической ситуации и ослабление хазар позволили Византии создать в Крыму фему Климатов
63. Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 115
64. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. Спб., 1912. Т.2. Вып. 2. С. 397 - 398.
65. Рассмотрение проблемы «длинных стен» не входит в задачи настоящей работы. Отметим только, что несмотря на различие мнений по данной проблеме, в настоящий момент большинство исследователей склоняются к мысли, что «длинные стены» - реально существовавшие оборонительные сооружения, перекрывавшие наиболее легкодос-

- тупные ущелья Юго-западной Таврики и препятствовавшие проникновению крупных военных отрядов кочевников из степей вглубь Дори и к Херсону.
66. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 398.
67. Подр. См. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I. С.135; Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 30.
68. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа. С. 111 - 120; Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Кimmerийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 63; Хазары в Доросе-Мангупе. С. 33.
69. Айбабин А.И. Этническая история ... С. 211 - 212.
70. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С.426-427.
71. Айбабин А.И. Этническая история ... С. 210.
72. Репников Н.И.Эски-кермен в свете археологических разведок 1928-29 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1-8. С. 140.
73. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С25-26, 54
74. Баранов И.А. Таврика в эпоху. С. 151-152.
75. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-кермен // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 47; Этническая история. С.210.
76. Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Архитектурно - археологические исследования в Крыму. Киев, 1988; Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
77. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932. С. 102.
78. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-западного Крыма. Симферополь, 1992. С. 61-62.
79. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике. С. 63.
80. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 108 - 109; Хвольсон Д.А. Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а так же образцы шрифтов из рукописей от IX - XV столетия. Спб., 1884. С. 500.
81. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в.
82. Бушаков В. Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. К., 1994. № 1-2; Обзор литературы и опровержение см. Артамонов М. И. История хазар. С. 21-36.
83. Степanova Е.В. Судакский архив печатей.
84. Там же. С. 106; Степanova Е.В Связь Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 23. Поэтому нет оснований видеть в нем хазарскую таможню, как считает А.И. Айбабин (Этническая история... С. 205)
85. Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 27. Симферополь, 1995.; О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Вып. 7. Симферополь, 2000. С.251-254; Баранов И.А., Степanova Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдее // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Вып.1.
86. Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С.100; Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары. С. 43.
87. Этническая история... С. 206.
88. Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары. С.43.
89. Айбабин А.И. Этническая история. С.222.
90. Коковцов П.К. Ук. Соч. С. 102.
91. См. Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском камне // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 4 (152).

92. Сорочан С.Б. Сугдея в «темные века» // Сугдея, Сурож, Солдайа в истории и культуре Руси-Украины. Киев:Судак, 2002. С. 228-230.
93. См. подробнее Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 115.
94. Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. С. 175-193; Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. № 57. С. 40-48; Васильев А.А. Готы в Крыму. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.: Л., 1927. Вып. 5. С.210-216; Vasiliев A.A. *The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass.*, 1936. P. 97-104; Артамонов А.А. История хазар .С. 351-358; Darrouzes J. *Notitia episcopatum ecclesiae Constantiopolitanae*. Paris, 1981. P. 32-33, 45. Науменко В.Е.; Церковная география Таврики в VII -IX вв. по данным Notitiae episcopatuum // Крымский Архив. Симферополь, 1999. № 5. С. 12 - 18; Notitia K. Де Бора как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 132-133.
95. См. подр. Науменко В.Е. Церковная география Таврики. С. 12 -18; Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов. С.30-31.
96. Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV вв.// Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991, С. 35; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 112,
97. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 320; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889г. // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 678.
98. Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. № 4 (152). С. 50.
99. Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII -IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь, 2002. С. 486.
100. Васильев А.А. Готы в Крыму. С. 217 -218.
101. Там же. С. 218.
102. Сюзюмов М.Я. Первый период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2. С.54.
103. Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. Спб., 2001 С. 341.
104. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о Готской епархии в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып 2; Иконооборческая Таврика // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26; К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.; О некоторых вопросах истории Таврики иконооборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. и др.
105. Айабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 212; Сорочан С.Б. О положении церкви в Крыму в VIII -IX вв. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып 2. Симферополь, 2001. С.328; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 233-236; Зубарь В.М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-западного Крыма // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999 С.295.
106. Айабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 214.
107. Auzepy M.-F. *Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques* // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 325-326.
108. Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары.
109. Там же. С. 41.
110. Эта тема отдельного исследования. Однако вкратце заметим, автор настоящей работы совместно с А.Г. Герценом предпринял попытку показать, что канонизация Иоанна Готского связана не с его иконопочитательской деятельностью, а с тем, что он пер-

вым предпринял попытку выделить отдельную Готскую епархию (К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 113; Могаричев Ю.М. Иоанн Готский и образование Готской епархии // Восток-запад: Межконфессиональный диалог. Тез. докл. Севастополь, 2002.) Вероятно, аналогичная ситуация сложилась и с образом Стефана Сурожского. Как отмечал еще В.Г. Васильевский, службы в честь Стефана предполагали, что он был первым епископом в городе (Житие Стефана Сурожского... С. CCXXV - CCXIII).

111. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона .

А.А.Волошинов, И.И.Неневоля

ПОСЕЛЕНИЕ АЛМА-ТАМАК У С. ВИЛИНО БАХЧИСАРАЙСКОГО РАЙОНА

Долгое время, вопрос о существовании античных поселений херсонесской хоры на отрезке от Гераклейского полуострова до Сакско-Евпаторийского участка, оставался открытым. Считалось, что его решение путем археологических исследований проблематично¹.

В этом регионе было широко известно лишь позднескифское Усть-Альминское городище, основанное, как полагает Т.Н.Высотская, на месте греческого поселения². Однако в результате разведочных работ последних лет в Юго-Западном Крыму выявлены не только новые памятники

хоры Херсонеса³, но и уточнено местонахождение открытых ранее. Одним из них является поселение, вошедшее в археологическую литературу как позднескифское, под названием "Алма-Тамак"⁴.

Еще в 1946 г. на правом берегу реки Альма, близ села Песчаное (бывш. Алма-Тамак) в результате работ Симферопольского отряда Тавро-скифской экспедиции, было открыто "скифское" селище, где отмечен значительный культурный слой с эллинистическим материалом, несколько зольников и большое количество обломков посуды римского вре-

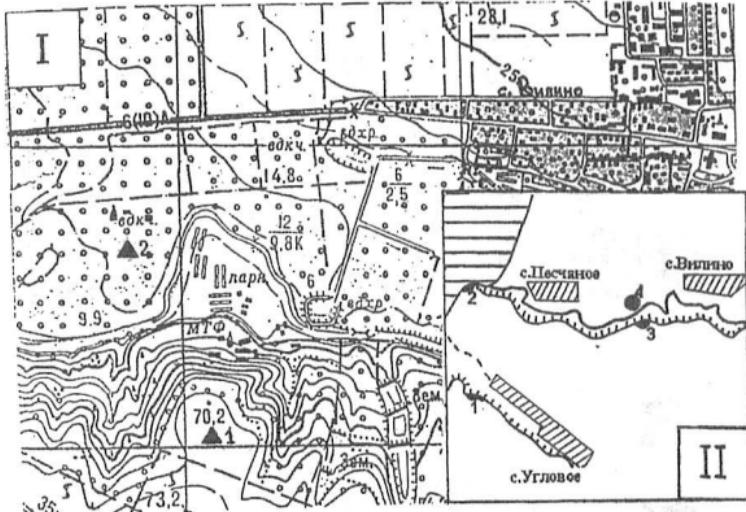

Рисунок I

I - поселения в долине р. Альмы. 1 - городище «Вилино»; 2 - поселение Алма-Тамак
II - поселения в междуречье Альмы и Улу-Кол-Су. 1 - поселение у с. Угловое; 2 - Усть-Альминское городище; 3 - городище «Вилино»; 4 - Поселение Алма-Тамак (1, 2, 3 - по С.Г. Колтухову, В.Н. Зубарю, В.Л. Мицку)

мени⁵. В отчете за 1948 г. говорится также об остатках каменных и сырцовых кладок⁶.

Позже о поселении упоминает Е.В. Веймарн, определяя его местонахождение западнее села Вилино (бывш. Бурлюк)⁷.

Однако не совсем точная привязка памятника к местности, и длительное использование его территории в сельскохозяйственных целях, привели к тому, что он надолго выпал из поля зрения исследователей.

Поселение вновь было локализовано зимой 1998г. Оно расположено в 2,7 км от устья р. Альмы, на ее правом берегу, в 700 м к юго-западу от села Вилино и в 300-400 м к северо-западу от одноименного городища. Занимает участок яблоневого сада и

пахотного поля (рис.1, I). По всей видимости, южной и восточной границами памятника, площадь которого составляет не менее 4,0 га, является русло реки.

На территории поселения авторами заметки был собран многочисленный подъемный материал эллинистического и римского времени - фрагменты херсонесской черепицы (рис.2, 1), светлоглиняных (рис.2, 2; рис.2, 3; - тип "А"; рис.2, 4, 5, 6), розовоглиняных (рис.2, 7, 8; рис.2, 9 - Родос II в. до н.э.?) и красноглиняных (рис.2, 10, 11, 11а, 12; рис.2, 13, 14 - Херсонес IV-III вв. до н.э.; рис.2, 15 - Косс II в. до н.э.) амфор; светлоглиняного (рис.2, 16 - Синопа?) и коричневоглиняного (рис.2, 17 - Херсонес?) лутерииев, а также краснолако-

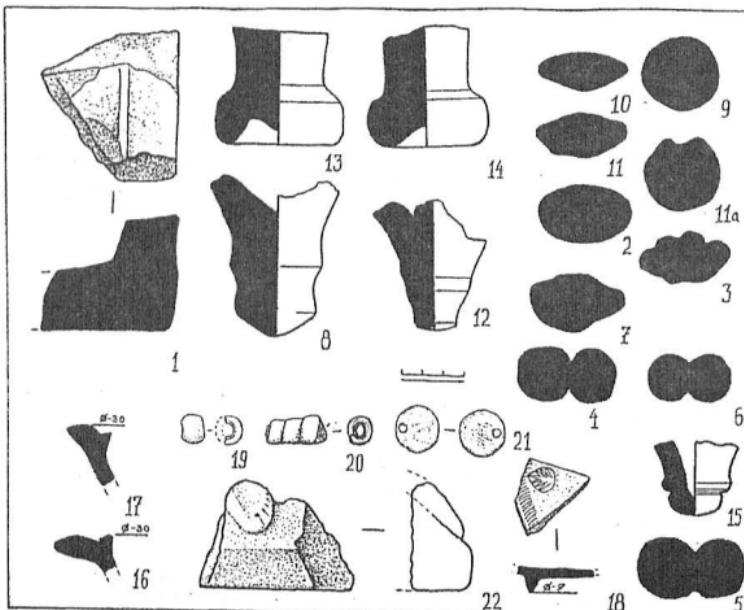

Рисунок 2

Подъемный материал

вой и чернолаковой (рис.2, 18) посуды. Среди находок также глиняное пряслице, фрагмент бусины из синего полупрозрачного стекла (рис.2, 19), бронзовый спиралеобразный предмет (рис.2, 20), бронзовая монета плохой сохранности с отверстием (рис.2, 21), фрагменты каменного жернова и нижней части мраморного (вотивного?) рельефа с сохранившимся изображением человеческой стопы (рис.2, 22).

Перечисленный подъемный материал, в целом, может быть датирован IV в. до н.э.- III вв. н.э. При этом, наиболее ранний, либо сильно фрагментирован, либо носит признаки вторичного использования - следы сточенности на изломах ножек херсонесских амфор (рис.2, 13,14).

Для уточнения датировки, мощности и характера культурного слоя памятника, осенью 1999г., в северо-восточной его части, на участке па-

хотного поля, был заложен разведочный шурф размерами $2 \times 1 \times 2,05\text{м}^3$. Он был сориентирован по сторонам света, и вытянут по оси север-юг.

Стратиграфические наблюдения (рис.3) позволяют из прослеженных культурных напластований выделить три условных древних горизонта.

Пахотный слой содержал фрагменты светлоглиняных и красноглиняных амфор, гончарных и лепных нелощенных сосудов, точильного камня, турецкой курительной трубки и кости животных.

Горизонт 1. Под пахотным слоем залегал мощный 0,3-1,0м. пласт серо-желтого гумуса с золистыми и глинистыми линзами, включением мелких камней и комков обожженной глины. В верхней его части отмечены остатки каменной кладки. Ниже, под прокладкой золы, залегал слой желто-серого суглинистого гумуса мощностью до 0,17м; затем – тонкая прослой-

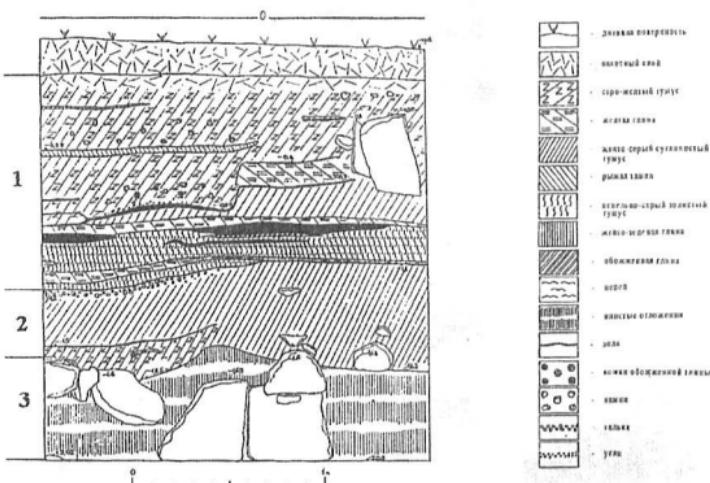

Рисунок 3

Стратиграфия восточного борта шурфа

ка желтой и желто-зеленой глины и слой пепельно-серого золистого гумуса мощностью до 0,25м с линзами золы, глины и пепла, с включением комков обожженной глины.

Находки: фрагменты светлоглиняных (рис.4, 1, 2, 3), красноглиняных (рис.4, 4, 5, 6) и коричневоглиняных (рис. 4, 7, 8) амфор, лепных сосудов и краснолаковой керамики, раковина ("unio"), фрагмент бронзовой фибулы и многочисленные кости животных.

Наиболее ранний керамический материал – ножки амфор IV – III вв. до н.э. (рис. 4, 5, 6). Мелкие фрагменты краснолаковой посуды позволяют датировать этот горизонт I в. до н.э. – III в.н.э. Мощность культурных отложений, их насыщенность археологическим материалом, могут говорить о более активной жизни поселения в этот период.

Горизонт 2. Под прослойкой золы залегали слои желто-серого суглинистого гумуса мощностью до 0,5 м и слой серо-желтого гумуса с линзами мелких камней, гальки, золы, обожженной глины и пепла.

Находки: фрагменты херсонесской черепицы (рис.4, 9), светлоглиняных, красноглиняных и коричневоглиняных (рис.4, 10, 11 – Синопа) амфор, лепных сосудов, коричневоглиняной "мортары" (рис.4, 12), камень-терочник и кости животных.

Эллинистический материал из этого горизонта датируется временем не ранее последней трети III в. до н.э. по ручке коричневоглиняной синопской амфоры с клеймом "Гилл сын Фелиска" (рис.4, 10).

Горизонт 3 - илистые отложения с развалом кладки из необработ-

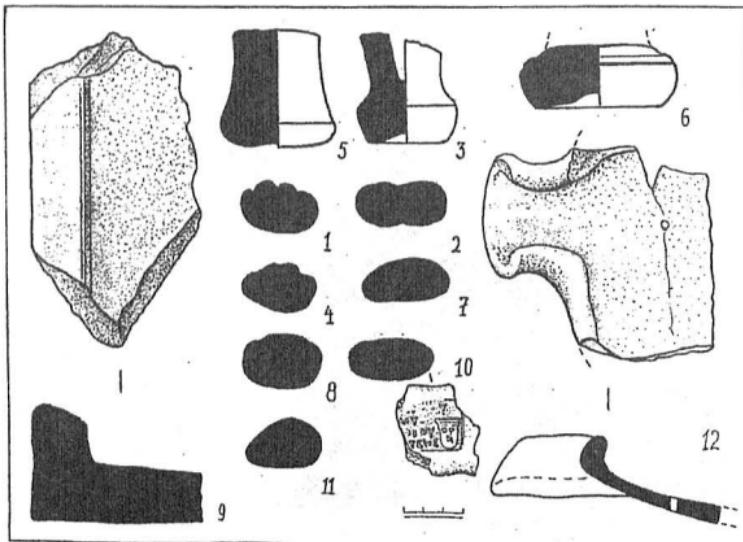

Рисунок 4

Материал из шурфа

танных известняковых плит, помешавших углубить шурф. Археологический материал отсутствовал. Этот горизонт, по всей видимости, связан с затоплением поселения, и в настоящее время находится на одном уровне с дном русла реки.

Расположение населенного пункта на нижней (садовой) пойменной террасе, вызывает некоторое сомнение в отношении скифской принадлежности Алма-Тамак, высказанной П.Н.Шульцем⁹, так как известные нам скифские поселения Юго-Западного Крыма первоначально размещались на возвышеностях, и мысобразных оконечностях, являясь, таким образом, островными укреплениями¹⁰. Вероятнее всего, поселение Алма-Тамак входило в состав земель Херсонесского государства, освоенных греческими колонистами на рубеже IV - III вв. до н.э. Сельскохозяйственный характер этого района подтверждается следами межевания, отмеченных на карте конца XIX в.¹¹. Он включал (рис. I, II) городище Усть-Альминское, поселение у села Угловое и городище Вилино, составлявшее, по-видимому, единый комплекс с Алма-Тамак, на что указывает их близкое расположение и идентич-

ный археологический материал эллинистического времени¹².

Значительное количество лепной керамики в верхнем горизонте поселения позволяет предположить, что в I в. до н.э.- III в. н.э. оно принадлежало поздним скифам, захватившим к этому времени множество греческих городищ Северо-Западного Крыма. По всей видимости, не избежали этой участи, и некоторые прибрежные населенные пункты хоры Херсонеса в Юго-Западной части полуострова.

Впрочем, греческий компонент в этом районе сохраняется и в более позднее время, вплоть до I-II вв. н.э., о чем свидетельствуют находки надгробных стел греческого типа на Усть-Альминском городище и его некрополе¹³ и городище Вилино¹⁴.

Таким образом, первые исследования поселения Алма-Тамак, позволяют предварительно определить время его существования в пределах IV в. до н.э.- III вв. н.э., а возникновение связывать с расширением херсонесской хоры на север от Гераклейского полуострова. Дальнейшее изучение памятника позволит разрешить многие вопросы освоения долины реки Альмы в эллинистическое время.

Примечания

1. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л, 1978, с.18.
2. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К, 1994, с.10,11.
3. Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. Новый район хоры Херсонеса эллинского периода. Археология №2, 1992, с.85-93.
4. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К, 1972, с.64; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д 1-7, М, 1991, с.49.
5. Шульц П.Н. Тавро-скифская экспедиция в 1946г. Советский Крым, №5. Симферополь, 1947, с.66-67.
6. Шульц П.Н. Отчет о работе Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948г. НА КФ ИА НАН Украины, 1949, с.14.

7. Веймарн Е.В. Рукописный отчет об эпизодических археологических работах Бахчисарайской историко-археологической станции КФ АН СССР в 1953г. Н.А. БГИКЗ, 1953, с.2.
8. Неневоля И.И., Волошинов А.А. Отчет об охранных археологических исследованиях в Бахчисарайском районе в 1999 году. Н.А.БГИКЗ. Бахчисарай, 2000, с.19-22, рис. 70-86.
9. Шульц П.Н. 1947. Ук. соч.с.66; Шульц П.Н. 1949. Ук. соч.с.13.
10. Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии: Материалы по археологии Крыма. Симферополь, 1999, с.52-53.
11. Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. Ук. соч. с.92.
12. Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. Ук. соч. с.91.
13. Высотская Т.Н., Лобода И.И. Отчет о раскопках Усть-Альминского городища и некрополя за 1976г. Н.А. БГИКЗ,1976, с.13-14, рис.44; Высотская, 1994, Ук. соч. с.40; Волошинов А.А. Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного и Центрального Крыма. Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып.118.М, 2001, с.147-151, рис.1,2,5; рис.3,1.
14. Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. Ук. соч. с.87-88, рис.2,1.

Г.М. Николаенко

ДОРОГИ НА ГОРОДСКОЙ ХОРЕ ХЕРСОНЕСА

Межевая система хоры Херсонеса всегда вызывала большой научный интерес. Обычно объектом исследования в первую очередь являлись усадьбы, в меньшей степени сама межевая система, прежде всего, дороги, образующие земельные участки. Тем не менее, сельские дороги являются важным объектом исследования, так как помогают понять внутренние и внешние связи, существовавшие между городом, хорой и внешним миром.

Дороги на городской хоре являлись главным структурным элементом размежевки¹

“Поверхность Гераклейского полуострова была разрезана параллельными линиями, пересекавшими ее по всей длине и ширине и перекрещивавшимися под прямым углом. Эти линии, направление которых не изменялось в зависимости от рельефа почвы, отстояли друг от друга на 1/2 - 1 версту, стали большими проселочными дорогами. Все они имели в ширину 15 футов, а с боков возвышались стены, замыкающие собой правильные четырехугольники... По краям дорог построили жилища или дома и дороги стали, так сказать, улицами большого города”².

Дорожная сеть покрывала собой территорию Гераклейского полуострова площадью 10 тыс. га. “Ячейки” этой сети – земельные наделы, принадлежавшие гражданской общине Херсонеса.

На Гераклейском полуострове выявлены 24 продольные и 22 поперечные дороги, образующие земельные участки. К настоящему времени на территории городской хоры известно около 430 земельных участков. Их площадь колеблется в пределах от 15-17 до 26-30 га (рис. 1).

Размежевание северо-западной оконечности Гераклейского полуострова имеет исключительный характер. Например, межевание Срединного полуострова шло от продольных дорог С, Д, Е и поперечной дороги V. Продольные дороги полуострова были продолжением перечисленных продольных дорог, но, в отличие от последних отклонялись под разными углами, следуя рельефу местности. То же происходило и с поперечными дорогами. Они протянулись от бухты Камышевой к Казачьей, в своем направлении повторяя причудливую конфигурацию дороги V. На землях, лежащих между бухтами Камышевой и Омегой, оси продольных дорог между I и II поперечной сдвинуты в северном направлении на 50-100 м.

По назначению дороги могут быть транспортными магистралями и межевыми. На городской хоре Херсонеса все дороги служили границами земельных участков и одновременно использовались как транспортные (рис. 3). Среди них можно выделить несколько магистральных дорог, которые связывали Херсонес с внешними гаванями, святилищами, укрепленными поселениями и долинами,

лежавшими у юго-восточной границы городской хоры.

По моему мнению, такую роль выполняли дороги продольные : K, M, N, O, Q, R, U; поперечные: I, V, XI, XIV

Возможно, такую роль, но в меньшей степени, играли дороги II, VII, X, XV и III, IV, VI, XVII.

Эти дороги были достаточно широкими: от семи до десяти метров и находились под охраной башен усадеб, стоявших на земельных участках в непосредственной близости от ограды дороги или даже выходившие на нее. Некоторые усадьбы стояли на-

против друг друга, образуя своего рода портик – проход. В то же время значительная часть усадеб стоит на некотором расстоянии от дороги или даже в середине участка. Этот факт натолкнул меня на мысль, что усадьбы, стоящие непосредственно у дорог, играли роль межевых знаков, а сами дороги были границами территории, принадлежавшей определенной категории граждан.

Наибольшее количество усадеб, стоявших у дороги или возле нее, отмечено у продольных дорог H, J, K, M, N, O, Q, R, U и поперечных дорог V, XI, XIV, XVII, XIX.

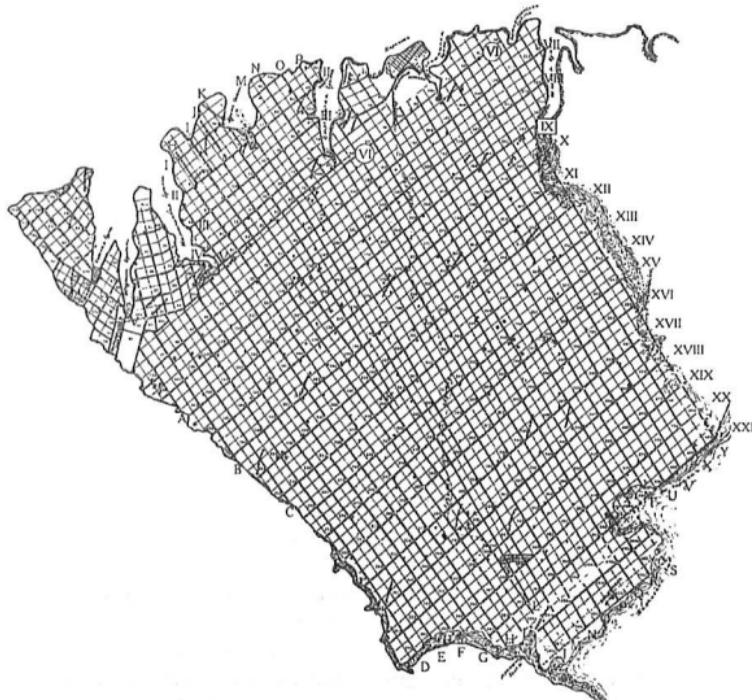

Рисунок 1

Схема размещения дорог на Гераклейском полуострове (по Г. Николаенко). Q - продольные дороги; VII - поперечные дороги; 350 - нумерация земельных участков

Некоторые дороги описаны в труде Фр. Дюбуа де Монпере. Судя по карте размежевки Гераклейского полуострова, созданной им и Кларком, это продольные дороги J, O, R, X, U (рис. 2).

Несколько дорог проложено в непосредственной близости к пресным источникам воды. Это продольные дороги H, J, O, T, V и поперечные дороги XIII, XIV, XVIII, XIX и XXI. Известен также отдельно стоящий колодец-цистерна на участке 220 у продольной дороги N, вблизи поперечной дороги XII.

Дороги, ведущие к источникам, упомянули и Фр. Дюбуа де Монпере. По моему мнению, это дороги N, V, O, проходившие вблизи источников на участках 283, 371, 400³.

Таким образом, среди продольных дорог, возле которых сосредоточено наибольшее количество усадеб, а также водные источники, выделяются продольные дороги H, J, K, N, O, R, T, U, V.

Большинство известных источников находится у перекрестков дорог H + XIII, J + XIX, N + XIV, O + XVIII+XXI, T + XV-XVI+XIX, V + XVIII-XIX. Возможно, именно эти перекрестки служили границами земель, принадлежащих отдельным филам или группам граждан. Естественно, это не единственный признак выделения границ. Таковым может служить расположение некрополей эллинистического периода, а также источников пресной воды, святилищ.

Ниже приводится описание дорог, вдоль которых сосредоточено наибольшее количество усадеб. Подробное описание земельных участков

и усадеб приведено в специальной работе⁴.

Продольная дорога H. Проходит между участками 8-9; 15-16; 24-23; 29-28; 131-130; 146-147; 180-179; 193-194; 226-225; 237-238; 268-267; 277-278; 308-307; 317-318; 348-347; 357-358; 388-387; 393-394; 393а-394а, пересекается с поперечными дорогами II-XXI.

На северо-западе подходит к поперечной дороге II, которая выводит к Камышевой бухте, на юге подходит к крутыму обрыву Мраморной балки, вблизи предполагаемого святилища.

К дороге примыкают усадьбы участков 9; 16; 23; 131; 194; 238; 307; 308.

В северной части участков 28-29, вблизи "большой херсонесской дороги" найдены клады херсонесских monet эллинистического периода.

На участке 347 расположено укрепленное поселение, на участке 348 – усадьба, может быть, имеющая отношение к поселению.

По ложу балки Бермана через участки 358-359 проходят мощные источники воды.

Продольная дорога J. Проходит между участками 10-11; 17-18; 22-21; 27-26; 129-128; 148-149; 178-177; 195-196; 224-223; 239-240; 266-265; 279-280; 106-105; 319-320; 346-345; 359-360; 386-385; 395-396; 395а-397а; 395б-397б, пересекается с поперечными дорогами II-XXI. На северо-западе подходит ко II-ой поперечной дороге, на юге – к высотам Кая-баш, следующим за Мраморной балкой.

Протяженность дороги 12,5 км или 60 стадиев. Ее сохранность и благоустроенность восхитила Фр. Дюбуа де Монпере, который писал:

"Улица, которая выходит от вала Херсонеса под прямым углом, ведет к самой длинной линии Херсонеса, пересекая овраги по хорошо сохранившимся мостам. Следуя ей можно сначала пройти через ряд значительных усадеб, затем подняться через хребет холма, на котором еще можно различить глубокую колею, оставленную в скале. Новый ряд прекраснейших усадеб Херсонеса окаймляет улицу справа и можно, наконец, добраться до вершины столь замечательного оврага (Мраморной балки — Г.Н.)..."⁵.

Непосредственно у дороги располагаются усадьбы участков 10; 195;

239; 359. Недалеко от дороги — усадьбы участков 224, 386, 395.

На участке 385, расположенному в балке Бермана, находится каменоломня. В верховье Мраморной балки на участке 395а расположено святилище, описанное Фр. Дюбуа; рядом с ним, на участке 397а — поселение кизил-кобинской культуры.

Продольная дорога К. Проходит между участками 11-12; 18-19; 21-20; 26-25; 128-127; 149-150; 177-176; 196-197; 223-222; 240-240, пересекается с поперечными дорогами II-XII.

Протяженность дороги немногим более шести километров или 30 стадий. Ведет от левого берега в верховье бухты Омети на участки 240 и 265

Рисунок 2
План размежевания Гераклейского полуострова. 1830-е годы. По Фр. Дюбуа де Монпере и Э. Кларку

в центральной возвышенной части Гераклейского полуострова.

Усадьбы у дороги К и вблизи нее располагались на участках 12; 18; 26; 127; 150; 176; 177; 196; 222; 223.

Продольная дорога М. Проходит между участками 13-85; 79-80; 76-77; 75-100а; 99-100; 126-125; 151-152; 175-174; 198-199; 221-220; 241-242; 264-263; 281-282; 304-303; 321-322; 344-343; 361-362; 384-383; 397-398; 397а-398а; 3976-3986, пересекается с поперечными дорогами I-XXI.

Проложена от восточного мыса бухты Омети на северо-западном бережье Гераклейского п-ова до его южной границы между святилищем в верховье Мраморной балки и Карапанскими высотами. Протяженность 12,5 км или 60 египетских стадиев.

На своем пути пересекает балки Стрелецкую, Карапинную, Юхарину и Бермана, постепенно поднимаясь от невысокого скалистого берега моря на северо-западе к высотам Каябаша на юге.

На пути следования дороги в наивысших точках сооружены усадьбы. Если сделать профиль дороги, то получится, что усадьбы плавно повторяют рельеф местности, по которой проложена дорога, а сами усадьбы стоят на таких точках, какие позволяют просматривать местность до следующего падения высоты.

Непосредственно у дороги в направлении с севера на юг стоят усадьбы на участках 13; 100; 264; 303; 304; 321; 322; 343; 344. На участках 383-384, на правом склоне балки Бермана расположены каменоломни, а на участке 397а - кизилкобинское поселение.

Усадьбы на участках 321-322 и 343-344 стоят в непосредственной близости друг от друга на углах участков, образуя своеобразный дипilon длиной в 630 м или 3 стадия. Пройдя его можно было попасть на могильник, каменоломни и святилище в Мраморной балке.

Продольная дорога N. Проходит между участками 86-84а; 85-84; 80-81; 77-78; 100а-101а; 100-101; 125-124; 152-153; 174-173; 199-200; 220-219; 242-243; 263-262; 282-283; 303-302; 322-323; 343-342; 362-363; 383-382; 398-399; 398а-399а; 3986-3996, пересекается с поперечными дорогами I-XXI. Проложена от устья бухты Омети (правый берег) к границе размежевки на Карапанских высотах. Протяженность дороги около 12 километров или 58-60 стадий. Вдоль дороги усадьбы располагались на участках 86; 81; 78; 101а; 101; 152; 153; 173; 174; 199; 242; 243; 323; 363; 382; 398; 399.

На участке 220 вблизи дороги - колодец-цистерна, а на участке 363 находится мощный источник пресной воды.

Интересно отметить, что на участках 362 - 363 расположен курганный некрополь, на котором было открыто два кенотафа второй половины II в. до н.э.⁶

Продольная дорога O. Проходит между участками 84-83; 81-81а; 78-98; 101а-98; 101-102; 134-133; 153-154; 173-172; 200-201; 219-218; 243-244; 262-261; 283-284; 302-301; 323-324; 342-341; 363-364; 382-381; 399-400; 399а-400а; 3996-4006, пересекается с поперечными дорогами I-XXI. Проложена от северо-западного по-

бережья между бухтами Стрелецкая и Омега к некрополю эллинистического времени на Каранских высотах. Протяженность дороги 12,5 км или 60 стадий.

Вдоль дороги усадьбы стоят на участках 84; 81; 101а; 172; 200; 201; 219; 244; 283; 323; 342; 364; 381; 400.

По левому склону Верхне-Юхариной балки вдоль участков 342-341; 363-364 и 399-400 протекали источники пресной воды.

Продольная дорога Q. Проходит между участками 74-88; 97-96; 103-104; 122-121; 155-156; 171-170; 202-203; 217-216; 245-246; 260-259; 285-286; 300-299; 325-326; 340-339; 365-366; 380-379; 401-402; 401а-402а; 401б-402б, пересекается с поперечными дорогами III-XXI.

Шла от правого берега Стрелецкой бухты к южной границе хоры на Каранских высотах. Протяженность дороги 10-10,5 км или 50-52 стадия. Вдоль дороги усадьбы стояли на участках 121; 170-171; 202; 245-246; 259-260; 300; 325; 380.

Продольная дорога R. Проходит между участками 87а-87; 88-88а; 96-95; 104-105; 121-120; 156-157; 170-169; 203-204; 216-215; 246-247; 259-258; 286-287; 299-298; 326-327; 339-338; 366-367; 379-378; 402-403; 402а-403а; 402б-403б, пересекается с поперечными дорогами III-XXI.

Вела от верховья Песочной бухты к западным стенам Херсонеса к пограничному поселению на Каранских высотах (участок 402). Протяженность дороги 10,5-10,7 км или 50-51 стадий.

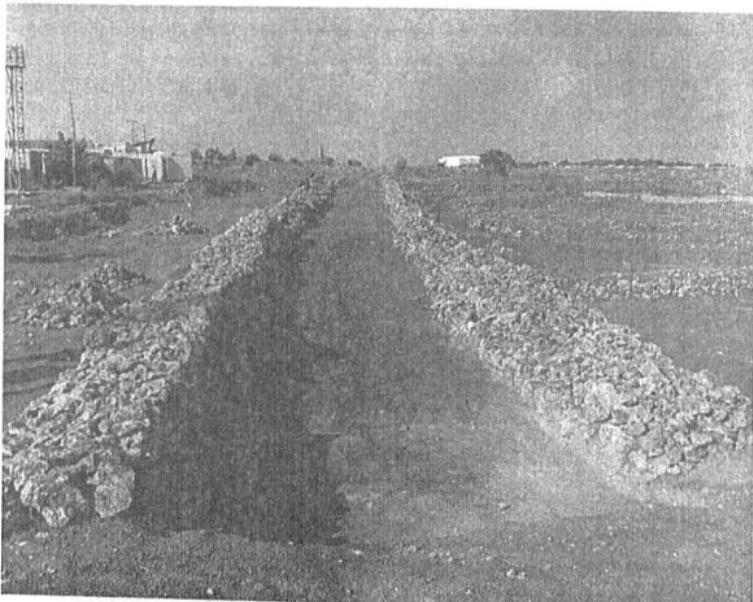

Рисунок 3

Фрагмент дороги между участками наделов 7 и 12 (раскопки Г. Николаенко, 2003 г.)

На пересечении с дорогой VI к ней подходила еще одна дорога – южное ответвление “большой херсонесской дороги”.

Вдоль дороги усадьбы стояли на участках 2034 247; 258-259; 286-287; 299; 379; 402.

Отметим, что сооружения на участках 286-287 Фр. Дюбуа де Монпере считал одним большим комплексом, расположенным по обеим сторонам дороги из Херсонеса в Палакиум⁷. Возможно, что укрепленный комплекс на участке 402, стоявший на границе размежеванной зоны, охранял эту дорогу.

На участке 216 зафиксирована группа каменных курганов. По мнению С.Ф. Стржелецкого, вероятная дата возникновения курганов – античное время⁸.

Продольная дорога Т. Проходит между участками 94-94а; 106-107; 119-118; 158-159; 168-167; 205-206; 214-213; 248-249; 257-256; 288-289; 297-296; 328-329; 337-336; 368-369; 377-376; 404-405, пересекается с поперечными дорогами VI-XXI. Вела от южного некрополя Херсонеса к границе размежеванной зоны на высотах Карагач. Протяженность дороги около 9 км или 45 стадий. Вдоль дороги усадьбы стояли на участках 249; 257; 297.

Близ дороги на склонах Сарандинакиной балки есть источники пресной воды - участки 296-297 и 368-376.

Продольная дорога И. Проходит между участками 94а-93; 107-108; 118-117; 159-160; 167-166; 206-207; 213-212; 249-250; 256-255; 289-290; 296-295; 329-330; 336-335; 369-

370; 376-375; 405-406, пересекается с поперечными дорогами VI-XXI. Вела от верховья Карантинной бухты к границе размежеванной зоны на высотах Карагач. Протяженность дороги 9 км или 45 стадий. Вдоль дороги усадьбы стояли на участках 107-108; 212-213; 249; 255.

На участке 159 у дороги в конце XIX в. археолог-любитель Д. Шпак обнаружил храм эллинистического периода. Стены здания были оштукатурены и покрашены в красный цвет. При раскопках найдены фрагменты терракотовых статуй и монеты Херсонеса, Керкинитиды и Ольвии⁹. Рядом с храмом на перекрестке участков 160, 166, 167 и на них самих обнаружен некрополь эллинистического периода¹⁰.

Возможно, именно эту дорогу имел ввиду Дюбуа де Монпере, говоря об “оживленной дороге между Херсонесом и Мангупом”¹¹.

Продольная дорога V. Проходит между участками 93-92; 108-109; 117-116; 160-161; 166-165; 207-208; 212-211; 250-251; 255-254; 290-291; 295-294; 330-331; 335-334; 370-371; 375-374; 408-407, пересекается с поперечными дорогами VI-XXI. Вела от правого берега Карантинной бухты к южной границе размежеванной зоны на высотах Карагач. Протяженность дороги около 9,5 км или 48 стадий. Вдоль дороги усадьбы стояли на участках 109; 250-251; 334-335.

На участке 371 в ложе Хомутовой балке находится источник пресной воды.

Продольная дорога X. Проходит между участками 92-91; 109-110; 116-115; 161-162; 165-164; 208-209; 211-210; 251-252; 254-253; 291-292; 294-

293; 331-332; 3334-333; 371-372; 374-373; 407-408, пересекается с поперечными дорогами VI-XXI. Вела от устья Карантинной бухты (правый берег) к южной границе на высотах Карагач. Протяженность дороги около 10 км или 50 стадий. У дороги стояла лишь одна усадьба - на участке 408.

На участках 164-165 найдены клады херсонесских монет III-II вв. до н.э.

Отметим также достаточно хорошо сохранившуюся поперечную дорогу V. Проходит между участками 36a-42; 36-43-43a; 35-47; 32a-48; 32-31; 24a-30; 24-29; 23-28; 22-27; 21-26; 20-25; 75-99; 100a-100; 101a-101; ?-98; 74-97; 88-96; 88a-95. Пересекается с продольными дорогами C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R. Вдоль дороги усадьбы стояли на участках 31; 30; 27; 26; 21; 20; 101; 101a.

На участке 28 у дороги найден клад херсонесских монет вып 330-230 гг. до н.э.

Эта дорога – широкая транспортная магистраль (35-40 футов), проло-

женная по спокойному рельефу от Главных ворот Херсонеса к укреплению на перешейке Маячного полуострова. По свидетельству Фр. Дюбуа "отсюда отходили все, без исключения, дороги Херсонеса"¹².

Очевидно, пройдя или проехав по этой дороге "перевалив через вершину холма", т.е., через участок 100 (Г.Н.), между участками 26 и 27 можно было свернуть на "самую длинную дорогу Херсонеса" - дорогу J, ведущую к святилищу в верховье Мраморной балки.

Приведенные здесь данные дают возможность говорить не только о принципах выделения границ земель, находившихся во владении группы граждан или филы. Самые предварительные расчеты показывают, что на каждую усадьбу приходится 7-9 участков земли площадью 36 плетров или 4,4 га. Возможно, здесь кроется разгадка определения количества земли, которым владел гражданин Херсонеса.

Примечания

1. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н. э. Часть I. Севастополь, 1999, с. 33-40.
2. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases et en Crimée. Paris, 1843. Vol / VI, p. 174-175.
3. Николаенко Г.М. Фр. Дюбуа де Монпера о сельских усадьбах на Гераклейском полуострове // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999а. С. 117.
4. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Часть II. Севастополь, 2001.
5. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour..., Darmstadt, 1846, S. 297.
6. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции / Археологические исследования. – Симферополь, 1994, с. 236-237.
7. Dubois de Montpereus Fr. Voyage autour..., 1843, p. 190; Николаенко Г.М. Фр. Дюбуа де Монпера о сельских..., 1999а, с. 118-119, рис. 12а-12б.
8. Стржалецкий С.Ф. Паспорта на памятники Гераклейского полуострова. 1949-1953. Архив НЗХТ, д. 1392/Х, 7.
9. Шпак Д.О. Рукопись об истории Гераклейского полуострова. 1902. Архив НЗХТ, д. 217, л. 45-46.

-
10. Савеля О.Я. Эпизодические охранные доследования в г. Севастополе в 1992 г. /Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в 1992 г. Севастополь, 1993. Архив НЭХТ, д. 3123, л. 31-32.
  11. Dubois de Montpereus Fr. *Voyage autour...*, 1843, p. 189.
  12. Dubois de Montpereus Fr. *Voyage autour...*, 1846, S. 286.

Л.А.Рыжова

ДВА РЕДКИХ ЧЕРНОЛАКОВЫХ СОСУДА С НАКЛАДНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

Среди многочисленной чернолаковой посуды эллинистического времени из раскопок Херсонеса особого внимания заслуживают два сосуда с накладной росписью, выполненной белой краской и жидкой розовой глиной по черному лаку, в стиле керамики «западного склона» Афинской агоры. Они найдены в 1909 году при раскопках Р.Х.Лепером участка монастырского огорода, возможно, расположенного в северо-восточном районе Херсонеса (определенко утверждать это нельзя, т.к. в отчетах Р.Х.Лепера нет привязки заложенных им траншей и раскопанных помещений к плану города).

Один из них представляет собой фрагмент дна довольно крупной глубокой чаши типа лутерия, с массивным профилированным поддоном, диаметр которого 15 см., высота-2,5 см. Общая высота сохранившегося фрагмента - около 6,5 см, толщина стенок - 0,4-0,6 см. (Рис.1; инв. № 706 / 09). Глина красновато-коричневая с серыми прослойками в середине черепка (результат обжига), с добавлением небольшого количества очень мелких крупинок известня и мельчайших блесток слюды. Лак тусклый, имеет слабый металлический блеск, местами потерп.

На внутренней поверхности дна чаши изображена белая цапля, стоящая среди длинных, тонких, остроконечных стеблей болотных расте-

ний. Шея птицы изящно изогнута, на голове - два стилизованных белых хохолка. Глаз нарисован жидкой розовой глиной, а зрачок и обводка глаза - черным лаком.

Рисунок помещен в круг в виде двух процрапанных резцом параллельных линий, между которыми кистью довольно небрежно нанесены по окружности белые точки. Для достижения равновесия в композиции свободное пространство слева от головы цапли дополнено восьмилепестковой розеткой с поочередно расположенным белыми и розовыми лепестками.

Как известно, для росписи керамики стиля «западного склона» характерно преобладание растительных мотивов. Даже изображение дельфинов, птиц, растений носит характер повторяющейся декоративной схемы. Композиции с заключенным конкретным мифологическим содержанием, бытовыми сценами, изображением человеческих фигур практически не встречаются, в отличие от вазописи классического и раннеэллинистического времени. Правда, вазописцы Апулии иногда использовали более сложные сюжеты, но стиль росписи апульских сосудов значительно уступает по своим художественным и техническим качествам аттическим и малоазийским изделиям.¹

В нашем случае мы имеем редкий образец накладной росписи эллини-

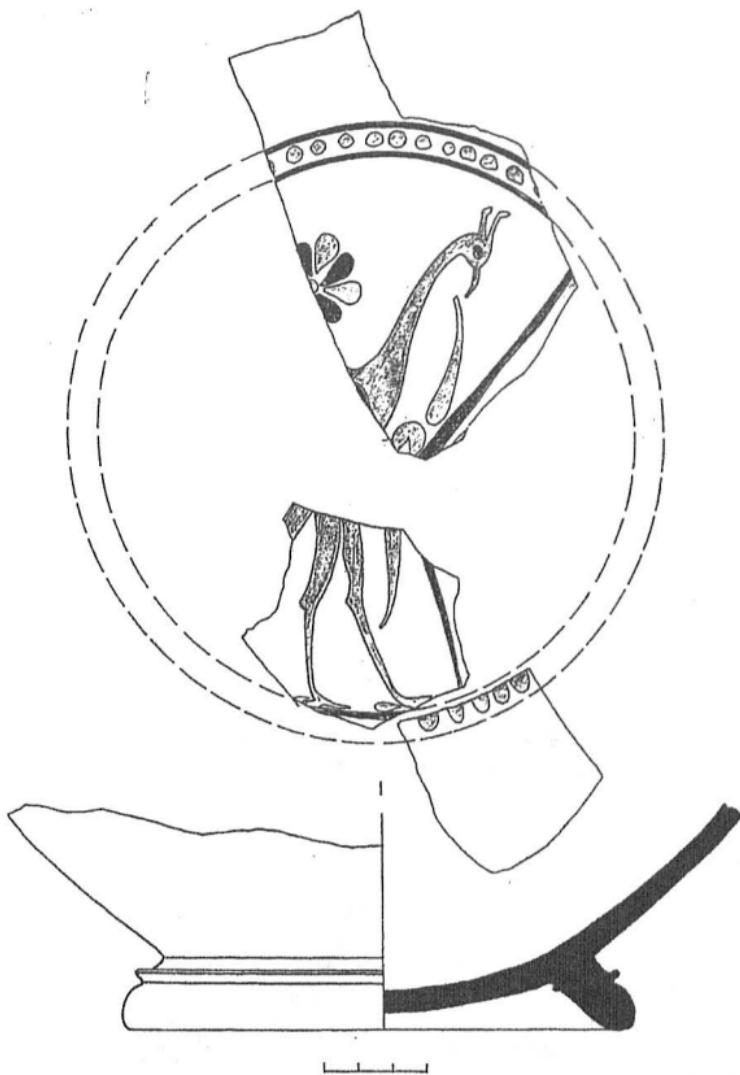

Рисунок I

Чернолаковая чаша с изображением цапли

стического времени, отличающейся высоким качеством исполнения, свободной живописной манерой. Это, безусловно, индивидуальное произведение, выполненное мастером, обладавшим большим художественным вкусом. В выразительности, реалистичности рисунка чувствуется влияние школы вазописцев классической поры. В то же время, мягкостью, прозрачностью краски, легкостью мазка кисти рисунок напоминает фресковые росписи, где цапля далеко не редкий персонаж. Примером могут служить более поздние помпейянские фрески.

Изображения птиц, связанных с водной средой, встречаются в художественных сюжетах греческой керамики, начиная с архаического времени, и далее - в чернофигурных, краснофигурных композициях, на рельефах мегарских чащ и краснолаковых сосудов римского времени. Но это в основном лебеди, утки, журавли. Чернолаковые чаши стиля «западного склона» с изображением птиц в центре сосуда известны среди находок из раскопок Афинской агоры, Ольвии и особенно Пергама, где по наблюдению С.А. Коваленко и С.Ю. Внукова в первую очередь птицы являлись типичными изображениями на мегарских чащах.² Правда, они не столь выразительны и композиционно менее интересны, чем херсонесский экземпляр.

Наиболее часто цапля изображалась на египетских рельефах и стенных росписях времени среднего царства. В египетской мифологии в образе цапли почтился бог Бену.³

В художественных мотивах аттических произведений прикладного

искусства, в глиптике, цапля появляется не ранее середины V в до н.э.⁴ Изображения в чернофигурных и краснофигурных росписях нам не известны.

Нет смысла искать какое-то символическое или религиозное значение в херсонесском сюжете. Ответ, скорее всего, кроется в некоторых изменениях в представлении человека эллинистического времени об окружающем его мире, во все более получающим развитие стремлении его к природе. Отсюда и появление в изобразительном искусстве этого времени «сельских видов, полных покоя и благоденствия, темы пейзажной идиллии», в которых преобладает реалистическая передача действительности.⁵

Если первый сосуд интересен своей росписью, то второй отличается необычной формой, аналогий которой пока найти не удалось. (Рис.2; инв. № 759/09).

Это круглодонный закрытый сосуд с шарообразным туловом, постепенно переходящим в широкое горло. Венчик, судя по сохранившемуся сколу, был немного отогнут наружу. Под венчиком располагается чуть вогнутый внутрь поясок шириной 1 см, ограниченный с двух сторон глубокими параллельными бороздками, прокрашенными светло-коричневой жидкостью глиной. Под пояском прилеплена кольцевидная ручка, плоская в разрезе, с диаметром кольца 2,6 x 2,7 см (часть ручки отбита). Второй ручки, скорее всего, не было.

Сбоку, справа от ручки, стенка сосуда украшена изящной, тонкой гирляндой плюща, которая спускается до середины туловища и далее подни-

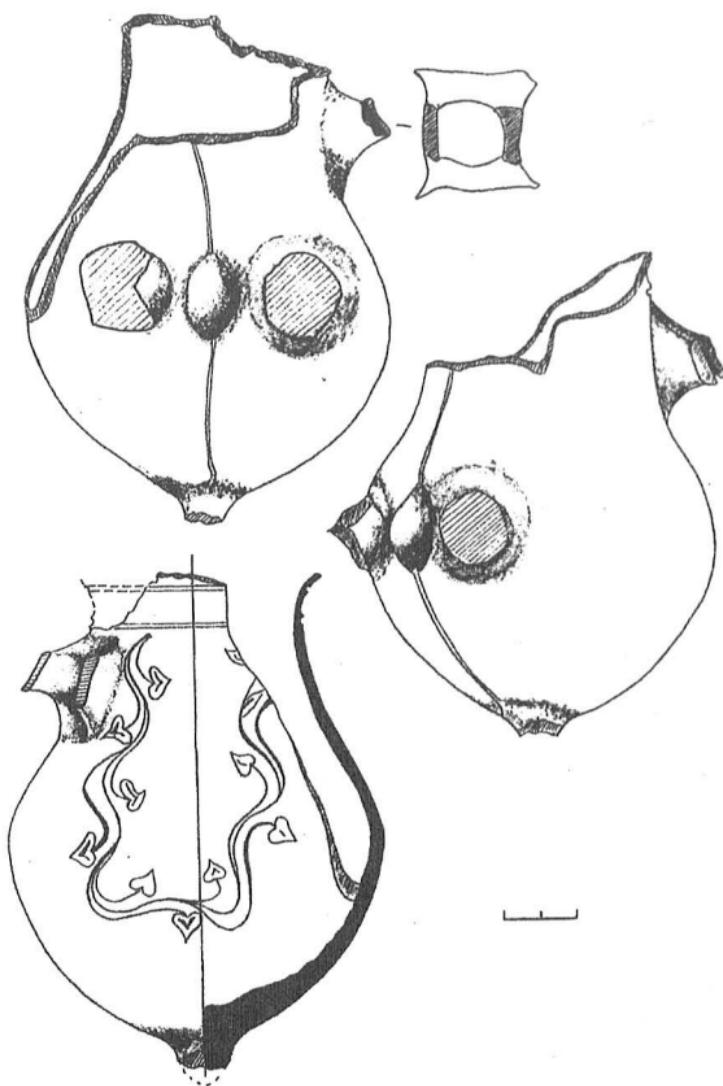

Рисунок 2
Чернолаковый сосуд с накладной росписью

мается до пояска на горле. Гирлянда исполнена бежевой глиной, орнамент нанесен уверенной кистью мастера. На листьях плюща мазками более густой глины прорисованы выпуклые прожилки.

Дно сосуда круглое, в центре имеет налеп в виде уплощенного треугольного валика. Такой же налеп расположен над первым, по центру туловища. Между ними и через всю высоту сосуда проведена толстая, вертикальная полоса, довольно неровная, т.к. процрапана она по хорошо обожженной, плотной глине, прямо по лаку, после обжига сосуда. Однако ни функционально, ни эстетически процрапанная линия ничего не дает, поэтому совершенно не понятно, с какой целью это сделано. С обеих сторон центрального налела сохранились два круглых в плане скола более крупных выступов, может быть это были ножки-упоры. (Подобные ножки-налепы можно видеть на дне глубоких чащ с накладным орнаментом из раскопок портового района и I квартала Херсонаса).⁶ Возможно, на все эти четыре ножки опирался сосуд, когда он стоял на плоской поверхности. При этом он мог находиться только в наклонном положении, потому орнамент располагается с одной стороны туловища, которая должна быть видимой. Возможно, это был сосуд, напоминающий по своей форме аск.

Лак, равномерно покрывающий только внешнюю поверхность, черного цвета с бурым оттенком и со слабым металлическим блеском. Глина хорошего качества, мелкозернистая. Тесто имеет примеси в виде мелких частиц извести и блесток слюды.

По характеру глины и лака, а также приемам художественного оформления, оба сосуда близки пергамскому кругу керамики стиля «западного склона».

Найдены они в одном и том же помещении (траншея 4, помещение XV, слой на глубине примерно 3,8-4 см, у скалы). Сопутствующий материал, если брать широкие рамки, датируется в пределах конца IV-середины II вв. до н.э.: это фрагменты чернолаковой керамики с накладным орнаментом стиля «западного склона», датируемые в основном III-серединой II вв. до н.э.; чернолаковое блюдо середины III в. до н.э. с четырьмя штампованными розетками в трех концентрических кругах из мелких насечек на дне; мегарские чаши, среди которых выделяются две, хорошо датируемых серединой-второй половиной II в. до н.э., имеющих клеймо «КИРВЕI»⁷; амфорные ручки с клеймами: одно из них эпонимное, родоское. Клеймо читается не полностью, но можно сказать, что оно близко родосским клеймам из раскопок водоема ольвийской агоры. Большинство родосских клейм водоема относится к 220-180 гг. до н.э.⁸ Другое - монограммное, фабрикантское, датируется в пределах 315-285 гг. до н.э.⁹

Монеты, найденные в этом слое, к сожалению, не сохранились до нашего времени, но, по описанию в отчете, две из них имеют изображение «головы Артемиды и лани и головы Артемиды и быка», так что их можно датировать 290-280 гг. до н.э.¹⁰ Две других, по определению Р.Х.Лепера, датируются 350-330 и 290-280 гг. до н.э.¹¹

Таким образом, учитывая некоторый разброс в датировках сопутствующего материала, оба сосуда можно датировать в пределах конца III- первой половины II вв. до н.э., когда, по мнению многих исследователей, малоазий-

ская и прежде всего пергамская художественная керамика занимает доминирующую роль в импорте предметов роскоши в Северное Причерноморье, в то время как Аттика утрачивает свои позиции в этой области торговли.¹²

Примечания

1. J.R.Green. Gnathia pottery. - Mainz am Rhein, 1976. - Plate I-32.
2. H.Thompson. Two Centuries of Hellenistic Pottery// *Hesperia*.- Vol.III. - Number 4. Athenes, 1934. - S.380, fig. 67; Книпович Т.Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. - М-Л, 1955. - С. 374, рис. 17; Леви Е.И. Керамический комплекс III-II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры // Ольвия. Тененос и агора. - М-Л, 1964. - С.248, рис.9(1); J.Schäfer. Hellenistische Keramik aus Pergamon // *Pergamenischen Forschungen*. - Band 2. - Berlin, 1968. - Tafel 9(22); Внуков С.А., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Карабобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. - Труды ГИМ. - Вып. 102. - М., 1998. - С.70.
3. Матвеев М.Э. Искусство среднего царства // История искусства древнего Востока. Древний Египет. - Вып. II - Л., 1941. - С.54; табл. XXII, XXIII(а); Энциклопедия символов, знаков, эмблем. - М., 2001. - С.402, рис.2; Мифы народов мира. - М., 1980. - С.168. M.Vilimkova. Starověký Egypt. - Praha, 1977. - S. 164-165.
4. Максимова М.И. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. - М-Л, 1955. - С.441, рис.2; Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. - Симферополь, 2000. - С.165, рис. 43.
5. Жебелев С.А. Древняя Греция. - Часть II.- Эллинизм. - Петербург, 1922. - С.30; Полевой В.М. Искусство Греции. Древний мир. Москва, 1970. - С.261.
6. Инв.№№ 151/37048; 465/09; 466/09; 519/09.
7. Коваленко С.А. К вопросу о происхождении рельефных чащ с надписью «KIPBEI» // Вестник МГУ. - Сер. 8. - История. - 1987. - № 6. - С.71.
8. Леви Е.И. Керамический комплекс... С.259,261; каталог - №№ 22-26.
9. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель). Изд-во Саратовского университета, 1994. - С. 76, 120; табл. СII, 2a-16.
10. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IVв. до н. э.- XII в.н.э.). - К.,1977. - Табл. VI (89).
11. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. - Ч.I.- Одесса, 1884. - Табл. XIV(5),XV(60); Анохин В.А. Монетное дело.... - Табл. IV (59).
12. Книпович Т.Н. Художественная керамика... С. 369; Леви Е.И. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. - Том I.- Киев, 1940. - С.126; Данильченко С.А. Чернолаковая керамика из нимфейского святилища Деметры // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. - Ч. I.- С-Петербург, 2002. - С.123.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ЧЕТЫРХАПСИДНОГО ХРАМА ХЕРСОНЕСА

Как уже неоднократно отмечалось исследователями, четырехапсидный храм Херсонеса на сегодняшний день является одним из немногих храмов города, имеющих хорошую стратиграфическую колонку, которая позволяет судить о времени постройки и гибели храма.¹ Тщательные исследования памятника, проведенные В.А.Кутайсовым, привели к следующим заключениям:

1. "Строительство храма следует датировать, скорее всего, VII в.

2. Сам храм носит мемориальный характер и связан с житийным повествованием о епископе Капитоне.²

Дата, предложенная В.А.Кутайсовым, строится на анализе комплекса нивелировочной засыпи под пол храма и отнесении самого храма к мемориальной постройке, связанной с епископом Капитоном. Автор справедливо отмечает: «выяснение исторической топографии Херсонеса на основе весьма скучных письменных источников - задача достаточно сложная. Ее решение зависит от правильной научной интерпретации тех или иных памятников, которая в свою очередь упирается в хронологизацию, достигаемую исключительно археологическим путем...».³

Таким образом, первичным является археологический материал, историческая интерпретация производна от него.

При исследованиях под полом храма были выявлены следующие слои:

слой 3-субструкция, содержащая строительный мусор,

слои 4-6-напластования, образовавшиеся в результате выравнивания понижающейся части склона под площадку дня мозаичного пола.⁴

Слой 3 содержал невыразительный в плане датировки материал. Слои же нивелировочной насыпи под пол храма 4-6 дали материал, исходя из анализа которого саму «нивелировочную засыпь под пол храма, а, следовательно, и возведение его самого можно отнести, скорее всего, к VII в.»⁵ Данная цитата, без всякого сомнения, указывает на то, что автор раскопок трактует нивелировочную засыпь как сделанную при сооружении храма. Следовательно, материал из нее может обоснованно служить как характеризующий период непосредственно перед сооружением храма.

Перейдем к анализу этих материалов.

В рассматриваемой засыпи были обнаружены фрагменты амфор, краснолаковой керамики, «простой гончарной» посуды и стекла.

Амфоры

По публикации статистика типов выглядит следующим образом:

Название типа	Количество				
	Венчики	Стенки	Всего	%	Соответствие количеству сосудов
Набегающая волна (Кутайсов В. А., 1982, рис. 5, 6, рис. 7, 3 - 6)	4	1	5	45,5	2
Газа (Кутайсов В. А., 1982, Рис. 5, 2-5)	4		4	36,4	3
С воронковидным горлом (Кутайсов В. А., 1982, Рис. 7, 1, 2)		2	2	18,2	1
Общее количество профильных фрагментов	8	3	11		6

Представленная статистика относительна для суждения о процентном соотношении типов амфор, поскольку материала, к сожалению, мало. Можно лишь отметить, что преобладали амфоры Газы и светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны.

1. Светлоглиняные с рифлением типа «набегающей волны».⁶

В слое обнаружена верхняя часть амфоры, воспроизведённая в публикации В. А. Кутайсова⁷. По форме венчика и ручки амфоры близка сосудам из комплексов середины V, третьей четверти V и второй четверти VI в.⁸

2. Амфоры Газы..⁹

Один из типов венчиков, воспроизведённый в статье В. А. Кутайсова¹⁰ находит аналогии в комплексах Цезареи Маритимы¹¹, где датируется VI в., Бенгази, Карфагена и Марселя конца VI - начала VII вв.¹², Циблиума второй четверти VI в.¹³,

Херсонеса первой четверти VII в.¹⁴ По всей видимости, эти два венчика происходят от одной амфоры, которая может датироваться в пределах VI-первой четверти VII в.

Другой тип этих амфор, отличающийся зубчатым венчиком¹⁵ по Г. Кузманову датируется 400 - 650 г.¹⁶ Отметим, однако то, что этот тип венчика известен пока только в надёжных комплексах 80 гг. VI - начала VII в.¹⁷

Третий тип венчиков¹⁸ имеет аналогии в комплексах второй четверти - середины V, VI в. и конца VI - начала VII в.¹⁹

3. Амфоры с воронковидным горлом.²⁰

На рисунке в статье В. А. Кутайсова воспроизведены стенки этих амфор с т.н. «глубоким и частым рифлением, датирующимся», о чём уже нами неоднократно писалось, второй четвертью VI – 650-670 гг.²¹

Краснолаковая керамика

Общая картина обнаруженной краснолаковой керамики может быть представлена в виде следующей таблицы.

Группа , форма, тип	Количество	%
AFRICAN RED SLIP WARES	4	26,7
African red slip wares form 95 / 96 (Кутайсов В.А., 1982. Рис. 8, 1)	1	25
African red slip wares form 97 (Кутайсов В. А., 1982. Рис. 8, 6)	1	25
Carthage «Flat based disch» 6 (Кутайсов В.А., 1982. Рис. 8, 2)	1	25
Hayes ARSW style D (Кутайсов В.А., 1982. Рис. 9, 2)	1	25
«LATE ROMAN C» WARES	10	66,7
Form 3 type D (Кутайсов В.А., 1982. Рис. 8, 10)	1	10
Form 3 type F (Кутайсов В.А., 1982. Рис. 8, 3, 4, 7-9, 11, 12)	7	70
Stamps of group III by J. Hayes (Кутайсов В.А., 1982. Рис. 9, 1, 3)	2	20
«LATE ROMAN D» WARES	1	6,7
Form 2 by J.Hayes (Кутайсов В. А., 1982. Рис. 8, 5)	1	100
ВСЕГО ОПРЕДЕЛЁННЫХ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ	15	15

Как явствует из таблицы из трёх групп краснолаковой посуды : африканской, фокейской и кипрской преобладает, как и обычно, т.н. фокейская. Однако отметим значительное количество единиц африканской керамики, занимающей второе место в данном комплексе. Кипрская керамика малочисленна, представлена всего одним фрагментом.

1. Группа «African red slip wares» .

Эта группа представлена формами 95 / 96, 97, « flat-based disch 6», а также клеймом стиля D по классификации Дж. Хэйса.

1. Carthage Fig.19, 56 ? ²²

Б. А. Кутайсов отнёс эту миску к форме 5 по Дж. Хэйсу и датировал первой половиной VI в.²³. Однако

морфология и глина сосуда иная, чем у « Late Roman C » form 5²⁴. Данная миска имеет гораздо большее сходство с формой Carthage Fig.19, 56 , ошибочно отождествленной авторами раскопок Карфагена с формой ARSW 95 / 96 Дж. Хэйса, которую он столь же ошибочно относил к 490-540 гг.²⁵ В Карфагене похожие на наш сосуд миски встречены в комплексах 500/525-550/575 гг.²⁶ Впрочем морфология не исключает и более раннюю дату 350-435 гг., если атрибутировать данный сосуд как тип Orait X., что допустимо²⁷.

2. Carthage «flat based disch 6». ²⁸

Приводимая в статье В. А. Кутайсова миска принадлежит данной форме.²⁹ Она явно попала сюда из нижележащего слоя IV - V вв.³⁰ По комп-

лексам Карфагена эта форма датируется первой половиной V в.³¹ В Херсонесе такой сосуд с чуть иным профилем венчика происходит из комплекса последней четверти V в.³² Дальнейшую эволюцию формы к 570-580 гг. показывают миски из Ильинцевки.³³

3. Form 97.³⁴

Дж. Хэйс относил эти миски к 490 - 540 гг.³⁵ А. В. Сазанов в 1994 г. датировал их второй четвертью VI - 650-670 гг.³⁶ Рассмотрение комплексов несколько корректирует предложенную нами ранее дату. Самый ранний экземпляр происходит из контекста начала VI в. Афинской агоры.³⁷ В Антиохии данная форма происходит из комплексов, связанных с землетрясением 526 года.³⁸

В комплексах Карфагена аналогичные миски происходят из контекстов, которые датируются примерно 550 г.³⁹ Однако в целом рассматриваемые миски встречены в комплексах Карфагена 500/525-575 гг.⁴⁰ В Кесарии такая миска происходит из слоя Н 3 начала- середины VI в.⁴¹, в Ильинцевке - из помещения, погибшего в 570- 580 гг.⁴² На поселении Золотое Восточное миска этой формы была обнаружена в слое 570-580 гг.⁴³ В Херсонесе они известны в комплексах середины VI в., конца VI - начала VII в., первой четверти VII в. и 650 - 670 гг.⁴⁴ Из всего сказанного можно датировать эту форму началом VI - 650-670 гг., несколько скорректировав предлагавшуюся нами ранее дату.

4. Клеймо стиля « D ».⁴⁵

Клеймо в виде птицы. Такие клейма датируются второй половиной V - 570- 580 гг.⁴⁶

II. Группа « Late Roman C ».⁴⁷

Обнаруженные фрагменты краснолаковых мисок группы « Late Roman C » все без исключения относятся к форме 3 Дж. Хэйса. Из них 7 принадлежат типу F, одна - типу D. Кроме того, на двух доньих имеются клейма.

1. Type D.⁴⁸

Аналогичные венчики обнаружены в комплексах, датирующихся 440- 460 гг., второй четвертью VI в., первой третьью VI в., конца VI - начала VII в.⁴⁹

2. Type F.⁵⁰

Представленный на рисунке 8, 3 в статье В. А. Кутайсова тип миски аналогичен формам, обнаруженным в комплексах середины 450- 520 гг. - конца VI - начала VII в.⁵¹ Миска на рисунке 8, 4 в статье В. А. Кутайсова аналогична сосудам из комплексов 450- 520 гг., второй и третьей четвертей VI в.-570-580 гг.⁵²

Миска на рисунке 8, 7 в статье В. А. Кутайсова соответствует варианту F 19 у Дж. Хэйса, встреченному в комплексах второй четверти VI в.⁵³

Миска на рисунке 8, 8 аналогична тиритакским из комплексов второй четверти VI в.⁵⁴

Миска на рисунке 8, 9 в статье В. А. Кутайсова находит параллели с сосудами из комплексов первой половины VI в.⁵⁵

Миска на рисунке 8, 11 в статье В. А. Кутайсова соответствуют нашему типу F 12, относящемуся ко второй четверти VI - концу VI - началу VII вв. При этом полную аналогию имеет с экземплярами второй четверти VI в.⁵⁶

Миска на рисунке 8, 12 в статье В. А. Кутайсова аналогична сосудам из комплексов 450- 520 гг., и второй четверти VI в. Отметим также то, что более поздний хронологический вариант этих мисок, датирующийся концом VI - началом VII в. отличается от рассматриваемой миски.⁵⁷

Клеймо в виде креста мотива 67 по по Дж. Хэйсу относится к третьей хронологической группе Дж. Хэйса и датируется началом VI в. - 570- 580 гг.⁵⁸. Дата второго штампа мотива 69 аналогична.⁵⁹

III. Группа «Late Roman D».⁶⁰

Один фрагмент на таблице В. А. Кутайсова принадлежит к группе «Late Roman D «form 2. Эта форма соответствующая нашему типу 3 форме 2 датируется началом - 80 годами VI в.⁶¹

Циклы рассмотренных выше материалов в сочетании с обнаруженной монетой Анастасия I 491-518 гг., дающей «terminus post quem» «позволяют относить время формирования рассматриваемых слоёв ко второй- началу третьей четвертям VI в., скорее всего, к середине VI в.

Заметим также, что такую дату хорошо подтверждает монета Анастасия 491-518 гг. найденная в рассмотренном выше слое нивелировочной засыпи⁶². Отсюда с безусловностью следует вывод, что, храм построен не ранее второй четверти или середины VI в. Существенным представляется тот факт, что светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны представлена большим фрагментом, что может указывать на ее бытование наряду с амфорами Газы непосредственно перед по-

паданием в слой. Верхняя же граница этой амфоры не выходит за пределы второй четверти- середины VI в.

Однако самым важным является вопрос о верхней границе строительства храма. В.А.Кутайсов на основании анализа рассмотренных выше материалов считает, что храм был возведен в VII в.⁶³ Однако проанализированная нами выше совокупность материалов датируется второй четвертью VI в. По В.А.Кутайсову нивелировочная насыпь отражает время возведение храма («нивелировочную насыпь под пол храма, а следовательно и возведение его»- подчеркнуто мною А.С.)⁶⁴. Следовательно, храм следует датировать примерно тем же временем, т.е. в районе середины VI в. В таком случае перед нами постройка времени Юстиниана. Несколько сузить датировку помогает отсутствие формы 10 группы «Поздний римский С» по Дж Хэйсу, появляющейся в 80 гг. VI в.⁶⁵, а также африканской формы 105, относящейся к 580/600-660 гг.⁶⁶Данные формы появляются, начиная с 70-80 гг. VI в. и типичны для VII в. Тем самым возведение храма могло произойти между 550-570/80 гг.

Еще раз подчеркнем, что такая дата логически следует из тезиса о единовременности сооружения нивелировочной насыпи и храма , т.е. если считать, вслед за автором раскопок, что насыпь делалась для последующего строительства храма.

Вместе с тем некоторую неопределенность вносит следующий момент. При раскопках 1909 г. и последующих доследованиях В.А.Кутайсова была открыта т.н. печь № 1 ,рас-

положенная в геометрическом центре здания. Первоначальный мозаичный пол перекрывал остатки этой печи⁶⁷. Причем слой гари- выброса из печи располагался непосредственно под цемянковой субструкцией мозаичного пола. При расчистке этой печи был найден фрагмент светлоглиняной амфоры с рифлением типа на-бегающей волны, стенки красноглиняной круглодонной амфоры типа 5 по херсонесской классификации, це- лый коричневоглинняный горшок и часть туловища кувшина с росписью ангобом на плечиках^{68..} Все эти ма-териалы укладываются в промежуток времени между второй четвертью VI к серединой VII в.⁶⁹

Таким образом, находки из комп-лекса печи ,отражающие ее засыпь после прекращения существования датируются в пределах второй чет-верти VI-первой половины VII в. Как отмечает В.А.Кутайсов к моменту возведения храма печь стояла уже разрушенной.⁷⁰

Здесь возникает вопрос о соотно-шении нивелировочной засыпи под пол храма и печи N 1.Стратиграфи-ческий материал здесь отсутствует, поскольку печь и участок вокруг нее раскалывались Р.Х.Лепе-

ром. Если печь перекрывала нивели-ровочную засыпь, то эта засыпь не имела отношения к храму и промежу-ток времени между ее образованием и строительством храма мог быть зна-чительным. Тогда материал из печи дает время, после которого был пост-роен храм. Учитывая дату нивелиро-вочной засыпи, строительство печи произошло не ранее середины VI в., а прекратила она свое существование в промежуток между серединой VI-и первой половиной VII в. Тогда тео-ретически, строительство храма вполне могло произойти в рамках VII в., что, однако противоречит стратиг-рафическим наблюдениям автора раскопок.

Если засыпь печи одновременна нивелировочной засыпи под мозаич-ный пол храма, тогда стратиграфи-ческая схема, предложенная В.А.Ку-тайсовым, остается в силе и само со-оружение храма следует относить к 550-570 гг. В этом случае четырехап-сидный храм является постройкой позднеюстиниановского времени. На наш взгляд эта ситуация ближе к ис-тине. Однако окончательное реше-ние возможно только после полного до-следования участка, прилегающе-го к храму.

Примечания

1. Сазанов А. В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников хри-стианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. Спб.,2000.Вып. IV.C. 276.
2. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса // CA.1982. № 1. С.165-167.
3. Там же. С.167
4. Там же. С.163
5. Там же. С. 165
6. Там же. Рис. 5, 6, рис. 7, 3 - 6
7. Там же. Рис. 5,6
8. Böttger B. Die Gefässkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Berlin, 1982. Bd. II. Ergebnisse der Ausgrabungen 1966-1973. Taf. 22, 273; Bonifay M., Piéri D. Bonifay M., Piéri D. Amphores du Ve au VII e s. à

- Marseille : nouvelles données sur la typologie et le contenu // Journal of Roman Archeology. 1995, N 8. Fig. 7, 51 ; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды. Тб., 1985, рис. 25, 13.
9. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 5, 2-5.
  10. Там же. Рис. 2, 4, 5
  11. Blakely J. Ceramics and commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // BASOR. N 271. Jerusalem., 1988. Fig. 6, 3
  12. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khreish. Benghazi (Berenice). II. Supplement to Libya Antiqua 5, 2. Tripoli., 1979, fig. 92, 354; Riley J. A. The pottery from the cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // Excavations at Carthage, conducted by the University of Michigan., 1981. Vol. VI, fig. 8, 70; Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ie-VII e. s. ap.Chr.).Paris, 1998. Fig. 94, 132, 134.
  13. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985. Рис. 26, 6, 11
  14. Сазанов А. В., Романчук А. И., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. Рис. 6, 24.
  15. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса, рис. 2, 2.
  16. Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV - VI вв.). София. 1985, табл. 33, A 32 - A 34.
  17. Сазанов А. В.. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-восточного района Херсонеса // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып. II .Симферополь, 1991 . Рис. 10, 7, с. 67.
  18. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса, рис. 2, 3
  19. Bonifay M., Piéri D., 1995. Amphores du Ve au VII e.s. à Marseille : nouvelles données sur la typologie et le contenu // Journal of Roman Archeology. 1995, N 8. Fig. 9, 62. Tubb J. The pottery from a byzantine well near Tell Fara // Palestine Exploration Quarterly. 1986/87.London.P.63; Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ie-VII e. s. ap.Chr.).Paris, 1998. Fig. 94, 141, 142; Adan-Bayewitz D. B. The Pottery from the Late Byzantine Building (stratum 4) and its implications // QEDEM. Monographs of the Institute of Archeology. The hebrew University of Jerusalem. N 21. Levin L., Netzer E. Excavations at Caesarea Maritima 1975, 1976, 1979. Final report. Jerusalem, 1986. Fig. 1, 14; Opait A. Aspekte ale vietii economica din provincia Scythia (sec.IV-VI ap.Chr.).Buc., 1996, Pl.9, 10.
  20. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис 7, два верхних фрагмента.
  21. Сазанов А. В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология юго-западного Крыма. Симф., 1993. С. 42; Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV-IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. Рис. 4, 4; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 16, рис. 3, 2; Scorpan C. Origini si linii evolutive in ceramica romanobizantina (sec. IV-VIII) din ariile mediteraniana di Pontic // Pontica, 1976, vol. IX. pl. VII a ; Opait A. Beobachtungen zur entwicklung der zwei amphoratypen // Peuce.1984. N 9; Tal. II. 5,6. Tal.XI, 1; Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия, А 23 - А 26 ; Романчук А. И., Белова О. Р., 1987, рис. 3, 4 ; Bonifay M., Villedieu F. Importations d'amphores orientales en Gaule (V - VII siecles) // BCH. Suppl. XVIII. Recherches sur la ceramique Byzantine. Paris. P., 1989.fig. 5, 3. Hautumim W., 1981. Studien zu Amphoren der spätetrusischen und frühbyzantinischen Zeit. Fulda.Abb.17, Abb.75; Hayes J. W.The Pottery. Excavations at Sarashane in Istanbul. Princeton, 1992. Fig.22, 10-dep.30.P.66.
  22. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. рис. 8, 1 .
  23. Там же. с. 164
  24. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. с. 164; ср. Hayes J. W. Late Roman Pottery. L.,1972, fig. 70, 2
  25. Hayes J. W. Late Roman Pottery. P. 150.

26. Fulford M. G. The red-slipped wares // Excavations at Carthage : the British mission .The Avenue du President Habib Bourgiba, Salambo: The Pottery and other ceramic objects from the site. Vol. I. Part 2 . Sheffield, 1984, fig. 19, 55, 56.
27. Opait A. Aspecte ale vietii economica din provincia Scythia P.248. Pl.55,5,6.
28. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 2
29. Fulford M. G. The red-slipped wares... fig. 13.6.1, fig. 13.6.2
30. Кутайсов В. А., 1982, с. 156
31. Fulford M. The red-slipped wares... fig. 13.6.1, fig. 13.6.2
32. Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 248. Рис. 15,6
33. Сазанов А. В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // Древности Боспора. 2000. Вып. 3.Рис.10, 10, 11.
34. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 6.
35. Hayes J. W. Late Roman Pottery. P. 151, fig. 27, 7, form 97.7
36. Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994-1995. Вып. IV. Рис. 2, 10, с. 409
37. Hayes J. W. Late Roman Pottery. P. 151. Fig. 27,7.
38. Ibid. P. 151.
39. Fulford M. G. The red-slipped wares. P. 67
40. Ibid. P. 67, 69.
41. Riley J. The Pottery from the first sessions of Excavations in the Caesarea Hippodrome // BASOR. 1975. N 218. № 44
42. Сазанов А. В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // Древности Боспора. 2000. Вып. 3.Рис.10,6,7
43. Сазанов А. В., Мокрусов С. В., Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыты исследования стратиграфии ранневизантийского времени // Проблемы истории, филологии и культуры. Межвузовский сборник.. Москва- Магнитогорск. 1996. Вып. III.Рис. XI, 5.
44. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.Рис. 24, 7-середина-третья четверть VI в.; Рис. 26, 7-вторая половина VI в. Рис.56,14; Рис. 39, 2-конец VI / начало VII в.; Рис. 60, 12-первая четверть VII в.; Рис. 68, 6, 8-650-670 гг.
45. Кутайсов В. В. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 9, второй фрагмент в верхнем ряду
46. Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени, рис. 3, 8, с. 410
47. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 3, 4, 7-12; Рис.9, 1,3
48. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса.Рис. 8, 10.
49. Opait A. Einige Betrachtungen zur spätrömischen keramik mit rotem Überzug // Dacia. XXIV, N 1 - 2., 1985, s. 156, taf. 2, 8; Дмитриев А. В., Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. Москва, 1982. Рис. 8, 35, 35 а ; Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. К вопросу о датировках позднеантических слоев городов Боспора // CA.1989. N 1. Рис. 8, 10 ; Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 2 А, 31.
50. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 3, 4, 7, 8, 11,19
51. Hayes J. W. Late Roman Pottery. Fig. 69, 25, 37 Eiwanger J.Keramik und kleinfunde aus der Demokratia-Basilika in Demetrias. // Demetrias IV. Teil I,II. Bonn, 1981.Taf.7.II. 81; Сазанов А. В., Романчук А. И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса. Свю, 1991. С. 21, рис. 6, 45 ; Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // CA.1989. N 1. Рис. 4, 13 в

52. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 4 ; Hayes J. W. Late Roman Pottery. Fig. 69, 23 ; Hayes J. W. The Pottery // Excavations at Sarachane... Fig. 33, dep. 14, 6 - 8; Eiwanger J. Keramik... Taf. 4, 28 ; Сазанов А. В. О хронологии Боспора... Рис. 4, 2 ; Сазанов А. В., Романчук А. И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса. Рис. 8, 83 ; Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 6 Б, F 2.
53. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 7; Hayes J. W. Late Roman Pottery. Fig. 69, 3, 19 ; Enciclopedia dell'arte antica. classica e orientale. atlante delle forme ceramiche. Ceramiche fine romana nel bacino mediterraneo (medio e tardo imperio). Vol. I. Roma 1981, Tav. CXII
54. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 8 ; Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. К вопросу о датировках... Рис. 8, 9
55. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 9 ; Hayes J. W. Late Roman Pottery. Fig. 69, 19 ; Landgraf J. Keisan's byzantine Pottery // Tell Keisan. 1971-1976. Une cite phoenicienne en Galilee. Paris. 1980. Fig. 14 а, F 25
56. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 11 ; Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья... Рис. 6 Б, А 12 ; Сазанов А. В., Романчук А. И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса. Рис. 7, 82 ; Воронов Ю. Н., Бягбя О. Х. Материалы по археологии Цебельды. Табл. 99, 21 ; Hayes J. W. Late Roman Pottery. Fig. 69, 23 ; Hayes J. W. Excavations at Sarachane... Fig. 34, dep. 15, 2, dep. 17, 3
57. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 12 ; Hayes J. W. Late Roman Pottery. Fig. 69, 40 ; Hayes J. W. Excavations at Sarachane... Fig. 33, dep. 14, 13 ; Сазанов А. В., Романчук А. И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса. Рис. 7, 60 ; Сазанов А. В. О хронологии Боспора... Рис. 8, 13.
58. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 9, 3 ; Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 5, 23, 24, с. 415
59. Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 415
60. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 5.
61. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. Рис. 8, 5; Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 8, 2, 3, с. 417 ; Сазанов А. В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. Рис. 18, 1, 2. С. 230.
62. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. С. 164.
63. Там же. С. 164, 165.
64. Там же. С. 164, 165.
65. Hayes J. W. Late Roman Pottery. P.345. Fig. 71
66. Hayes J. W. Late Roman Pottery. P.169
67. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. С. 157
68. Там же. С. 157.
69. Сазанов А. В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. С. 230; Сазанов А. В. О хронологии Боспора...
70. Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса, С. 157

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХЕРСОНСКОГО ЗАГОРОДНОГО МОНАСТЫРЯ БОГОМАТЕРИ ВЛАХЕРНСКОЙ

Изучение христианских храмов Херсона показывает, что их привязка шла в основном к местам старых языческих храмов. Вместе с тем, дорожизна земли в византийском городе объясняют, почему культовое строительство началось на окраинах и за пределами оборонительных стен. Кроме того, соблюдение старинного запрета на захоронения внутри города тоже вынуждало к развитию культа мощей за его пределами. Именно поэтому церковное строительство, вероятно, довольно рано должно было проявиться прежде всего вне города, долго, по крайней мере до V в., сохранявшего устойчивые языческие настроения, и со временем вылилось в возведение загородных монастырских комплексов и видных храмов уже после окончательной, «законодательной» победы христианства. Как и следовало ожидать, такого рода сооружения тяготели к некрополю, особенно обширному с южной стороны Херсона, около Карантинной бухты. По словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, ведшего здесь раскопки в 1896 - 1897, 1901 - 1907 гг., кладище представляло собой «сплошной пчелиный улей склепов и могил, часто в два яруса»¹. Возведение на нем кладбищенских христианских храмов было неминуемо, ибо ромейское духовенство считало служение ради усопших в святости, погребальную службу одним из шести тайнств - мистерий

(mysterion), предписанных Богом².

Один из них, отчетливо выраженной крестовидной формы, ныне известный как Южный загородный храм, был выстроен в 250 м к югу от угловой башни Зинона (№ XVII) и 20 куртины оборонительных стен. Несмотря на довольно долгое, продолжающееся уже столетие исследование этого комплекса сначала К.К. Косцюшко-Валюжиничем, затем А.Л. Бертье-Делагардом и Д.В. Айналовым, последующие досследования О.И. Домбровского, памятник, хорошо известный специалистам, остается одним из самых любопытных, не до конца проясненных, порождает противоречивые толкования, датировки, которые могут быть подвергнуты пересмотру и уточнению. Особенно это касается его интерпретации и «хронотопа», поскольку за последнее время византинистикой получены данные, позволяющие по новому взглянуть на некоторые, прежде ускользавшие от исследователей особенности интересующего нас археологического объекта.

В архитектурный комплекс, наряду с большим крестообразным храмом, входил «малый храм», похоже, небольшая церквушка или часовня с широко открытым входом, видимо, жилые и прочие вспомогательные помещения с северной стороны от обоих храмов, и все это было обнесено каменной оградой, отчасти выло-

женной в технике opus mixtum, с полукруглым юго-западным углом, которая охватывала площадь 1278 кв. м (по обмеру К.К. Косцюшко-Валюжинича)³. Форма этой ограды, судя по схематичному плану раскопок 1902 г., была прямоугольной, со скругленным углом, однако местами она сильно пострадала, была разрушена почти до основания, что оставляет вопрос о ее первоначальной конфигурации открытым. Во всяком случае, в «Изъяснении плана развалин древнего Херсона», составленного к то-посымке 1786 г., К.И. Габлицем указан южный загородный храм (под литерой G) и сказано, что здание окружено «восьмиугольную стеною»⁴. Учитывая, что план был выполнен квалифицированным топографом Пепелевым с высокой точностью в масштабе 1 : 21000 в таком заключении трудно сомневаться. П.С. Паллас тоже писал об осмотренном им в 1794 г. разрушенном загородном «восьмиугольном здании» с колодцем, где текла чистая вода⁵. Этот ориентир не оставляет сомнений, что имелся в виду все тот же комплекс крестообразного храма. Посетивший памятник П.И. Сумароков тоже отметил основание здания, которое «окружалось восьмиугольной стеною, с подземным под ним ходом»⁶. Такие ограды, внутри которых жило сообщество монашествующих, служивших службу в храме, называли на Руси погостами или монастырями⁷. К херсонесскому монастырю от города вела с северо-запа-

да хорошо укатанная дорога, усыпанная щебнем и известью. Очевидно, здесь же она входила внутрь ограды - перивала. Заведующий раскопками отметил: «...направление дороги от храма к городищу было, по-видимому, то же, что нынешней дороги к монастырю [св. Владимира] мимо пороховых погребов», то есть она огибалась восточный склон холма высотой более 30 м, известного под названием Девичья горка⁸.

Стена ограды заслуживает особого внимания, поскольку она была сложена из притесанных квадров на известии, что придавало всему комплексу вид «крепостцы», по выражению А.Л. Бертье-Делагарда⁹. С северной стороны она сохранилась лучше всего, до высоты 2 м, причем на высоте 1,7 м начиналась кладка opus mixtum, от которой уцелело три ряда плинфы с мощными прослойками раствора, в полутора раза превышающими толщину кирпича (табл. I)¹⁰. Примечательно, что параметры этой кладки наиболее близки зданию «апофики» в портовом районе, базилике № 28 на агоре, Северной базилике и баптистерии около Уваровской базилики, то есть сооружениям конца VI - начала VII вв., а размеры плинфы совпадают с кирпичами, которыми было вымощено дно некоторых ранневизантийских рыбозасолочных цистерн¹¹. Уже одно это обстоятельство может служить косвенным указанием на приблизительное время завершения сооружения всего монастырского комплекса.

Таблица I

Сооружения с кладкой *opus mixtum* в раннесредневековом Херсоне и его окрестах

Объект	Размеры плинфы (в см)	Толщина прослоек раствора (в см)	Количество рядов	Время сооружения
13 куртина	28-29x28-29 x4-4,5	4	4	V - VI вв.?
Общественное здание ("термы" или ятрина) около <i>castellum aquae</i> и 13 куртины	28-29 x 28-29 x 3,5-4,5-5	4 - 5	4 - 6	V - VI вв.?
Здание "апофики" в портовом квартале 2	27-28 x 27-28 x 3-4	5	5	нач. VII в.
Постройка невыясненного значения возле небольшого храма (обнаружена в 1902 - 1904 гг. "между складом древностей и откосом, занятым казематом крепостной артиллерии" "Здание Г" ("дворец") около пересечения главных продольной и поперечной улиц	?	?	?	IV - VI вв.?
Базилика № 28 на агоре	25 x 25 x 4,5	5	4 - 6	вторая пол. VI - нач. VII вв.
Крестовый храм № 27 на агоре	?	?	не менее 3	VII в.?
Восточная базилика (№ 36)	?	?	?	конец VI - нач. VII вв.
Баптистерий около Уваровской базилики	28-29 x 28-29 x 3	6 - 7	4 - 5	конец VI - нач. VII вв.
Южная "галерея" Уваровской базилики	24 x 17 x 3	5	4	конец VI - нач. VII вв.
Северная базилика (№ 22)	30 x 30 x 3	7	4	конец VI - нач. VII вв.
Базилика 1932 г.	?	?	?	конец VI - нач. VII вв.
Западная базилика (№ 13)	?	?	?	конец VI - нач. VII вв.
Тетраконхиальный купольный храм (№ 47)	26 x 13 x 3; 30 x 18 x 3	?	?	третья четверть - конец VI в.
Ограда Южного загородного храма Богородицы Влахернской	40 x 23 x 3,5; 35 x 23 x 4	5,5	уцелело 3	вторая половина VI - VII вв.
Многокамерная постройка в раннесредневековом поселении "Приморское" в Ласпинской котловине	?	?	?	VII - VIII вв.?

Занимавший главное, центральное место крестовидный храм имел четыре двери и, значит, был доступен с любой стороны. Д.В. Айналов выражал против наличия входа в восточной части креста, где был устроен алтарь. Он указывал на то, что пол здесь был выложен мраморными плитами, позднее замененными плинфой, тогда как роскошный мозаичный пол с бордюром проходил только по границе этой алтарной части и не заходил в нее. В случае наличия четырех дверей он должен был быть и в этой части храма¹². Однако сомнения в существовании входа в восточном крыле храма были окончательно развеяны доследованием в 1906 г., наличие здесь двери было признано «беспримерным, но тем не менее бесспорным»¹³. Следовательно, остается заключить, что мозаичный пол, положенный вровень с половой цемянкой, подстилавшей мраморные плиты, был выложен позже, когда в восточной части храма все же решили устроить алтарь, а восточную дверь по этой причине заложить.

Толщина стен в 0,9 м, сложенных на извести, и присутствие довольно широких заплечий и арочных тяг указывает на несомненное существование сводов над четырьмя ветвями креста, что требовало стропильного или, скорее, коробового, но не обязательно купольного покрытия центрального пространства¹⁴. Видимо, не ранее второй половины XI в. после разрушения храма в результате мощного землетрясения, при его перестройке коробовый кирпичный свод оказался заменен конической крышей на деревянных стропилах¹⁵.

Плинфа размерами 0,27 x 0,27 x 2 см и 25 x 14 x 4 см от этого свода вошла как простой материал в предалтарную вымостку и в небрежную кладку стены, сложенную на мозаичном полу в правом крыле храма, судя по обнаруженной монете с «ро»¹⁶. К пристройкам, но гораздо более раннего времени, очевидно, одновременным с сооружением алтаря и роскошного мозаичного пола, относится небольшой пастофорий, скорее всего, крещальня с апсидой, устроенный впритык к юго-восточному углу креста. Воду наливали в имевшуюся здесь Т-образной купели по трубе через стену из небольшого резервуара снаружи, вырубленного из цельного камня и перекрытого сводиком¹⁷. Следует подчеркнуть, что это было приспособление именно для наполнения купели, ибо, согласно обычаю, ее следовало заливать вручную¹⁸. Есть мнение, что водоем являлся талассой или хонефтерионом - резервуаром для мытья литургических сосудов и омовения рук священника¹⁹. Однако к настоящему времени эту точку зрения можно считать устаревшей²⁰. Малые размеры купели (0,25 x 0,35 м и глубина 0,77 м) не должны вводить в заблуждение. Они указывают лишь на переход к обычаям крестить детей, новорожденных, что на Востоке, в Сирии совершили уже к началу VI в.²¹. Вместо троекратного погружения осуществляли окропление или омовение, поскольку погружение в «живую воду» было практически невозможно соблюсти в небольшой церкви. Весь ритуал, то есть все части крещального обряда (отречение от сатаны, крещение, миропомазание)

зачастую происходили не в самостоятельных помещениях, как это было в редких баптистериях процессионного типа, а в рамках одной, порой весьма небольшой комнаты. Примечательно, что верхняя плоскость купели загородного храма, встроенная в апсиду, образовывала нечто вроде стола, какой изредка встречается в баптистериях²². На такие столы могли ставить сосуды с освященным маслом, которое использовали для миропомазания окрещенных. Это тем более вероятно, что рядом, как и в большинстве херсонских баптистериев, не было помещения хрисмариона (консигнатория) для совершения этой части обряда. Расположение крещальни рядом с алтарем, в пастофории или в боковой апсиде было особенно характерно для сирийской традиции и встречается в разных областях христианского Востока²³. Строительство ее также вблизи кладбищенских погребений вполне объяснимо христианской идеей сближения крещения и смерти, что демонстрируют слова апостола Павла: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его костились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим. 6: 3 - 5). Кроме того, подвиги мучеников, по преданию здесь захороненных, должны были особенно вдохновлять принять крещение именно среди «святых могил» (*inter tumulos sanctorum*)²⁴.

Помещение баптистерия, вымощенное, как и соседствующая алтарная часть, мраморными плитами, имело две двери, переделанные из прежде находившихся в этом крыле креста окон, и два окна, одно над купелью и другое в южной стене. Не подлежит сомнению, что оно было построено позже самого храма, поскольку его пристраивали к последнему и это сопровождалось устройством двух окон и двух дверей²⁵. В то же время, очевидно, что это произошло в скромном времени после возведения храма, поскольку в характере кладки стен здесь не наблюдалось никакого различия от кладки остальных частей храма²⁶. Узкий простенок с нишей для наливания воды был выложен из отдельных камней для удобства ремонтов канала путем извлечения этих камней с последующей постановкой их на прежнее место.

Слева к храму примыкала трехкамерная постройка из соединенных друг с другом помещений, имевших вход с запада, из храма, через дверь, переделанную из окна. Следовательно, сооружение с левой стороны восточной ветви креста возвели не ранее устройства алтаря и крещальни на противоположной стороне ветви креста. В первом помещении полы были из каменных плит, а внутри следующего находились прямоугольная яма, похожая на цистерну, с тонкими стенами сложенными из плинфы и два других углубления, вероятно, хозяйственного назначения²⁷. Это обстоятельство указывает, что боковые асимметричные, разной формы и величины пристройки к восточной ветви храма не могут быть признаны жерт-

венником - професисом (справа) и диаконником (слева)²⁸. «Професис» был снабжен купелью, в нем неуместной, а противоположное ему выстроенное прочно строение, по мнению А.Л. Бертье-Делагард, перекрытое крестовым сводом²⁹, имело, очевидно, преимущественно жилое назначение, а также могло служить хранилищем. Оно появилось не ранее второй четверти VI в., поскольку под полом первого помещения находился склеп с пятью нишами-лежанками, в котором среди прочих материалов, в частности, «пяти глиняных малых лампочек крайне грубой работы, обычных для V - VI вв., оказалась монета Юстиниана I.³⁰

К востоку, за алтарем храма был устроен еще один, но малый одннефный, — вероятно, поминальная, мемориальная церковь или часовня, перекрытая сводом, причем массивная апсида этого сооружения с пятью полу-круглыми нишами с сиденьями, устроенными в стенах, выдавалась подобно полукруглой башни за пределы монастырской ограды, будучи включена в нее точно посередине, что указывает на одновременность их строительства³¹. Учитывая слишком широкий вход с западной стороны, арочный пролет в 2,30 м едва ли не на всю ширину постройки, А.Л. Бертье-Делагард проницательно заметил, что таких дверей не бывало и в больших храмах и предположил, что «весь низ постройки назначался для свободного, открытого пользования им, например, для караула или для богомольцев, которым и были устроены пять сидений в апсиде», а сверху находился еще ярус, предназначенный для обороны³².

Так или иначе, в качестве подсвечника здесь служил античный мраморный пьедестал с вертикально стоящей палицей Геракла (h - 0,80 м), языческий облик которого ни мало не смущал паломников и монахов, видимо, следивших принципу, что негоже отвергать хорошее даже если оно исходит от «эллинов».

Уже к 1906 г. было совершенно ясно, что довольно небрежно сложенный синтрон, киворий на каменных базах и мощение плинфой в восточной, алтарной части крестовидного храма были выполнены «гораздо позже красивого мозаичного пола»³³. Плинфа, вероятно, использованная вторично из разрушенного прежнего свода, лежала здесь на тонком слое извести, а ниже шел более толстый слой цемянки, вровень с цемянковым основанием мозаичного пола. Учитывая обнаружение следов строительства с монетой с «ро» и поливной керамикой, эта перестройка произошла не ранее второй половины XI в., после чего храм продолжал относиться к числу крупных, значительных церквей, на что особенно наглядно указывают столбы кивория над престолом. Но изначальная дата постройки оставалась открытой. Большинство исследователей склонялось к ранневизантийскому времени. Вслед за Н.П. Кондаковым К.К. Косцишко-Валюжинич называл V в., тогда как его оппонент, А.Л. Бертье-Делагард считал «праве с уверенностью заключить, что здесь мы имеем дело с постройкой VI века»³⁴. Напольную мозаику храма он относил к VII - VIII столетиям, тогда как А.Л. Якобсон датировал ее VI в. и связывал с

перестройкой первоначального крестообразного мавзолея - мавзолия V в. «в связи с созданием здесь, в центре христианского некрополя, в освященном христианской традицией месте, загородного монастыря» в честь Богородицы Влахернской³⁵. По мнению Л.В. Фирсова, наиболее вероятно строительство произошло во второй половине V - первой половине VI в.³⁶. А. Пелин датирует его «эпохой Юстиниана (527 - 565)»³⁷. В общем, это совпадает с выводом А. Грабаря, который относил херсонесские постройки с планом в виде свободного креста ко времени не позже VI - VII вв. и полагал их заимствование, по-видимому, из ранневизантийской Малой Азии или Сирии и Палестины³⁸. Действительно, крестовидные церкви в V - VII вв. были популярны повсюду на Востоке - в Малой Азии, особенно в Каппадокии и Ликаонии, в Восточном Причерноморье³⁹.

В фундаменте северо-восточной части крестовидного храма, в наружном углу прямоугольной апсиды М.И. Скубетов в 1902 г. нашел закладной камень с вырезанной на нем христограммой⁴⁰. Она сочетала в себе черты хрисмы и изображения креста с расширяющимися концами, в результате чего получалась фигура в виде перечеркнутой греческой буквы Р (ρο). Подобные символы появились в IV в. и широко распространились в V - VI вв. Позже VI в. употребление такого знака на закладном камне выглядело бы анахронизмом. Впрочем, не лишено смысла объяснение его появления тем, что строители «бережно изъяли» камень с христограммой из развалин «более древнего храма» и положили

в основание «нового храма»⁴¹. Тем более есть свидетельства, говорящие в пользу существования такого раннего храма, предшествовавшего крестообразному. Скорее всего, ему принадлежала мраморная плита вторичного использования с проксенической надписью 129 / 130 г. н.э. в честь гражданина Гераклеи Понтийской, которая была переделана в порог. После разрушения раннего храма, эту плиту с отбитым краем вновь использовали, на этот раз для укрепления перекрытия входа в склеп № 1431, расположенный под северо-восточным углом крестообразного храма⁴². К интерьеру раннего храма могла также принадлежать превосходно выполненная, полированная мраморная профилированная полуциркульная очень большая база, сзади срезанная для прислонения к стене, вырезанная надпись на которой просила молить (*euches*) неведомого ктитора и всех сродников его (*ton diapheronton autois*)⁴³. То же самое можно сказать об обнаруженных К.К. Косцюшко-Валюжиничем двух фрагментах мраморного культового стола второй половины IV - начала V вв. (*mensa sacra*) с низкорельефными изображениями головы юноши в профиль влево, а также двух животных, видимо, барана и грифона, головами друг к другу⁴⁴. Такие круглые, иногда квадратные или сигмообразные «вспомогательные», «второстепенные» столы, похожие на большие мраморные блюда диаметром от 0,6 до 1 м, в IV - VI вв. служили не для престола евхаристии. Прихожане клали на них дары как на професис («стол предложений»), они стояли в мемориальных

часовнях, а иногда в баптистериях, на них ставили сосуды или использовали в качестве столешницы во время совершения поминальных служб и агап («трапез любви»), которые устраивали над могилой мученика, а случалось, ими закрывали саму гробницу (*mensa martyrum*)⁴⁵. Обряд поминовения на трапезе, по-видимому, включал омовение, то есть освящение менсы, пение, ритуальные танцы, моления и собственно трапезу, для которой на столик и надгробную плиту ставили хлеб и рыбу, чаши с вином, а иногда делали возлияния елея и вина прямо в погребение, делясь трапезой с покойным. В некоторых ранневизантийских церквях их находят по два или по три, в различных дополнительных помещениях церквей, рядом с алтарем. Вблизи малого храма или часовни оказались фрагменты еще одного большого беломраморного «блюда» (диаметр - 1,10 м, высота — 0,06 м), но без изображений, которое тоже могло служить менсой, а не дискосом для отправления проскомидии, поскольку дискосы обычно были керамическими или стеклянными и гораздо меньшего размера⁴⁶. Кроме того, при раскопках южной пристройки, явившейся крецальней с небольшим водоемом, был найден угол известнякового карниза, украшенный рельефной львиной головой с разинутой пастью, а снизу крестом с расширяющимися концами внутри медальона⁴⁷. Не исключено, что ранний храм, предшествовавший большому крестовидному, мог иметь амвон. Во всяком случае, поздняя могила №1407, устроенная в северо-западном углу левой стороны боль-

шого храма и разрушившая красивый мозаичный пол, оказалась выложена «кусками мраморных плит с частями выпуклого креста и прямолинейным орнаментом», а один из фрагментов К.К. Косцюшко-Валюжинич без колебаний отнес к элементам амвона⁴⁸. Поскольку поздний храм такой конструкции явно не имел, она должна была предшествовать его появлению.

О.И. Домбровский, руководивший в 1951 и 1953 гг. исследованием остатков крестовидного храма, установил, что первоначально на этом месте находился небольшой одноапсидный храмик «базиликальной» формы с полом из хорошо отшлифованных, вероятно, мраморных плит, который исследователь отнес к V - VI вв.⁴⁹. Решающим аргументом для такой датировки явилось исследование содержимого засыпи тех позднеантичных могил, которые оказались под храмом и содержали 16 монет IV в., а также монету первой пол. V в., найденную в засыпи непосредственно под нижним полом самого храма⁵⁰. Однако материал, извлеченный из засыпи могилы «Д», перекрытой малым храмом, заставляет усомниться в однозначности выводов О.И. Домбровского, ибо представлен целой серией уже упоминавшихся малых грубых светильников, подражавших сирийско-палестинским образцам V - VI вв., одним из типов поздних малоазийских светильников того же времени, подражанием так называемым фракийским или североафриканским светильникам, бывшим в ходу до конца VI - начала VII в., а также горлом амфоры типа 95 по И.Б. Зеест, который ныне считается западномалао-

зийского, возможно, сардского производства и существовал со второй половины V в. до середины VII в.⁵¹. Из всего вышеизложенного можно заключить, что постройка раннего, меньшего храма могла произойти как в V в., так и в VI в.⁵², но обе стройки - старую и новую разделяло не очень много времени. Внести в этот вопрос уточнение, как кажется, помогает анализ внутренней логики событий, разворачивавшихся в ранневизантийском Херсоне.

Скорее всего, возведение нового, более просторного крестовидного мартирия с четырьмя дверями - храма центрического типа, вошедшего, как убедительно доказал Д.В. Айналов, в комплекс небольшого загородного монастыря Богородицы Влахернской, совпала с остальным монументальным культовым строительством в городе, наименее интенсивно проходившим во второй половине VI в. и до начала VII в. Тогда становится понятно, почему житийные памятники второй половины VII - начала VIII вв. единогласно утверждают, что папа Мартин I, умерший в херсонесской ссылке 16 сентября 656 г., был похоронен рядом с «весьма ценным» (*pretiosissimo*), «великолепно (величественно) украшенном (убранном)» (*magnifico decore ornato*) храмом монастыря Богородицы Влахернской, очевидно, построенным на месте снесенного прежнего малого храма, едва ли удостоившегося бы столь пышных эпитетов⁵³. От этого нового убранства, кроме великолепной напольной мозаики с особенно впечатляющим изображением огромного канфара и павлинов, дошли почти 11,5 тыс. ку-

сочков смальты и каменной мозаики, видимо, украшавшей стены алтарной части, мраморные плиты пола и десять обломков от нижней части большого мраморного образа с рельефным, выполненным в технике выемчатого фона изображением благославляющего Христа с большим крестом и св. Фоки Кипура (Садовника), прославляемого агиографией за занятие делами благотворительности, устройство странноприимных домов. На гладкой рамке плиты снизу сохранилась лишь часть надписи, которую В.В. Латышев восстанавливал предположительно как «...его же имя Бог знает» (...οεὶς το οπομ[αοίδειν])⁵⁴. Фон образа был заполнен цветной мастикой (стуком). Судя по находкам нескольких фрагментов, даже кровельные черепицы здания были украшены на выступающей части белыми, красными и черными полосами с черными кружками⁵⁵.

О «гробнице выдающегося мужа» Мартина (*eximii viri memoria*) и ее посещении «сколь угодно часто» (*quanvis...frequentatur*) вспоминал св. Елигий, который скончался в 659 г.⁵⁶. Поэтому Д.В. Айналов заявлял, что год кончины Елигия «...хорошо датирует постройки крестообразного храма, служа для них в качестве *terminus ante quem*». Однако это не совсем верно, ибо он не принял во внимание свое же собственное наблюдение, что в источниках VII - VIII вв. речь идет об усыпальнице, гробнице (*memoria, το μνημεῖον*), которая находилась при храме, рядом с ним, а не о самом храме, уже существовавшем к этому времени и пережившем в общей сложности по меньшей мере

три этапа постройки (малый храм, большой храм, устройство алтаря и крещальни)⁵⁷. Второй из них оказался кардинальным и полностью изменил первоначальный облик небольшого сооружения, превратив его в достаточно просторный крестовидный храм.

Собственно мартерием могли служить три соединенные проходами стандартных подземных склепа с нишами - лежанками (№1409 - 1411) под западной и центральной частью храма, вход в которые был пробит снаружи, с северо-западной стороны (А.Л. Якобсон ошибочно указал — с южной), и еще одна обособленная усыпальница (№1406) старательной работы в виде удлиненной трапеции с лежанками в двух продольных стенах, арковидной нишей в задней стене, с арковидным входом и полуциркульным потолком, вырубленная во время или, как считал К.К. Косцюшко-Валюжинич, после строительства храма под его правой (южной) ветвью⁵⁸. В этом случае связь баптистерия с усыпальницей под ней едва ли случайна. Сирийская традиция, то и дело обнаруживаемая в элементах устройства храма, знала обычай сохранения чтимых мощей в пастофории, а купель крещальни символически была связана с идеей жизни и смерти⁵⁹. Впрочем, присутствие склепов под храмом не может служить надежным указанием на наличие именно здесь мартерия, поскольку присутствие в церквях привилегированных, чтимых захоронений, явно делаемых с разрешения епископа, еще не основание считать их собственно мартерием, который тем не

менее где-то поблизости был. Известно, что для культа мучеников служили и отдельные помещения или постройки при византийских церквях⁶⁰. Может быть, необходимость обустроить особо значительных «святых могил», наподобие будущей *suo mausoleo* или *thpecta* - памятника папы Мартина I, и подвигла власти города, прихожан на решение разобрать прежний, сравнительно тесный храмик, и выстроить на его месте более просторный и богатый храм, ставший главной святыней «... в весьма чтимом (украшенном) доме (*domo percolenda, sancto domo, oiko de pansebasmino, agio oiko*)» или иначе — «в монастыре (*in monasterio*) непорочной Девы Марии матери Господа нашего Иисуса Христа», «именуемом Влахернским» (*quaes cognomina natur Blachernas, epilegomeno Blachernais*), примерно на расстоянии стадия (*quasi stadio ipo, apo stadio enos*)» за стенами города Херсона» (*exo teichon, extra muros Chersonitarum civitatis*)⁶¹. Отчасти это подтверждает находка заклада с двумя монетами Феодосия I, четырьмя - Льва I, двумя - Анастасия, 13 - Юстиниана I и пятью — неопределенными, среди которых могли быть как более ранние, так и более поздние, в стенке купели крещальни крестовидного храма⁶². Учитывая большую длительность обращения таких весьма распространенных монет в ранневизантийском Херсоне, можно допустить, что они были положены в ходе строительных работ по доделке храма, ведшихся во второй половине - конце VI в., или даже в первой половине VII в.⁶³. Сама необычная, Т-об

разная форма водоема весьма напоминает тетраконхиальные купели сирийского происхождения, которые датируются второй половиной VI в.⁶⁴. В пользу существования храма в близкое к этому время говорит и сюжет его мозаичного пола, чьи изобразительные и декоративные мотивы не известны для более позднего времени ни в Херсонесе, ни в других местах Византии⁶⁵. Созданный на основе еще античных традиций этот ранневизантийский образец обнаруживает наибольшее совпадение с мозаикой «базилики в базилике» (№15), сооруженной не ранее правления императора Юстиниана I⁶⁶.

Тогда же становится более понятным и оправданным трудоемкое строительство того гидротехнического сооружения, которое было вырублено в виде шахты и подземного хода - галереи шириной и высотой около метра, местами чуть больше или меньше, протяженностью около 45 м поперек склона скалистого водораздела - гигантского природного «фильтра» из известняка, на плато которого возник загородный культовый комплекс. Его ограда прошла точно по краям галерей, по диагонали пересекавшей площадь, охваченную монастырем. Этот грубо прорубленный в скале длинный, извилистый дренажный канал, сообщающийся с шахтой со ступенями и колодцем - фиалом, находившимся рядом со стеной храма, собирал воду, поступавшую из низкой, водоносной части балки, где вода стояла на уровне моря, и позволял обеспечить монахов и паломников не просто питьевой водой (для этого было бы достаточно обычных

колодцев), а что весьма важно, водой из источника - агиасмы, вероятно, считавшейся целительной или даже святой по причине нахождения ее «в святом могильнике» (*positus...in tumulis sanctorum; inter tumulos sanctorum; en sorois agion*), как писали составители макрия папы Мартина и схолии к краткому житию других сосланных в Херсон ортодоксальных «антиединовольцев» - свв. братьев Евпрепия и Феодора⁶⁷ Внутри подземной галереи, в районе ее средней части с шахтой колодца - фиала, закрывавшегося, по-видимому, откидной крышкой, не случайно были устроены в стенах 10 ниш для установки светильников или свечников⁶⁸. Следовательно, здесь периодически проводили соответствующие обряды, очевидно, связанные с водоосвящением источника, посвященного Богоматери - целительнице. Папа Григорий II (715-731) в письме Льву III Исаю (717-741) тоже отмечал, что стекавшиеся сюда многочисленные паломники, приезжавшие издалека - с Боспора и с Севера (o Borras), получали исцеление, дословно - «лечение», — *kai tas iaseis lambanontes*⁶⁹. О том же самом со слов очевидца сообщал в 1598 г. видный церковный писатель, кардинал Сесар (Цезарь) Баронио (ум. 1607 г.), подчеркивавший возможность обрести здесь благодать излечения⁷⁰. Подобная загородная агиасма, где собирались больные, существовала возле Силиврийских ворот Константинополя, в Евдоме, предместье столицы, где находился храм Богоматери - целительницы, Богоматери «Живоносного источника», и можно было приобрести стек-

лянний сосуд - евлогий с «живоносной водой»⁷¹. Следует также принять во внимание, что монастыри, находившиеся за городскими стенами, как правило служили одновременно передовыми сторожевыми крепостями - фурами и иногда имели небольшие постоянные дворы - ксенодохионь или птохионы, чего можно ожидать и от херсонского Влахернского «дома»⁷². Во всяком случае, такую роль могли играть жилые помещения с северной стороны большого храма и часовни с сиденьями. Недаром здесь особо почитали св. Фоку Кипура, прославленного своей благотворительной деятельностью. Следует обратить также внимание на такой традиционный элемент обстановки входившей в архитектурный комплекс часовни как ниши - сиденья, которые могли предназначаться для особенно тяжелых больных, желающих исцелиться и с этой целью совершивших паломничество к «святым могилам» и агиасме⁷³.

Начало подземному сооружению было положено уже во II - III вв. н.э., судя по находкам соответствующей керамики на дне подземелья⁷⁴, когда эта территория входила в состав действовавшего языческого некрополя, но стремление расширить протяжение водосборной площади канала за счет вырубки в скале новых коленей галереи должно было возникнуть лишь с возникновением над уже заброшенными языческими могилами и склепами крупного христианского культового комплекса. Одинокий, небольшой кладбищенский одноапсидный храмик в подобном устройстве для дренажа и резервирования воды не нуждался бы, как не нуждал-

ся бы в шести колодцах (пяти круглых и одном прямоугольном), размещенных в итоге на территории монастыря и рядом с ним, неподалеку друг от друга⁷⁵. Тем более не имело смысла устраивать по соседству, на расстоянии 15 м, вблизи вырублой могилы №2100 и склепа №2101 еще одно мощное сооружение для забора воды, которое буквально повторяло приспособление, обнаруженное внутри галереи под крестообразным храмом. Оно представляло собой вырубленный в скале колодец цилиндрической формы сверху и грушевидной снизу, диаметром 1,15 - 2,22 м и глубиной 7,27 м с отдельным к нему наклонным крутым ступенчатым ходом, «потолок которого волнообразными выемками в скале приспособлен для удобного спуска»⁷⁶. Эта лестница вела к площадке с прорубленным арковидным отверстием, через которое можно было брать воду из колодца, подобно тому, как это делалось в подземной галерее. Химические анализы воды из этого колодца и из подземной галерей показали, что в начале XX в. она была не пригодна к употреблению по причине повышенного содержания солей и особенно хлористых соединений, почти в 10 раз превышавших норму⁷⁷. Возможно, объяснение феномена кроется не только в близости уровня моря или загрязнении почвы мочей: эти обстоятельства в связи с сокращением притока могли лишь гипертрофировать и в конечном итоге испортить особые свойства здешних подпочвенных вод, вообще богатых хлористым натрием, что должно было придавать им слабительный лечебный эффект. Во всяком слу-

чае, А.Л. Бертье-Делагард, вероятно, не знакомый с результатами анализов 1905 г., считал ее «несколько жесткой, но хорошей, пресной», а к середине XX в. она, согласно исследованию лаборатории отдела почвоведения КФ АН СССР, вообще стала вполне пригодной для питья, что можно объяснить происшедшими гидрологическими изменениями, прежде всего, увеличением притока, потеснившего близкую морскую воду⁷⁸.

Превращение небольшого храма-мавритана в значительный храмово-монастырский комплекс обнаруживает несомненные параллели с одноименным прославленным константинопольским Влахернским храмом Богоматери, построенным в начале правления Льва I, в 458 г., тоже в загородном монастыре, недалеко от берега оконечности бухты Золотой Рог. Лишь при Ираклии (610 - 641) он был окружен крепостной стеной, которая включила северо-западную оконечность столицы - Влахерны в единый комплекс фортификационных сооружений⁷⁹. Здесь находилась пристань, что тоже напоминает о близости пристани в Карантинной бухте Херсона⁸⁰.

Начиная с V в. вокруг личности Марии стало особенно бурно, безудержно развиваться почитание, а близость Марии к Христу вела к росту доступных разумению простого верующего преданий, которые сообщали о ее телесном прославлении после смерти, «взятия на небо», что нашло свое отражение в праздновании «Кимесиса» (Кoimesis) - Успения, справляемого 15 августа⁸¹. Благодаря хранившимся во Влахернской цер-

кви посмертным одеждам Богородицы, особенно ее покрывалу - омофору, принесенному в Константинополь из Палестины св. братьями Гальвием и Кандидом, и в 474 г. помещенным в особом ларце - кивотии, храм очень скоро стал одним из наиболее почитаемых в Константинополе⁸². Знаменитая икона Влахернской Богородицы («Одигитрия»), по преданию, была написана самим евангелистом Лукой, и ее удалось спасти от уничтожения даже во времена иконоборчества⁸³. Реликвии храма получили чудотворное значение, превратились в мощнейший оберег империи, особенно после того, как ромеи приписали им избавление Константинополя от осады персов и аваров в 626 г.⁸⁴. Очевидно, херсонесский храм во имя Богородицы Влахернской, дочерний по отношению к одноименному константинопольскому, тоже имел такое же защитное значение, причем не столько военно-стратегическое, в смысле пригородной крепости - монастыря, сколько влиятельной христианской святыни. Нет сомнений, что Херсон оставался оплотом православия, «исповедующим традиционные культуры и почитающим общепризнанные святыни христианского мира»⁸⁵. Сама же идея построить у себя новый одноименный столичному храм могла родиться у херсонитов как раз к тому моменту, когда слава реликвий Влахернской Богородицы достигла апогея к концу первой трети VII в. Вот тогда-то или накануне они и решились на снос прежнего, еще не очень старого, но тесноватого кладбищенского храмика и заложили крестовидный, мемориальный, которому

оказалось суждено простоять века и пережить сам город, доверенный его небесной покровительнице⁸⁶. Примечательно, что прославленная Десятинная церковь — старейший каменный храм на Руси, завершенный в 996 г., тоже оказался связан с указанной херсонесской святыней, поскольку астрономические азимутальные расчеты осевой ориентации киевского храма позволяют считать днем его закладки 2 июля - день Положения Ризы Богородицы во Влахернах⁸⁷.

Таким образом, архитектурный строй монастыря Богоматери Влахернской начался с возведения в V в. малого раннего храма, в VI в., не ранее времени правления Юстиниана, а скорее, около середины столетия, он был снесен и заменен просторным крестовидным мавританием, после чего к концу VI - началу VII вв. последовала его доделка и одновременно переделка в церковь «обычного культа», сопровождавшаяся устройством алтаря для отправления литургии, мраморного пола, при-

стройкой помещения баптистерия с водоемом, комплекса сводчатых жилых помещений с северной стороны и, возможно, еще одного сводчатого открытого строения с сиденьями (часовни для укрытия богомольцев, особенно больных). Все это было обнесено по периметру прямоугольной или восьмиугольной оградой - периволом с кладкой opus mixtum, внутри которой находился не только мавританий, но и мощная агиасма, посвященная Богоматери - целительнице. Следовательно, в одном сооружении совмещались разные обряды - «обычный», мемориальный, крещальний и целительный культы, что в ромейском мире встречалось не часто и заслуживало исключительного значения. В таком виде монастырь Богоматери Влахернской просуществовал на протяжении всего раннего средневековья, до следующей переделки, последовавшей не ранее XI вв., всегда оставаясь для херсонитов особым святым местом с «живоносной водой».

Примечания

1. Усыпальницы, могилы были чаще всего вырубные, хотя встречались и грунтовые, особенно ближе к берегу Карантинной бухты, с южной стороны расположенного здесь крестообразного храма. См.: Отчет за 1902 год // Архив НЭХТ. - Д. № 11. - Л.28; Отчет за 1905 год // Архив НЭХТ. - Д. № 14. - Л.37.
2. Theodori Studitae orationes et epistulae // PG. - 1864. - T.99. - Col.1524 (письмо к Григорию). Остальные пять мистерий: «просвещение» (крещение); собрание или общение (synaxis), то есть Евхаристия; совершенство миропомазания; совершенство священства (рукоположение в священники или епископы); монашеское совершенство (монашеский постриг). Это отличается от перечня семи таинств, принятых католической и русской православными Церквями: крещение, конфирмация (миропомазание), Евхаристия, покаяние (исповедь), елеопомазание, брак, духовный сан (ср.: Мейendorff И. Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. - М.. 2001. - С.104).
3. Отчет за 1902 год // Архив НЭХТ. - Д. № 11. - Л.2; Извлечение из отчета К.К. Косюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. - 1904. - Вып.9. - С.31

4. См.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX в.). - СПб., 2002. - С.486, 487
5. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах / / ЗООИД. - 1881. - Т.12. - С.107 - 108
6. Сумароков П.И. Досуги крымского суды, или Второе путешествие в Тавриду. - СПб., 1803. — Ч.1. - С.205 - 206
7. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. - СПб., 1904. - Т.1. — Ч.2. - С.552
8. Отчет за 1902 год. - Л.2; Извлечение из отчета ... 1902 году. - С.31
9. Бертье-Делагард А.Л. По поводу раскопок в Херсонесе // ЗООИД. - 1906. - Т.26 (Ч.5). - С.6
10. Отчет за 1902 год. - Л.2 (размер плинф указан 35 x 23 x 4); Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.31 (размер плинф - 40 x 23 x 3,5); Фон Штерн Э. Новый эпиграфический материал // ЗООИД. - 1906. - Т.26 (Ч.5). - С.76; Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. - М., 1905. - Вып.1. - С.105. Разность обмеров плинф в архивном и изданном отчете, видимо, объясняется колебаниями длины и ширины кирпичей в 5 см, а их толщины - в 0,5 см. Толщина слоя извести была более стабильной - 5,5 см. Всего мне известно 16 случаев использования кладки opus mixtum в Таврике, из них лишь один сравнительно далеко от Херсонеса. За исключением сомнительных свидетельств относительно Восточной, Западной базилики и базилики 1932 г., остается еще 12 сооружений в городе и совсем рядом с ним. Если учесть некоторое число точно датированных памятников - реперов с такой системой кладки, можно сделать вывод, что наиболее интенсивно этот строительный прием, известный с первых веков н.э. и особенно широко распространенный в IV - V вв., в Херсоне использовали во второй половине - конце VI в. вплоть до начала VII в. В пользу этого вывода говорит также число рядов кирпича (4 - 6), типичное для ранневизантийского времени, и, самое главное, толщина слоя раствора между рядами кладки. В V в. и в постконстантиновское время этот слой примерно равен толщине кирпича, в эпоху Юстиниана I и в постконстантиновское время, он, как правило, в полтора - два раза превышает по толщине плинфу (ср.: Бобчев С. Смесената зидария в римските и ранневизантийските строежи // Известия на Археологическия институт. - София, 1961. - Т.24. - С.153 - 202; Чанева-Дечевска Н. Ранно-християнската архитектура в България IV - VI вв.. - София, 1999. - С.115; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. - М., 2002. - С.108 - 109, 127 - 129, 253).
11. Ср.: Косцишко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. - 1901. - Вып.1. - С.51 - 52, рис.44 (смежные цистерны «ж» и «з» на месте одного из помещений так называемой «казармы» и цистерна «е» в углу пилона древнегреческих ворот и 16 куртины, которые без обоснования отнесены автором отчета к «греческой эпохе»)
12. Айналов Д.В. Указ. соч. - С.111
13. Косцишко-Валюжинич К.К. Второе дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. Окончательное расследование алтарной части крестного храма в 1906 г. // ИАК. - 1906. - Вып.20. - С.96, 100
14. Это очень напоминает устройство крестового храма № 27 на агоре и крестового «храма с ковчегом» (Айналов Д.В. Указ. соч. - С.111).
15. О возможности такого стихийного бедствия, постигшего Херсонес второй четверти XI в. и потребовавшего длительных строительных восстановительных работ см.: Романчук А.И. «Слои разрушения Х в.» в Херсонесе // ВВ. - 1989. - Т.50. - С.182 - 188; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000. - С.300 - 301, 322 - 324
16. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.40, 42; Отчет за 1902 год. - Л.7 - 8 (монета с «ро» не относится к выпуску времен Романа I, как полагали долгое время).
17. Отчет за 1902 год. - Л.3

18. Lemerle P. *Philippe et la Macédoine Orientale à l'époque chrétienne et byzantine*. - Paris, 1945. - P.336
19. Кауфман С. [Рец.] // ВВ. - 1964. - Т.25. - С.253 (Khatchatrian A. *Les baptisteres paleochrétiens: Plans, notices et bibliographie*. - Paris, 1962)
20. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. - М., 2002. - С.415
21. Cp.: Dufay B. *A propos du baptême: l'évêque, la ville et la campagne* // *Actes du XIe Congress International d'Archeologie Chretienne*. Lyon - Aosta, 21 - 28 sept. 1986. - Rome, 1989. - Vol. I. - P.637 - 645; Завадская И.А. Баптистерии ранневизантийского Херсонеса // Взаимоотношения религиозных конфессий в многогнациональном регионе. - Севастополь, 2001. - С.34 - 35
22. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... - С.142, рис.40
23. Sodini J.-P. *Les églises de Syrie du Nord* // *Naissances des arts chrétiens: Atlas des monuments paleochrétiens de la France*. - Paris, 1991. - P.365; Хрушкова Л.Г. Указ. соч. - С.142 - 143
24. Cp.: Хрушкова Л.Г. Указ. соч. - С.146
25. Отчет за 1902 год. - Л.27
26. Айналов Д.В. Указ. соч. - С.109. Следует отметить, что пристройка оказалась над вырубленной в скале гробницей с двумя боковыми нишами - лежанками. Среди погребального инвентаря (нескольких бронзовых браслетов, сережек, пронизей) особого внимания заслуживает монета Феодосия I «две глиняные малые лампочки крайне грубой работы», которые относятся к V - VI вв. (Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.18, №1405).
27. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.44, рис.25; Айналов Д.В. Указ. соч. - С.114
28. Cp.: Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. - К., 1988. - С.29 - 30
29. Бертье-Делагард А.Л. О Херонесе // ИАК. - 1907. - Вып.21. - С.68 - 69, пом. Е1 и Е2
30. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.24, №1430
31. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.42 - 43, рис.23, 24
32. Бертье - Делагард А.Л. О Херонесе. - С.69
33. Отчет за 1906 год // Архив НЭЗХТ. - Д. № 15. - Л. 9 об; cp.: Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.40
34. Отчет за 1902 год. - Л.5; Бертье-Делагард А.Л. По поводу раскопок в Херсонесе. - С.4
35. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херонес // МИА. - 1959. — №63. - С.250 - 251
36. Фирсов Л.В. Ориентировка средневековых храмов Херонеса Таврического // Архив НЭЗХТ. - Д. № 868. - Л.25
37. Протонерей Александр Пелин. Топография христианского Херонеса IV - XIV века: Дисс. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. - Сергиев Посад, 2001 (рукопись). - С.77
38. Grabar A. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. - Paris, 1946. - Vol.I. - P.154 - 159
39. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. - С.110 (там же библиография)
40. Скубетов М.И. Закладные камни с крестами, встречающиеся в херсонео-византийском строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. - 1910. — № 44. - С.46 - 47, рис.3; Айналов Д.В. Указ. соч. - С.107, рис.78
41. Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения креста Господня // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). - К., 2002. - С.42 - 45, рис.59
42. Судя по процарапанным на штукатурке двум неразборчивым, похоже, надгробным надписям над нишей - аркосолием, в этом склепе были похоронены христиане, причем усыпальница, похоже, продолжала действовать вплоть до возведения большого крестообразного храма (Отчет за 1906 год. - Л.8 об. - 9; Таврическая губерния. Раскопки в

- Херсонес // ОАК за 1906 год. - СПб., 1909. - С.82 - 83, рис.88, 89; Косцюшко-Валюжинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.69 - 70.
43. Очевидно, от даты сохранились два знака с цифровым значением 99 (Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.40 - 41, рис.19, прим.1; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. - СПб., 1896. - С.27, № 14).
44. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.52, рис.31 а - б; Залесская В.Н. Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа // ВВ. - 1976. - Т.37. - С.207 - 208 (автор полагала, что это части «блюда для даров»); Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. Епископская базилика и резиденция V - VI вв. в Нове (Moesia Secunda) // Церковная археология Южной Руси. - Симферополь, 2002. - С.100
45. Хрущкова Л.Г. Раннехристианские памятники... - С.113 - 114, 376 - 377, 407
46. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - С.482
47. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.34, рис.14
48. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.19, № 1407 (подобная деталь амвона, по словам автора раскопок, была найдена в 1901 г. в Западной базилике, где, вероятно, был двухъярусный амвон константинопольского типа с возвышением - балконом); ср.: Бернацки А.Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. - Симферополь, 2002. - С.75.
49. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. - 1993. - Вып.3. - С.316
50. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование... — С.315; ср.: Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. - К., 1986. - С.542 (здесь автор ошибочно написал о наличии под первоначальным храмом или часовней только одного склепа с тремя нишами - лежанками и датировал постройку VI в. на основании найденных под плитами ее пола «монет Феодосия и Юстиниана», хотя на самом деле монет Юстиниана I здесь не было); И.А. Завадская тоже относит возведение загородного малого храма ко времени «не ранее конца IV - начала V вв.» и считает возможным видеть в нем один из самых ранних христианских храмов Херсонеса - Завадская И.А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам): Дисс. ... канд. ист. наук. / Таврический нац. университет им. В.И. Вернадского. - Симферополь, 2000. - С.130; Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. - 2000. - Вып.7. - С.79.
51. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование... — Рис.19, I; 20, 21; 22,2; 23,2; 25; ср.: Сорочан С.В., Шевченко А.В. Западнопонтийские светильники II - VI вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. - 1983. — № 238. - С.97-100, рис.5-6; 49, №94-104, 108-110; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. - 1991. - Вып.2. - С.69 - 70, №9; Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. - 1992. — № 2. - С.100 - 113; Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. - Princeton, 1992. - P.63, type 3; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. - Екатеринбург, 1995. - С.44, табл. 13, класс 22
52. Ср.: Айналов Д.В. Мемория св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды Московского археологического общества. - 1916. - Т.25 (отд. отт). — С.18; Якобсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. - 1988. - Т.49. — С.164
53. Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PG. — 1853. — T.129. — Col.686 C; Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto // Епифанович С.Л. Материалы к изу-

- чению жизни и творений преп. Максима Исповедника. - К., 1917. - С.16. 16 - 23, sec.5; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. - Cambridge (Mass.), 1936. - P.78
54. См.: Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.50, рис.29; Косцюшко-Валюжинич К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом 1906 году // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.67; Залесская В. О сюжетах двух херсонесских рельефов с «выемчатым» фоном // СГЭ. - 1976. - Т.41. - С.35 - 36, рис.1; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонаса. - Харьков, 2000. - С.487 - 489
55. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.53
56. См.: PL. - T.87. - Col.506; Айналов Д.В. Мемории ... - С.18
57. Такую же ошибку допускает А. Пелин, полагающий, что папа Мартин I был погребен «в уже готовый храм» (Протоиерей Александр Пелин. Топография... - С.77). Под последним действительно существовали склепы, в которых, судя по монетам Василия I (867 - 886), Романа I - Христофора (920 - 944), вплоть до X в. включительно совершали многочисленные ингумации на полу и в нишах-лежанках, в том числе в буковых корытообразных гробах (Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.19 - 20, №1409 - 1411, табл.1), однако при господстве монофелитов едва ли было бы возможно сразу похоронить отступника непосредственно в мартинии столь почитаемой церкви, связанной с памятью о «святом могильнике», вероятно, легендарных первых мучеников Херсонесских (ср.: Commemoratio eorum, quae saeriter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae ... // Mansi J. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... - Florentia, 1764. - Т.10. - Col.861; Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum. — Col.686 C; Istoria syntomas ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes... - С.16. 16 - 23, sec.5).
58. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.19 - 20, табл.1; Отчет за 1906 год. - Л.8; Косцюшко-Валюжинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.69; №1406; Якобсон А.Л. Ранне средневековый Херсонес // МИА. - 1959. - №63. - С.252, 261
59. Хрущкова Л.Г. Раннехристианские памятники... - С.400
60. Ср.: Lassus J. Sanctuaires chretiens de Syrie. - Paris, 1944 (1947). - P.182, 216, 306 - 307
61. Ср.: Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum. - Col.686 C; Istoria syntomas... — С.16. 16 - 21, sec.5 (речь идет о погребении в монастыре св. Евпрепия, умершего в Херсоне в один год с папой Мартином). Очевидно, за размер стадия был взят наибольший, ионнийский стандарт (210 м.), поскольку монастырский комплекс находился не ближе, чем в 250 м от 20-й куртины и фланговой башни Зинона (№XVII). О том, что на прилегающем участке раннеизавитийского кладбища, охватывавшем площадь около 2 тыс. кв. м и насчитывавшем больше полутора тысяч погребений, хоронили видных, особо почитаемых духовных особ говорит находка в насыпи здешнего некрополя бронзового позолоченного навершия пастырского посоха в виде полумесяца с крестом внутри (одного из двух известных аналогичных), а в некоторых склепах и вырубных могилах - подсвечника, бронзовыя круглыя курильницы на трех цепочках, лампадной цепи в сочетании с серебряным нательным крестом и бронзовыя монетой Юстиниана I, куска кипарисовой доски, по-видимому, от гроба и остатков ткани с золотной вышивкой (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. - СПб., 1893. - С.34; Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 год. - СПб., 1895. - С.74, № 44; Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Крондауковым. - СПб., 1891. - Вып.4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. - С.24; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. - Д. № 14. - Л.43; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. - 1907. - Вып.25. - С.125, вырубная, не покрытая плитами могила №2122; Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х. сб. - 1927. - Вып.2. - С.195, склеп №31 / 1909 г.; Залесская В.Н. Утверждение христианства в Херсонесе и на Боспоре по данным вещественных памятников // Цер-

- ковная археология. - СПб.; Псков, 1995. - Т. I. - С.52). Примечательно, что известняковое надгробие с точно таким изображением - вырубленным вглубь полумесицем и греческим равносторонним крестом было найдено в этом же некрополе в ограбленном склепе № 2130 со скругленными углами и с двумя боковыми нишами - лежанками, где кости лежали в беспорядке (Косцюшко-Валюжинич К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.52). VI - VII вв. датируется еще одно надгробие из песчаника в виде креста, на котором была вырезана надпись «О памяти и упокоении Стефана, Стефана и Христофора пресвитеров. Аминь» (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. - СПб., 1893. - С.35, №19; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. - СПб., 1896. - С.31 - 32, № 24; Византийский Херсон. Каталог выставки. - М., 1991. - С.28, № 13). Очевидно, знатные, состоятельные херсониты-христиане стремились упокоиться поближе к «святым могилам», о которых упоминает источник. Недаром здесь и на противоположном берегу Карантинной бухты открыто восемь склепов с настенной фресковой живописью, изображающей стеклянный сосуд для причастия, павлинов, голубей или куропаток, гирлянды, цветы, то есть райский сад, а на потолке - лавровый венок, который являлся символом Царства небесного, победы над смертью. Место же, близкайшее к храму, было наиболее почетным и на его обустройство в свое время тратились громадные средства. Так, одна из гробниц у храма оказалась выложена мраморными плитами, украшенными рельефными крестами и орнаментом, а рядом лежала напольная мозаика, к сожалению, почти погибшая, так как роскошная усыпальница, очевидно, не имела покрытия (см.: Зубарь В.М., Хворостянный А.И. От язычества к христианству. - К., 2000. - С.58 - 88, рис.21; с.144 - 154; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... - С.483 - 485).
62. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. - 1904. - Вып.9. - С.33 - 34; Косцюшко-Валюжинич К. Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. - 1905. - Вып.16. - С.111; Айналов Д.В. Развалины храмов. - С.109; Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе - С.64. Весьма близкий состав имел заклад у водослипного канала баптистерия около Уваровской базилики: он включал 22 бронзовые монеты от Валентинiana I до Маврикия, причем монет Юстиниана I тоже было большинство — 12 (Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе. — С.74 - 79). Поэтому, не исключено, что среди названных выше 5 монет, оставшихся не определенными в силу плохой сохранности, могла находиться монета Маврикия.
63. Следует также учесть, что купель была пристроена к стенке апсиды, покрытой уже двумя слоями штукатурки, то есть пережившей два ремонта, а само помещение, ставшее крецальней, как уже сказано, было в свою очередь пристроено к капитальной стене храма (с переделкой двух окон в две двери). Следовательно, баптистерий несколько старше храма, и только. Отнесение храма к X в., или даже позже, на основании случайных признаков — находок нескольких фрагментов поздневизантийской керамики под мозаичным полом храма и в кладке безусловно позднего синтранта, а также монеты с монограммой «ρο» едва ли не конца XI - XIII вв. в кладке одной из внутренних, явно позже и наспех сооруженных стен, весьма сомнительно (ср.: Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма ... - С.294, 302-303, 316-317; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. - 1959. — № 63. - С.206 - 207; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. - М.; Л., 1964. - С.155, прим. 78). Скорее, в это позднее время большой храм, уже известный составителю макрия папы Мартина, дописывавшего концовку жизни вскоре после смерти мученика в 655 г., перестраивался, на что указывают наличие у него нового перекрытия, заклады боковых дверей и переделка первоначальной крестовидной формы, присущей византийским храмам - макриям, построенным не позже VII в., в обычный храм с обособленным алтарем в восточной части здания. Тогда не надо будет обвинять К.К. Косцюшко-Валюжинича и его рабочих в небрежности, едва ли не винить их за то,

- что они нашли «подозрительный» заклад с монетами эпохи Юстиниана I или, того лучше, изобретать умозрительную, надуманную, сказочную версию о том, что «в позднее время в постройке храма мог быть сделан, как бы в воспоминание о прежнем храме, заклад из тех именно монет, которые по времени соответствовали первому, уже не существующему храму». Поздней постройке храма не соответствует также устройство типового вырубного склепа под ним, поскольку такие сооружения уже не возводились в X - XI вв. Между тем, усыпальница № 1406, обнаруженная в 1902 г., была сооружена, очевидно, уже после возведения крестообразного храма под его правой (южной) ветвью, причем над двухступенчатым входом в нее в свою очередь, а значит, еще позже, было возведено помещение, в котором со временем была устроена купель. Над усыпальницей оказалась типичная вырубная могила более раннего времени, которую строители склепа заложили бутовым камнем на известии. Поверх же прошел мозаичный пол храма, причем местами через щели в могилу просочился цемянковый раствор (см.: Извлечение из отчета... в 1902 году. - Табл. I; Косцишко-Валюшинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год. — С.69; Отчет за 1906 год. - Л.8). Л.В. Фирсов верно заметил, что «отказавшись от ранней даты не просто объясняет постройку храма на некрополе Херсонеса, если сам некрополь возник здесь еще в раннем средневековье». Еще труднее объяснить как и почему здесь с V - VI вв без перестроек и обновлений вплоть до X - XI вв. мог просуществовать малый ранний храм.
64. Khatchatrian A. Origine et typologie des baptistères paleochrétiens. - Mulhouse, 1982. - P.76
65. Ротач А.Л. К изучению мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе // ВВ. - 1967. - Т.27. - С.333; Завадская И.А. Еще раз о датировке загородного крестообразного храма // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. - Севастополь, 2002. - С.14. Входящие в состав мозаичного ковра медальоны с изображением листвьев, цветов, плодов, животных находят очень близкие аналогии среди ранневизантийских храмов Иордания (церкви св. Исаия в Джераше, 559 г.; церковь св. Георгия, приблизительно 560 г., церкви св. Апостолов, 578 г., дворец Буренд конца VI - начала VII вв. в Мадабе; комплекс св. Стефана, церковь епископа Сергея, 587 - 588 гг., так называемые «церкви рек», конец VI в., «церкви пальмы», начало VII в. в Умм Аль Расасе) (см.: Picirillo M. The Mosaics of Jordan. - Amman, 1997; Harrison T. Madaba: Cultural Heritage. - Amman, 1996; The Ummayyads. The Rise of Islamic Art. - Amman, 2000. - Р.102, 106).
66. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... - С.634 - 637
67. Commemoratio... - Col.861; PL. - 1851. - T.87. - Col. 120; Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum. - Col.686 C; Istoría syntomos ta kata ton makarion Martinon... - С.16. 16 - 23, sec.5; Айналов Д.В. Мемориин св. Клиmenta и св. Martina... (отд. оттиск) - С.17; спр.: Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе. - С.45; Домровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма... — С.309
68. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.47, 48 (всего в галерее насчитывалось 30 таких вырубленных в скале углублений, покрытых копотью).
69. PL. - T.89. - Col. 520
70. Baronius C. Annales ecclesiastici. - Moguntiae, 1604. - T.8. - Ann. 654
71. См. Залесская В.Н. Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. - СПб., 1994. - С.159, № 252; Залесская В.Н. Прикладное искусство Византии IV - XII вв. - СПб., 1997. - С.30. Практика устройства св. источников - агиасм была известна и за пределами раннесредневекового Херсона. К примеру, небольшая скальная часовня с агиасмой входила в состав «пещерного» монастыря, расположенного на северо-восточном склоне Тепе-Кермена (Петровский В.А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. - К., 2002. - С.93 - 96). Память о них долго сохранялась даже среди крымских мусульман, которые называли такую святую воду аяской, в чем легко улавливается исконное греческое название (Смирнов В.Ф. Крым-

- ское ханство. - СПб., 1887. - С.7 - 8) Почитание таких мест и вера в целебные свойства подобных источников нашли отражение в топонимике Крымского полуострова. Так, название Аласма носит местность в районе Мухалатки (Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. - 1881. - Т.12. — Ч.1. - С.144). Асмой именуется приток Салгира (Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч.3. - СПб., 1875. - С.101). Аязма - кая (Кильсе-Кая) - воззвщенность в среднем течении р. Отуз, возле урочища Ялы-Богаз, к югу от с. Щебетовка (быв. Отуз). На возвышенности лежат руины церкви, а ниже находится родник (Белянский И.Л., Лезина И.Н., Супранская А.В. Крым, географические названия. - Симферополь, 1988. - С.27). Аязма - прибрежное урочище с одноименным источником к востоку от Балаклавы. До 20-х гг. XX в. место посещалось греками из Балаклавы и с. Камара (ныне Оборонное), равно как и татарами из сел Варнитской долины в «водолечебных» целях, а также для совместного празднования пасхи и навруза. Выше и западнее источника здесь лежат остатки храма, а ниже к западу расположен еще один храмовый комплекс (Разведки А.В. Иванова, О.Я. Савели, А.А. Филиппенко; Иванов А.В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. - К., 2001. — С.232). Аязма - св. источник в с. Крачел (ныне - Чернополье, Белогорского р-на), издавна почитаемое место, ныне благоустроенное для проведения православных обрядов в связи с восстановлением прихода при церкви Св. Царей Константина и Елены (построена в 1912 г.). Аязма - лесное урочище с источником в 4 км к югу от с. Дозорное (бывшее Уйшунь) Белогорского р-на. Рядом с источником на всхолмлении развал камней размерами около 6 x 8 м, возможно, следы храма. Старожилы близлежащих сел Дозорное и Кизиловое (Джемрек), которые до 1778 г. были греческими, припоминают, что это глухое ныне место прежде было весьма популярным (подборка сведений о крымских топонимах, являющихся калькой с греческого термина агиасма, любезно предоставлена мне А.В. Ивановым, за что хочу выразить ему благодарность).
72. См.: Bakalopoulos A.A. *Istoria tes Thessalonikes*. - Thessalonike, 1983. - Р.35-36; Залесская В.Н. Прикладное искусство Византии ... - С.32; Сорочан С.Б. Византия IV - IX веков: этюды рынка. - Харьков, 1998. - С.225-226, 241-242
73. Ср.: Donceel-Voutre P. *L'invitabile chapelle des martyrs: identification // Martyrium in multidisciplinary Perspective: Memorial L. Reekmans / Ed. M. Lamberigts, P. Van Deun*. - Leuven, 1995. - Р.191, п.42
74. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование... — С.310
75. См.: Извлечение из отчета К.К. Косянко-Валюжинича... в 1902 году. - С.44 - 45, табл. II. О значительности, фундаментальности сооружения свидетельствует его долгая сохранность даже после того, как оно не поддерживалось в рабочем состоянии. В конце XVIII в. посетивший эти места П.С. Паллас принял водоносную галерею под руинами здания за «развалины подземного водопровода» (Путешествие по Крыму... - С.107 - 108). А.Л. Бертье-Делагард отмечал, что колодец и связанный с ним «подземный ход» не забывался вплоть до Крымской войны, когда он был заложен, чтобы не дать противнику воспользоваться водой (Бертье-Делагард А.Л. По поводу раскопок в Херсонесе // ЗООИД. - 1906. - Т.26 (Ч.5). - С.8). Качество этой воды было к тому времени уже подпорчено стоками, но это не значит, что оно было таким в период функционирования монастырского комплекса. Примечательно, что К.И. Габлиц, описывая подземную галерею в «Изъяснении плана развалин древнего Херсона» по съемке 1786 г. упомянул о ее колодце «с чистою пресною водою, которая истекает из окна и, разливаясь по пещере в обе стороны, скрывается неизвестно куда» (см.: Тункина И.В. Русская наука... - С.486).
76. Очевидно, при устройстве колодца в его стене вырубили выемки для ног. Сооружение было найдено полностью засыпанным землей, содержащей кости животных и людей (Отчет за 1905 год // Архив НЭХТ. - Д. № 14. - Л.43; Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. - СПб., 1908. - С.56 - 57, рис.63 а - в, табл.VI;

- Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. - 1905. - Вып.25. - С.125 - 126, рис.17 а - в).
77. Годзишевский А. И. Исследование воды из колодца, прилегающего к южной стене «крестного храма», открытого в 1902 г. 2. Исследование воды из 2-го колодца, открытого в 1905 г. при раскопках некрополя с южной стороны того же «крестного храма» // ИАК. - 1907. - Вып.25. - С.170 - 171
78. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе. - С.45; Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма... — С.309
79. См.: Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя // Труды VI Археологического съезда в Одессе. - Одесса, 1887. - Т.3. - С.14 - 27; Janin R. La geographie ecclesiastique de l'Empire byzantine. Les eglises et les monasteres. - Paris, 1953. - Р.169 - 179, 249; Влахерны // Христианство. Энциклопедический словарь. - М., 1993. - Т.1. - С.369
80. Ср.: Janin R. Op. cit. - Р.225 - 227
81. Мейндорф И. Византийское богослужение. Исторические направления и вероучение. - М., 2001. - С.288 - 289, 333 - 335
82. Память о положении Риз Богородицы во Влахернах ежегодно празднуется Церковью 2 июля (см.: Поселянин Е. Богоматель. Полное иллюстрированное описание ее земной жизни и посвященных ее имени чудотворных икон. - К., 1994. — Ч.2. - С.407 - 409; Полный православный богословский энциклопедический словарь: Содержит объяснения всех св. православной Церкви, ее учения и жизни и понятий по вопросам богословским. - М., 1992. — Ч.1. - Стлб. 1835; Риза Православной Богородицы // Христианство. Энциклопедический словарь. - М., 1995. - Т.2. - С.488).
83. Полный православный богословский энциклопедический словарь. - Стлб.534
84. Cameron A. The Virgins Robe. An Episode in the History of Early Seventh - Century Constantinople // Byzantium. - 1979. - Vol. 49. - Р.42 - 47
85. См.: Алексеенко Н.А. Христианские сюжеты на печатях представителей херсонесской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. - Севастополь, 2001. - С.51
86. С.П. Шестаков предположил, а Д.В. Айналов убедительно доказал, что именно в этом загородном храме Богородицы, согласно «Слову о том, како крестися Владимир, возъя Корсунъ», приняла крещение дружина князя в 989 г. (см.: Шестаков С. К вопросу о месте крещения св. Владимира. - Казань, 1908. - С.16 - 17; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в IV-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. - М., 1908. - Вып. 3. - С.89 - 90; Айналов Д.В. Мемории св. Клиmenta и св. Martina... - С.20 - 22).
87. Кабанец Е.П. Про посвяту Десятинной церкви // Археология. - 2000. — № 4. - С.60 - 61

О СУДЬБЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ И.П. БЛАРАМБЕРГА¹

Иван Павлович, или Жан Море, де Бларамберг (1772-1831), член-корреспондент Берлинско-Бранденбургской Академии наук, Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Общества древностей Калькутты, Московского общества истории и древностей российских, первый директор Одесского и Керченского музеев древностей, известен как один из первых русских археологов и коллекционеров древностей. Его дом в Одессе в первой трети XIX в. являлся археологическим музеем и центром общественной и научной жизни города.²

Чрезвычайно плодотворной была научная деятельность антиквария на поприще изучения античного Причерноморья. В 1810-х-начале 1820-х гг. Бларамберг установил широкие контакты с западноевропейскими антиковедами, в частности с французским ученым Д. Рауль-Рошеттом и создателем греческой эпиграфики берлинским профессором А. Бёком. Благодаря содействию одесского антиквария и друга И.А. Стемпковского Бларамберг в 1822 г. издал в Париже два исследования: первое об Ольвии и ее монетах,³ второе - описани находит из кургана Н.Ю. Патиньоти близ Керчи, с посвящением герцогу А.Э. де Ришелье.⁴ Значительное число мелких заметок и статей Бларамберга рассеяно в русских и иностранных газетах - они требуют отдельного выявления.⁵ Однако некоторые статьи

Бларамберга остались неизданными или были опубликованы в неполном виде. Мои многолетние поиски документов одесского антиквария позволили обнаружить автографы многих исследований и писем Бларамберга в архивных, библиотечных и музеиных собраниях Одессы, Киева, Москвы и Санкт-Петербурга. Особенно важно то, что ряд рукописей содержит детальные описания и рисунки памятников археологического собрания Бларамберга.

Примерно с 1811 г. антикварий стал собирать свою знаменитую коллекцию античных древностей, главным образом ольвийских. Состав собрания Бларамберга, большей частью поступившего в Одесский музей древностей, известен не только по литературе, но и по архивным документам.⁶ Сохранилась составленная секретарем Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевичем опись мраморам коллекции Бларамберга, в 1842 г. поступившим в Музей ОOID из Одесского городского музея древностей.⁷ Основную часть собрания составляли: 1) лапидарные эпиграфические памятники, круглая и рельефная скульптура из мрамора и известняка; 2) керамика: амфоры, керамические клейма, расписные и чернолаковые вазы, терракотовые светильники и статуэтки; 3) предметы декоративно-прикладного искусства и быта из металла; 4) богатейшая коллекция монет из При-

черноморья, которое собиратель называл «Нумизматическим Периплом Понта Эвксинского»; 5) мраморы, фрагменты керамики, монеты, найденные при раскопках святилища Ахилла на Тендровской косе; 6) античные памятники из Болгарии, Греции⁸ и Италии, в том числе найденные в Геркулануме и Помпеях; 7) древнеегипетские древности.

Несколько манускриптов и рисунков И.П. Бларамберга⁹ через 10 лет после смерти антиквария, в 1841 г., было приобретено Одесским обществом истории и древностей за 1150 р. ассигнациями у сына археолога, полковника Владимира Ивановича Бларамберга, в то время адъютанта Владетельного Господаря Валахии в Бухаресте. Последний сообщил, что большая часть архива отца должна была находиться у старшего брата, петербургского полицмейстера полковника Ипполита Ивановича Бларамберга, у служившего в Грузии младшего брата, подпоручика Кавказского саперного батальона Михаила Ивановича Бларамберга, или у частных лиц. Общество получило официальное разрешение детей Бларамберга на публикацию в своих записках неизданных трудов ученого.¹⁰ Архив ОИД, хранившийся в Одесском археологическом музее (ОАМ НАНУ) и в областном архиве Одессы (ныне ГАОО), в годы Второй мировой войны был частично вывезен оккупантами в Румынию, но вернулся не в Одессу, а в Киев и ныне хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского. Входившие в его состав рукописи Бларамберга сохра-

нили старые шифры библиотеки ОИД и ОАМ.

Рукописи Бларамберга, приобретенные ОИД, были изучены секретарем общества Н.Н. Мурзакевичем. По его мнению, они делились на две части - изданные и неизданные исследования. К неизданным он отнес: 1) «Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride dans la partie du Bosphore Cimmerien. Avec une carte ou plan particulier du Bosphore, accompagné de plusieurs plans et traces approximatives» (1831).¹¹ В своих записках общество издало лишь эту работу, но, как мне удалось установить, не в полном виде - «Замечания на некоторые места древней географии Тавриды» в русском переводе, выполненным действительным членом ОИД, инспектором Ришельевского лицея Г.И. Соколовым;¹² 2) «Mélanges archéologiques, contenant monumens antiques découverts dans la nouvelle Russie: Sectiones I, II, III et IV»; 3) «Description de six vases antiques en terre cuite, découverts dans des tombeaux grecs, aux environs de Nola en Campanie, avec tables»,¹³ в сопровождении альбома рисунков «Dessins colorés représentant différents sujets figures sur six vases de terre cuite découverts en Campanie dans des tombeaux antiques»;¹⁴ 4) «Description de différents objets précieux découverts, avec d'autres antiquités près de Kertch dans un terre funéraire des Panticapeens, contenant 4 tombeaux»; 5) «Aperçu, ou notice explicative de quelques objets d'antiquité découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée»; 6) «Conjectures sur le site

du temple de Diane ou d'Iphigenie en Tauride»;¹⁵ 7) «Dissertation sur une tête de marbre antique, découverte sur la rive droite du Dniester, près de la forteresse d'Ak-Kerman»;¹⁶ 8) рисунки и планы к этим сочинениям; 9) списки греческих надписей из разных мест.

Н.Н. Мурзакевич посчитал опубликованными следующие рукописи: 1) «Notice sur Olbiopolis ou Olbia» (1822); 2) «De positions des trois forteresses Tauro-Scythes» (1831); 3) «Cartes et dessins se rapportant à la découverte récente de différentes antiquités, trouvées près de la ville de Sympheropol en Tauride».¹⁷ К разделу «Смесь» секретарь ООИД отнес следующие работы: 1) «Catalogues de différentes antiquités du Cabinet de Blaramberg» (в опубликованном сообщении о приобретении рукописей упомянута работа «Quelques antiquités découvertes en différents temps dans la Bessarabie d'aujourd'hui, dans les ruines d'Olbia et dans celles des villes de Chersonese et de Panticapée en Tauride»); 2) «Collection d'antiquités d'Olbia, achetée par la ville d'Odessa, du conseiller d'Etat de Blaramberg et conservée au musée de cette ville»; 3) Musee de Kertch; 4) несколько листков, содержащих отрывки из разных сочинений И.П.Бларамберга.

По решению общего собрания членов общества, эти рукописи были переданы на предварительное рассмотрение Н.Н.Мурзакевичу, А.Ф. Панагиодор-Никовулу, А.Ф. Спаде и Э.В.Тетбу де Мариньи.¹⁸ Тем не менее, как оказалось, многие атрибуции и само описание приобретенных документов, составленное Н.Н.Мурза-

кевичем, оказалось неполным и неточным - к опубликованным он причислил неизданные рукописи, и наоборот, неизданными посчитал опубликованные работы. До нас дошли и иллюстрации к рукописям, выполненные самим Бларамбергом и его сыновьями - Ипполитом, Владимиром и Михаилом. Действительный член общества А.Я. Фабр подарил обществу письма И.П. Бларамберга по археологии античного Причерноморья.¹⁹ Сохранилась и переписка Бларамберга с Новороссийским генерал-губернатором М.С. Воронцовым, главным образом касающаяся научной, научно-организационной и собирательской деятельности ученого.²⁰

Бларамберг проводил раскопки в Ольвии (с начала 1810-х гг.), Одессе (1826-1827),²¹ Неаполе Скифском (1827), в окрестностях Керчи (с 1826 г.). Одной из наиболее занимавших антиквария тем была история и археология милетской колонии Ольвии. За многие годы Бларамберг собрал значительную коллекцию ольвийских древностей, куда вошли лапидарные памятники, круглая и рельефная скульптура, керамика, мелкая пластика, амфорные ручки и черепица с астиномными клеймами, изделия из металла, украшения, а также богатейшее собрание монет Ольвии. Одним из источников поступления новых памятников в его собрание стали раскопки на городище и некрополе. Вероятно, в них принимал участие и И.А. Стемпковский. Известно, что в руинах города им были найдены и идентифицированы две неизвестные ранее монеты с именем скифского царя Скилура, медаль которого

чеканилась в Ольвии между 140 / 135-115 / 110 гг. до н.э.

Результатом археологических исследований И.П. Бларамберга явилась серия статей об Ольвии, из которых наиболее известна одна - изданная в Париже (1822) брошюра о монетах полиса из его собрания, с кратким историческим очерком Ольвии и с приложением рисунков 225 монет и плана местности у села Ильинского. За 12 лет коллекционирования через руки Ивана Павловича прошло несколько тысяч ольвийских монет, о чем он сообщал в письме к П.И. Кёппену от 12 мая 1823 г.²²

Среди рукописей Бларамберга в собрании ООИД хранится статья «Notice sur Olbiopolis ou Olbia». Эта историческая заметка об Ольвии скорее всего относится к 1818-1822 гг., так как она заканчивается анализом декрета в честь Протогена.²³ Вероятно, именно Бларамбергу принадлежит анонимная статья во французском издании «Одесского вестника» с описанием местности Ольвии.²⁴ Еще одна неопубликованная рукопись Бларамберга «Olbia: Denkmäler und Inschriften von ihr» в двух частях обнаружена в 1993 г. Ю.Г. Виноградовым в архиве А. Бёка в Институте Inscriptiones Graecae в Берлине. Вторая часть целиком посвящена декрету в честь Протогена. Ссылки на издания «едва перешагивают рубеж первой и второй четвертей XIX в.». На этом основании Ю.Г. Виноградов предположил, что автором рукописи могли являться либо П. Кёппен, либо Е. Кёлер.²⁵ Располагая ксерокопиями четырех листов, любезно предоставленных мне Ю.Г. Виноградовым, и

сличив почерк этого труда с рукописями Бларамберга, хранящимися в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге, я пришла к однозначному выводу, что они принадлежат одному человеку - писцу, переписывавшему с рукописных оригиналов написанные бисерным почерком труды одесского антиквария, возможно, кому-то из его сыновей или дочерей. Это подтверждается наличием ряда несуразностей в воспроизведении ординарного текста 17-строчной надписи из Очакова с посвящением Аполлону Простату, вероятно, второй четверти II в. до н.э., которые вряд ли могли допустить специалисты. Известно, что именно Бларамберг был информатором А. Бёка об ольвийских лапидарных памятниках при подготовке свода греческих надписей, за что и был избран членом-корреспондентом Берлинской Академии наук (1830).

В архиве Эрмитажа сохранились две рукописи Бларамберга на французском языке, переписанные набело той же рукой, что и берлинская, - «Description de quelques medailles grecques, de quelques anses d'amphores, briques, et fragmens de vases de terre cuite, ainsi que de 100 medailles Romaines imperiales en argent trouvées dans l'enceinte de l'ancienne ville d'Olbie appartenant à Mr. le Comte Kuschelef-Besborodko»²⁶ и «Description de plusieurs objets trouvés à Olbia», которые характеризуют ольвийские древности из собрания графа А.Г.Кушелева-Безбородко, владельца городища Ольвии, большей частью хранившиеся в имени Стольное Черниговской губ.²⁷ Бларамбергом был составлен нео-

публикованный алфавитный «Ономастический список граждан Ольвии» с перечнем имен и должностей, занимаемых ими в городском управлении, составленный по надписям, монетам и другим источникам.²⁸

До нас дошла неопубликованная рукопись Бларамберга на французском языке «Antiquites decouvertes en differents temps dans les ruines d'Olbia et conservees dans le Cabinet du Conseiller d'Etat de Blaramberg a Odessa» (Древности, обнаруженные в разное время на развалинах Ольвии и хранящиеся в кабинете статского советника Бларамберга в Одессе). Она занимает первую из четырех тетрадей, включающих текст с описаниями памятников Причерноморья - «Melanges archeologiques, contenant monumens antiques decouverts dans la nouvelle Russie: Cahier I». Первая тетрадь представляет собой продолжение парижской статьи Бларамберга 1822 г. об ольвийских монетах его кабинета, написанное под влиянием положительных откликов в европейских журналах. Она состоит из предисловия и собственно описания древностей, найденных в Ольвии²⁹ - светильников, астиномных клейм на амфорах и черепице, терракотовых статуэток, мраморных барельефов, произведений мелкой пластики из керамики и металла, ольвийских монет. В архиве М.С. Воронцова сохранились 7 таблиц с карандашными рисунками древностей к этой работе,³⁰ позволяющие паспортизировать ряд памятников ОАМ НАН Украины из собрания Бларамберга.

Вторая часть исследования Бларамберга («Melanges archeologiques.

II Cahier: Dissertation sur la Course d'Achille et sur l'ile Berezan jadis consacree a ce Heros, avec 5 planches et une carte geographique») также осталась неопубликованной. Она посвящена локализации острова и бега, посвященных Ахиллу в Понте Эвксинском. Одной из целей своего исследования Бларамберг считал снятие разногласий из-за путаницы в работах древних историков и географов по поводу названия «остров Левка»: одни давали его острову, расположенному около Борисфена (о. Березань), другие - Фидониси (ныне о. Змеиный), расположенному недалеко от устья Дуная. Бларамберг доказывал присутствие на Березани (Борисфениде, отождествляемой им со средневековым о-вом Св. Эйфера) в античную эпоху культа и храма Ахилла, наряду с другим островом Ахилла - Фидониси. В надписях, найденных на острове Березани, герой назван Ахиллом Понтархом, т.е. «покровителем Понта Эвксинского, и плававшие в сем море греки считали его путеводителем своим в опасных водах Эвксинских». И.П. Бларамберг писал: «Вне всякого сомнения, что территория, принадлежавшая ольвийским политам,.. должна была простираться по сухе далеко за пределы города... Нынешний остров Березань составлял часть владения греческой колонии».³¹ На приложенной к тексту его сочинения («Melanges archeologiques. II Cahier») табл. V изображены березанские памятники из собрания Бларамберга - две кадписи с посвящениями Ахиллу Понтарху (№ 1 - IPE, I2, 130, опубликована Латышевым с отличиями с точки зре-

ния сохранности текста; № 2 - надпись с первыми тремя аналогичными строками, в IPE отсутствует), а также № 3 - фрагмент барельефа с правой рукой «дискобола» (по Бларамбергу, на самом деле с изображением фиалы) и левой рукой другого «атлета», опущенной вниз, который скорее всего изображает сцену возлияния у алтаря.

Значительная часть диссертации посвящена доказательству локализации на северной оконечности Тендровской косы (Ахиллова бега, или дрома) святилища Ахилла. Там в 1824 г. военные моряки раскопали часть низкого «холма» в виде опрокинутого чайного блюдечка и обнаружили фрагменты мраморных барельефов, посвятительные надписи, а также более 1200 античных монет. И.П. Бларамберг занялся изучением тендровских находок и опубликовал несколько работ, одна из которых называется «Рассуждение о ристалище Ахилла». ³² Рассмотрев свидетельства Страбона, Помпиона Мелы, Птолемея и безымянного автора Перипла Понта Эвксинского, он пришел к выводу, что ристалище Ахилла находилось именно на Тендре, а не на Кинбурнской косе, как полагали некоторые ученые. Найденные здесь монеты и другие «антики» Бларамберг рассматривал как жертвоприношения Ахиллу, покровителю Понта. «Надобно заключить, - писал Иван Павлович, - что поблизости от этой кучи пепла существовал алтарь на открытом воздухе или храм, посвященный Ахиллу, независимо от тех, который ольвиополиты возвели этому герою в своем городе и на острове Березань». ³³ Бларам-

берг сообщал, что он намерен опубликовать и более подробное описание открытый на Тендровской косе в «Одесском вестнике».

В «Рассуждении о ристалище Ахилла» И.П. Бларамберг ссылается на готовые, но еще не опубликованные таблицы к сочинению «известного антиквария» о находках на Тендре, которое якобы находилось уже в печати, но так и осталось неизданным. Зная о существовании рисунков, я безуспешно пыталась обнаружить их в течение 15 лет. И вот в 1994 г. в фамильном фонде Воронцовых в Русской секции архива Санкт-Петербургского института истории РАН мне удалось обнаружить подлинные графические изображения находок на Тендре на 5 таблицах с картой Северо-Западного Причерноморья, выполненные сыном И.П. Бларамберга Владимиром. Таблицы переплетены в особой тетрадке под названием «*Melanges archeologiques. II Cahier*» с экслибрисом М.С. Воронцова.³⁴ Здесь же хранится еще один список описания находок на французском языке в особой тетради «*2 Cahier. Dissertation sur la Course d'Achille [??OMO? AXI??E??] et sur l'ile de Berezan jadis consacree a ce Heros*»,³⁵ представляющий собой оригинал статьи И.П. Бларамберга «Рассуждение о ристалище Ахилла» с добавлениями целой главы из оставшегося неизданным описания ольвиийских древностей его кабинета.

В архиве М.С. Воронцова собраны иллюстрации ко всем четырем тетрадям «*Melanges archeologiques, contenants monuments antiques decouverts dans la nouvelle Russie*:

Sectiones I, II, III et IV». В третьей (III Cahier³⁶) и четвертой (IV Cahier)³⁷ тетрадях иллюстраций представлены рисунки Владимира Бларамберга, главным образом ольвийских памятников собрания отца. Тексты с объяснениями к ним сохранились в архиве ООИД,³⁸ а в документах Общества истории и древностей российских при Московском университете представлено полное оглавление всех четырех тетрадей и таблиц к статье «Monuments antiques decouverts dans la nouvelle Russie, en partie dans l'ancienne Sarmatia Europeenne et en partie dans le Chersonese Taurique, publies et accompagnes d'un texte explicatif».³⁹ В письме, отправленном председателю МОИДР А.А. Писареву от 16 мая 1825 г., Бларамберг сообщал, что намерен «издать в непродолжительном времени на французском языке необширное, но... любопытное сочинение, коего заглавие, предисловие и означение предметов, изображенных на 24 рисунках, имеющих быть литографированными в Париже или Санкт-Петербурге с приличными изъяснениями», которое он направляет на рассмотрение общества.⁴⁰ Однако эта работа также осталась неопубликованной.

Став директором Керченского музея древностей, Бларамберг в 1826 г. начал археологические исследования в Восточном Крыму с целью поиска древностей для вновь открытого музея. В работах участвовали П. Дюбрюкс, фактически руководивший полевыми работами, младший сын Бларамберга - Михаил, «практикованный гробокопатель» Дмитрий Семенов. По итогам раскопок семей-

ной усыпальницы с трупосожжениями пантикеапской семьи конца I в. до н.э. - начала I в. н.э., И.П. Бларамбергом была написана оставшаяся неопубликованной статья «Description de differents objets precieux decouverts avec d'autres antiquites pres de Kertch, dans un tertre funeraire des Panticapeens, contenant 4 tombeaux»⁴¹ со ссылками на «раскрашенные» рисунки. Ее рукопись сохранилась в двух редакциях в материалах Одесского общества истории и древностей. Первая редакция статьи скорее приближена к полевому отчету и содержит лишь осторожные исторические выводы. Вторая редакция полна научообразных рассуждений, в ней изменена нумерация погребений, встречается путаница в перечнях вещей и принадлежности их к определенному комплексу.⁴² К сожалению, иллюстрации к этой работе, на которые ссылается автор, мне обнаружить не удалось.

В 1827 г. вместе с Дюбрюксом и своими сыновьями Михаилом и Владимиром Бларамберг занимался главным образом историко-археологическим обследованием Керченского полуострова с целью локализации древних городов и поселений Европейского Боспора: «С некоторых пор я много работаю над подготовкой к будущим исследованиям, которые предлагаю осуществить в тех же самых местах,... чтобы проверить местоположение древнего... Китея, ... Я предлагаю, согласно указанию в стадиях анонимного автора перипла Понта Ексинского, что развалины его есть те, что видны примерно в 6 верстах на юго-запад от мыса Такиль (Такиль-

Бурун), где, по всей вероятности, тот самый мыс, на котором был расположен... город Акра, о котором говорит Страбон и другие древние авторы», — писал он М.С. Воронцову 9 января 1827 г. В другом письме от 19 марта 1827 г. Бларамберг сообщает: «Кажется мне удалось установить..., что место, которое современные географы указывают на основании неясной и неточной карты Птолемея как место древней Нимфеи, есть то, где существовал порт Европейский Киммериум. Я написал маленькое исследование страниц на 20, где изложил мои предположения о местонахождении города Тиритаки и порта Нимфей. Разыскания, которые я собираюсь осуществить на местности, начиная с Керчи до соленого озера Атал-Алчин, примерно в 6 верстах от Опуха, должны подтвердить или опровергнуть эти мои предположения».⁴³

Результаты археолого-топографических исследований на местности, охвативших территорию от маяка, находившегося в четырех верстах к северу от Еникале, до «древнего порта Киммериум, в древности находившегося на восток от залива, а сейчас отгороженного земляным наносом и представляющего сегодня соленое озеро Элькен», обобщены в специальной статье Бларамберга «*Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride*», снабженной картой и несколькими «приблизительными» планами городищ, отправленными графу при письме от 4 ноября 1827 г.

Эти планы руин городов Европейского Босфора были собраны в конво-

люте «Traces approximatives des vestiges de l'ancien Cimmerium, d'Acra, de Nymphaeum, de Mirmeium et de Tiritace», авторство которых Бларамберг приписал исключительно себе, что привело к его конфликту с Дюбрюксом. В конце 1827 г., не дождавшись окончания обмеров, директор музея приказал своим сыновьям скопировать планы Дюбрюкса, причем ни один из них, за исключением плана Мирмекия и «Акры», тогда еще не был завершен. Бларамберг представил их в Петербург как свои, на мереясь их «издать от своего имени», за что якобы и был произведен в действительные статские советники. Оскорбленный Дюбрюкс обвинил коллегу в плагиате и даже, под предлогом ненастной погоды, на два года забросил работу по съемке планов. Пытаясь оправдаться перед Дюбрюксом в 1829 г., Иван Павлович клятвенно заверял, что сошлся на керченского археолога как на своего сотрудника в труде, который он собирается адресовать императрице. Дюбрюкс имел в виду известную статью Бларамберга «*Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride*». Свое обещание автор не выполнил — в тексте опубликованного труда и в его архивном оригинале⁴⁴ нет ни слова о работах Дюбрюкса.

История статьи такова. 1 декабря 1827 г., находясь в Петербурге, новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов, покровительствовавший Бларамбергу, обратился к президенту Академии художеств А.Н. Оленину с просьбой «рассмотреть рисунки, чертежи, планы и

изъяснения к оным археологических изысканий», проведенных одесским антикварием, и высказать свое авторитетное мнение о них. Оленин ответил 12 января 1828 г. обстоятельным письмом, где высоко оценил труды коллеги, но не удержался от полемики по поводу интерпретации двух находок - стригilia и вазы. Два года спустя, 17 мая 1829 г. Бларамберг представил М.С. Воронцову рукопись статьи о результатах своих археологотопографических поисков на западном побережье Боспора Киммерийского, с приложением карты берегов пролива и 5 планов («Киммерик, Акра, Нимфей, Мирмекий, Тиритака»). Автор просил содействия в публикации работы на средства казны и разрешения посвятить труд императрице. Воронцов обратился к министру народного просвещения кн. К.А. Ливену с целью исходатайствовать «высочайшее разрешение» на издание. Министр представил рукопись на рассмотрение Академии наук - рецензировали труд академики Императорской Академии наук Е.Е. Кёлер и Ф.Б. Грефе.

Бларамберг прекрасно понимал, что его выводы диаметрально противоположны гипотезам главного специалиста в России того времени по античному Причерноморью академика Е.Е. Кёлера, и отзыв последнего «не может быть благоприятным», поэтому просил П.И. Кёппена разузнать судьбу рукописи. Несмотря на общую положительную оценку, отзыв Кёлера и Грефе оказался неприемлемым для автора, так как столичные ученые не согласились с предложенной Бларамбергом локализацией

ряда городов Европейского Боспора.⁴⁵ В рецензии имеются существенные замечания, «клонящиеся к большему усовершенствованию сего сочинения».⁴⁶ Согласие императора на публикацию было получено: стоимость издания с литографированными картами и планами определялась приблизительно в 1150 р. при тираже 1200 экз. В январе 1830 г. рукопись была возвращена Бларамбергу для доработки. В итоге этот труд был издан Одесским обществом истории и древностей 20 лет спустя, уже после смерти сочинителя.⁴⁷ Опубликованная статья иллюстрирована 5 искажающими оригиналы литографированными планами, частью восходящими к черновикам Дюбрюкса (копии выполнены сыновьями автора Михаилом и Владимиром Бларамбергами). К счастью, в фонде Кёппена сохранились снятые им на кальке цветные копии планов Пантикея, «Нимфея» (руины у Павловской батареи), «Акры», «Китея», Мирмекия с «изъяснениями».

Будущий академик П.И. Кёппен скопировал эти планы и записал для себя следующее: «В начале 1834 г. граф М. С. Воронцов, вследствие желания моего просмотреть все сочинение покойного статского советника Бларамберга, прислал мне следующие рукописи и планы:

I. *Observations sur quelques points relatifs a la geographie ancienne de la Tauride, suivies d'un exposé sommaire du résultat des investigations locales effectuées tout récemment... 20 c[страниц] в 2 [долю листа]. С 1 планом или картой Боспора Киммерийского. При сём: 1. Приблизительный*

план Боспора Киммерийского. Это копия сей части 4-верстной Мухинской карты, от того вала, которого следы видны между соленым озером Аталь Алчин и Азовским морем до Фанагории, с указанием на оном нескольких древних мест (см. мои листы Мухинской карты), а именно: Парфений, Гераклий, Мирмекий, Пантикопей, древний порт Нимфей, Тиритака, руины Акры, древний порт Киммерий по Скимну и периплу Анонима, древний вал. Подпись на карте Михаил де Бларамберг, т. е. сын его.

2. Приблизительный план следов акрополя Пантикопея (масштаб в английском дюйме 90 саженей). См. копию.

3. Приблизительный план следов древнего Нимфея (масштаб в английском дюйме 390 шагов / сажень).

II. Article supplémentaire se rapportant à l'explore des recherches locales effectuées récemment en Tauride par ordre de son Excellence Mr le Comte Woronzow (без года, 7 с[траниц] в 2 д[юлю] л[иста]). На последней странице вклеена карточка: Plan particulier d'une partie du Bosph. Cimm. (мухинской карты мыс на конце Еникале, фонарь и фонтан, а с азиатской стороны северная коса и выше оной Ахиллий (подпись Михаил Бларамберг).

III. Article extrait de ma dissertation sur la situation de quelques villes anciennes de la Tauride (статья о древнем киммерийском порте (Киммерик), 3 с[траницы] в 2 д[юлю] л[иста] с картою - берег самого ЮВ от мыса Такиль бурун (древн. Акры) до мыса Елкен кая - селений Опук и Тузла - и с присовокуплением камней, находя-

щихся в море, которые не показаны на мухинской карте).

IV. Собрание планов развалин древних городов в Новороссийском крае. Отделение 2-е, содержащее планы Акры, Киты и Мирмекиона (и при них краткое изъяснение на 4 с[траницах] в 2 [долю листа], весьма плохо по-русски написанных (см. снятые мною копии).⁴⁸ При жизни Бларамберга была опубликована статья «Notice sur la position du Parthenium, et de l'Achilleum de Strabon, considérés comme points de trajet d'une rive du Bosphore Cimmerien à l'autre».⁴⁹ Оригиналы планов Бларамберга, скорее всего, должны храниться либо в Институте рукописи, либо в Отделе картографии НБУ им. В.И. Вернадского в Киеве.

В конце мая 1827 г. И.П. Бларамберг узнал о случайном открытии античных древностей в одной версте от Симферополя, на городище Керменчик (Неаполь Скифский). На обратной дороге из Керчи в Одессу антикварий заехал в Симферополь для проведения археологических исследований на местности. Бларамберг провел раскопки в развалинах Неаполя Скифского: в районе парадных ворот, перед Южным дворцом, на месте недавно открытого раскопками Ю.П. Зайцева мавзолея царя Аргота. Бларамберг приказал поставить несколько человек для расширения «рва», из которого извлекли камни с греческими надписями и барельеф, попавшие в собрание Крым-Гирея Ката-Гирея. В первый же день раскопок был открыт фрагмент рельефа с изображением двух мужских фигур старшего из них Бларамберг посчи-

тал за изображение Скилура, основываясь на портретном сходстве с известными ему монетами скифского царя, найденными в Ольвии; молодого воина, стоящего впереди, он посчитал за сына Скилура - Палака. Ранее найденный барельеф юного всадника «на твердом камне» из собрания Крым-Гирея Бларамберг посчитал изображением Палака. Надпись из собрания Крым-Гирея, высеченная на мраморном пьедестале: «Юпитеру Атабирию дар от Посидея, сына Посидея» позволила ему предположить, что «колония была основана родосцами». При раскопках Бларамберга были найдены мелкие золотые бляшки круглой формы, аналогичные обнаруженным 170 лет спустя исследованиями Ю.П. Зайцева. Здесь же был открыт кусок плоской херсонесской черепицы с трехстрочным клеймом магистрата Формиона, сына Аполлы, и барельеф с изображением головы «чудовища» в виде «собаки», высеченный на «твердом камне». Следуя трудам немецкого антиковеда Х.Г. Гейне, Бларамберг принял зверя за изображение морского чудовища Скиллы.

В трех, а не в двух (как принято считать в литературе) номерах французского издания «Одесского вестника» Бларамберг сообщил читателям об открытии различных древностей на городище близ Симферополя.⁵⁰ Черновые рукописи статей⁵¹ и иллюстрации к ним собраны Бларамбергом в особом сборнике под названием «Cartes et dessins se rapportant à la découverte récente de différentes antiquités trouvées près de la ville de Symphéropol en 1827»,⁵² сохранившемся в нескольких архивах России

и Украины. Немедленно после раскопок антикварий начал изучение найденных памятников. Так, четыре письма Бларамберга А.Я. Фабру посвящены исключительно прочтению и попытке восстановления плохо сохранившейся надписи Скилура и надписи, первоначально принятой им за посвящение нимфе. Бларамберг сличил разные копии надписи Скилура, имевшиеся у него самого, Крым-Гирея, некоего *Mielul* в Симферополе и А.Я. Фабра.⁵³ Вероятно, в ходе консультаций с другими антиквариями, прежде всего с А. Бёком, одесский антикварий пришел к выводу об ошибочности своего первоначального прочтения надписей и интерпретации изображений барельефа с головой «чудовища» в виде «собаки» (последний памятник остался не опубликован и после смерти Бларамберга полностью выпал из поля зрения науки).

Через несколько лет Бларамберг издал широко известную в кругах археологов брошюру, с посвящением вел. кн. Михаилу Павловичу, о трех тавро-скифских крепостях, построенных скифским царем Скилуром и упомянутых Страбоном.⁵⁴ Согласно Бларамбергу, городище, отождествленное им с Неаполем, является остатками греческой колонии родосцев, существовавшей под покровительством царя тавро-скифов Скилура, где располагалась его резиденция. Брошюра иллюстрировалась планами и рисунками, часть которых, как следует из писем автора М.С. Воронцову, была выполнена «талантливым чиновником» по фамилии Савин, который снял первый план Неаполя Скифского. Эти материалы, опубли-

кованные лишь частично, дошли до нас в рукописях.⁵⁵

Многие памятники, входившие в состав коллекции Бларамберга, еще в XIX в. утратили свои паспорта, т.е. сведения о месте происхождения и принадлежности к собранию. Ныне большинство вещей хранится в Одесском археологическом музее НАНУ, единичные экземпляры попали в Эрмитаж и другие музеиные хранилища. Благодаря архивным документам появилась реальная возможность атрибутировать или уточнить паспортизацию древностей из коллекции Бларамберга в составе собрания

ОАМ, а также воскресить из забвения ряд памятников, найденных в первой четверти XIX в. и затем утраченных или депаспортизованных. Это древности, найденные в Ольвии, Одессе, на Березани, Тендре, в Непаполе Скифском, Пантикеапе, а также в Болгарии, Греции и Италии.

Основной урок этой истории для современной науки очевиден - автор раскопок обязан предпринять все усилия для незамедлительного ввода в научный оборот вновь открытых материалов, чтобы предотвратить возможную утрату важнейшей археологической информации.

Примечания

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РFFИ, проект № 03-06-80074.
2. Подробнее см.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.). СПб., 2002 (по указателю).
3. Choix des medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg a Odessa. Paris, 1822. См. рецензии: Argent J. (Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunst. 1822. № 141, 142); Начало археологических розысков в Ольвии: [Перевод рецензии проф. Крейцера (Creycer) в: Heidelbergische Jahrbücher der Literatur. 1822. N 78. S. 1235].] / Пер. с нем. В.Н. Юргевича, comment. Н.Н. Мурзакевича // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 407-414. Неадекватный русский перевод брошюры Бларамберга издан на средства Общества истории и древностей российских при Московском университете: Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя, находящихся в Одессе, в кабинете г. Бларамберга, с историческим известием о древнем городе Ольвии, с планом оного, и с изображением 225 медалей и монет, гравированных в Париже Сент-Анжем / Пер. с франц. А. Писарева. М., 1828.
4. Blaramberg J. de. Notices sur quelques objets d'antiquite, decouverts en Tauride dans un Tumulus, pres du site de l'ancienne Panticeapee. Paris, 1822. 31 p., pl. Экземпляр французского издания с карандашными пометками и рисунком пером сохранился в архиве А.С. Норова (ОР РНБ, ф. 531, д. 811). См. также подносную рукопись Бларамберга (писцовая копия) государственному канцлеру графу Н.П. Румянцеву: «Apercu, ou notice explicative de quelques objets d'antiquite decouverts en Tauride dans un tumulus pres du site de l'ancienne Panticeapee» (Заметка, или пояснительная записка, о некоторых древностях, найденных в Тавриде в могильном кургане близ городища древнего Пантикеапея), хранящаяся в НИОР БАН (F 229). Другой список вместе со всеми рисунками сохранился в бумагах А.Н. Оленина (РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 82-82 об., 91-104: текст; л. 84-90: рисунки вещей с пояснениями Бларамберга). Черновая рукопись с тем же названием находится в материалах Бларамберга, приобретенных ООИД: ИР НБУ, V, 1020, л. 2-16 об. (текст), 17 (рисунок аналогичен опубликованной литографированной таблицы с изображениями находок). Шифры библиотеки ООИД 36/D № 200, ОАМ № 49167. Пересказ на рус. яз. см.: Древности, найденные в Тавриде: Извлечение из книжки: Notices sur quelques objets d'antiquite, decouverts en Tauride,

- etc. Par Mr. de Blaramberg // Новости литературы, изданные А. Войейковым и В. Козловым: Прибавление к Русскому инвалиду на 1822 г. СПб., 1822. Кн. 2. № 17. С. 54-57; № 18. С. 73-75.
5. Рукопись одной из статей во французской периодике см.: ИР НБУ, V, 1017, л. 1а-1а об.: [Blaramberg J.] Odessa, le 5 Fevrier // Moniteur universelle. 1818. 9 mars. № 68 (писовая копия с исправлениями рукой Бларамберга). Русский перевод см.: Археологические открытия в полуденной России // Сын Отечества. 1818. Ч. 44. № 8. С. 80-82.
  6. ИР НБУ, V, 1045, л. 1-7: Catalogues de différents antiquités du Cabinet de Blaramberg (л. 1-5: монеты, надписи, керамические клейма, статуи, барельефы, керамика и мелкая пластика из Ольвии и Березани; л. 5-6: бронзовые изделия из Великой Греции; 7-7 об: древнеегипетские памятники). Шифр Библиотеки ОИД 26/D 197, ОАМ № 49161. Рукопись повреждена (в нижней части оборвана); V, 1517, л. 1-8: Древности, пожертвованные статским советником Бларамбергом для составления Одесского музея. 12 августа 1826 г. Перечень на 13 л. Опубликовано: Донесение статского советника Бларамберга к господину Новороссийскому генерал-губернатору от 30 июля 1825 г. // Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. 1827. Кн. 2. С. 187-206.
  7. ИР НБУ, V, 1548-1561, л. 12-12 об., 42.
  8. Памятники, привезенные из Варны и Афин, пожертвованные Бларамбергом Одесскому городскому музею в начале 1826 г., описаны в статье без заглавия: ИР НБУ, V, 1027 (шифр Библиотеки ОИД 45/D 190, ОАМ 49172), л. 1 № 1-беломраморный барельеф и надпись на мраморе, текст которой аналогичен сюжету (Асклепий и Гигия, из Варны=Одессос, IGBR, 12, 76), л. 2-3 (№ 3- «огромная статуя, видимо изображающая Цереру, найденная Фовелем в Афинах»; № 3 (так!) - «статуя из паросского мрамора в наибольшем возвышенном греческом стиле, обнаруженная в Афинах»; № 4- «голова Нерона в увеличенном размере, обнаруженная в Афинах») и др. Ср.: ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 66-67 об.: Древности, собранные в Афинах (здесь же описание мраморных «обломка статуи Дианы» и коринфской капители, найденных в Пантакапее), из коллекции Бларамберга, поступившие в 1826 г. в Одесский городской музей древностей. ИР НБУ, V, 1041-1042: «Monuments antiques decouvertes dans la Nouvelle Russie, en partie dans l'ancienne Sarmatia Europeenne et en partie dans le Chersonese Taurique, publies et accompagnes d'un texte explicatif» (3-eme Cahier, л. 1-13; 4-e Cahier, л. 1-5 об.; 1825). Шифр Библиотеки ОИД 42/D 173, ОАМ № 48243.
  9. Мурзакевич Н.Н. Приобретение обществом неизданных сочинений Бларамберга // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 652.
  10. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 54, л. 2-8.
  11. Рукописи см.: ИР НБУ, V, 797. 15 л. (текст, 1831 г.); V, 798. 16 л. (текст 1828 г., 16 л. с 2 планами в тексте, с посвящением М.С.Воронцову). Шифры Библиотеки ОИД 31/D 208; ОАМ № 49129.
  12. См. русский перевод: Бларамберг И.П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 1-19.
  13. ИР НБУ, V, 1029, л. 1-7 об. (писовая чистовая рукопись). Шифр Библиотеки ОИД 44/D и ОАМ № 49171. Другой вариант той же статьи в виде черновой рукописи см.: V, 1028, л. 1-8а: Description de treize vases antiques en terre cuite, accompagnées de deux flacons, ou vases à parfums, en albâtre, decouvertes dans des anciens tombeaux grecs, aux environs de Capoue. (Описание тринадцати античных глиняных сосудов, двух фланков или сосудов для благовоний из алебастра, обнаруженных в древнегреческих погребениях в окрестностях Капуи). Шифр Библиотеки ОАМ № 48259.
  14. ИР НБУ, V, 1061, л. 1-15 (карандашные и красочные рисунки). Шифры Библиотеки ОАМ № 49148. Рисунки частично опубликованы: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях... Рис. 27-28, 30-31.

15. Рукопись см.: ИР НБУ, V, 1022 (текст на л. 2-5 об., карта на л. 7). Шифры Библиотеки ОИД 40/D; ОАМ № 49170. Это французский оригинал статьи, опубликованной в русском переводе, и той же карты: Бларамберг И.П. О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде: Рассмотрение сведений, сообщенных нам знаменитейшими писателями древности касательно места, где, как думают, приносили Тавры в жертву Диане, или Ифигению, людей // Одесский альманах на 1831 год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. Одесса, 1831. С. 298-307. Более ранние рукописные варианты (не ранее 1825 г.) см.: РСА СПбИИ РАН, ф. 36 (М.С.Воронцов). Оп. 1. Д. 723. Л. 1-5: Le culte sanguinaire des deites, reverees jadis sur les rives inhospitalieres de la Tauride, a Cesse. Des sacrifices humains offerts par les Taures, a Diane ou a Iphigenie et de l'emplacement presume du temple de Diane en Tauride (рукопись посвящена графине Е.К. Воронцовой, урожд. кн. Браницкой).
16. Упоминание варианта под названием «*Dissertation sur une tete antique de marbre, decouverte pres de la forteresse d'Ak-Kerman, destinee a completer le 4me Cahier des monumens antiques*» (1825) см.: ОР РГБ. Ф. 203. Папка 193. № 4. Л. 4 об. Сравни публикации: Blaramberg J. Одесса, 1 января [статья без названия на франц. яз. о древностях Аккермана и Овидиополя] // Journal d'Odessa. 1827. 1 / 17 janv. № 1. Р. 1-3; 8 / 20 janv. № 2. Р. 6-8. Сокращенный рус. перевод: Бларамберг И.П. Одесса, 20 января // ОВ. 1827. 22 янв. № 6. С. 21-22.
17. ИР НБУ, V, 1048, л. 1-8.
18. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 70-71 (заседание 13 от 2 декабря 1841 г., пункт 6).
19. НА ОАМ. № 83181, л. 1-15.
20. ИР НБУ, V, 1224-1516, л. 103-104, 110-125, 131-131 об., 134-135 об., 211-212, 302, 315, 326-326 об., 328-334, 341-342 об., 347; РСА СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 2, д. 253.
21. См. его рукопись: ИР НБУ, V, 1037: *Tumuli d'Odessa*. л. 1-3: Resultat de quelques investigations archeologiques, faites dans le voisinage de l'église lutherienne d'Odessa en 1826 (на л. 1 - рисунок найденного античного кувшина); л. 4-4 об.: Continuation des fouilles effectuees dans quelques tumuli, situes dans l'enceinte de la ville d'Odessa.
22. ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 23, л. 3 об.
23. ИР НБУ, V, 1019, л. 1-16 об. Чистовая рукопись рукой писца с исправлениями рукой Бларамберга, на 18 л.
24. *Ruines d'Olbia*: Lettre a un ami // Journal d'Odessa. 1827. 29 oct./10 nov. № 82. Р. 340-341.
25. Виноградов Ю. Г. Уму пытливому наследуя... // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П.О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. 12-14 марта 1996 г. Одесса, 1996. С. 27.
26. АГЭ, ф. 1, оп. VI-М, д. 27 / 3, л. 1-16 (на: л. 2-4: medailles d'Olbia en bronze; на л. 4 об.: Anses de vases de terre cuite trouvees dans l'enceinte de l'ancienne ville d'Olbia (описание амфорных клейм); на л. 10 рисунок остродонной амфоры с отбитой ножкой; на л. 11-16 об.: Medailles Romaines imperiales en argent).
27. Там же, д. 27 / 4, л. 1-2.
28. ИР НБУ, V, 1018, л. 1-7: Liste onomastique des citoyens d'Olbiopolis ou Olbia, dont les inscriptions, les medailles et autres monumens de cette ville celebre de l'antiquite, nous a transmis les noms, ainsi que les differentes fonctions qu'ils exerceoient, tels que celles d'archonte, de pretre, de strategie, d'astynome, d'agoranome etc. Шифр библиотеки ОИД 28/D № 297.
29. ИР НБУ, V, 1017, л. 1-15 об. (текст 1 тетради), 16 (начало текста 3 тетради), без иллюстраций; РСА СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 783, л. 1-20 об. (текст 1 тетради).
30. РСА СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 779: Blaramberg J. Melanges archeologiques. I cahier (иллюстрации): Pl. I - фигуруный сосуд (лекиф) в виде барабана, светильники и фрагменты дисков глиняных светильников, найденные в развалинах Ольвии. Лекиф недавно опубликован как «фигурный сосуд в виде барабана»: Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea. Kiev, 2001. р. 99 (раздел о Тире); pl. 2 - астиномные клейма на

- ручках амфор и черепицах, найденных в Ольвии; pl. 3 - терракотовая статуэтка «Юноны или Изиды» (скорее всего, Деметры), см. недавнюю публикацию: Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia 2001, p. 50, no. 68: Female figurine. Olbia. Acquired in 1839 (ошибка!!!). 4th cen. B.C. Height 26 cm. Inventory no. 22186. On the back of the pedestal is the inscription DIONY-IOY; Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea. Kiev, 2001. p. 66; Pl. 4 - мужская головка из терракоты; Pl. 5 - фрагмент мрамора с изображением трехликий Гекаты и барельеф с изображением Артемиды Охотницы; Pl. 6 - «изображения Вакха и его свиты»; Pl. 7 - ольвийские «медали» и монеты скифского царя Скилура, чеканенные в Ольвии.
31. PCA СПБИИ РАН, ф.36, оп. 1, д. 784, л. 16 об.-17.
32. Blaramberg J. de. 1) Geographie ancienne: Notice sur la position du Parthenium, et de l'Achilleum de Strabon, considérés comme points de trajet d'une rive du Bosphore Cimmerien à l'autre // Journal d'Odessa. 1828. 18/30 janv. N 5. P. 17-19; 2) Рассуждение о ристалище Ахилла // Северный архив. 1825. Ч. 18. N 24. С. 349-364; 3) Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 18.
33. Blaramberg J. Geographie ancienne: Notice sur la position... P. 19.
34. PCA СПБИИ РАН, ф.36, оп. 1, д. 780, л. 1-6. Впервые опубликованы в кн.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях... Рис. 104, 113-116.
35. PCA СПБИИ РАН, ф.36, оп. 1, д. 784, л. 1-17 об.
36. PCA СПБИИ РАН, ф. 36, оп. I, д. 78, табл. I-VII. Pl. 1 - барельеф, изображающий жертвоприношение Асклепию (IPE, I2, 272), из Ольвии. Собрание владельца Ольвии гр. Кушелева-Безбородко в с. Стольное Черниговской губ., где он был вделан в стену гrotta; Pl. 2 - мраморное надгробие с барельефом, изображающим семью в преддверии храма, из Ольвии. Коллекция Бларамберга, затем в собрании ОАМ; Pl. 3 - остродонные амфоры (всего было найдено 13 экз.), поставленные в виде пирамиды, и половина остродонной амфоры, прикрывающие краснофигурную гидрию с пеплом и обгоревшими человеческими костями трупосожжения (по данным П.П. Свиридова, на средней части каждой амфоры была начертана одна греческая буква, в целом составлявшая надпись, которую, однако, не записали), найденные в центре кургана, раскопанного П.Дюбрюксом близ Керчи в 1817 г. Гидрия попала в собрание А.Н. Оленина (-), одна из амфор была отправлена герцогу А.Э. де Ришелье в Париж, остальные древности вошли в собрание Дюбрюкса, и, возможно, Бларамберга; Pl. 4 - краснофигурная гидрия из раскопок поля Дюбрюкса близ Керчи 1817 г., из собрания С.Потоцкой или кн. З.А. Волконской (-); Pl. 5 - постамент статуи Агасика с надписью на дорийском диалекте (IPE, I2, 418), найденный в 1794 г. в Херсонесе (первоначально в собрании адмирала Вильсона, затем в Кабинете редкостей Черноморского депо карт в Николаеве, с 1840 г. в Музее Одесского общества истории и древностей). Бларамберг дал свои уточнения к надписи в статье: Blaramberg J. Paleographie // Journal d'Odessa. 1829, 2/14 novembre. P. 381-382; Pl. 6 - надгробие Потамона, найденное в развалинах Халкидона близ Константинополя (Кизик. CIG IV № 6978, коллекция Бларамберга, ныне в собрании ОАМ); Pl. 7 - ольвийские памятники коллекции Бларамберга (№ 1 - беломраморный круглый фрагмент вотовиной патеры с горгонейоном, IPE, I2, 281, из собрания Бларамберга, затем в Музее ООИД).
37. PCA СПБИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 782, табл. 1-3. Pl. 1- краснофигурная и чернолаковая керамика из Ольвии, собрание Бларамберга; Pl. 2 - фрагменты рельефной керамики, терракот, стеклянных и свинцовых предметов из Ольвии, собрание Бларамберга; Pl. 3 - фрагмент фигурного сосуда в виде бюста коня и двуручной плоской фляги (аска-), из Ольвии. Лекиф в виде бюста коня - дар Одесскому городскому музею от графа Северина Осиповича Потоцкого, не позднее 1826 г. См.: Одесский археологический музей АН УССР. [Альбом]. Киев, 1983. С. 51, 1, с. 72, № 87; Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia 2001., p. 46. No. 56: Plastik vessel. Olbia. In the 3rd-2nd centuries B.C. Height 20,6 cm. Two-part mold. Inventory no. 22167. Vase in the

- shape of a horse head. Product of Pergamon; Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea. Kiev, 2001. P. 28.
38. ИРНБУ, V, 1041-1042: Monuments antiques, decouverts dans la Nouvelle Russie. Cahier 3 (шифр библиотеки ООИД XII/17 42/D), л. 2-11 об.; Cahier 4 (шифр библиотеки ООИД 42/D), л. 2-5.
39. ОР РГБ, ф. 203, папка 193, № 4, л. 1-4 об. (текст оглавления тетрадей и таблиц без рисунков).
40. ОР РГБ, ф. 203, л. 2, л. 446-446 об.; ф. 226, оп. 2, л. 56, л. 5-5 об.
41. Черновик статьи с многочисленной авторской правкой: ИРНБУ, V, 1024, л. 1-9 (Шифр Библиотеки ООИД 37/D и ОАМ № 49168).
42. ИР НБУ, V, 1025, л. 3-10: Fouilles de Kertch; на л. 2-2 об. - черновик письма М.С. Воронцову (Шифр Библиотеки ООИД 39/D и ОАМ № 48258); V, 1026, л. 1-4 об.: Fouilles de Kertch en 1826. Resultat d'une partie des fouilles effectuees a Kertch en 1826 (в тексте исправления карандашом).
43. РСА СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 2, л. 253, л. 3-3 об., 8, 11, 18.
44. ИР НБУ, V, 798, л.1-16 (рукопись из 4-х глав, с добавлением статьи «Notice sur la position du Parthenium, et de l'Achilleum de Strabon, consideres comme points de trajet d'une rive du Bosphore Cimmerien a l'autre», опубликованной в: Journal d'Odessa. 1828. 18/30 janv. N 5. P. 17-19). 1828 г., с посвящением М.С. Воронцову.
45. Содержание рукописи Бларамберга по 4-м главам (в русском переводе опубликованы только первые 3 главы) и заключения, под названием «Observations sur quelques points relatifs a la geographie ancienne de la Tauride, suivies d'un exposé sommaire du résultat des investigations locales, effectuées tout récemment d'après ces observations préliminaires sur les différents points auxquelles elles se rapportent. Avec une carte ou plan particulier du Bosphore Cimmerien, accompagné de plusieurs traces, et plans approximatifs», с замечаниями Е.Е.Келера на полях, хранится в ГАРФ (ф. 1463, оп. 2, л. 1217, л. 4-5 об.).
46. Отзыв Кёлера и Грефе (черновая рукопись: АГЭ, ф. II, оп. 1, л. 12) в переводе с немецкого на русский с добавлением язвительных замечаний Бларамберга был издан Ф.К. Бруном: Отзыв, представленный С.-Петербургской Императорской Академии наук академиками гг. Кёлером и Грефе о сочинении Бларамберга, под заглавием «Observations sur quelques points relatifs a la geographie ancienne de la Tauride» // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 957-963.
47. См. русский перевод: Бларамберг И.П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. I. С. 1-19. Табл. I, N 1: Приблизительный план древнего порта Киммериона; N 2: Следы города Акры; N 3: Следы древней Тиритаки, по Птолемею; N 4: Следы города Парфениона; Табл. II, N 1: Приблизительный план следов древнего Мирмикиона.
48. ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, л. 474, л. 201-212. Копии Кеппена впервые опубликованы: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях... С. 32-36.
49. Рукопись см.: ИР НБУ, V, 1030, л.1-4. Опубликовано: Journal d'Odessa. 1828. 18/30 janv. № 5. P. 17-19. Другой вариант рукописи см.: V, 798, л.14-16.
50. Blaramberg J. de]. 1) Symphéropol, 9 juin. Antiquités: [Relation de la découverte récente d'une fortresse antique, située en Tauride, à une verste de la ville de Symphéropol] // Journal d'Odessa. 1827. 18/30 juin. N 47. P. 187-188; 2) [La lettre suivante, adressée aux rédacteurs de cette feuille périodique, fait suite à celle qui a été insérée dans le N 47 du Journal d'Odessa]. Antiquités: Article communiqué par Mr. le conseiller d'Etat de Blaramberg] // Ibid. 3/15 sept. N 69. P. 275-277 (см. вырезки в архиве М.С. Воронцова: РСА СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 2, л. 253, л. 21-22); 3) Article communiqué par Mr. de Blaramberg] // Ibid. 17/29 sept. N 73. P. 291-292. Рус. переводы: Открытие признаков древней крепости близ Симферополя (извлечение из известий, сообщенных г. статским советником Бларамбергом) // ОВ. 1827. 7 сент. № 70. С. 280-281; 10 сент. № 71. С. 284-285 (переезд.: Сын Отечества. 1827. Ч. 115. С. 359 и след.); Древности (дополнение к статье, помещенной в N 70 и 71) // ОВ. 1827. 24 сент. N 75. С. 301.

51. Черновые рукописи см.: ИР НБУ. V, 1021, л. 1-8 об.: *Relation de la decouverte recente d'une ancienne forteresse situee en Tauride, a une verste de la ville de Sympheropol. Avec plans, dessins et copies d'inscriptions* (текст аналогичен опубликованному в *Journal d'Odessa № 47 и № 69*). Шифры библиотеки ОOID 34/D, ОАМ № 49166; V, 1031, л.1-14: *De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon. Разрешение цензора на публикацию от 27 января 1831 г.;* V, 1032, л.1: *Resultat d'une partie des investigations archeologiques et topographiques effectuees en Tauride, par Blarambergl 1827-1829,* здесь же рисунок мраморов с греческими надписями и рукописной карты окрестностей Симферополя; на л. 1а надпись карандашом рукой Бларамберга: *Minute du manuscrit;* л. 2-11 об.: *De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon avec plans, copies d'inscriptions et dessins lithographies;* на л. 12 - перечень 9 рисунков, планов и «приблизительный чертеж», сопровождающие диссертацию, которые в деле отсутствуют (план городища Неаполя Скифского (№ 1), копии греческих надписей на мраморе (№ 2,3,5) и черепице (№ 4), барельефы Скилура и Палака (№ 6), конного Палака (№ 7), план порта Балаклавы и чертеж древней крепости, расположенной на возвышенности при выезде в порт (№ 8), приблизительный чертеж порта, предположительно принадлежавшего тавроскифам, расположенного на оконечности долины Отуз, с планом развалин фортификационных сооружений, которые можно встретить на холме, где предположительно существовала крепость Хавон (№ 9), л.13-13 об.: заключение. Шифр библиотеки ОOID 33/D, 189.
52. ИР НБУ, V, 1048, л. 1-8; ГАРФ, ф. 1463, оп. 2, д. 1217, л. 13-21 (в составе конволюта печатных и рукописных статей Бларамберга, с планами и рисунками); ОР РГБ, ф. 203, п. 193, № 1, л. 1-13.
53. НА ОАМ, инв. N 83181, л. 1-1 об.: письмо из Одессы от 6 августа 1827 г.; л. 2: рисунок камня с надписью с одним из вариантов чтения; л. 3-4 об.: письмо из Одессы от 7 сентября 1827 г.; л. 4: копия надписи в трех вариантах ее прочтения, с пометами Бларамберга; л. 9: письмо из Одессы от 3 октября 1827 г.; л. 10: письмо из Одессы от 18 августа 1828 г.; л. 12-15: карандашные рисунки и литографии надписей и барельефов.
54. Blaramberg J. *De la position des trois forteresses Tauro-scythes, dont parle Strabon. Odessa, 1831.* Русский перевод: Бларамберг И.П. О местонахождении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном, с картами, планами, снимками надписей и рисунками древних мраморов / Пер. с франц. А.Л. Бертье-Делагарда // ИТУАК. 1889. N 7. С. 56-69
55. Частично опубл.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях ... Рис. 140-144.

В.Б. Уженцев

ФОРТИФИКАЦИЯ ЦИТАДЕЛИ КАЛОС ЛИМЕНА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

На протяжении двух столетий с третьей четверти IV в. до н.э. и вплоть до середины II в. до н.э. территория Северо-Западного Крыма входила в состав хоры Херсонеса Таврического. Одним из крупнейших населенных пунктов на побережье Каркинитского залива являлся Калос Лимен. С периода урбанизации в последней четверти IV в. до н.э. его территория была обнесена мощными оборонительными рубежами, что в полной мере отвечало его статусу как главного опорного пункта на дальней хоре полиса. Фортификационные сооружения городка с течением времени претерпевали существенные изменения

и перестройки, обусловленные как складывающейся политической ситуацией в регионе, так и развитием оборонительного зодчества в античном мире.

Последние, самые значительные работы, направленные на усиление фортификации произошли на последнем этапе существования херсонесского Калос Лимена в конце второй – начале последней трети III в. до н.э. В это время в оборону городка вводится новый элемент – угловая цитадель (рис. 1; 2). С этого момента и вплоть до оставления Прекрасной Гавани эллинами во II в. до н.э. она играла самую значительную

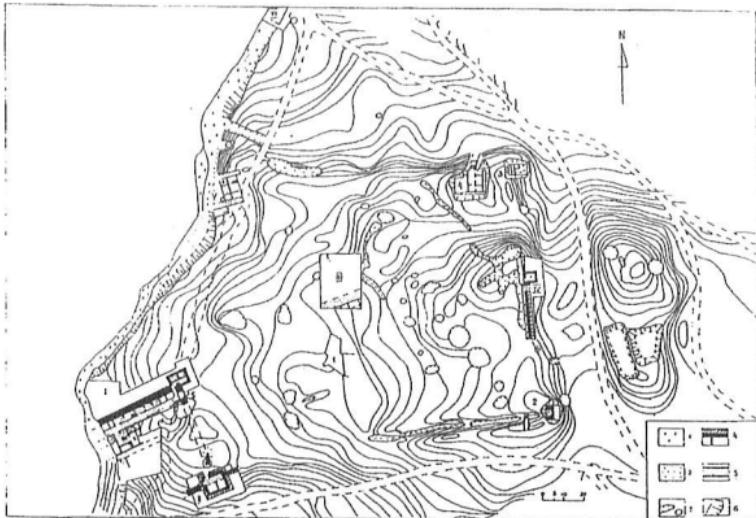

Рисунок 1

План городища Калос Лимен эллинистического периода

роль в существовании этого населенного пункта.

В плане угловое укрепление близко к многоугольнику (по классификации Дж. Лоуренса оно может быть классифицировано как форт¹. Подобные фортификационные структуры, выполнившие как самостоятельные задачи, так и включенные в более сложные системы обороны крупных крепостей и городов получили значительное распространение в эпоху эллинизма, особенно на ее финальном этапе. Они известны не только в Материковой Греции, но и в Македонии, Фракии и Малой Азии.

Занимаемая цитаделью площадь достигала около 2,5 тыс. м² (учитывая башни, количество которых было не меньше 4 - около 3 тыс. м.²). Проведенные расчеты показывают, что это соответствует 1 / 10 территории всего Калос Лимена. Вряд ли это простая случайность.

Ориентация кладок фортификационных сооружений цитадели практически полностью совпадает с направлением стен строений предыдущего периода. На это в первую очередь повлияло то, что при строительстве укрепления был использован ранний участок южной городской куртины (рис. 1; 2; 3). Сооружение форта сопровождалось нивелировкой жилых и общественных построек IV - III вв. до н.э., как на его территории, так и на значительном расстоянии по фронту его крепостных стен². Дополнительно отметим, что многие из ранних зданий находились в полуразрушенном состоянии после катастрофических событий 70^х гг. III в. до н.э.³

Куртины. Протяженность куртин цитадели в межбашенном пространстве достигала внутри городской территории 40,5 м, а с напольной стороны - около 25 - 35 м. Ширина оснований трехслойных, двух панцирных кладок достигала 2,80 - 2,95 м. Пространство между панцирями было забулено разномерным бутом и крупными известняковыми глыбами, на заполняющем глиняном растворе. Встречено значительное количество обломков архитектурных деталей от ордерных построек и фрагментов карнизов надгребий херсонесского типа. Фундамент стен состоял из огромных камней без отески, установленных на поверхность материковой скалы. Внешние панцири куртин, обращенные в сторону города, имели парандийный облик и были выложены в сложной двухрядной орфостатной технике. Блоки скреплялись между собой пиронами типа "ласточкин хвост". Подобные системы в Херсонесе и Ольвии (как и в нашем случае) применялись только при кладке внутренних фасадов городских стен⁴. Внешний фас южной куртины, обращенной в сторону поля, по своему характеру отличается от предыдущих. На этом участке стена не возводилась заново, а использовалась оборонительная кладка конца IV - III вв. до н.э. К ней с внешней стороны был пристроен дополнительный панцирь (рис. 3, В). Его блоки, зачастую значительных размеров, были уложены в регулярной, не везде соблюданной, постелистой технике. До конца нерешиенным остается вопрос, к какому типу можно отнести описываемые крепостные стены. Либо они на всю

высоту были каменными (этому противоречит факт их совмещения с многоэтажными сырцово-каменными башнями, а также то, что за все годы раскопок не найдено ни одного обломка мерлонов или иных завершающих конструкций), либо верхние части куртин имели парапет из сырцовых кирпичей. Последнее, выглядит более убедительным, особенно если

учитывать обнаружение по внешнему периметру крепости (там, где позднее не прошли позднескифские рвы) слоев рушенного сырца.

Башни. В цитадели полностью раскрыто две башни, находившихся по углам крепости, причем одна из них дополнительно под прямым углом соприкасалась с южной линией обороны города (рис. 2, № 4; 3). Со-

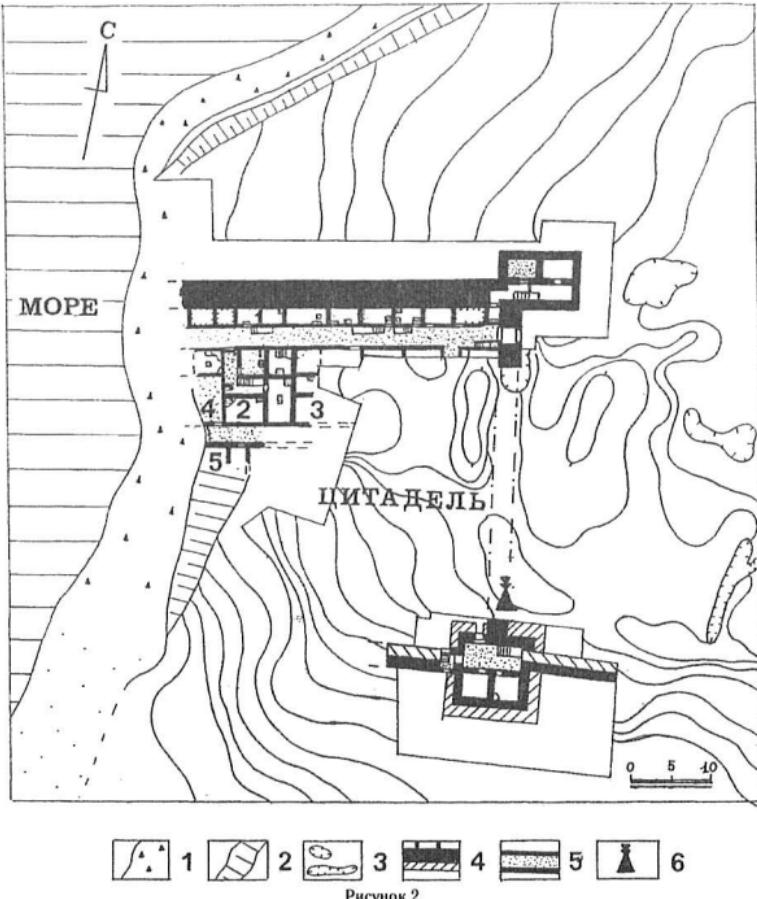

Рисунок 2

План эллинистической цитадели III – II вв. до н.э.

оружения были в плане как прямоугольной ($7,25 \times 10,25$ м) (рис. 5), так и квадратной ($9,8 \times 10,25$ м) формы. Они выступали по фронту стен в напольную и внутригородскую сторону на $3,2 - 7,25$ м. Их внешние, несущие, стены были двухпанцирными, двухслойными (в основании кое-где однослойными). Лицевые панцири выкладывались в регулярной квадровой постелистой технике из крупных блоков, отесанных с пяти сторон. Исключение составлял лишь северо-восточный угол башни 4, внешний фас которого имел аналогичную куртинам цитадели сложную орфостатную кладку (рис. 3). При обработке блоков применялась пропилка швов, разметка верхних граней продольными и поперечными рисками. Лицевые грани квадров имели скосенные внутрь фаски, что значительно облег-

чало их установку. Плиты уложены практически насухо. Только в отдельных случаях они скреплялись между собой, также как и орфостаты куртин, пиронами. Внутренние панцири состояли из уложенных в постелистой регулярной (не везде соблюдающейся) технике из плоских бутовых камней с подработанными внешними и боковыми гранями. Для укладки камней применялся глиняный, вязущий раствор. Довольно часто, вторично использовались обломки архитектурных деталей от построек IV - III вв. до н.э., а также многочисленные надгробия указанного времени, с территории грунтового некрополя. Как показывают имеющиеся данные, при укладке их в стены все рельефные выступы, начиная от карнизов, до розетт полностью стесывались. Именно они чаще всего обнаружива-

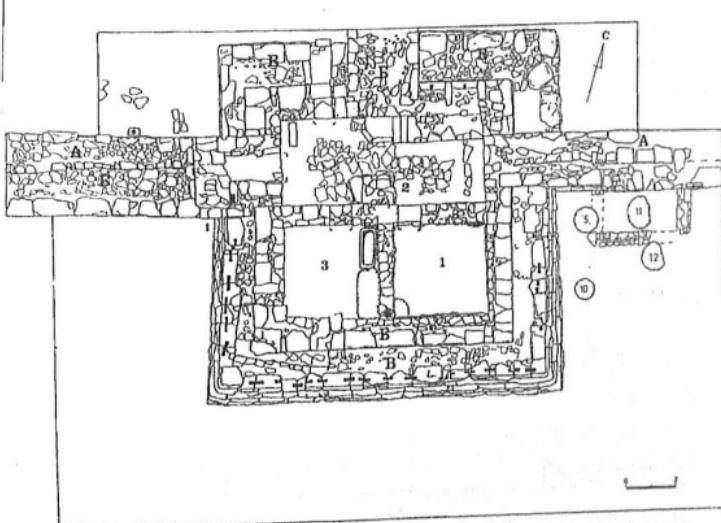

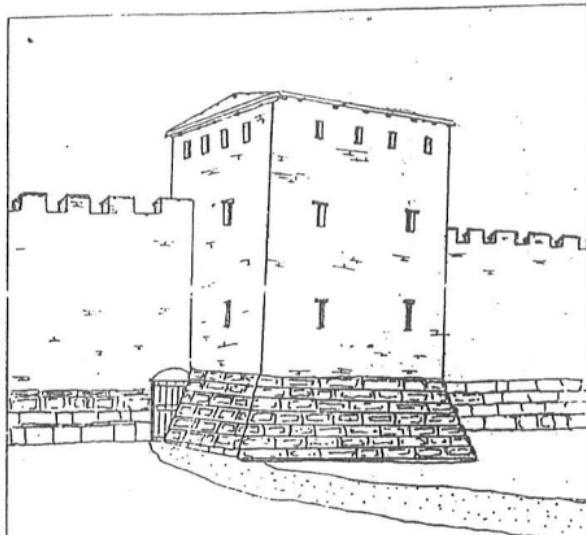
Рисунок 3

План юго-восточного угла цитадели и башни № 4

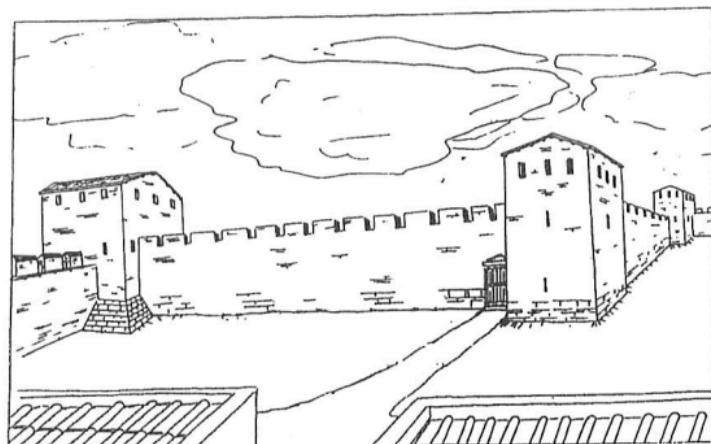
ются в заполнении траншей для фундаментов кладок, состоящих из строительного отеса.

Судя по значительным (иногда свыше 2,5 м) завалам сырца с отдель-

ными неразложившимися кирпичами как внутри башен, так и по их внешним периметрам, совершенно очевидно, что верхние этажи сооружений были сырцовыми. Если исходить

1

2

Рисунок 4

Вариант реконструкции башни 4 (а) и восточного фланга обороны цитадели (вид со стороны города)

из примерного объема рухнувшего сырца, число ярусов из необожженных глиняных кирпичей могло достигать в башнях 1 - 2 и более.

Количество дверных проемов, связывавших описываемые башни с крепостью, варьируется от одного в башне 5 (рис.5) до двух в башне 4 (рис.3). Все они стандартной ширины 0,9 -1,0 м, с внешней стороны суженные пилонами до 0,85 - 0,9 м. Задфиксированы пороги с вырубками от подпятников навесных одностворчатых дверей, косяки которых прикрывались упомянутыми выступами. Следов горизонтальных запоров ни в одном из случаев не выявлено. Промежутки связывали внутренние помещения башен с цитаделью или напрямую (северный вход башни 4) или через коридоры. Один из них, в башне 5 имел Z - образную в плане форму (рис. 5).

Внутристенное пространство оборонительных построек делилось перегородками, сооруженными в однослоиной иррегулярной технике на глине (толщиной до 0,7 м), на несколько помещений. Обе исследованные башни были трехкамерными (рис.3; 5). Первые, ближайшие к входам, помещения имели прямоугольную форму, остальные - квадратные. Они сообщались между собой дверными проемами шириной 0,85 - 0,9 м. Каких - либо следов от деревянных конструкций или вырубок для них выявить не удалось, за исключением фрагмента полотнища двери в помещении 3 башни 4. Оно имело толщину около 9 см, а его доски скреплялись между собой бронзовыми гвоздями и скрепами.

В первых, проходных, комнатах башенных сооружений открыты каменные основания лестниц, ведущих на вторые этажи. Ширина их почти одинакова 0,85 - 0,9 м, при высоте подступенников и ширине приступи в среднем 0,25 - 0,3 м. Однако устройство самих лестниц в деталях отличается. В первом случае (башня 4) лестничный марш располагался в углу помещения (рис.3). От 7 - 8 реконструируемых ступеней, если, исходя из ближайших аналогий на Беляусе и Чайке⁵, считать, что межмаршевые площадки были квадратными, со сторонами, равными ширине самих лестниц *in situ* сохранилось четыре. На верхней из них удалось выявить остатки вырубки для деревянного ограждения, что прослежено и в башне 1 на Беляусе⁶.

В башне 5 основание лестницы примыкало изнутри к одной из несущих стен (рис. 5). Нижний, каменный, пролет из четырех ступеней (одна полностью утоплена в подсыпку пола) сохранился здесь на всю высоту (до 0,9 м.) С внутренней стороны верхней ступени сохранились вырубки для горизонтального деревянного настила межмаршевой площадки. С другой стороны его бревна опирались на крепиду из разнокалиберного камня, отстоявшую от основания лестницы на 1,25 м. (рис.5). Можно предполагать, что в этой башне следующий, деревянный пролет располагался на одной линии с предыдущим, а нешел к нему как в первом случае под прямым углом.

Бойницы. В фортификационных системах Северного Причерноморья

античного времени бойницы практически не известны. Благодаря раскопкам Калос Лимена удалось уточнить устройство подобных конструкций. Так в раннесредневековой постройке, над руинами башни 5, был вторично использован крупный орфостат. В нем сохранилась вырубка для нижней части бойницы (рис. 7,1). Ширина ее прорези с фронтальной стороны достигала 0,09 м, а с внутренней - 0,325 м, при толщине самого блока - 0,25 м. В нашем случае скорее можно предположить, что рассматриваемая бойница (подножного боя?) находилась в башне 5 на первом этаже, либо на уровне межэтаж-

ного пространства, со стороны одного из въездов в укрепление. Это, по сути, единственная находка подобного рода в северо-причерноморском регионе, где руины зданий оборонительного характера, принадлежащие к эллинистическому периоду, сохранились крайне неудовлетворительно.

Учитывая суровые климатические условия Северного Причерноморья в античную эпоху, можно с большой долей уверенности предполагать, что сырцово-каменные сооружения цитадели Прекрасной Гавани имели черепичные кровли⁷. Это подтверждают обломки керамид и калиптеров херсонесского производства,

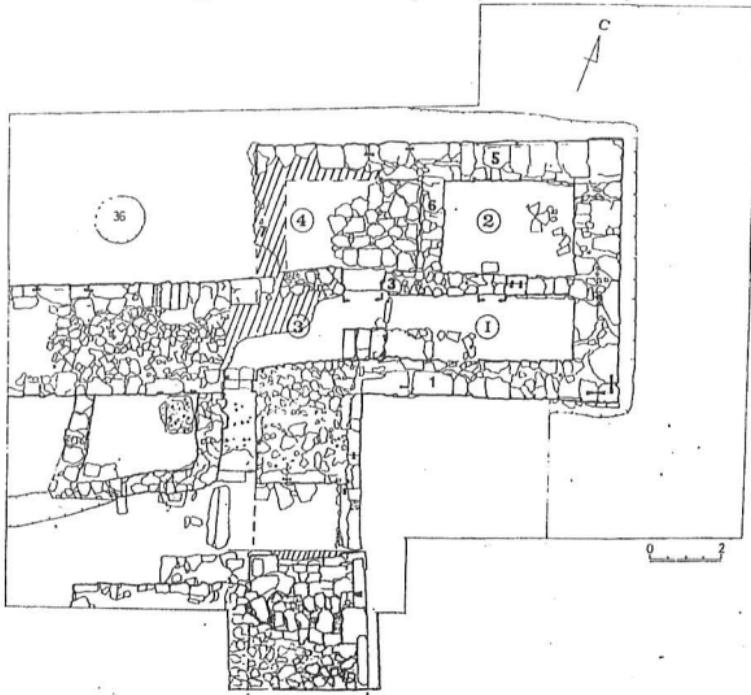

Рисунок 5
Северо-восточный угол цитадели и башня № 5. План

найденные в развалих башен не только внешней оборонительной системы, но и цитадели. Система черепичного покрытия была выполнена по сицилийской системе⁸. Тот факт, что за все годы исследований не было найдено ни одного фрагмента сегментированной черепицы, говорит в пользу того, что крыши, скорее всего, были двускатными (рис. 4; 6).

Рассмотренные башни цитадели (особенно № 4) находят ближайшие аналогии среди конструкций, включенных в усадебные комплексы херсонесской хоры, как на Гераклейском полуострове, так и в Северо-Западном Крыму, например, на Чайке⁹, Беляусе¹⁰, Большом Кастеле¹¹, Маслинах¹². Интересен тот факт, что практически во всех случаях (за исключением Чайкинской усадьбы № 1) сооружения возведены в конце IV в. до н.э. В самом же Херсонесе и в Керкинитиде башен близких планировочных структур и столь значительных размеров не выявлено. Это свидетельствует о том значении, которую играла цитадель в фортификации Калос Лимена.

Ворота, калитки. Пока раскопками выявлено два проема, связывавших угловое укрепление, как с внутргородской территорией, так и выводивших за пределы стен Калос Лимена. Первый из них находился в северной оконечности восточной куртины и прикрывался с фланга башней 5 (рис. 5). Его южный торец раскрыт еще в 1929 г и подчищался в 1933 гг. Он принимался исследователями то за остатки общественного сооружения, то за башенный выступ или башню внешней оборонительной линии¹³

. В процессе раскопок последних лет он целиком исследован¹⁴. Реконструируемая ширина проезда с фронтальной части, судя по сохранившемуся порогу и северному пилону ворот - 1,75 - 1,80 м. Проездной проем был немножко шире (до 2,0 - 2,2 м). С внутренней стороны находился еще один порог из цельного известнякового блока (выявлен не *in situ*, а зачищен в выборке, куда он попал при выемке камня). Неясным остается устройство самих ворот, так как не сохранился их южный откос и какие-либо следы запоров. Можно предположить, что сами полотнища были навесными и крепились к деревянным косякам, от одного из которых сохранилась прямоугольная подрубка в

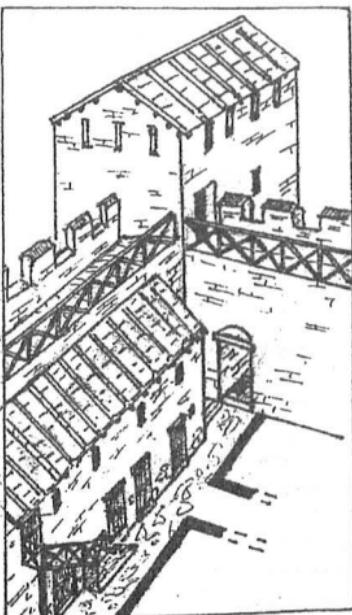

Рисунок 6
Вариант реконструкции башни (вид со стороны цитадели)

пороге. Непосредственно за проездом в крепость, который по своей ширине ближе к калитке, а не воротам, начиналась одна из продольных улиц цитадели. Ее ширина также не превышала 1,8 - 2,2 м, что во многом объясняет столь скромные размеры описываемого проема.

Второй вход в цитадель входил в комплекс юго-восточной башни форта (рис. 3; 4,1). Его ширина, без учета выступов, прикрывавших дверные косяки, достигала 0,9 м. Калитка была одностворчатой, навесной. Целиком сохранилась вырубка для горизонтального запирающего бруса круглого сечения, длиной свыше 1,2 м. С внутренней стороны проема

находился небольшой мощенный тамбур, от которого внутрь крепости вел наклонный коридор, снабженный каменной лестницей из четырех ступеней. В его западном торце, напротив входа в башню, раскрыта вертикальная вырубка. Можно предположить, что проходной коридор по центру мог дополнительно перекрываться опускающейся решеткой. Она должна была препятствовать нападающим, если пала передовая дверь, попасть как внутрь цитадели, так и башни. Аналогичное устройство, как уже указывалось ранее, выявлено пока только в воротах Херсонеса¹⁵. Остается до конца не решенным вопрос о характере перекрытия описываемых проемов крепости, а также дверей внутри башен, по ширине мало им уступавших. В Херсонесе для этого использовались клинчатые камни¹⁶, подобные найдены и в Ольвии, а также Пантикапее¹⁷. Однако при исследованиях Калос Лимена пока ни одного такого блока не встречено. В то же время мы располагаем, по крайней мере, двумя блоками, выявленными при раскопках башни 4 и, представляющими собой плиты псевдосвода (рис. 7,2). Судя по их протяженности, они могли перекрывать не только двери внутри сооружений (при этом оба найдены неподалеку от них), но и сами калитки, и неширокие ворота. Столь интересное совмещение двух вариантов перекрытий (архитравного и полуциркульного) встречено в Западном Крыму впервые.

Противотаранный пояс т.н. "пирамидальной" формы (точнее усеченно-конической) выявлен только по периметру башни 4 (рис. 2, № 4; 3,

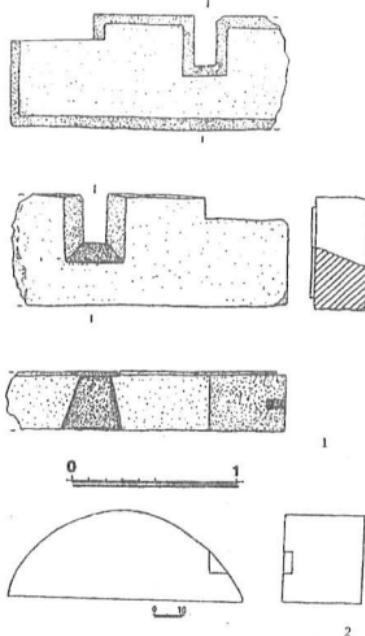

Рисунок 7
Архитектурные детали: 1 – бойница;
2 – псевдосвод калитки

В; 4). В основании он достигает толщины 1,85 - 2,0 м (с внешней стороны) и 0,8 - 1,5 м. (с внутренней стороны). Сохранившаяся его высота, считая фундамент, впущенный на отдельных участках до скалы, 1,0 - 2,5 м. Учитывая угол наклона сооружения можно вычислить его максимальную высоту - около 2,7 - 3,0 м. Описываемый пояс был сложен из огромных рустованных блоков с отесанными внешними и боковыми гранями (некоторые из них вторичного использования, взяты из какой-то монументальной, возможно фортификационной, постройки). Камни скреплялись между собой пиронами типа "ласточкин хвост".

Довольно интересен тот факт, что сам пояс прикрывал основание башни, как с напольной стороны, так и со стороны города и собственно цитадели. На наш взгляд, это свидетельствует в пользу того, что в укреплении, к западу и к северу от башни находилось значительное открытое пространство, свободное от строений (возможно двор или маленькая площадь).

Аналогичные пирамидальные пояса известны на многих укрепленных херсонесских усадьбах как на Гераклейском полуострове¹⁷, так и на отдаленной хоре: Беляусе¹⁸; Кульчукском городище¹⁹; Чайке²⁰. Необходимо отметить, что ни в одном из крупных укреплений и городских центров Херсонесского государства, включая и сам Херсонес, подобный строительный прием не выявлен. Чем это вызвано пока не ясно. Не исключено, что столь значительное внимание, уделенное обороне только одного фортификационного объекта в ци-

тадели Калос Лимена (по сути, он был превращен в третью, последнюю линию обороны крепости) указывает на его исключительную роль в упомянутом укреплении. Вполне возможно, что именно здесь мог находиться командующий гарнизоном форта (фруарух?).

Реконструируемые размеры. Судя по нашим обмерам, при возведении фортификационных сооружений цитадели, за модуль брался либо т.н. аттический фут (30,1 - 30,8 см), либо малый ионийский фут (29,4 - 29,6 см)²¹. Высота куртин видимо достигала около 8,5 - 9 м (30 футов или 20 локтей), при этом соотношение ширины основания к высоте близко к 1 / 3. Дополнительным подтверждением приведенных размеров могут послужить следующие данные. Так, изнутри к куртине примыкали двухэтажные казарменные помещения, крытые черепицей (последнее, кстати, не позволяет отнести их к комплексу т.н. «кассетированных куртин», распространенных в позднеантичное время²²). Высота блока, судя по Витрувию [VI, III, 7,8; V, IX, 3] (при учете поправки С.Д.Крыжицкого²³) достигала около 5,8 - 6,0 м. Учитывая то, что односкатная крыша "казарм" вряд ли достигала хода боевой площадки, а зубчатый (?) парапет, прикрывавший защитников, мог иметь высоту от двух локтей (до 0,90 м) до одной оргии (1,76 - 1,85 м), получается, что куртина возвышалась над дневной поверхностью не менее чем на 8,0 - 8,5 м. Высота этажей башен, которые вместе с крытыми боевыми площадками насчитывали не менее 3 ярусов (верхние 1 - 2 этажа были сырцовыми), могли дости-

гать около 3,0 – 3,2 м. Этому не противоречит и угол наклона лестничных маршей внутри строений. Общая высота сооружений, до коньков двускатных крыш, видимо, приближалась в среднем к 12 - 14 м.

Датировка цитадели. Судя по имеющимся стратиграфическим наблюдениям, эллинистическая цитадель Калос Лимена, возводилась немного позднее усиления южной оборонительной линии города. Во всяком случае, при постройке юго-восточной башни укрепления оказался разобранным на значительном участке дополнительный пояс оборонительной стены обращенной в южную сторону. Так, восточная кладка башни 4 сложена не вперевязь с ним, а только отдельные ее блоки путем подтесок несколько впущены в его лицевой фас. В сырцовых развалих жилых зданий, снивелированных при строительстве цитадели, встречены синопские клейма V и VI хронологичес-

ких групп по Б.Н.Гракову с именами астиномов Анфестерия Невмениева (1 экз.); Микрия сына Аристагора (1 экз.); Посия III, сына Стратоника (1 экз.); Гикесия сына Бакхия (2 экз.) Несмотря на значительный разброс имеющихся датировок синопских штампов указанных групп, они могут быть отнесены к концу второй - началу последней четверти III в. до н.э.²⁴. В засыпи траншейных фундаментов башен также обнаружены синопские клейма VI хронологической группы, с именами Эсхриона сына Артемидора (1 экз.) и Метродора, сына Атениппа (2 экз.) датируемые последней третью III в. до н.э. К указанному периоду принадлежат и синопские штампы из "пандуса" по внешнему периметру башни 5 цитадели, принадлежащие магистратам Пасихару, сыну Деметрия (1) и Антипатру, сыну Аполлодора (1). В сырцовых массивах внутри башен, обнаружено несколько монет, попавших в кладки при воз-

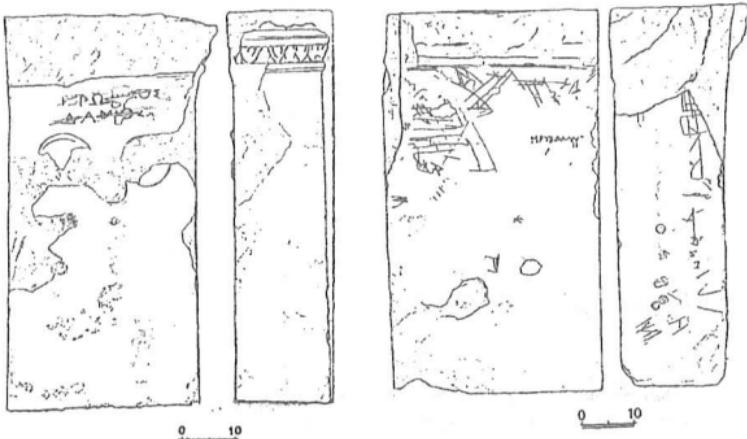

Рисунок 8
Надгробия из внутреннего панциря башни 4

ведении сооружений. Первая из них херсонесской чеканки: "голова Геракла в повязке вправо - ХЕР, палица" 210 - 200 гг. до н.э. по В.А.Анохину²⁵, 60 - 40^е гг. III в. до н.э. по Е.Я.Туровскому²⁶; вторая - ольвийская, датируемая 200 - 190 гг. до н.э. Верхнюю дату постройки цитадели дают еще несколько монет, происходящих с нижних подмазок ранних глиновитных полов башни. Они представлены следующими херсонесскими номиналами: дихалк "голова Девы вправо - ХЕР, лежащая лань влево" (210 - 200 гг. до н.э.) по В.А.Анохину²⁷; 60 - 40^е гг. III в. до н.э. по Е.Я.Туровскому²⁸; голова Афины в коринфском шлеме вправо - ХЕР, грифон вправо (1 экз.) (180 - 170 гг. до н.э.) по В.А.Анохину²⁹; последняя четверть III в. до н.э.³⁰ по Е.Я. Туровскому. Следует отметить, что одна из последних монет попала в нижнюю подмазку глиновитного пола, почти не побывав в обращении. Используя систему "узких датировок" можно отнести время возведения описываемого форта к последней трети III в. до н.э.

Как показывают археологические данные, одновременно с Калос Лименом, где, по сути, была возведена двойная линия обороны, аналогичные работы проводились и в других крупных городских центрах Херсонесского государства. Так в Керкинитиде сам город оказался разделенным поперечной стеной на две почти равные части³¹. Это произошло не ранее последней четверти III в. до н.э. С большой долей вероятности можно предполагать, что возведение мощного укрепленного узла в северо-восточном углу Херсонеса, фланкируе-

мого сооруженного одновременно с ним башней XVII (Зенона) произошло в то же время. С.Ф.Стрежелецкий дату ее постройки, а также примыкающих к ней куртин 19 и 21 отнес к концу III - началу II вв. до н.э.³² Против этой датировки впоследствии выступил ряд исследователей³³. В качестве аргументов в пользу ее удревнения они указывали на находку в ядре башни синопского штампа с именем астинома Гестия II хронологической группы, а также на то, что внутренний панцирь постройки состоял из вторично использованных херсонесских надгробий конца IV - начала III вв. до н.э.³⁴. Последнее, по их мнению, указывало на значительную военную опасность, вынудившую херсонесцев использовать даже надгробия с некрополя с целью укрепления и постройки новых крепостных стен. Этому в корне противоречит внешний фас башни XVII и куртин 19 и 21, выложенных из превосходно отесанных и подогнанных квадров, установленных в парадной сложной орфостатной системе. Это скорее указывает на то, что у строителей было довольно много времени для возведения указанных объектов, а военная угроза если и была реальной, то, во всяком случае, не столь близкой как это пытаются представить. К тому же, факт вторичного использования ранних надгробий, для возведения крепостных стен более позднего периода был довольно распространен в античном мире³⁵. Здесь нельзя особо не отметить, что и стены и внутренние панцири башен цитадели (а также и внешней линии обороны) частично сложены из надгробных па-

мятников конца IV - III вв. до н.э. (рис.8). Это в совокупности дает основание предположить, что сооружение оборонительных систем во всех городских центрах территориально-го херсонесского государства произошло практически одновременно в последней трети III до н.э.³⁶. Причиной, повлекшей столь значительные по масштабу строительные работы, послужило очередное обострение скифо-херсонесских взаимоотношений. Именно в это время в центральном Крыму образовалось позднескифское царство с центром в Неаполе Скифском, претендовавшее на равнинную территорию северо-западной части полуострова.

Время сооружения пирамидального пояса по периметру главной башни цитадели Калос Лимена установить несколько сложнее. Из его забутовки происходит ручка киндской амфоры с плохо читаемым клеймом. На уровне строительного отеса обнаружен штамп родосского фабриканта Дамократа I с дополнительным клеймом "Н". В.Грейс отнесла его к III хронологической группе отметив, что указанный фабрикант в числе первых (ок. 188 г. до н.э.) стал применять дополнительные клейма³⁷. Ю.С.Бадальянц включил Дамократа I в группу III/4, датируемую им в пределах 200 - 165 гг. до н.э.³⁸. На уровне отеса найдено еще два клейма синопского фабриканта (?) Нойова, клеймившего тару в первой половине II в. до н.э. Во всяком случае, амфора с его штампом найдена на Неаполе Скифском в слое середины - второй половины II в. до н.э.³⁹. В совокупности, против-

вотаренный пояс башни 4 датирован в пределах первой - начала второй четвертей II в. до н.э. Именно в этот период аналогичные пояса возводятся вокруг башен херсонесских усадеб как на Гераклейском полуострове⁴⁰, так и на дальней херсонесской хоре (Беляус, Кульчук)⁴¹. Как уже упоминалось выше, среди городских укреплений Херсонесского государства, подобный прием зафиксирован впервые.

После упомянутых военно-инженерных мероприятий, направленных как на усиление внешней линии обороны, так и на возведение форта в одном из углов крепости Калос Лимен, был превращен в мощную крепость, отвечающую существующим на том этапе требованиям античной полиоркетики. Факт того, что отдельные отрезки куртин были усилены поясами, имевшими цель не дать возможность противнику использовать осадные орудия, является одним из ярчайших подтверждений изменений военной тактики варваров. Видимо, уже ближе к концу III-II вв. до н.э. имели большой опыт в осаде и взятии штурмом крупных укреплений, а также обладали и осадными орудиями. Благодаря значительным перестройкам, фортификационные сооружения Калос Лимена позволили его жителям при постоянной угрозе скифского набега противостоять варварам вплоть до середины II в. до н.э., когда практически все остальные населенные пункты отдаленной херсонесской хоры (за исключением Керкинитиды) пали под ударами скифов.

Разрушение внешней оборонительной линии Прекрасной Гавани, а также отдельных объектов эллинис-

тической цитадели, судя по родосским отискам III - IV хронологических групп, а также чернолаковой и бурлаковой керамики стиля "West Slope", произошло не ранее середины II в. до н.э.⁴². Оно, вероятно, было связано с оставлением Калос Лимена греческим населением, когда там, также как и в Керкинитиде, были предприняты работы направленные на уничтожение крепостных стен упомянутых центров.⁴³

Примечания

1. Lawrence A.W. Greek arms in fortification. Crarendon press. Oxford. – 1979.
2. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Калос Лимен (раскопки 1988 – 1995 гг.) // АК. - 1997. № 1. - С. 51
3. Кутайсов В.А., Анохин В.В., Приднев С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос лимена // АИК в 1994 г. Симферополь: изд-во Таврия, 1997. - С. 170
4. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХС. – 1959. – Ч. 3, вып. 5. - С. 88, рис. I, 5; Крыжицкий С.Д. Архитектура античных городов Северного Причерноморья. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 102, сл.
5. Дащевская О.Д. Античная башня на городище Беляус. // / КСИА.- 1969. - Вып. 116.- С. 89, рис. 26,27; Яценко И.В.; Турина Т.Н. Здание III в до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории.- Изд-во МГУ, 1991.- С. 107, рис.10
6. Дащевская О.Д. Там же, рис. 27.
7. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных городов Северного Причерноморья. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 106
8. Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья.- К.: Наук. Думка, 1982.- Рис.28,13.
9. Яценко И.В., Турина Т.Н. Здание III в до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории.- Изд-во МГУ, 1991.- С. 105 – 113, рис.10.
10. Дащевская О.Д., Щеглов А.Н Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА.- 1965.- № 2.; Дащевская О.Д. Античная башня на городище Беляус. // / КСИА.- 1969.- Вып. 116.- С. 85-92.
11. Щеглов А.Н. Большой Кастель и святилище II в до н.э. в урочище Джангуль // ПАК.- 1988.- С. 273 – 275; Завадская И.О. Большой Кастель. Опыт архитектурной реконструкции здания IV в. до н.э. // Проблемы античной культуры - тезисы докл. Конференции. - часть III - Симферополь, 1988.- С. 239, сл.
12. Латышева В.А. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // /КСИА.- 1978.- Вып. 156.- С. 54 – 56,рис. 2
13. Моисеев Л.А. Отчет об экспедиции в Ак-Мечеть в 1929 г. // Архив ГХИАЗ.- 1929, р.- 1, № 1588 - 27 л.; Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА.- 1937.- №3.- С. 253; Он же. Евпаторийский район: 1933-1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР: 1934-1936 гг.- М.-Л., 1941.- 269.
14. Кутайсов В.А., Анохин В.В., Приднев С.В., Уженцев В.Б. Ук.соч. – С.170,рис. 94
15. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХС. - 1926. - Ч. 1, -вып.1.- С.44
16. Гриневич К.Э. Там же, черт. 7:10
17. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука,1978.- Рис.37,1
18. Дащевская О.Д. Античная башня ... - С.90,сл., рис. 25,сл.
19. Голенищев А.С. Фортификация городища Кульчук // Фортификация в древности и средневековье. – СПб., 1995.- С. 51
20. Яценко И.В. Исследование сооружений скифского периода на городище "Чайка" в Евпатории (1964 – 1967 гг.) // КСИА АН СССР. – 1970. – Вып. 124. – С. 31 – 38; Яценко И.В., Турина Т.Н. Здание III в до н.э. на городище Чайка .....- С. 131.

21. Буйских А.В. О стандартах линейных мер в строительно-каменотесном деле Херсонеса IV – II вв. до н.э. // АМА.- Вып. 10. – 1999. – С. 95 – 100.
22. Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века н.э.) – К.: Наук. Думка 1991. – С.23; Крижицкий С.Д. Архитектура .... – С. 100
23. Крижицкий С.Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. IV – II вв. до н. э. – К.:Наук. Думка.1971. – С. 89
24. Конович Н., Аврам А., Познару-Бордя Г. Количественный анализ синопских амфорных клейм из Каллатиса // Греческие амфоры.- Изд-во Саратовского университета,1992; Соловиц N. Les timbres amphoriques 2. Sinope (tuiles timbres compres) // Histria.- VIII. – 1998 . Федосеев Н.Ф. Керамические клейма из раскопок "Бакланья скала" // Древности Боспора - № 1. - М.1998.
25. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. – К.: Наук. Думка, 1977. – С.144
26. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV – II вв. до н. э. Симферополь: изд-во Южнорусские ведомости,1997. - С.60
27. Анохин В.А. Ук. Соч. – С. 143
28. Туровский Е.Я. Ук. Соч – С. 60
29. Анохин В.А. Монеты ... - С. 145
30. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса ... - С. 62
31. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. -К.: Наук. думка, 1990. - С. 40,сл., 55,62, Он же Керкинитида. - Симферополь: Изд-во Таврия, 1992 - С. 78 – 80
32. Стржелецкий С.Ф. XVП башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. – IV. – 1969. – С. 15, сл.,25; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки. // СХ. – 1996.- VII.- С. 101 – 131.
33. Щеглов А.Н. Рецензия на статью С.Ф Стржелецкого "XVП башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона)" // СА. -1975. - № 1.; Золотарев М.И.,Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // ДП. – Одесса,1990.
34. Стржелецкий С.Ф. XVП башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. – IV. – 1969. – С. 11 – 16, Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. – IV. – 1969. – С. 29 – 44
35. Дашиевская О.Д. О разорении греческих и скифских могил в древности // РА. - 1994. - С. 79 – 84.
36. Уженцев В.Б. К вопросу о датировке некоторых элементов обороны городов Херсонесского полиса // Ольвия 200 (тезисы докл.).- Николаев,1994.- С. 130 – 132
37. Grace V.R., Savvalianou – Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // Exploration archeologique de Delos-. 1970-. Fasc. 27. -P.295
38. Бадалиянц Ю.С. Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм // НЭ.- 1980-. Т.13. - С. 164
39. Зайцев Ю.П., Пуздовский А.Е. Неаполь скифский в эпоху Диофантовых войн // СЗКАЭ. – К.,1994.- С. 229, рис. 3,10
40. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - С.74
41. Дашиевская О.Д. Античная башня .... - С.89;Голенцов А.С. Фортификация городища Кульчук ... С.51.
42. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. О работах Западно-Крымской экспедиции в 1991 г. // АВ. -1992.-№3.- С. 34;Они же Археологические исследования Калос Лимена. // АИК в 1993.- Симферополь: изд-во Таврия,1994.- С. 66; Уженцев В.Б. О населении Прекрасной Гавани во второй половине II в. до н.э. // ПИК.- Симферополь, 1991.- Вып. 2.- С. 3,4.
43. Кутайсов В.А. Культурно-историческая стратиграфия Керкинитиды //Архитектурно-археологические исследования в Крыму.- К.:Наук. Думка – С.12; Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Археологические исследования Калос Лимена. С. 171 - 190 // АИК в 1993.- Симферополь: изд-во Таврия,1994.- С. 65,сл.; Уженцев В.Б. О населении Прекрасной Гавани - С. 3.; Он же.- К вопросу о датировке некоторых элементов обороны городов Херсонесского полиса // Ольвия 200 (тезисы докл.).- Николаев,1994.- С. 130 – 132

В.Б. Уженцев
А.А. Труфанов

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ КАЛОС ЛИМЕНА

Многолетние раскопки городища Калос Лимен, расположенного в Северо-Западном Крыму, позволили накопить обширный материал, среди которого довольно значительную часть составляет краснолаковая керамика. Эта категория изделий интересна прежде всего потому, что, с учетом современных разработок, позволяет достаточно узко датировать отдельные комплексы, культурные слои, а также определять общую хронологию памятника. Кроме того, на основе анализа краснолаковой керамики можно судить о торгово-экономических связях поселения.

Обобщающих публикационных работ, посвященных краснолаковой посуде из поселений и городищ Северо-Западного Крыма, до сих пор не было. Предлагаемая нами статья отчасти восполняет этот пробел. Важность материалов из Калос Лимена определяется еще и тем, что хронология этого памятника в общих чертах близка к периодизации позднего этапа в истории прочих городищ Северо-Западного Крыма, и можно ожидать похожий состав керамики на этих памятниках.

В ходе раскопок Калос Лимена был получен многочисленный археологический материал, который из-за своего объема не может быть опубликован полностью и единовременно. Поэтому находки, найденные в процессе изучения городища, публику-

ются отдельными блоками: по комплексам и по группам инвентаря. Данная статья посвящена рассмотрению краснолаковой посуды, обнаруженной в ходе исследования городища Калос Лимен.

В структурном плане публикация состоит из каталога имеющихся находок с обоснованием датировок. Иллюстративная часть представлена в виде двух групп рисунков, первая из которых содержит изображения посуды из перемешанных слоев и комплексов, включающих единичные фрагменты краснолаковых сосудов, а вторая состоит из более или менее надежно датированных комплексов, содержащих не менее двух взаимо-коррелируемых находок. Вещи, взятые в коллекцию и хранящиеся в фондах заповедника "Калос-Лимен", охарактеризованы в тексте более подробно. Описание прочих находок дано в соответствии с полевыми рисунками.

Рис. 1,1. Краснолаковый одноручный кувшин с цилиндрическим горлом, с отогнутым утолщенным венчиком, покатыми плечиками и скошенной стенкой, на кольцевом поддоне. Под венчиком и на плечиках имеются пояски из врезных линий. Точные аналогии сосуду нам не известны. Исходя из общей датировки близких кувшинов и условий находки ("коридор" между помещением XIII и кладкой 69) данный кувшин

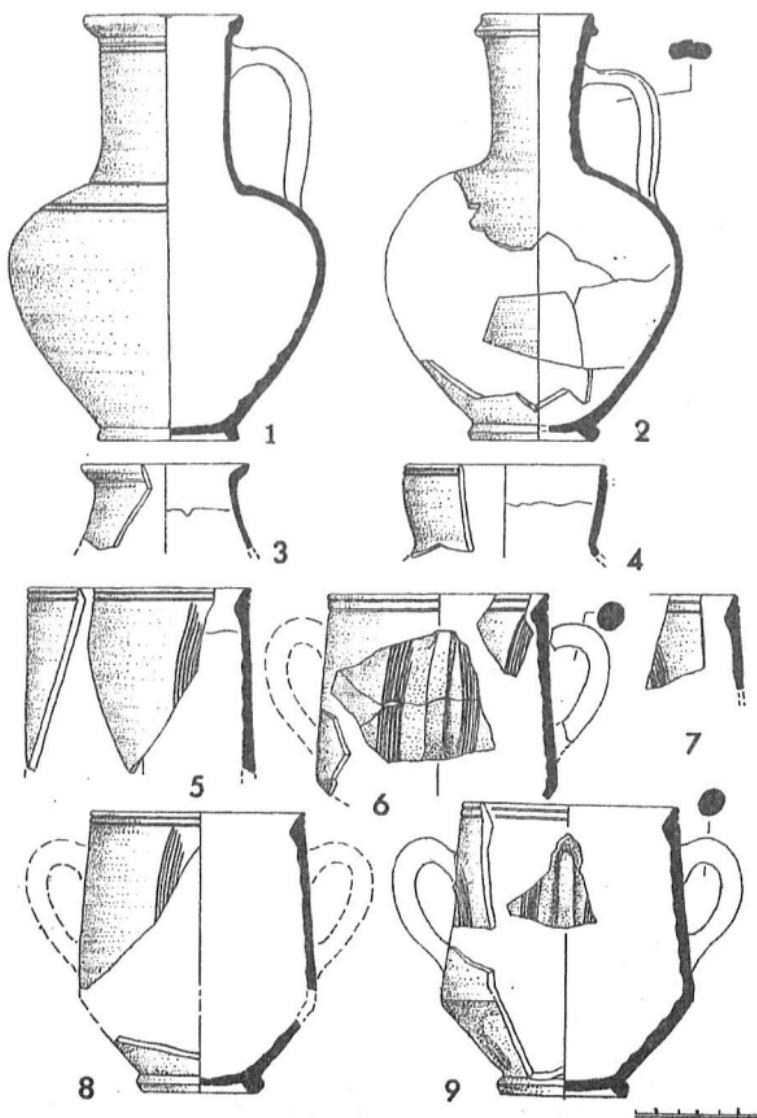

Рисунок 1

Кувшины и канфары

датируется в переделах I – начала II в. н.э.

Рис. 1,2. Одноручный кувшин с узким цилиндрическим горлом, нависающим венчиком, шарообразным корпусом, на кольцевом поддоне. Следов лакового покрытия не выявлено, но ввиду формальной близости к известной серии краснолаковых сосудов, данный кувшин рассматривается в ряду краснолаковых. $D = 5,5$ см, $H = 20,6$ см, $d = 6$ см. Глина оранжевая, с коричневым оттенком, включающая камешки, белые и черные мелкие частицы, блестки, бурье образования, рыхлая. Поверхность покрыта плохо сохранившимся белым ангобом. Аналогичные кувшины, судя по известным нам комплексам, датируются не ранее конца I – первой трети II в. н.э.³

Рис. 1,3. Фрагмент верхней части одноручного кувшина с широким горлом, отогнутым венчиком, яйцевидным туловом и, вероятно, петлевидной ручкой. $D = 8,5$ см. Глина красно-оранжевая, с включением черных и белых частиц. Лак темно-красный, матовый. Однотипные кувшины встречены при раскопках могильника Бельбек IV, Усть-Альминского некрополя, Булганакского городища, Неапольского могильника и Херсонеса² в комплексах I в. н.э. Рассматривая ареал встречаемости таких кувшинов, следует подчеркнуть, что в Северо-Западном, Юго-Западном и Центральном Крыму их находки известны как массовое явление, тогда как в Восточном Крыму они единичны. Это заставляет предполагать их возможное производство в Херсонесе, или, что менее вероятно, тран-

зитное попадание на полуостров через Херсонес.

Рис. 1,4. Фрагмент верхней части кувшина с почти вертикальным венчиком, имеющим на внешней части два желобка, с широким, чуть выпуклым горлом и, вероятно, шарообразным туловом. $D = 10$ см. Глина красно-коричневая, с пустотами, мелкими блестками и белыми частицами. Лак темно-красный, средней плотности, блестящий. Встречаются как одноручные, так и двуручные сосуды этой формы. В основном их дата не выходит за пределы последней четверти I в. до н.э.- I в. н.э.³ Фрагмент сосуда из Калос Лимена происходит из слоя, включающего верхнюю часть узкогорлой светлоглиняной амфоры типа B.

Рис. 1,5. Фрагмент верхней части двуручного кубка с заостренным венчиком, имеющим на внешней стороне два желобка, с прямой, почти вертикальной стенкой, резко переходящей в скошенную нижнюю часть, на кольцевом поддоне. Корпус украшен чередующимися налепами и полосами, оставленными гребенчатым инструментом и состоящими из 6 врезных линий. Внутренняя часть, не покрытая лаком, имеет ярко выраженную неровность, образованную вследствие формовки сосуда на гончарном круге. $D = 11$ см. Глина бледно-оранжевая, пористая, с блестками, черными и белыми частицами. Лак оранжевый, жидкий, матовый. Данный фрагмент происходит из заполнения хозяйственной ямы № 10, где помимо него были найдены обломки боспорской амфоры с клювовидным венчиком, фрагмент сосуда по-

крытого светло-зеленой поливой и лепной горшок, в совокупности, указывающие на I в. н.э. Фрагменты аналогичных сосудов известны из раскопок Ольвии и Козырского городища.⁴

Рис. 1,6. Фрагменты аналогичного сосуда. D = 10,8 см. Эти фрагменты происходят из заполнения хозяйственной ямы № 11, откуда, кроме них, получены обломки узкогорлых светлоглиняных амфор типа А, широкогорлых светлоглиняных амфор с двустольными ручками, лепных чашек и курильницы на высокой четырехгранный ножке. По общему набору находок данный комплекс может быть датирован I в. н.э.

Рис. 1,7. Фрагмент аналогичного сосуда.

Рис. 1,8. Фрагменты аналогичного кубка. D = 10,5 см. Реконструируемая высота 13,8 см, d = 5,7 см. Хозяйственная яма № 10, в заполнении которой, были найдены эти фрагменты, датируется в пределах I в. н.э.

Рис. 1,9. Фрагменты аналогичного сосуда. D = 10,7 см. Реконструируемая высота 14 см, d = 6,4 см. Найдены в хозяйственной яме № 11, заполнение которой датируется I в. н.э.

Рис. 2,10. Фрагмент двуручного кубка с цилиндрическим туловом и ребром в месте его изгиба в преддонной части. В верхней части ручек имеются налепы. Глина темно-оранжевая, плотная, с мелкими белыми включениями. Лак на внутренней стороне сосуда матовый, красно-коричневый, снаружи также матовый, буро-коричневый, неравномерный. Подобные сосуды известны в Пергаме (форма S -9), где датируются от

второй половины II до третьей четверти I в. н.э.⁵, и в Ольвии (Тип 3 – А).⁶ При раскопках башни на Узунларском валу аналогичный кубок был найден в слое второй половины I в. до н.э.⁷ Фрагмент сосуда из Калос Лимена найден в помещении Ш, в слое, содержащем, кроме того обломки узкогорлых светло-глиняных амфор типа А и датируемом первой половиной I в. н.э.

Рис. 2,11. Фрагмент нижней части аналогичного или близкого по форме сосуда. D = 6 см. Глина оранжевая, хорошо отмученная, плотная, с редкими мельчайшими блестками. Лак плохого качества, матовый, неравномерный, темно-оранжевого цвета. Данный фрагмент найден в заполнении хозяйственной ямы № 1 вместе с обломком двуручной миски, изображенной на рис. 2,12.

Относительно следующей группы сосудов у исследователей не сложилось единого мнения по поводу их наименования: их называли чашами, мисками, находили сходство с эллинистическими канфарами и киликами. Это глубокие сосуды с вертикальным бортиком и ребром на месте его перехода в склоненную, слегка выгнутую стенку, с двумя горизонтально прикрепленными ручками, на кольцевом поддоне. Соответствуют типам 3 (М) и I – А (Т) по Т.Н.Книпович, датировавшей их в целом I в. до н.э. – серединой I в. н.э.⁸, типу 12 по В.В.Крапивиной⁹, типу XIII по И.С.Каменецкому.¹⁰

Рис. 2,12. Фрагмент верхней части двуручной миски. Венчик слегка отогнут. D = 18 см. Глина имеет серый цвет, образовавшийся в резуль-

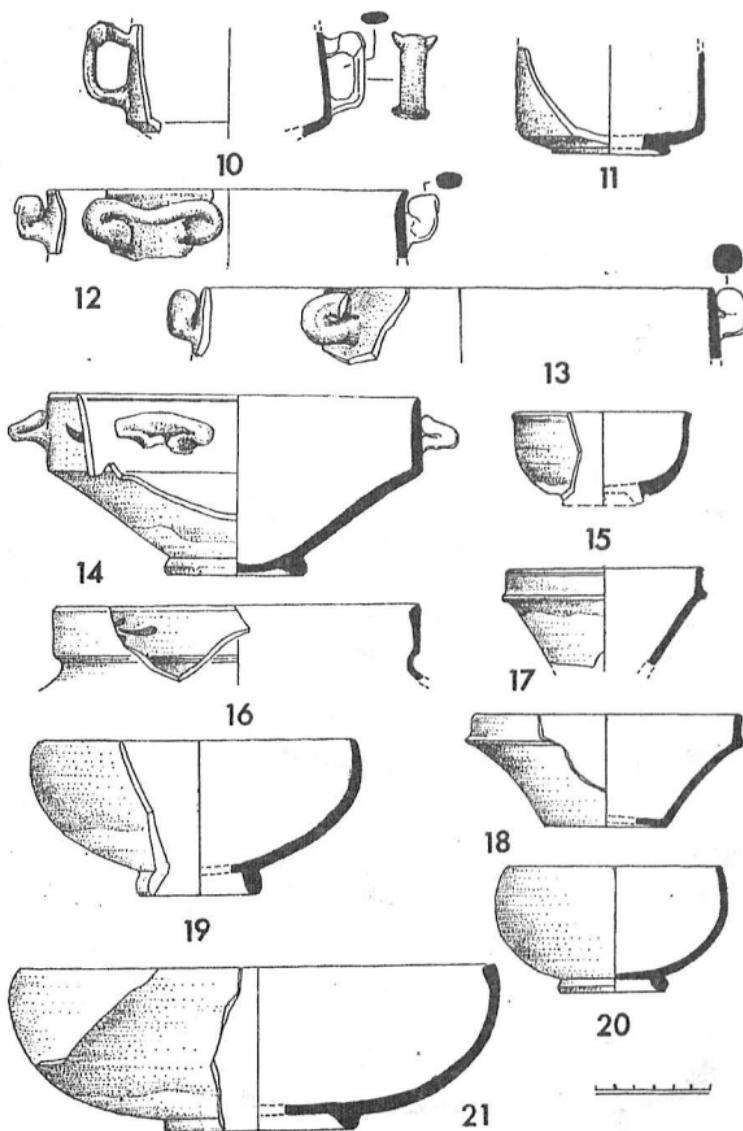

Рисунок 2

Сосуды различных форм

тате пережога сосуда, с блестками и редкими пустотами. Лаковое покрытие черно-коричневое, матовое. Поверхность шершавая на ощупь. Сосуды рассматриваемой формы извест-

ны по материалам раскопок Нимфея (с монетой Асандра (44 – 30 гг. до н.э.))¹¹, Беляусского могильника¹² и Афин (в слоях I в. до н.э.).¹³ Принимая во внимание общее развитие фор-

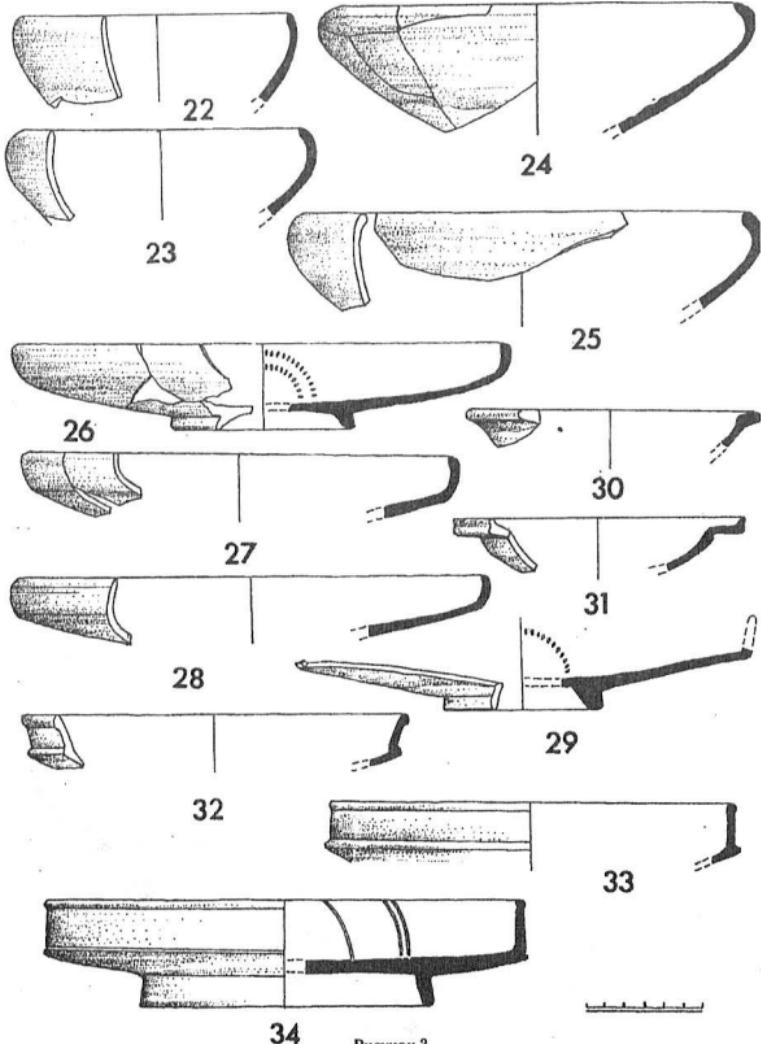

Рисунок 3

мы, при котором отогнутые ручки предшествовали прижатым, образец из Калос Лимена, найденный в хозяйственной яме № 1, следует относить к I в. до н.э.

Рис. 2,13. Фрагмент верхней части двуручной миски. Венчик слегка заострен и является продолжением стенки. $D = 26$ см. Внутренняя поверхность бортика имеет неровности, полученные из-за формовки на гончарном круге. Глина оранжево-коричневая, плотная, с мельчайшими блестками и белыми частицами. Лак красно-оранжевый, матовый, с коричневатым оттенком. Такой признак как не сведенные прилепы ручек, может указывать на датировку данного фрагмента в пределах второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э.¹⁴

Рис. 2,14. Фрагментированная двуручная миска, украшенная желобком на внешней стороне венчика и орнаментом, выполненным белой краской на бортике. $D = 18,2$ см, $H - 9$ см, $d - 6,7$ см. Глина пористая, с редкими блестками и пустотами, бледно-оранжевая, черепок в изломе имеет сероватую прослойку. Поверхность сосуда сохраняет следы двойного лакового покрытия: первичное – имеет бледно-оранжевый цвет и покрывает как внутреннюю, так и внешнюю поверхность, вторичное – насыщенного оранжевого цвета с бурыми подтеками, матовое, не покрывающее внутреннюю часть стенок. Судя по общим пропорциям сосуда, миска из Калос Лимена, происходящая из заполнения хозяйственной ямы № 3, может быть датирована последней четвертью I в. до н.э. – третьей четвертью I в. н.э.

Рис. 2,16. Фрагмент верхней части сосуда (горшка?) с вертикальным, утолщенным в верхней части бортиком и резким перехватом на месте его соединения с туловом. Бортик украшен орнаментом, выполненным белой краской. $D = 18$ см. Глина рыхлая, розово-коричневая, с белыми частицами и редкими блестками. Лак плотный, блестящий, темно-оранжевого цвета. Фрагмент из Калос Лимена найден в заполнении заглубленного в грунт помещения V. Обломок аналогичного сосуда обнаружен при исследовании городища Артезиан, в комплексе, датированном автором раскопок I в. н.э.¹⁵ (но включающем находки более широкого временного диапазона: верхнюю часть тарелки второй половины I – первой половины II в. н.э. и фрагмент рыбного блюда IV – III вв. до н.э.).

Рис. 2,17. Верхняя часть красно-лаковой чашки с вертикальным бортиком и сильно выраженным ребром в месте его перехода в склоненную стенку, с желобком на внешней стороне венчика. $D = 10$ см. Граница лакового покрытия проходит в верхней части стенки. Данный фрагмент принадлежит сосуду типа 4(М) по Т.Н. Книпович¹⁶, типа 4а по В.В. Крапивиной¹⁷, типа VI по И.С. Каменецкому¹⁸, формы 5 по Дж. Хейсу.¹⁹ Насколько нам известно, сосуды данной формы, относящиеся к группе Понтийская сигиллата, появляются в Крыму не ранее последней четверти I – начала II в. н.э. и встречаются по крайней мере вплоть до III в. н.э. Фрагмент из Калос Лимена происходит из помещения III, из слоя, содержащего фрагменты керамики более

раннего времени: обломки узкогорлых светлоглиняных амфор типа А и фрагмент двуручного сосуда, изображенного на рис. 2.10.

Рис. 2.18. Фрагментированная чашка этого же типа, но иного вари-

анта, отличающегося отсутствием поддона и желобка на внешней стороне бортика. $D = 13,8$ см, $H = 5,5$ см, $d = 6,5$ см. Граница лака проходит в нижней части стенки. Такие чашки обычно встречаются в комп-

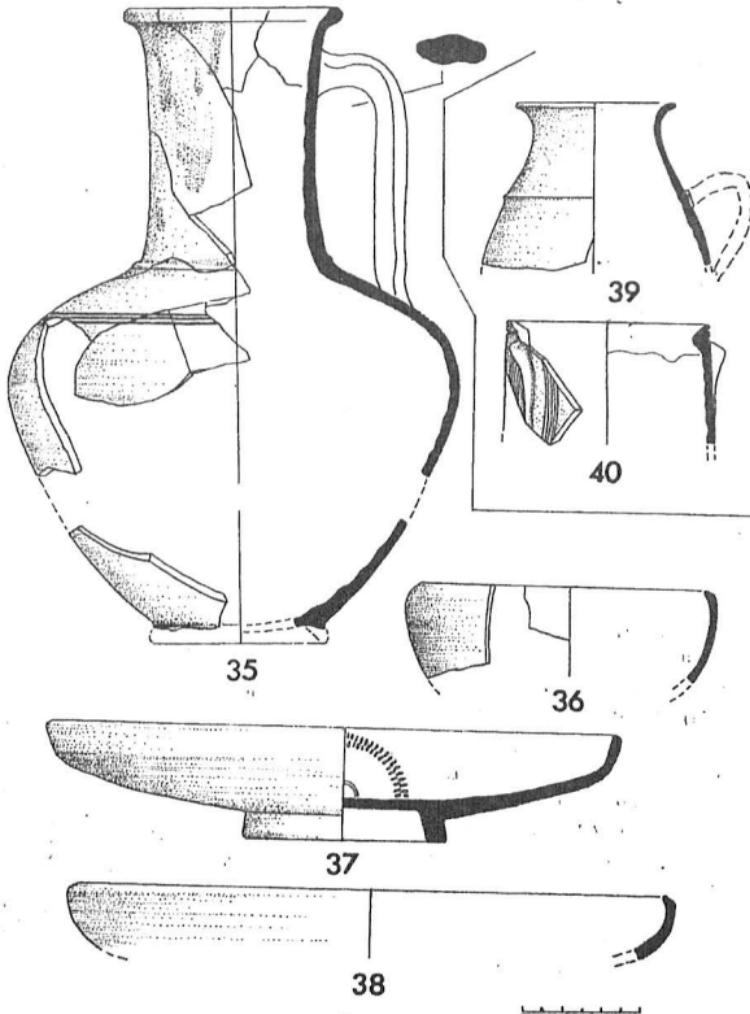

Рисунок 4

Керамика из помещения XXVI (35-38), из хоз. ямы 8 (39,40)

лексах II в.н.э. Данный фрагмент найден в засыпи хозяйственной ямы № 31, где помимо него был обнаружен фрагмент широкогорлого кувшина типа изображенного на рис.4,39.

Далее следует большая группа мисок, форма которых в общих чертах может быть охарактеризована как полусферическая. Детальной обобщающей работы по типологизации и выяснению хронологии изделий рассматриваемой формы, происходящих из памятников Северного Причерноморья, пока не существует. Тем не менее, поскольку подобные сосуды являются одной из самых массово представленных керамических форм в регионе, предпринимались шаги к упорядочиванию информации о многообразии их формальных отличий. При этом рассматривались миски, происходящие из отдельных памятников (Книпович Т.Н., 1952; Крапивина В.В., 1993) или из группы объектов, объединенных по этнокультурным признакам (Каменецкий И.С., 1993). Полусферические миски из Тиритаки и Мирмекия Т.Н.Книпович датировала временем не ранее I в. н.э. (типы 13 (Т) и 14 (М)).²⁰ И.С.Каменецкий, обобщая результаты исследования краснолаковой керамики из меотских городищ, пришел к выводу о целесообразности разделения полусферических сосудов на три типа (тип 1 – миски с закругленным краем, тип ХП – приземистые тарелки, тип XVIII – миски с резко закругленным краем).²¹ Обработка материалов Ольвии позволила создать типологию, основанную приблизительно на тех же формальных признаках

(тип 1 – миски-чаши округлой формы с загнутым во внутрь венчиком, тип 2 – миски-чаши с косыми стенками и более резко загнутым венчиком, тип 6 – полусферические сосуды, у которых венчик является продолжением стенки).²² Рассматриваемые сосуды находят аналогии среди инвентаря погребений могильника Золотое (чаши типа 9 и миски типа 1)²³, некрополей Бельбек III и Бельбек IV (миски типа 18).²⁴

Не ставя перед собой задачу построения типологии полусферических мисок из Калос Лимена, мы распределяем имеющиеся в наличии находки на два полярно различающихся варианта и промежуточные формы.

Первый из вариантов представлен собственно полусферическими мисками (рис. 2, 19 -21), соответствующими изделиям типа 6 по В.В.Крапивиной.²⁵

Рис. 2,19. Полусферическая миска на кольцевом поддоне. D = 15,6 см, H – 7,4 см, d – 6 см. Глина оранжево-коричневая, плотная, с мелкими пустотами, блестками, мельчайшими белыми и редкими черными частицами. Лак красно-коричневый, неравномерный, матовый, его граница проходит в средней части стенки.

Рис. 2,20. Полусферическая миска на кольцевом поддоне. D = 11,2 см, H = 6 см., d – 5,5 см.

Рис. 2,21. Полусферическая миска. D = 24 см, H = 7,8 см, d – 9,4 см. Глина красно-коричневая, пористая, с мелкими камешками, пустотами, белыми и черными частицами, редкими мельчайшими блестками. Лак красный, плохого качества, с темными пят-

нами, матовый. Формально она близка сосуду из склепа 390 (Усть-Альма).²⁶

Второй вариант представлен мисками с косой или слегка скругленной стенкой, с более или менее резким загибом венчика вовнутрь, верхний утолщенный край которого, как правило, заострен, на кольцевом поддоне. Отмечено формальное сходство таких сосудов с эллинистическими чернолаковыми и буро-лаковыми изделиями.²⁷ В качестве примера такого сходства приведем сосуды из комплекса третьей четверти II в. до н.э.²⁸

Рис.3,22. Верхняя часть миски. D = 14 см. Глина оранжево-коричневая, хорошо отмученная, с редкими мелкими пустотами, блестками и белыми частицами. Лак-обмазка темно-оранжевый, крайне низкого качества, матовый. Данный фрагмент происходит из слоя, синхронного хозяйственної яме № 1.

Рис.3,23. Верхняя часть миски. D = 14,7 см. Глина оранжевая, черепок в изломе имеет серую прослойку, плотная, с редкими мелкими линзовидными пустотами и мельчайшими блестками. Лак-обмазка темно-красный, плохого качества, матовый.

Рис.3,24. Верхняя часть большой миски. D = 20,5 см. Глина бледно-оранжевая, плотная, с блестками, черными и белыми частицами. Лак красно-оранжевый, с черными пятнами пережога, матовый. Поверхность внутри сосуда имеет неровности вследствие формовки на гончарном круге. Эта фрагментированная миска происходит из заполнения хозяйственной ямы № 5.

Рис. 3,25. Фрагменты большой миски. D = 23 см. Глина желто-корич-

невая, с розовым оттенком, с черными и белыми включениями, блестками, пустотами и мелкими камешками. Лак темно-красный, жидкий, с пятнами красно-коричневого оттенка.

Следующая группа сосудов состоит из тарелок с заостренным верхним краем, слегка скругленным вертикальным бортиком, слабо выраженным ребром в месте его перехода в склоненную стенку, на кольцевом поддоне. Формально близкие тарелки известны в Пергаме (формы Т 1 и Т 2), где датируются от середины II в. до н.э. до конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.²⁹ Похожие тарелки из группы Восточная сигиллаты А (формы 2 А и 3) отнесены ко второй половине II – I вв. до н.э.³⁰ В Северном Причерноморье сосуды рассматриваемой формы встречены в Беляусском могильнике³¹ в Горгиппии – в комплексах, относящихся к строительному периоду конца III – середины I в. до н.э.³², в Кутлакской крепости – с материалом последней четверти I в. до н.э. – начала I в. н.э.³³, при раскопках башни на Узунларском валу – в комплексе второй половины I в. до н.э.³⁴ (), на городище Артезиан – в слое второй половины I – П в. н.э.³⁵ Рассматриваемые тарелки различаются глубиной, высотой поддона и степенью загнутости бортика, что имеет значение для датировок.

Рис. 3,26. Фрагментированная тарелка. D = 25,4 см, H = 4,2 см., d = 9,5 см. На внутренней стороне дна имеется отиск штампа в виде концентрически нанесенных насечек.

Рис. 3,27. Верхняя часть тарелки со слегка загнутым вовнутрь заостренным верхним краем венчика. D =

22,3 см. Глина светло-коричневая, черепок в изломе имеет серую прослойку, средней плотности, с пустотами, мелкими черными частицами, множеством мелких блесток. Лак светло-коричневый, средней плотно-

сти, внешняя сторона сохраняет следы копоти (следствие пожара?). Сосуд близкой формы происходит из могильника Кара-Тобе³⁶

Рис. 3,28. Верхняя часть тарелки. D = 24,8 см. Глина бледно-оранже-

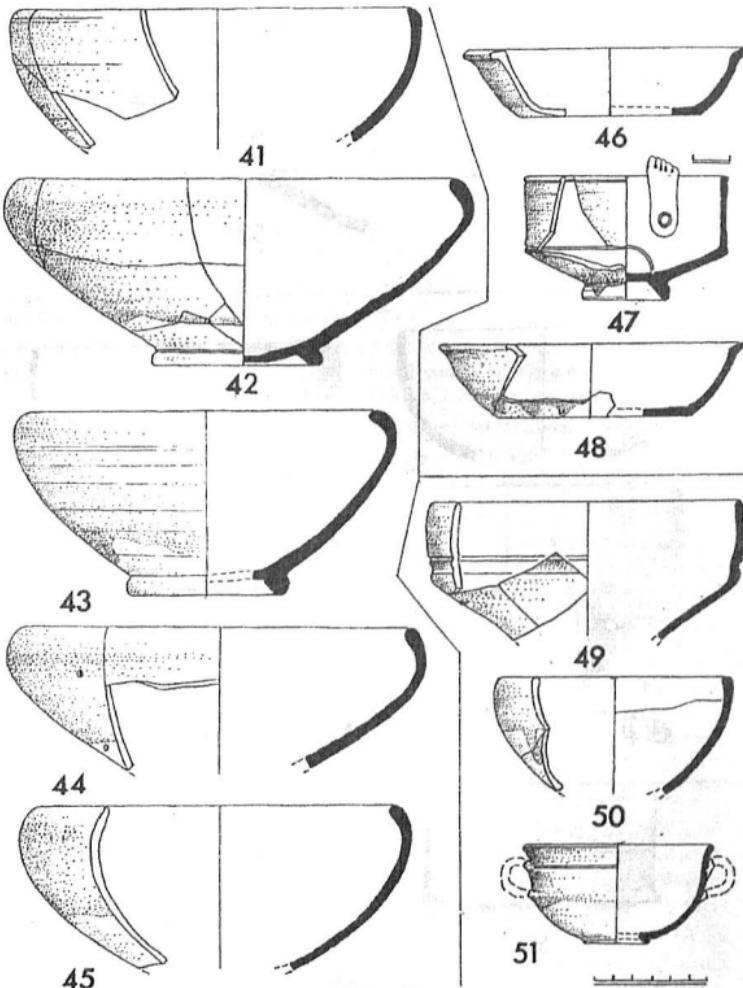

Рисунок 5

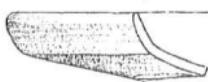
Керамика из хоз. ямы 6 (41-45), из помещения XXXVI/25f (46-48), из помещения XXXV/27 (49-51)

вая, пористая, с блестками и белыми частицами. Лак красно-оранжевого оттенка, плотный, матовый.

Рис. 3,29. Нижняя часть тарелки. $d = 8$ см. На внутренней стороне дна имеется оттиск штампа в виде концентрически расположенных насечек. На стенках сохраняются следы

починки сосуда в древности. Глина оранжевая, плотная, с редкими мелкими пустотами, бурыми, черными и белыми частицами. Лак плотный, матовый, красно-коричневый.

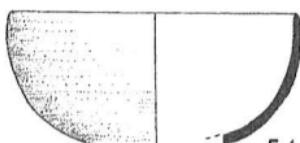
Рис. 3,30. Верхняя часть тарелки. $D = 14,9$ см. Фрагмент является частью сосуда с горизонтально отогну-

52

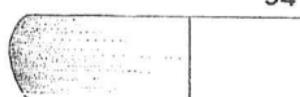
53

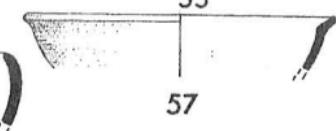
54

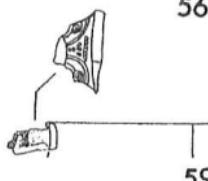
55

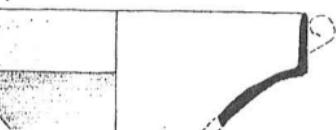
56

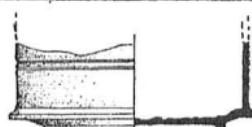
57

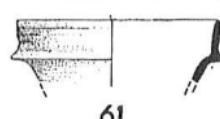
58

59

60

61

Рисунок 6

Керамика из хоз. ямы 4 (52, 53), с поверхности у помещения XXXV (54-59), из хоз. ямы 7 (60, 61)

тым утолщенным венчиком, косой, слегка скругленной стенкой и плоским дном. В ольвийской типологии краснолаковой керамики идентичные тарелки включены в тип 13- А.³⁶ Сосуды из Калос Лимена, относящиеся к данному типу, происходят из комплексов I в. н.э. Глина бледно-оранжевая, с пустотами и мельчайшими блестками. Лак красно-коричневый, жидккий, матовый, его граница проходит в верхней части стенки, под венчиком.

Рис. 3,31. Верхняя часть тарелки с двойным перегибом венчика. Относится к группе Понтийская сигиллата (форма 2 по Дж. Хейсу). D = 15 см. Глина красно-оранжевая, рыхлая, редкими блестками и черными частичками. Лак оранжевый, плотный, матовый.

Следующая группа фрагментов относится к тарелкам с вертикальным бортиком формы I по Дж. Хейсу.³⁷

Рис. 3,32. Верхняя часть тарелки со слегка отклоненным прямым бортиком с выступом на внешней стороне верхнего края. D = 20 см. Глина оранжево-красная, рыхлая, с многочисленными белыми и черными частичками, редкими блестками и довольно крупными пустотами. Лак оранжевый, неравномерный, матовый. Судя

по профилю бортика, рассматриваемый фрагмент может быть датирован последней третью I - первой половиной II вв. н.э (тип III-В-1 или III-Г-1).³⁸

Рис. 3,33. Верхняя часть тарелки того же типа, но с менее явно выраженным выступом на внешней стороне верхнего края. D = 21 см.

Рис. 3,34. Почти полный профиль тарелки с вертикальным бортиком, почти горизонтальной стенкой, являющейся продолжением дна, на высоком кольцевом поддоне. Внутренняя часть бортика в верхней части украшена желобком, на дне имеется орнамент из концентрических врезных линий. Центральная часть дна утрачена, поэтому судить о вероятности клеймения данной тарелки не представляется возможным. Глина оранжево-красная, плотная, с редкими мелкими блестками и черными частичками. Черепов в придонной (утолщенной) части на изломе - с серой прослойкой. Лак плотный, блестящий, оранжево-красный. Он покрывает всю сохранившуюся поверхность сосуда. D = 25 см, H = 5,2 см, d = 15,1 см. По формальным признакам и орнаментации эта тарелка близка сосудам второй половины I - первой половиной II в. н.э. (тип III-Б-1).³⁹

Помещение XXVI

Керамика из слоя каменного завала в помещении XXXVI (рис. 4, 35 – 38). В нижней части этот слой состоял из грунта с прослойками золы и большим количеством обмазки стен или полов. Верхняя часть состояла из тонких плоских известняковых плит. Почти у всех камней одна из лицевых

граней была сильно обгоревшей.

На полу и непосредственно над ним были обнаружены археологические целые светло-глиняные амфоры с двустольными ручками и желудевидными ножками типа С 1 – А по С.Ю.Внукову⁴⁰, верхняя граница бытования которых отнесена к кон-

ци первой — началу второй четверти I в. н.э. Там же встречены средиземноморские амфоры (Кос?) редкого типа, амфора с воронковидным горлом ранней модификации⁴¹, а также фракционный тарный сосуд Синопы. Все они по времени бытования относятся к тому же периоду. Вместе с ними найдено большое количество гончарной и лепной посуды. Среди прочих керамических изделий заслуживает внимания кубок, украшенный орнаментом в технике "барботин".

Рис. 4,35. Фрагментированный одноручный краснолаковый кувшин с широким цилиндрическим горлом и слегка отогнутым утолщенным венчиком, покатыми плечиками, скругленной нижней частью туловы и, вероятно, на кольцевом поддоне. D = 11 см, реконструируемая высота = 32 см, d = 9 см. Плечики сосуда украшены пояском из трех врезных полос, на месте перехода горла к тулову имеется слабо выраженный валик. Глина оранжево-розовая, с бурьими, белыми, черными частицами и мелкими блестками. В придонной части сосуда черепок в изломе имеет серо-розовую прослойку. Лак бурый, с темно-коричневыми потеками на горле и с

красно-оранжевыми пятнами на тулове, матовый. Граница лака проходит чуть ниже средней части туловы. Затек лака вовнутрь сосуда достигает середины корпуса.

Кувшин происходит из завала в помещении XXXVI, датируемого первой третью I в. н.э.

Рис. 4, 36. Фрагментированная верхняя часть полусферической миски. D = 16 см.

Рис. 4, 37. Тарелка с почти вертикальным бортиком и скошенной стенкой, на кольцевом поддоне. D = 29,5 см, H = 5,5 см, d = 10,5 см. Внутренняя часть украшена оттиском штампа в виде концентрически нанесенных насечек и врезного круга в центре. Глина плотная, оранжево-розовая, с блестками, пустотами и белыми включениями. Лак темно-оранжевый, плотный, блестящий. Его граница проходит в нижней части поддона.

Следует отметить формальное сходство тарелки с сосудами группы Восточная сигиллата А (Форма 3), датируемыми концом II — I вв. до н.э.⁴²

Рис. 4, 38. Фрагмент верхней части тарелки, близкой формы, с заостренным верхним краем и сглаженным переходом бортика в стенку. D = 31 см.

Хозяйственная яма № 8

В заполнении ямы, помимо верхней части узкогорлой светлоглиняной амфоры типа А был найден ряд фрагментов краснолаковых сосудов (рис. 4, 39, 40).

Рис. 4, 39. Верхняя часть одноручного кувшина типа, изображенного на рис. 1, 3. D = 8 см. Глина красно-коричневая, с оранжевым оттенком, средней плотности, с пустотами, бе-

лыми и черными включениями, а также редкими мельчайшими блестками. Лак красно-коричневый, матовый, с черными пятнами пережога, не очень плотный.

Рис. 4, 40. Фрагмент верхней части двуручного кубка, типа изображенного на рис. 1, 5 — 9. D = 10,1 см. Глина красно-оранжевая, с большими линзовидными пустота-

ми, редкими мельчайшими блестками. Лак пережжен, серо-коричневого цвета, с "металлическим" блес-

ком. На внутренней стороне сосуда граница лака проходит чуть ниже венчика.

Хозяйственная яма № 6

Ее заполнение, кроме публикуемых фрагментированных краснолаковых мисок (рис. 5, 41 – 45) содержало многочисленные обломки амфор, в том числе верхнюю часть и дно узкогорлой светлоглинянной амфоры типа А, две красноглинянные амфоры боспорского (?) производства, фрагменты лепной посуды, а также наконечник копья. Весь материал является единовременным выбросом из сгоревшей постройки. Дата – вторая половина I в. н.э. (время похода Т. Плавтия Сильвана?).

Рис. 5,41. Верхняя часть полусферической миски. $D = 20$ см. Глина бледно-оранжевая, пористая, с белыми и черными включениями, редкими блестками. Лак красно-оранжевый, неравномерный, жидкий, матовый.

Рис. 5, 42. Миска с загнутым внутрь утолщенным бортиком и скругленной стенкой, на кольцевом поддоне. Внутренняя поверхность имеет неровности, образовавшиеся вследствие формовки на гончарном круге. $D = 22,4$ см, $H = 9,4$ см, $d = 8,6$ см. Глина серо-коричневая, пережженная, пористая, плохо отмученная, с блестками, черными частицами и камешками. Лак черный из-за пережога, матовый. Его граница проходит в нижней части стенки.

Рис. 5,43. Почти полный профиль миски близкой по форме вышеописанной. $D = 18$ см, $H = 9,3$ см, $d = 8$

см. Глина рыхлая, розово-коричневая, светлого тона, с белыми мелкими блестками, бурыми и черными включениями, пустотами и блестками. Внутренняя поверхность несет следы формовки в виде неровностей. Лаковое покрытие нанесено двойным погружением, причем во время второго – лаком оказалась покрыта лишь верхняя часть сосуда (здесь лак красно-оранжевый, плотный, матовый). Нижняя граница лакового покрытия первого погружения проходит в нижней части стенки. Оно оранжево-буровое, матовое, со светло-коричневыми потеками.

Рис. 5, 44. Верхняя часть аналогичной миски. На стенке имеются отверстия – следы почки сосуда в древности. $D = 20,3$ см. Внутренняя поверхность сохраняет следы формовки. Глина оранжево-розовая, рыхлая, с многочисленными черными частицами, редкими блестками, пустотами и белыми включениями. Лак красно-бурый, матовый. Его граница проходит в нижней части стенки

Рис. 5, 45. Верхняя часть миски этого же типа. $D = 19$ см. Глина розово-коричневая, светлого тона, рыхлая, с пустотами, мелкими белыми включениями и блестками. Лаковое покрытие неравномерное, красно-оранжевое, внутри сосуда – оранжево-коричневое, матовое.

Помещение XXXVI/26

Рис. 5, 46. Почти полный профиль плоскодонной тарелки с косой, чуть скругленной стенкой и слабо отогнутым венчиком. $D = 15,2$ см, $H = 3,2$ см, $d = 9,7$ см. Глина оранжево-розовая, с пустотами, блестками, черными и белыми включениями. Лак оранжевый, матовый. Его граница проходит в нижней части стенки. Данный сосуд аналогичен изображеному на рис. 3, 30.

Рис. 5, 47. Чашка с высоким вертикальным бортиком и ребром в месте перехода его в скошенную стенку, на кольцевом поддоне. На дне имеется оттиск штампа в виде ступни, окруженный врезной линией. На внешней стороне бортика, в его верхней и нижней части проведены желобки. $D = 10,9$ см, $H = 6,1$ см., $d = 4,4$ см. Глина красно-розовая, средней плотности, с мелкими черными частицами, серебристыми и золотистыми блестками. Лаковое покрытие

сохраняет следы двойного погружения. Оно имеет металлический блеск, плотное, коричнево-оранжевое, с темно-коричневыми пятнами. Граница покрытия первичного погружения проходит в области поддона, вторичного — в верхней части стенки. В Северном Причерноморье похожие сосуды (но без клейм и на низких поддонах) встречаются в комплексах второй трети I в. н.э.⁴³ Сосуд из Калос-Лимена, по-видимому, относится к импортной продукции более раннего времени, послужившей прототипом для изготовления причерноморских чашек.

Рис. 5, 48. Почти полный профиль тарелки, аналогичной изображенной на рис. 5, 46. $D = 16$ см, $H = 3,7$ см, $d = 10,2$ см. Глина красно-оранжевая, с блестками и мелкими черными частичками. Лак красно-оранжевый, матовый, с пятнами коричневого цвета и "металлического" блеска.

Помещение XXXV/27

Рис. 5, 49. Верхняя часть открытого сосуда (двуручного кубка?) с вертикальным, чуть выпуклым бортиком и двойным перегибом на месте его перехода его в косую стенку. $D = 16$ см. Глина красно-коричневая, средней плотности, с блестками, белыми и черными включениями. Лак красно-коричневый, жидкий, на внешней стороне бортика — краснобурый. Близкий, но более приземистый сосуд происходит из некрополя Золотое.⁴⁴

Рис. 5, 50. Верхняя часть полу-сферической миски или чашки. $D =$

12,2 см. Верхний край плоский, слегка утолщенный. Глина рыхлая, красно-оранжевая, с камешками, блестками, белыми и черными включениями. Лак матовый, плохого качества, красно-оранжевый. На внешней стороне граница покрытия проходит в средней части стенки, на внутренней — в верхней ее части.

Рис. 5, 51. Двуручный приземистый кубок со слегка отогнутым венчиком, скругленной стенкой, на низком кольцевом поддоне. $D = 10$ см, $H = 5$ см., $d = 3,3$ см. Под венчиком проходит желобок. Глина жел-

то-оранжевая, пористая, с пустотами и мельчайшими блестками. Лак двойного погружения. Первое из них придало поверхности оранжевый цвет, второе — бурый. Лаковое покрытие матовое, не плотное. Граница лака первого погружения про-

ходит в нижней части стенки, граница покрытия вторичного погружения — в средней части корпуса. Ручки сосуда утрачены. По видимому, они были петлевидными. Кубок относится к группе Понтийская сигиллата.⁴⁵

Хозяйственная яма № 4

Рис. 6, 52. Верхняя часть большой тарелки того же типа, что изображенные на рис. 3, 26 — 29. D = 34 см. Глина оранжево-розовая, средней плотности, с пустотами, мелкими камешками и блестками. Лак бледно-оранжевый, матовый, с бурыми и черно-коричневыми пятнами, жидкий.

Рис. 6, 53. Верхняя часть тарелки со скосенной, чуть скругленной стенкой и профилированной внут-

ренней частью почти горизонтального венчика. Внешняя и внутренняя поверхности сохраняют следы формовки. Глина бледно-оранжевая, пористая, с блестками и редкими крупными золотистыми блестками, в изломе имеет сероватую прослойку. Лак низкого качества, жидкий, красно-коричневого цвета, не скрывающий неровности глиняной поверхности.

Поверхность к югу от помещения XXXV

Рис. 6, 54. Верхняя часть полусферической миски. D = 15 см.

Рис. 6, 55. Верхняя часть полусферической миски с желобком на внешней стороне верхнего края. D = 16 см.

Рис. 6, 56. Верхняя часть полу-сферической миски с загнутым внутрь верхним краем. D = 18 см.

Рис. 6, 57. Верхняя часть тарелки

с отогнутым венчиком типа изображенного на рис. 3, 30.

Рис. 6, 58. Верхняя часть миски с горизонтально расположенными ручками и вертикальным бортиком. D = 20 см.

Рис. 6, 59. Фрагмент венчика канфара с рельефным орнаментом на верхней части ручки. D = 16 см.

Хозяйственная яма № 7

В заполнении этой хозяйственной ямы, представляющем собой смесь гуммированного грунта с золой, встречены помимо фрагментированных краснолаковых сосудов (рис. 6, 61 — 62) обломки узкогорлых светло-глиняных амфор варианта В, амфор с воронковидным горлом, фрагмент сосуда покрыто-

го светло-зеленой глазурью, а также фрагментированный краснолаковый светильник с изображением на щите льва, терзающего быка. Дата: вторая половина I — начало II в. н.э.

Рис. 6, 60. Нижняя часть краснолаковой кружки формы 13 по Дж. Хейсу, типа XXX по И.С.Каменецко-

му⁴⁶ ($d = 10$ см). Судя по особенностям профилировки (отсутствие массивного выступа в нижней части) данный фрагмент может быть отнесен к последней четверти I – первой половине II в. н.э.

Рис. 6, 61. Верхняя часть чашки с вертикальным бортиком, форма 5 по Дж. Хейсу. Наиболее вероятная дата фрагмента – последняя четверть I – первая половина II в. н.э.

Датируя комплекс краснолаковой керамики финального этапа жизни позднескифского Калос Лимена, следует иметь ввиду что на городище отсутствуют следы единовременного разрушения памятника, после которого жизнь бы там замирала. Наиболее распространенными комплексами, содержащими материал, относимый к позднейшему этапу существования городища, являются хозяйственные ямы, в большинстве своем включающие смешанные, разновременные фрагменты керамики. Дополнительные трудности вызваны отсут-

ствием монетных находок, выводящих на абсолютные даты.

Обращает на себя внимание фактическое отсутствие среди материалов Калос Лимена некоторых керамических форм, массово представленных в северо-причерноморских комплексах последней трети I в. н.э. Это относится к сосудам группы Восточная сигиллата B – 2, разнообразным тарелкам с оттиском штампа *planta pedis* и некоторым иным формам группы Понтийская сигиллата. По видимому, такая ситуация объясняется сокращением в последней трети I в. н.э. торгово-экономической активности Калос Лимена по сравнению с предыдущим периодом. С другой стороны, отдельные фрагменты краснолаковых сосудов из Калос Лимена датируются не ранее конца I – первой четверти II вв. н.э. (рис. 1, 2; рис. 2, 17, 18; рис. 3, 32, 33; рис. 6, 61). Продолжение жизни на территории городища в этот период подтверждается и находками амфорной тары.⁴⁷

Примечания

- Гущина И.И. Население сарматского времени в долине р. Бельбек (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М., 1974. Рис. ХШ, 42; XV, 15; Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. Рис. 11, 32; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994, Табл. 21, 1.
- Гущина И.И. Население сарматского времени ... 1974, Рис. XI, 18; XIII, 2; Высотская Т.Н. Ук. соч., Табл. 33, 32; Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. 1991. Вып. II. Рис. 35, 1; Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. К., 1983. Табл. V, 3; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (в I в. до н.э. - IV в. н.э.) – К., 1989. С. 54, 55
- Высотская Т.Н. Ук. соч. Табл. 47, 4; Ланцов С.Б., Труфанов А.А. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. Рис. 4, 9).
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. – К., 1993. Рис. 59, 3; Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. К., 1976. Табл. XI, 18).
- Meyer-Schlüchtmann C. Die Pergamenische aus der Stadtgräbung von Pergamon. Mitte 2 Jh v. Chr – mitte 2 Jh n. Chr. // PF. Bd. 6. New-York, 1988. Taf. 40, 42.

6. Крапивина В.В. Ук. соч. Рис.56,14, С. 115,116.
7. Масленников А.А. Раскопки на узунларском валу // РА. 1994. № 4. Рис. 6,9, С. 182.
8. Книпович Т.Н.. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935 – 1940 гг. // МИА. 1952. Вып. 25. Рис. 1,3; 9,2,3; С. 296, 309, 310.
9. Крапивина В.В. Ук.соч. С.109.
10. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. М., 1993. Рис. 25, 183 – 186, С. 102 – 105.
11. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. М., 1999, С. 75,76.
12. Дащевская О.Д. Поздние скифы Крыма // САИ. Д I-7. М., 1991, Табл. 56,8.
13. Robinson H.S. Pottery of the Roman period // Athenian agora. New-Jersey, 1959. V.5. Pl. 64, F 23.
14. Каменецкий И.С. Ук. соч. С. 102 – 105; Ланцов С.Б.,Труфанов А.А. Ук.соч. С. 164.
15. Винокуров Н.И. Раскопки городища Артезиан в 1997 – 1998 гг. (исследование северо-западного участка раскопа І) //Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. Рис. 5,5.
16. Книпович Т.Н. Ук. соч. С. 296-297.
17. Крапивина В.В. Ук. соч. Рис. 54, 15-18, 22-24.
18. Каменецкий И.С. Ук. соч. Рис. 19, 145-153.
19. Домжалский К. Из истории исследования краснолаковой керамики Восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. – М., 1998, Табл. 1,5.
20. Книпович Т.Н. Ук.соч. С. 303, 315.
21. Каменецкий И.С. Ук. соч. С. 40 – 52, 100 – 102, 108 – 109.
22. Крапивина В.В. Ук. соч. С. 107 – 108.
23. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К., 1983. С. 42,43,
24. Гущина И.И. Население сарматского времени ... С. 37.
25. Крапивина В.В. Ук.соч. 107,108.
26. Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. Рис.4,4, С.166.
27. Hayes J.W. Sigillate orientali // Ceramica fine Romana nell'basino Mediteraneo (tardo – ellinismo e primo imperio). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica. Classica e Orientale. Roma, 1985. P. 23.
28. Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара I Южного дворца Неаполя // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998, Рис.2,11,14, С.58,59.
29. Meyer-Schlüchtmann C. Die Pergamenische ... Taf. 41 – 43.
30. Hayes J.W. Sigillate... Tav.1,4,7,8, Р. 14 – 15.
31. Дащевская О.Д. Ук. соч. Табл. 56, 10,11.
32. Алексеева Е.М. Горгипия. М., 1977, Табл. 54, 38,40,41, С. 117.
33. Ланцов С.Б.,Труфанов А.А. Ук. соч. Рис. 5, 15 – 20, С. 166,167.
34. Масленников А.А. Ук. соч. Рис. 6,6, С. 182
35. Винокуров Н.И. Ук. соч. Рис. 13,4.
- 36 Винокуров С.Ю, Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001. Рис.9, 23.
36. Крапивина В.В. Ук. соч. Рис. 48, 7 – 9, С. 109.
37. Zhuravlev D. 2000. Terra sigillata and slip pottery from the late scythian necropoleis of the South – Western Crimea (1st – 3 rd centuries AD) // Rei cretarice Romanae favorum acta. 36. 2000, Fig. 5,7.
38. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортником (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997, С. 186.
39. Труфанов А.А. Ук. соч. С. 185, 186.
40. Винокуров С.Ю. Светлоглиняные широкогорлые амфоры Северо-Западного Крыма // СА. № 3. 1988, С. 198.

41. Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // Херсонесский сборник. Вып. IX. 1998. Рис. 5, 2.
42. Hayes J.W. Sigillate... Tav. 1,7,8, P.5.
43. Козуб Ю.И. Ук. соч. Рис. 1,2; Высотская Т.Н. Ук. соч. Табл. 30,33; Корпусова В.Н. Ук. соч. Табл. XLI, 3.
44. Корпусова В.Н. Ук. соч. Табл. XXXV, 2.
45. Zhuravlev D. Terra sigillata and slip pottery... Fig. 5,10.
46. Каменецкий, И.С. Ук. соч. С. 120 – 122.
47. Уженцев В.Б. Калос Лимен в I в.до н.э. – начале II в.н.э. (общий обзор по материалам раскопок 1988-1998 гг.) // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С.166).

ХЕРСОНЕССКАЯ СИГИЛЛЯТА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В последние годы в отечественной археологии, занимающейся исследованием античных памятников (которые всегда были в центре внимания А.Н.Щеглова), произошли существенные изменения. Несмотря на известные трудности (недостаток или даже отсутствие финансирования, сокращения полевой работы и т.п.) выросло не только количество публикаций, но и их качество, открываются многие новые темы, старые проблемы получают новое звучание. В этом перечне не последнее место занимают проблемы изучения такого информативного вида источников, как краснолаковая керамика. Опубликованы и публикуются комплексы находок¹, клейма на посуде², появились первые обзоры и критические статьи³. Что касается памятников Херсонеса Таврического, то сказанное, относится в основном к той группе материалов, которые носят название ранневизантийских и здесь они считаются привозными⁴. Тем не менее, в литературе постепенно утверждается взгляд, что и в позднеантичное время каждый крупный район античного мира имел свое массовое керамическое производство, в том числе и по производству разнообразной краснолаковой керамики⁵. В полной мере сказанное относится к бассейну Черного моря, на рынках которого, в частности, преобладала своя, Понтийская сигиллята⁶. В свою очередь, в его отдельных регионах, на-

пример, во Фракии, на Боспоре⁷, в Херсонесе⁸ производилась собственная краснолаковая посуда.

Правда, о керамическом производстве античного Херсонеса мы знаем не так уж и много. Все, что известно, относится к Херсонесу эллинистическому. В городе производилась своя черепица, амфорная тара, столовая и кухонная посуда, терракота - об этом можно судить с полным основанием хотя бы по находкам гончарных печей с остатками в них бракованной продукции⁹.

Автором статьи еще в 1997 году на конференции в Херсонесе был сделан доклад о многочисленных находках фрагментов краснолаковой керамики в северо-восточном районе городища, которая носила явные следы брака. Такого рода находки имеются не только на северо-востоке Херсонеса, но и практически во всех районах городища. На них только не всегда обращают внимание. При этом, часты возражения, что представленные образцы керамики не являются браком керамического производства. Тем более что на территории Херсонеса и в ближайшей округе отсутствуют (или не найдены) керамические печи, в которых бы производилась такая краснолаковая керамика. И все же существуют аргументы, позволяющие говорить о местном производстве некоторых типов этих сосудов.

В.И.Кадеев, посвятивший экономике Херсонеса I-IV вв. книгу, специ-

ально подчеркнул, что находки остатков производства римского времени относятся к нему только гипотетически. При этом он ограничился их кратким перечислением, преимущественно по материалам дореволюционных раскопок¹⁰. Через несколько лет К.К.Орлов, рассматривая находки краснолаковой керамики из раскопок античного театра (чашки, тарелки и кувшины) пришел к выводу, что центры производства многих типов краснолаковой керамики не поддаются определению¹¹.

С тех пор сменилось целое поколение исследователей Херсонеса, однако ситуация не изменилась кардинальным образом - до настоящего времени гончарных печей с остатками продукции I-IV вв. пока не обнаружено. Все сказанное в полной мере относится и к краснолаковой керамике, в массовом порядке находимой при раскопках Херсонеса во всех районах городища. Может быть, поэтому А.И.Романчук и А.В.Сазанов высказали сомнение в производстве её здесь: «Дискуссионно наличие собственного производства краснолаковой керамики, образцами для которой могли стать формы, распространенные в других керамических центрах, так как надежного подтверждения этого пока нет»¹².

Тем не менее, утверждалось аргументом мнение о местном происхождении нескольких типов краснолаковой посуды. Напомним, что тот же В.И.Кадеев выделил, преимущественно по находкам целых сосудов из некрополя, 4 типа чашек, 3 типа мисок, 8 типов кувшинов, 5 типов горшочков, а также «блюда с косыми

расходящимися стенками», которые, по его мнению, производились в Херсонесе. При этом особых доказательств их херсонесского производства он действительно не привел. Сделал он это только на основании так называемых общих наблюдений, к которым отнес тусклую облицовку и нечеткую профилировку сосудов¹³; к этим критериям добавилась еще ссылка на тонкозернистую структуру керамического теста.

Петрографическое исследование краснолаковой керамики, а оно было тогда осуществлено в минимальных объемах, ничего существенно нового не внесло в прояснение ситуации. Дело в том, что в статье В.И.Кадеева и С.И.Шуменко всего лишь кратко описывались только пять образцов керамики, к тому же без точного указания на их место находки¹⁴.

Может быть, здесь поможет традиционная (визуальная) классификация краснолаковой керамики - по цвету и качеству покрытия, а также тексту сосудов и их морфологии? В практике полевой работы это действительно, самый распространенный способ описания и классификации находок (не только посуды, покрытой лаком, но и многих других вещей). Правильней поставить вопрос так: а если сопоставить результаты традиционной классификации с петрографической? Такая работа уже проводилась: на одних и тех же материалах нижнедонских городищ первых веков нашей эры обе эти системы классификации (петрографическую и традиционную) сопоставил и проанализировал И.С.Каменецкий. Его заключение определенно: они явля-

ются независимыми друг от друга¹⁵, и, добавим, таким образом, и несопоставимыми. Повторить подобный опыт в полной мере на херсонесском материале сейчас не представляется возможным, хотя бы потому, что отсутствуют финансовые возможности осуществления такого рода проекта.

Классификация же керамики только по характеру покрытия (лака) сосудов и на основе этого - определение центров производства, в свою очередь, встречает ряд трудностей. Во-первых, нам не всегда точно известно, каков был цвет лака и его качество на сосудах разных центров производства, а тем более, Херсонеса (это еще предстоит выяснить). Кроме того, известно, что качество лака зависит не только от особенностей обжига изделий (технологии производства), но и от условий залегания обломков сосудов в культурном слое, возможностей вторичного обжига¹⁶ и т.п. условий. В качестве примера можно назвать находку в Портовом районе Херсонеса в 1997 году донца сосуда, состоящего из двух частей. Цвет внутренней поверхности этих фрагментов был разный: один покрыт лаком с оттенками «красного» цвета, а другой - «бурого»¹⁷, вероятно, вследствие неравномерного обжига изделия в печи. Что же касается в принципе оценок цветовой гаммы покрытия сосудов и керамического теста (обычно цвет указывается в полевых описях «на глазок»), то, подчеркнем, делать это необходимо не на основе субъективных визуальных определений, а только применения общеупотребительные в археологической практике шкалы цветов¹⁸.

Из всего сказанного выводы однозначны. Традиционное отнесение к местному херсонесскому производству находок краснолаковой керамики, во множестве находимых при раскопках городища и ближайшей округи только по неясно охарактеризованному цвету и характеру покрытия (лака) и керамическому тесту изделий, а также по особенностям их профилировки (морфологии) остается в очень значительной степени проблематичным и недоказуемым. В этом случае наиболее показательным свидетельством местного происхождения этой группы сосудов могло быть обнаружение бракованных изделий, о чем говорилось выше. Укажу еще раз, что единичные находки таких сосудов, а точнее их фрагментов, судя по материалам работ только одной экспедиции (М.И.Золотарева) были зафиксированы при раскопках, по крайней мере трех районов города - в частности, в Северо-восточном, Портовом¹⁹ и Северном.

Самый же значительный массив бракованной краснолаковой керамики действительно был обнаружен при раскопках водосборной цистерны в 1993-1994 гг. в Северо-восточном районе городища (квартал XCVI)²⁰.

В связи с преобладанием среди находок мелких обломков сосудов и почти полным отсутствием целых форм описание и их классификация были проведены первоначально только в соответствии с их морфологией. Всего было найдено немного более чем 1200 фрагментов профильных частей краснолаковых сосудов, не считая обломков стенок.

Среди этой массы находок, выделялись черепки - около 300 штук, с равномерным темно-серым (иногда почти черным) цвета. Имеется в виду как покрытие их поверхности, так и цвет в сколе. Некоторые из них характеризовались также расслоившимся керамическим тестом и пузырями на поверхности (См.: Прил. 2, Рис. 3). Нет никаких сомнений, что вторичный обжиг (при пожаре) не мог быть этому причиной - ни на одном из фрагментов сосудов не обнаружены следы копоти. Вторичный обжиг не мог привести и к такому расслоению керамического теста и образованию пузырей на поверхности. Такой цвет покрытия и черепка, характерное расслоение и пузыри, посуда, в данном случае краснолаковая, могла приобрести только в случае нарушение технологического режима её производства: в камеру были поставлены недостаточно просушенные изделия, многие сосуды (до 1/4 от общего числа) испытали, вероятно, к тому же, слишком высокую температуру обжига.

Все сказанное почти не оставляет у нас сомнения в том, что все эти фрагменты являются ничем иным, как керамическим браком. Изготавливались же в городе эта краснолаковая посуда, скорее всего, по привозным образцам в соответствии с «восточно-средиземноморским стандартом».

Общее количество находок профильных частей краснолаковой посуды в цистерне (бракованных черепков) - около трех сотен (292 экз.). Почти все они представлены мелкими обломками, в основном, закраин,

реже - доньев. Закраины сосудов можно распределить на семь основных типов с вариантами. Учитывая серийность этой продукции, многие черепки одного варианта различаются только размерами (и то незначительно) а также сохранностью, нет необходимости давать полный каталог всех находок (по типам и вариантам), с указанием их размеров, они иллюстрируются чертежами конкретных экземпляров (Рис. 1,2). Необходимо отметить, что типология находок имеет сугубо рабочий и предварительный характер, она основывается, прежде всего, на морфологии сосудов, насколько это можно сделать по их фрагментам.

Итак, перечислим находки бракованных экземпляров предполагаемой херсонесской краснолаковой посуды (по типам).

I. Глубокие миски и блюда с загнутым краем, на кольцевом поддоне (Рис. 1,1,2). Два основных варианта различаются массивностью, толщиной стенок и диаметром закраины (размерами).

1. Тонкостенная миска (толщина стенки 0,25-0,3 см) с наклонной стенкой, плавно переходящей в слегка утолщенную закраину ($D = 14,2$ см.); диаметр поддона - 4,7 см.; высота миски - 6,2 см. (Рис. 1,1). Аналогичные сосуды имеют диаметр закраин чаще всего в пределах 14-16 см.

2. Толстостенное блюдо (толщина стенки 0,35-0,4 см) с большим диаметром закраины (24 см.). (Рис. 1,2).

II. Глубокие миски (чашки) на кольцевом поддоне, с наклонными стенками, вертикальным бортиком с двумя (редко - тремя) врез-

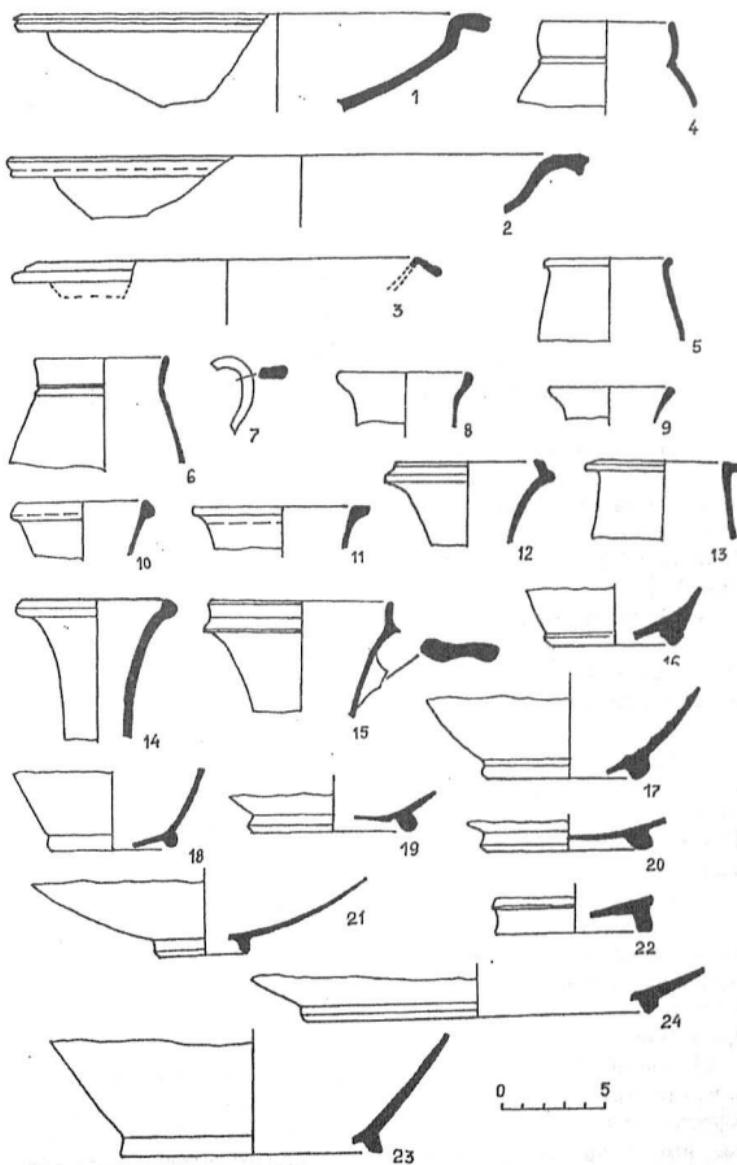

Рисунок 1

ными концентрическими линиями на его внешней поверхности. (Рис.1,3-7). Варианты различаются по размерам диаметра бортика, морфологическим особенностям и характеру оформления его внешней поверхности.

1. Четко оформленный бортик резко переходит в наклонную стенку (диаметр бортика - 12 см., толщина бортика - 0,4 см., стенки - 0,2-0,25 см.). (Рис. 1,3).

2. Диаметр бортика сосуда - 10 см. Слегка изогнутый бортик плавно переходит в наклонную стенку. (Рис.1,5).

3. Диаметр бортика - 12 см. На его внешней поверхности - три врезные линии. Более четко выделено место изгиба наклонной стенки. Толщина бортика 0,4 см., стенки - 0,25 см. (Рис. 1,7).

4. Диаметр бортика - 12 см. В верхней его части имеется врезная линия, в нижней части она слабо выражена. Переход от бортика к стенке резкий, вследствие чего нижняя часть бортика как бы слегка нависает над стенкой. Толщина бортика - 0,4 см., стенки - 0,35-0,4 см. (Рис. 1,4). Тарелка, вероятно, имела кольцевой поддон.

5. Блюдо. Диаметр бортика - 27 см., на внешней поверхности - две врезные линии. Бортик плавно переходит в наклонную стенку. Толщина бортика - 0,4-0,45 см., стенки - 0,25-0,3 см. (Рис. 1,6).

III. Чашки и блюда с вертикальным или слегка наклоненным наружу бортиком (стенкой). Сосуды, вероятно, имели кольцевой поддон. (Рис.1,8-10).

1. Тонкостенная чашка с наклонными стенками (толщиной 0,25 см.). Диаметр закраин 0,1 см. (Рис.1,9).

2. Чашка со слегка утолщенной закраиной, слабо выраженным бортиком, переходящим в наклонную стенку. Диаметр закраины 12 см., толщина стенки 0,3-0,4 см. (Рис.1,8).

3. Толстостенное блюдо с почти вертикальным бортиком, с выраженным переходом ко дну сосуда. Диаметр бортика 26 см., его толщина днища - 0,3-0,35 см. (Рис. 1,10).

IV. Миски и блюда с утолщенной валикообразной закраиной и округлыми стенками.

1. Миска с отогнутой под углом закраиной. Диаметр закраины 22 см., толщина стенки - 0,2-0,25 см. (Рис. 1,11.).

2. Массивная сферическая чашка с отогнутой закраиной. В месте перехода закраины к стенке имеется небольшой рельефный валик. Диаметр закраины 24 см, толщина стенки 0,5-0,7 см. (Рис.1,12).

3. Миска с отогнутой, под треугольной в сечении закраиной и округлыми стенками. Диаметр закраины около 30 см., толщина стенки 0,2-0,4 см. (Рис.1,14).

4. Толстостенная миска с отогнутой горизонтально закраиной. Диаметр закраины 20 см., толщина стенки 0,35-0,5 см. (Рис.1,13).

V. Блюда с отогнутыми, четко выделенными широкими закраинами.

1. Толстостенное блюдо с отогнутой под углом закраиной. Диаметр закраины (внешний) - 20 см., толщина стенки - 0,25-0,4 см. (Рис. 2,3).

2. Массивное толстостенное блюдо (миска) с отогнутой горизонталь-

но как бы двухчастной закраиной диаметром 22 см. Толщина стенок 0,5-0,6 см. (Рис. 2.1).

3. Толстостенное блюдо с широкой профилированной закраиной. Диаметр закраины 26 см., толщина стенок - 0,4-0,5 см. (Рис. 2.2).

Закрытые сосуды представлены фрагментами кубков и кувшинов.

VI. Небольшие тонкостенные кубки с петлевидными ручками.

1. Кубок с воротникообразным венчиком и шаровидным туловом. Для подобных сосудов характерны кольцевидные ручки (у этого фрагмента они не сохранились). В месте перехода венчика в тулово имеется небольшой рельефный валик. Диаметр венчика - 6,2 см., толщина стенок - 0,2-0,3 см. (Рис. 2.4).

2. Кубок с почти вертикальным, слегка отогнутым венчиком и петлевидной ручкой. В месте перехода венчика к тулову имеются нечетко выраженные желобки. Диаметр венчика - 6 см., толщина стенок - 0,2-0,25 см. (Рис. 2.6,7).

3. Кубок с небольшим валикообразно отогнутым венчиком. Диаметр венчика 6,4 см., толщина стенок - 0,25-0,3 см. (Рис. 2.5).

VII. Кувшины с разнообразно оформленными венчиками (Рис. 2.8-15). Все фрагменты представлены единичными экземплярами горл. По этим обломкам реконструировать типы и варианты этой группы сосудов не представляется возможным.

Вероятно, кувшинам принадлежали и два фрагмента доньев (Рис. 2.16,17).

Другие фрагменты доньев сосудов также единичны. Некоторые из

них могли принадлежать чашкам типа II (Рис. 2.18), другие можно отнести к мискам (Рис. 2.23) или блюдам (Рис. 2.19-22, 24).

Среди находок фрагментов краснолаковой керамики, которые как мы считаем, носили явные следы брака²¹, абсолютно преобладали сосуды открытого типа (чашки, блюда, тарелки) (См.: Прил. I), а среди них, в свою очередь наиболее были распространены миски на кольцевом поддоне с загнутым краем (49,7 % от общего числа таких сосудов) и чашки с косыми стенками и вертикальным бортником с врезными линиями (37 %). Примерно такое же соотношение типов находок характерно и для сосудов с «нормальным» обжигом²².

Все описанные выше VII типов краснолаковой керамики производились в Херсонесе, вероятно в течение относительно короткого времени. Обломки этих сосудов попали в засыпь цистерны в ходе каких-то строительно-планировочных работ вместе с перемещенным грунтом, взятым у функционировавших, скорее всего, где-то недалеко, сомчарных печей. Это могло произойти в конце IV - первой половине V века²³.

Обычно подобная краснолаковая керамика датируется в Херсонесе несколько более ранним временем, хотя и в достаточно широких хронологических рамках I - III века н.э.²⁴. Однако наши стратиграфические наблюдения за последние десять лет по раскопкам разнообразных археологических объектов в разных районах Херсонесского городища (Северо-Восточный район, Портовый район - объект «Казарма», Северный район -

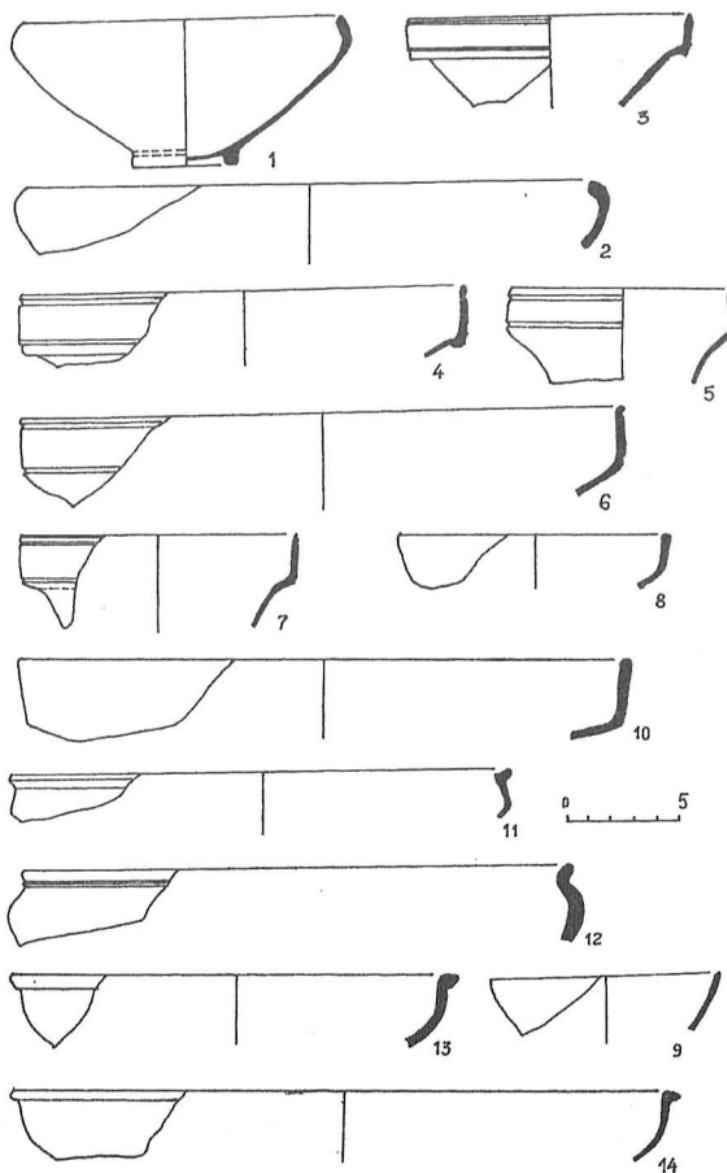

Рисунок 2

у базилики 1935 года) позволяют говорить о времени бытования (и производства) именно этих форм сосудов, скорее всего в III - IV веках. Этим датам не противоречат находки аналогичных сосудов в Танайсе²⁵, Никонии²⁶ и Козырке²⁷, где они датируются первой половиной или всем III веком.

Детальная хронология этих типов сосудов требует, несомненно, специального исследования. Пока же ограничимся аналогиями из могильников Юго-Западного Крыма, куда сосуды попадали большей частью, конечно, из Херсонеса. Укажем, в частности, на склеп № 1 из могильника Дружное²⁸ и склеп № 2 из могильника Озерное III²⁹, где найдены небольшие миски с загнутым краем. Эти два погребения датируются соответственно, второй половиной III - первой половиной IV вв., и первой половиной IV в. Морфологически близкие сосуды из засыпи исследованной нами цистерны были обнаружены и в погребениях могильника на Черной речке. Отметим чашку на колышевом поддоне (урна 38)³⁰, блюдо с отогнутым краем (склеп 1)³¹, глубокую миску (могила 8)³², склеп 7³³, кувшины из могилы 2³⁴, могилу 58³⁵.

Эти примеры показывают, что перечисленные выше группы краснолаковой керамики производились в Херсонесе, вероятно, на протяжении второй половины III-IV вв. н.э. Это производство было достаточно массовым, чтобы удовлетворить спрос населения, как самого города, так и его ближайшей и дальней округи.

Где находились в таком случае керамические печи для обжига херсонесских сосудов? Обычно считается, что такое производство должно находиться за крепостными стенами или, по крайней мере, на окраине города. Мною было высказано предположение, что, эти печи могли быть расположены и в Северо-Восточном районе Херсонеса. На одно из таких мест автору статьи указывала И.А. Антонова, которая в 60-е годы вела здесь раскопки. Однако точно локализовать их можно будет только после того, как печи будут найдены и исследованы. Пока мы можем только предположительно говорить о производстве в Херсонесе III-IV веков нашей эры некоторых типов краснолаковой керамики, которая уже успела получить в литературе наименование «херсонесская sigillata»³⁶.

Примечания

- См. напр.: Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. - М., 1997; В.А.-Хршановский, С.В. Погребения I-II вв. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Труды ГИМ. - М., 1998. - Вып. 102. - С. 77-87; Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Некоторые типы краснолаковой посуды из раскопок могильника Карши-Баир (в печати).
- Журавлев Д.В. К вопросу о клеймах *Planta Pedis* на римской керамике // ANAXARΣΙ. Памяти Ю.Г. Виноградова (Херсонесский сборник. Выпуск XI). - Севастополь, 2001. - С. 90-99; Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. - 1996. - Вып. V. - С. 77-84; Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. - 2002. - Вып. IX.

3. Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I / / Труды ГИМ. - М., 1998. - Вып. 102. - С. 17-30; Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I / / Труды ГИМ. - М., 1998. - Вып. 102. - С. 31-51; Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Херсонеса первых вв. н.э. / Предварительная информация // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. - С. 59-61.
4. Романчук А.М., Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Херсонеса ранневизантийского времени (по материалам Портового и северо-восточного районов) // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть I. Свердловск, 1991; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени / / МАИЭТ. - 1994. - Вып. IV. - С. 406-433.
5. См. напр.: Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства... - С. 20-21; Domzalski K. Late Roman Light-Colored Ware: A rare group of fine pottery and northern distribution (Bosporan region and the neighboring Pont Littorals) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002.
6. Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства... - С. 23. Табл. 1-2.
7. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // EURASIA ANTIQUA. Zeitschrift für Eurasien. Band 8. - Berlin, 2002. - S. 415-491; Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // Rei cretariae romane Favtorvm. Acta 36. - Abingdon, 2000. - P. 161-168.
8. Ушаков С.В. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике // Херсонес в античном мире. Тезисы докладов международной конференции. - Севастополь, 1997. - С. 120-122; Zhuravlov D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropolis of the south-western Crimea (1st-3rd centuries A.D.) // Rei grettariae romanae favtorvm. Acta 36, 2000. - P. 151-160.
9. Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса // СА, 1958. - № 4.
10. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э. Харьков, 1970. - С. 77-82.
11. Орлов К.К. Краснолаковая керамика из раскопок Античного театра в Херсонесе // Открытия молодых археологов Украины, ч. I. К., 1976. - С. 41.
12. Романчук А.И., Сазанов А.В., 1991. Ук. соч. - С. 47.
13. Кадеев В.И., Ук. соч. - С. 91-97.
14. Кадеев В.И., Шуменко С.И. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса // ЗОАО, 1967. - Т.2 (35). - С. 2271-277.
15. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. Вопросы датировки. М., 1993. - С. 35-38.
16. Каменецкий И.С. Ук. соч. - С. 25.
17. См.: Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса). Севастополь, 1997. - С. 22.
18. Munsell A.N. Soil Color Charts. N.Y. 1990.
19. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения... С. 18-23. Рис. 8,9; Золотарев М.И., Дьячков С.В., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Отчет о раскопках т.н. «Казармы» в Портовом районе Херсонеса в 1997 году // Архив НЭХТ. - Д. № 3342/I. - Рис. 92, 1; Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Полевые описи находок из раскопок т.н. «казармы» (пом. 61) в Портовом районе Херсонеса в 1997 году // Архив НЭХТ. - Д. №, 3342/II. Л.86, # 125. Подобные примеры достаточно многочисленны: Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения... - С. 32.

20. См.: Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения...
  21. Сомнения в том, что это именно брак, рассеялись после того, как несколько экземпляров таких находок были подвергнуты исследованиям в лаборатории Германского археологического института (См.: Ушаков С.В. Херсонесская краснолаковая керамика. - В печати).
  22. При изучении коллекции этих сосудов, хранящихся в фондах Херсонесского заповедника, удалось определить цвет покрытия (лака) и цвет керамического теста как сосудов бракованных, так и «нормального» обжига по шкале Munsell (см.: Прил. № 2).
  23. Так же. - С. 25.
  24. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. К., 1982. - С. 66-77.
  25. Арсеньева Т.Н. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА, 1985. - Вып.182. - Рис. 2, 2, 4.
  26. Секерская Н.М. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Никония // Северное Причерноморье. К., 1984. - Рис. 2, 5, 7; 4, 5, 6.
  27. Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976. - Тип 8, 10.
  28. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-VI вв. // МАИЭТ, 1996. - Вып. V. - Рис. 6, 7.
  29. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА, 1977. - № 4. - Рис. 6, 9.
  30. Айбабин А.И. Население Крыма... - Рис. 9, 5.
  31. Там же. - Рис. 6, 1.
  32. Там же. - Рис. 7, 7.
  33. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, 1990. - Вып. I. - Рис. 5, 4.
  34. Айбабин А.И. Население Крыма... - Рис. 8, 9
  35. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма... - Рис. 4, 8.
  36. Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropoles of the South-western Crimea (1st-3rd centuries A.D.) // Rei Cretarier Romanae factorum. Acta 36. Roma. 2000. - P. 155.

Приложение № 1

Соотношение находок краснолаковой посуды со следами брака из цистерны.

Типы	Варианты					Всего	Донъя	Итого	
	1	2	3	4	5			Кол-во	%
I	71	10				81	64	145	49,7
II	9	35	2	8	13	67	31	98	37
III	1	2	1	1		5		5	1,7
IV	2	1	2	3		8		8	2,7
V	1	1	1			3		3	1
VI	1	1	1			3		3	1
VII	16					16	1	17	5,8
Донъя блюд						13	13	4,5	
Итого								292	100

Приложение №2

Определение цвета покрытия и цвета керамического теста фрагментов краснолаковой посуды из цистерны 1993-1994 гг. (по: Munsell)

I. Керамический брак.

1. Бортик сосуда типа II. Коллекционный № 17/37272, полевой # 169/93.

Цвет покрытия снаружи: 2,5 V Very dark grau 3/1.

2(а). Стенки фрагмент. При обжиге сосуд расслоился. Коллекционный № 18/37272.

Цвет покрытия (изнутри) неравномерен:

- 5 YR dark reddish brown 3/2,

- 10 R dark reddish grau 3/1,

- 2,5 R dusky red 3/3.

Цвет теста в сколе: 2,5 R red 5/8, 10 R red 5/6-5/8.

2(б). Стенки фрагмент сосуда I типа. Цвет покрытия 5 Y dark reddish grau 4/2.

3. Сосуд типа I, № 19/37272, # 1а. Покрытие изнутри блестящее, цвет: 10 YR Very dark grau 3/1.

Покрытие снаружи матовое с потеками лака, цвет: 5 Y dark grau 4/1, 7 Y dark grau 4/1.

II. Сосуды нормального обжига.

1. Закраина миски типа I с граффити ХРИСТО, № 21/37272, # 657.

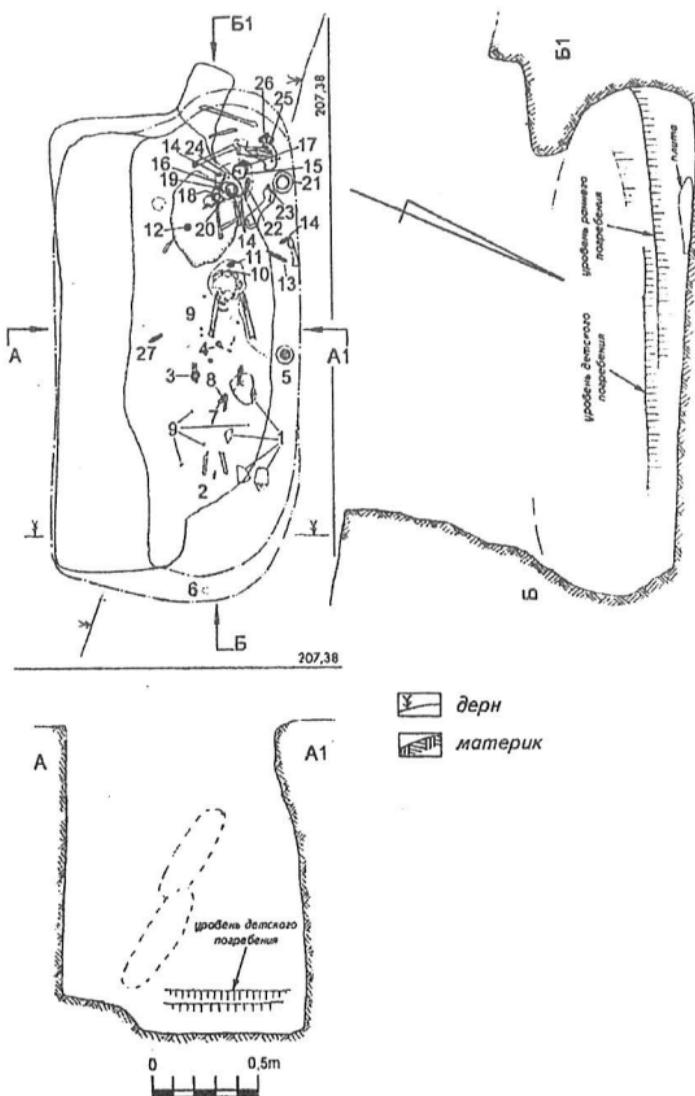
Цвет покрытия и цвет теста в сколе: 5 YR reddish 6/8.

ПОДБОЙНАЯ МОГИЛА ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НЕЙЗАЦ

Могильник Нейзац находится в 20 км к востоку от Симферополя, в центральной части Крымских предгорий. Он расположен в долине реки Зуя, на склоне горы Ташлы-Баир. В течение 1996 – 2002 гг. исследовано 205 погребальных сооружений. Среди них склепы, подбойные и грунтовые могилы. Выявлено два культурно – хронологических горизонта погребений. Первый из них датируется концом II – первой половиной III в. н. э. Он представлен подбойными и грунтовыми могилами, а также единичными склепами. В IV в. н. э. хоронили, главным образом, в склепах, но, в то же время, продолжали использовать старые типы погребальных сооружений: подбойные и грунтовые могилы. Хуже всего представлены захоронения второй половины III в. н. э. Также, кстати говоря, обстоит дело и в других крымских могильниках. Резкое уменьшение количества погребений второй половины III в. н. э. по сравнению с первой половиной столетия, связано, с одной стороны, с изменением демографической ситуации в Крымских предгорьях после начала готских походов, а с другой стороны, возможно, с нашим неумением выделить хронологические индикаторы этого времени. Тем больший интерес представляет каждое новое погребение второй половины III в. н. э.

Подбойная могила № 139 состояла из прямоугольной, ориентированной с востока на запад входной ямы и выкопанного в ее северной стене овального в плане подбоя (рис. 1). Размеры входной ямы 2,05 x 0,35 м, глубина от уровня материка 1,2 м. Размеры подбоя 2,25 x 0,8 м реконструируемая высота свода 0,6 м. Подбой был отделен от входной ямы закладом из каменных плит. В верхней части залиния подбоя найден железный наконечник копья (рис. 4,7).

Ниже обнаружены два погребения, совершенные одно над другим и разделенные 0,05 – 0,1 м прослойкой земли. Верхнее погребение принадлежало ребенку. Судя по сохранившимся остаткам костей, он был похоронен в вытянутом положении на спине головой на запад. В районе шеи и груди расчищены бусы, отдельные бусины лежали по всему костяку. Всего обнаружено 450 бусин (рис. 1, 9; 4, 1, 4, 6 – 10, 14 – 28). На месте груди находилась серебряная фибула (рис. 1, 4; 2, 2). На правую руку был надет бронзовый браслет (рис. 1, 3; 3, 2). У левого бедра лежали монеты (рис. 1, 7; 2, 7) и плохо сохранившаяся бронзовая пряжка (рис. 1, 8; 3, 13). Слева от погребенного в районе ног обнаружены обломки стеклянного кубка (рис. 1, 1; 5, 2). Между берцовыми костями находился железный предмет (рис. 1, 2; 2, 4). Вероят-

но, детскому погребению принадлежал лепной сосуд, стоявший у северной стены подбоя (рис. 1, 5; 5, 3), а также разложившийся бронзовый предмет, обнаруженный у восточной стены (рис. 1, 6).

Нижнее погребение совершено на земляной подсыпке, на 0,1 – 0,25 м выше пола могилы. Кости погребенного были сдвинуты в западную часть подбоя. Они, а также кости животных и погребальный инвентарь громоздились друг над другом от уровня нижнего погребения до уровня верхнего и даже несколько выше. В этом скоплении обнаружены два лепных сосуда (рис. 1, 15, 21; рис. 5, 4, 5), три целых (рис. 1, 14, 16, 22; 2, 3; 3, 29) и обломки (рис. 1, 10; 2, 6) бронзового браслета, еще один бронзовый, напоминающий браслет, предмет (рис. 2, 5), две железные пряжки (рис. 1, 11, 19; 4, 1, 5), три ножа (рис. 1, 13, 27; 4, 2-4), бронзовые зеркало (рис. 1, 17; 3, 12) и колокольчик (рис. 1, 25; 4, 8), стеклянный стакан (рис. 1, 20; 5, 1), керамическое пряслище (рис. 1, 24; 2, 1), бусина (рис. 1, 23; 3, 5), железная втулка (рис. 1, 26; 4, 9), бронзовая фибула (рис. 2, 8), бронзовые полусферические предметы с отверстиями (рис. 3, 11; 4, 6) и другие неопределенные фрагменты бронзовых (рис. 1, 12, 18) и железных изделий. На полу подбоя обнаружена каменная плита. Еще один крупный камень лежал в верхней части заполнения так, что на нем оказались некоторые описанные выше предметы из скопления погребального инвентаря.

Для обоснования хронологии и культурной принадлежности захоронений следует проанализировать не-

которые, обнаруженные в могиле, предметы погребального инвентаря. Начнем с нижнего погребения.

Фибула (рис. 2, 8) бронзовая лучковая подвязная двучленная. Соответствует группе 15, серии III, варианту 1 А. К. Амброза¹. В настоящее время датировка застежек этого типа второй половиной III в. н. э. общеизвестна². Такого же мнения придерживается и В. Ю. Малашев, но при этом отмечает, что на Северном Кавказе двучленные лучковые подвязные фибулы используются на протяжении IV в. н. э. и даже встречаются в комплексах гуннского времени³. В связи с этим интересно отметить, что в Крыму фибулы публикуемого типа обнаружены вместе с monetами только второй половины III в. н. э. Такие находки сделаны в Пантиканее, Тиритаке, на Черной речке и в Дружном⁴. С monetами более позднего времени они не встречены ни разу, несмотря на то, что monet IV в. н. э. в крымских могильниках найдено намного больше, чем monet второй половины III в. н. э. В то же время, единичные находки двучленных лучковых фибул отмечены в погребениях гуннского времени⁵. Следовательно, отсутствие этих фибул в достоверных крымских комплексах IV в. н. э. следует объяснить археологической случайностью. Общий вывод таков: двучленные лучковые подвязные фибулы использовались в Крыму, главным образом, во второй половине III в. н. э. Они представляют собой один из немногих хронологических индикаторов этого времени. Отдельные экземпляры, по всей вероятности, применялись и в IV в. н. э.

Стакан из прозрачного бесцветного стекла (рис. 5, 1) лишь незначительной деталью, углом, под которым отогнут венчик, отличается от стакана, найденного в склепе № 9 могильника Дружное. Этот склеп начали использовать во второй половине III в. н. э. и продолжали хоронить в IV в. н. э.⁶

Зеркало бронзовое с боковой прямогоугольной петлей и рельефным орнаментом на обратной стороне (рис. 3, 12). Орнамент очень близок, но не идентичен, украшению зеркал из

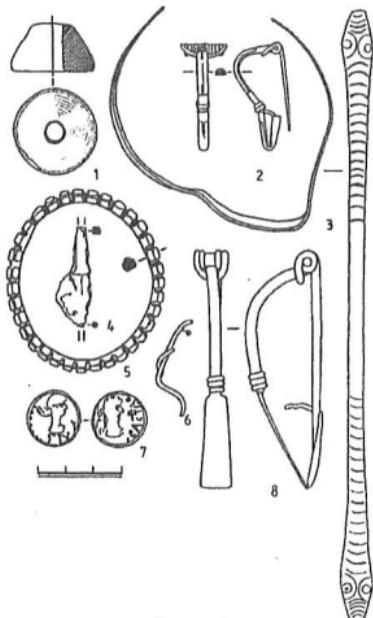

Рисунок 2
Погребальный инвентарь из могилы № 139. 1 - праслище керамическое; 2 - фибула серебряная; 3 - браслет бронзовый; 4 - предмет из железного фрагмента; 5 - изделие бронзовое; 6 - изделие бронзовое фрагмент; 7 - монета бронзовая; 8 - фибула бронзовая

Неаполя скифского и, особенно, Краснодара⁷. Зеркала с боковым ушком (IX тип), украшенные на обратной стороне тамгообразным знаком или другим орнаментом, А. М. Хазнов датировал II – III вв. н. э.⁸. В Предкавказье таких зеркал (тип 5, вариант 2 по М. П. Абрамовой) немного, датируются они II – первой половиной III в. н. э.⁹ В Поволжье зеркала с боковым ушком и орнаментированной обратной стороной появляются в конце I в. н. э. и широко распространяются во второй половине II – первой половине III в. н. э. С серединой III в. н. э. у сармат Поволжья и Приуралья господствуют зеркала с центральной петелькой¹⁰. На более западных территориях, в том числе и в Крыму, смена основных типов сарматских зеркал произошла позднее, приблизительно на рубеже III и IV вв. н. э.¹¹

Браслеты бронзовые с концами в виде змейных головок, пластинчатый (рис. 2, 2) и круглый в сечении (рис. 3, 29). Пластинчатый браслет соответствует типу VI-B классификации А. А. Труфанова. Он приводит находки из Перевального, Неаполя скифского, Скалистого III и датирует их первой половиной III в. н. э. Браслеты с концами в виде змейных головок в комплексах второй половины III в. н. э. ранее не встречались. Если судить по опубликованным материалам, в могиле № 139 сделаны самые поздние находки украшений такого типа.

Изделие бронзовое в виде кольца, с трех сторон (кроме внутренней) расчлененное рубчиками (рис. 2, 5). Предметы подобные публикуемому являются частой находкой в североп-

ричernоморских погребениях и не раз привлекали внимание исследователей. В настоящее время общепризнанно, что они, несмотря на внешнее сходство, не являются ни браслетами, ни кольцами, так как, судя по положению в могиле, ни на руки, ни на пальцы не надевались. Не вызывает сомнения западное, из ареалов гальштатской и латенской культур, происхождение идей украшать бронзовые, напоминающие кольца и браслеты, изделия шишечками, выступами или рубчиками. Однако, благодаря находкам литейных форм, доказано их производство в Северном Причерноморье начиная с эллинистического времени. Как и другим вещам с не установленными функциями, им часто приписываются использование в культовой сфере¹³

Колокольчик бронзовый (рис. 4, 8). Пирамидальные колокольчики с выступами на четырех углах основания и шестиугольными ушками характерны для позднескифской культуры.¹⁴ Такой же колокольчик найден в одном из самых ранних и самых богатых склепов Чернореченского магильника, который суммарно можно датировать III в. н. э.¹⁵

Наконечник колья железный (рис. 4, 7) найденный в верхней части заполнения подбоя, очевидно, сопровождал раннее погребение и был перемещен при подзахоронении. Тип наконечников с коротким массивным листовидным пером, по мнению А. М. Хазанова, выработался на Северном Кавказе, куда он проник с сарматами и испытал влияние близких кавказских образцов¹⁶. Сарматы, жившие в Северном Причерноморье, так же

как и поздние скифы, такие наконечники не использовали. В их погребениях наконечники копий представляют собой достаточно редкую находку и они других типов¹⁷. Исключительно широко копья в позднеримское время были распространены на территории Абхазии. Некоторые наконечники по форме похожи на нейзакций, но они больших размеров¹⁸. Подобный наконечник дротика найден в Цемдолинском меотском магильнике близ Новороссийска в погребении датируемом "не ранее III в. н. э."¹⁹. Близкий по форме, но больших размеров экземпляр обнаружен

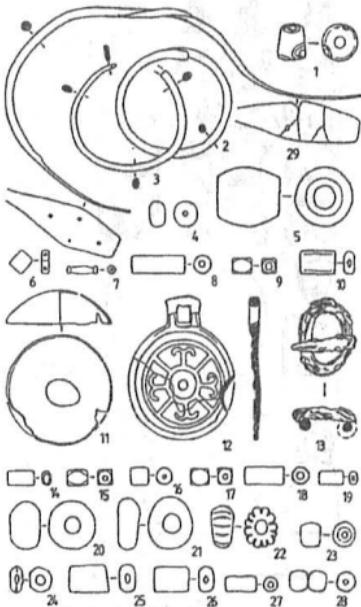

Рисунок 3
Погребальный инвентарь из могилы № 139. 1, 4-10, 14-28 – бусы; 2, 3, 29 – браслеты бронзовы; 11 – изделие бронзовое; 12 – зеркало бронзовое; 13 – пряжка бронзовая

в синхронном нейзацкому погребении в Кишпеке²⁰. Такой же формы наконечники применялись в римской армии²¹. Копья с разнообразными наконечниками использовались различными германскими племенами, среди них есть образцы подобные нейзацкому²². В частности, они встречаются в погребениях пшеворской культуры, относящихся к фазе В 2 приблизительно совпадающей со временем правления императоров Адриана и Антонина Пия (117 – 161 гг.)²³. Наконечников дротиков и по форме, и по размеру соответствую-

щих нейзацкому довольно много найдено на памятниках черняховской культуры²⁴.

В крымских могильниках, полностью или частично синхронных некрополю Нейзац, наконечников копий найдено немного. Близок публикуемому типологически и по размерам экземпляр из склепа IV в. н. э. в Дружном, но он несколько отличается очертаниями пера. В том же могильнике найдено еще три наконечника иных типов²⁵. Отличаются от нейзацкого шесть наконечников из могильника Чатыр-Даг²⁶. В Чернореченском могильнике с монетой Гордиана III (238–244 гг.) и многими другими вещами, относящимися ко времени около середины III в. н. э., лежал наконечник копья, но по рисунку невозможно определить его тип. Сказано, что аналогичный наконечник найден в склепе №2 IV в. н. э.²⁷.

Простота и распространенность формы наконечников аналогичных найденному в могиле № 139 затрудняет выводы о его происхождении. Наличие подобных изделий на памятниках черняховской культуры, при учете относительной близости ее ареала к Крыму и многократно зафиксированных фактах проникновения черняховских вещей на территорию полуострова, делают наиболее вероятным предположение о том, что нейзацкий наконечник попал в Крым с северо-запада или был изготовлен на месте по черняховским образцам.

Бусина крупная бочковидная из прозрачного светло-зеленого стекла (рис. 3, 5). Таких бус нет в своде Е. М. Алексеевой. Наиболее близки ей по цвету и по форме бусы типа 25, да-

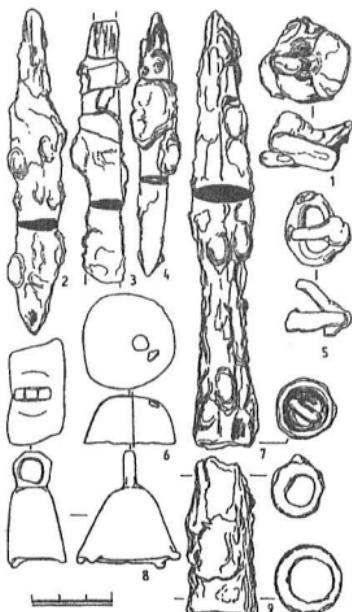

Рисунок 4

Погребальный инвентарь из могилы № 139. 1, 5 – пряжки железные; 2 – 4 – ножи железные; 6 – изделие бронзовое; 7 – наконечник копья железный; 8 – колокольчик бронзовый; 9 – изделие железное

тированные I – IV вв. н. э.²⁸. Единичные, как правило, крупные, бусы находят, обычно, в мужских погребениях. Очевидно, они служили застежками одежды²⁹.

Таким образом, среди сдвинутых костей обнаружены вещи (брраслеты и колокольчик), которые датируются преимущественно первой половиной III в. н. э. Там же найдено зеркало того типа, что был распространен в Крыму на протяжении всего III в. н. э. Фибулу, по всей вероятности, следует датировать второй половиной III в. н. э. Менее определенно выглядит хронологическая позиция стеклянного стакана. По аналогии с находкой из могильника Дружное его можно отнести ко второй половине III или к IV в. н. э. Такое сочетание находок указывает на вторую половину III в. н. э., как на наиболее вероятную дату совершения погребения. Однако в качестве таковой нельзя исключить и начало IV в. н. э.

Теперь обратимся к инвентарю детского, верхнего погребения.

Монета бронзовая (рис. 2, 7). Л. с. Бюст царя вправо. Справа в поле трезубец. По кругу легенда: [BACI][?]Е...ОС. ?6. с. Бюст римского императора вправо. Справа в поле двузубец. Внизу литеры, обозначающие годы: ГИХ – 613 г. боспорской эры. Боспорское царство. Рискупорид VI (314 – 342 гг.). ?. Статер. Чекан Боспора (Пантикалей). Выпуск 316 г. н. э.³⁰

Кубок из тонкого прозрачного бесцветного стекла со слабым желтовато-зеленоватым оттенком. Его дно полусферическое, верхний край прямой. Сосуд орнаментирован прошли-

фованными овалами, образующими три горизонтальных ряда (рис. 5, 2). Соответствует, представленному единственным сосудом из Sigerstad на острове Зееланд, типу 223 X. Эгерсса³¹. Г. Рау датирует находку из Sigerstad 325 – 375 гг. н. э.³² К типу Эгерсса 223 Б. В. Магомедов относит сосуд из погребения 5 черняховского могильника в Переяславе Хмельницком³³.

Фибула серебряная прогнутая подвязная двучленная. Сделана из прямоугольного в сечении бруска, верхние ребра которого срезаны на спинке и ножке. В результате спинка застежки стала полуциркульной в сечении. В верхней части корпуса и на месте подвязки оставлены прямоугольные площадки. Пружины навиты на железную ось, вставленную в отверстие, пробитое в вертикально уплощенной верхней части корпуса

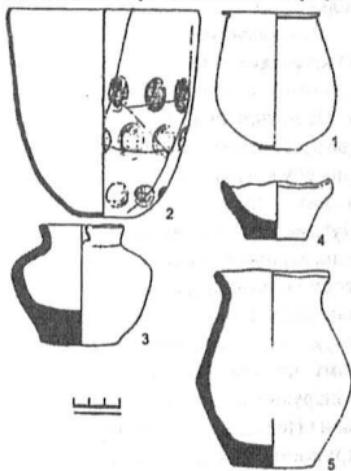

Рисунок 5
Погребальный инвентарь из могилы № 139. 1, 2 – сосуды стеклянные; 3 – сосуд керамический лепной; 4 – фрагмент керамики; 5 – сосуд керамический лепной

фибулы (рис. 2, 2). Соответствует группе 16, подгруппе 2, серии I, варианту 2 А. К. Амброза³⁴.

По классификации О. В. Шарова относится к типу 2. Черняховские погребения с такими фибулами он датировал 280/90 – 310/20 гг. н. э.³⁵. По мнению О. А. Гей и И. А. Бажана, фибулы варианта 2 характеризуют второй период бытования черняховских древностей, который датируется в пределах 270 – 320 гг. н. э.³⁶. Я. Тейрал относит фибулы варианта 2 к ступени С2 европейской хронологической схемы и датирует их первой половиной IV в. н. э.³⁷. По классификации Е. Л. Гороховского публикуемая фибула относится к серии "Б", варианту Б2, разновидности б, модификации "малые". Лесостепные черняховские погребения с такими фибулами принадлежат фазе 3 ("Косановской"), которая датируется приблизительно 330 – 380 гг. н. э.³⁸.

Все прогнутые подвязные фибулы из крымских комплексов А. И. Айабин отнес к первой половине IV в. н. э.³⁹ В могильнике Дружное найдены две прогнутые подвязные фибулы. По способу крепления пружины каждая из них образует отдельный вариант. Публикуемая застежка ни одному из этих вариантов не соответствует. По форме и материалу она очень близка варианту 1, по способу крепления пружины – варианту 2⁴⁰. Судя по тому, что обе фибулы из Дружного обнаружены в одном склепе, а находка из Нейзаца сочетает черты обоих дружненских вариантов, способ крепления пружины у фибул данного типа хронологического значения не имеет.

В целом, следует отметить, что датировка прогнутых подвязных фибул варианта 2 А. К. Амброза особых разногласий у исследователей не вызывает. Лишь у Е. Л. Гороховского она несколько "занышена", что, возможно, объясняется локальной спецификой черняховских лесостепных памятников. В Крыму такие фибулы использовались, возможно, с конца III в. н. э. и, безусловно, на протяжении первой половины IV в. н. э.

Сведения о бусах, найденных с верхним погребением, собраны в таблице I. Типы бус и их датировка в таблице даны в соответствии с разработками Е. М. Алексеевой⁴¹.

Всего с верхним погребенным найдена 451 бусина. Каждый тип датируется в широких пределах и, поэтому, бусы не уточняют датировку погребения. Более того, хронологические рамки многих типов бус, благодаря находкам в могиле № 139, должны быть расширены, по сравнению с предложенными Е. М. Алексеевой и захватывать, как минимум, первую половину IV в. н. э. При исследовании могильника Дружное было замечено, что широко распространенная в III в. н. э. традиция расшивать одежду погребенных бусами постепенно утрачивается. В IV в. н. э. она проявляется лишь спорадически и только в детских захоронениях⁴². Это наблюдение подтверждается результатами раскопок могильника Нейзац, в частности, могилы № 139.

Сочетание фибулы, стеклянного кубка и монеты дает редкую для Крыма возможность датировки погребения. Скорее всего, оно было совершено между 316 г. н. э. и серединой IV в. н. э. Мало

вероятна, но не исключена его датировка третьей четвертью IV в. н. э.

Исследование могилы № 139 позволяет сделать некоторые выводы

исторического характера. В Крыму открыто незначительное количество погребений, которые можно уверенно датировать второй половиной III в.

Таблица I

Бусы из могилы № 139

Материал	Описание типа	Кол-во	№ типа	Дата	Рис.
Одноцветное стекло	Шаровидная из глухого белого стекла	1	2	В основном, I – II вв.	3, 20
	Шаровидная из светло-зеленого прозрачного стекла	1	Близка 8	—	3, 21
	Бочковидные поперечно-сжатые из белого стекла	13	21	Первые вв. н. э.	3, 23
	Цилиндрические из белого стекла	68	55	Первые вв. н. э.	3, 18
	Цилиндрические из красного стекла	108	57	В основном, I – III вв.	3, 27
	Призматические из белого стекла	4	116	I – IV вв.	3, 25
	Призматические из красного стекла	54	117	II – IV в.	3, 26
	Призматическая из полупрозрачного лилового стекла	1	118	II – III вв.	3, 14
	Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла	30	120	II – IV вв.	3, 10
	Призматическая из прозрачного светло-зеленого стекла	1	Близка 122	—	3, 19
	Четырнадцатигранные из прозрачного зеленого стекла	4	131	I – IV вв.	3, 9
	Четырнадцатигранные из прозрачного синего стекла	19	134	II – IV вв.	3, 15
	Четырнадцатигранные из прозрачного серо-голубого стекла	44	—	—	3, 17
	Шаровидная из прозрачного сизо-зеленого стекла с ребристой поверхностью	1	—	—	3, 22

н. э. Наиболее яркие погребальные комплексы обнаружены в подбойных могилах №№ 20 и 24 в могильнике Дружное⁴³ и в подбойной могиле №

35 Чернореченского могильника⁴⁴. Теперь к ним можно добавить нижнее захоронение из могилы № 139 могильника Нейзац. Подбойные мо-

Продолжение таблицы I

Материал	Описание типа	Кол-во	№ типа	Дата	Рис.
Многоцветное стекло	Бусина бочковидная поперечно-сжатая из полуопрозрачного синего стекла со слоисто-спаянным глазчатым орнаментом. Украшена четырьмя глазками, в которых центральный диск из глухого желтого стекла окружен последовательно колышами из прозрачного желтого и глухого белого стекла	1	—	—	3, 1
Стекло с внутренней металлической прокладкой	Бочковидные поперечно-сжатые	90	2	Римское время	3, 28
	Бочковидные с валиками по краям	3	22	I – III вв.	3, 7
Гагат	Цилиндрические	2	27	I – III вв.	3, 8
	Ромбовидные с двумя параллельными каналами отверстий	4	37	I в. до н. э. – III в. н. э.	3, 6
Сердолик	Шаровидная	1	1	I – II вв.	3, 4

гили и обнаруженный в них инвентарь демонстрируют полную преемственность от памятников предшествующего времени. Продолжают производиться и использоваться большинство типов вещей, появившихся в начале позднесарматского периода. Из инноваций следует отметить, прежде всего, смену одночленных лучковых фибул двучленными, а также распространение золотых и серебряных украшений, декорированных крупными сердоликовыми вставками. Не претерпели сколько-нибудь существенных изменений погребальные сооружения и обряд. Следовательно, сразу после готских походов приток нового населения в крымских предгорьях не ощущается. Здесь продолжали жить потомки сармат, хоронивших в могильниках Дружное, Нейзац и др. задолго до эпохи готских походов. Правда, численность населения, судя по археологическим данным, существенно сократилась. Могилы, которые можно уверенно датировать второй половиной III в. н. э., сохранилось на порядок меньше, чем погребальных сооружений, относящихся к первой половине столетия.

В то время, когда совершалось верхнее захоронение в могиле № 139, основным типом погребального сооружения в могильнике Нейзац и однокультурных ему некрополях, стали склепы особой конструкции, по-видимому, привнесенные в Крым северокавказскими аланами⁴⁵. Тем не менее, продолжали сооружать и использовать уже существующие традиционные для Крыма подбойные и грунтовые могилы. Сочетание двух разных погребальных традиций в пределах одного могильника, скорее всего, указывает на этническую неоднородность оставившего его населения. Оно состояло из издавна живших в предгорном Крыму сармат и мигрировавших с Северного Кавказа алан. Судя по увеличивающемуся в течение IV в. н. э. количеству склепов и уменьшающемуся количеству подбойных могил, доминанту этнических процессов можно определить как постепенную ассимиляцию аланами сарматов. Эволюционный ход событий, по-видимому, прервало вторжение гуннов. В конце IV или в начале V в. н. э. Нейзац и многие другие предгорные могильники забрасываются, население мигрирует на новые места.

Примечания

1. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Вып. Д I – 30. - М., 1966. С. 52.
2. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. - Саратов, 1984. С. 52, 53; Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III - IV вв. на Нижнем Дону // СА. - 1989. - № 3. С. 176, 177; Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III - V вв. н. э. - М., 1997. С. 118; Дзиговский О. М. Культура сарматів північно-західного Причорномор'я. - Одеса, 2000. С. 122.
3. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. - Ростов-на-Дону, 2000. С. 210.
4. Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). - Lublin, 2002. С. 54.
5. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. - Киев, 1993. Рис. 89, 1; Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой по-

- ловины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. - Симферополь, 1993. С. 93, каталог № 3716; Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. - Симферополь, 1998. С. 277, рис. 5,6.
6. Храпунов И. Н. Ук. соч. С. 17, 67, рис. 79,12.
  7. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. - Киев, 1975. С. 82, табл. XVI, 42, 43; XVII, 17, 18
  8. Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 67.
  9. Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. - М., 1971. С. 129, 130; Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV в. н. э.). - М., 1993. С. 167.
  10. Скрипкин А. С. Ук. соч. С. 47, 48.
  11. Храпунов И. Н. Ук. соч. С. 41.
  12. Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями // Поздние скифы Крыма. - М., 2001. С. 76.
  13. Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1. С. 36, 41; Трайстер М. Ю. Кельти у Північному Причорномор'ї // Археогія. 1992. Вип. 2. С. 43, 44; Нефедова Е. С. К вопросу о браслетах "латенского стиля" // Проблемы археологии эпохи латена и римского времени. - СПб, 1992.
  14. Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). - Киев, 1983. Табл. XLIV. 22-34; Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - Киев, 1994. С. 128, рис. 39, 26; Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. - М., 1989. С. 52, табл. XVII, 5, 6.
  15. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. - 1963. - Т. XIII.
  16. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. - М., 1971. С. 47, 48.
  17. Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Scythen im nördlichen Schwarzwassergebiet // Eurasia antiqua. 2000. Band. 7. S. 206 - 208; 211 - 215.
  18. Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV - VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V - VII веков. М., 1982. С. 124 - 127.
  19. Малышев А. А., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Наступательное вооружение из погребений I - III вв. н. э. Цемдолинского могильника // РА. 1997. №. 1. С. 212, рис. 2, 7.
  20. Абрамова М. П. Ранние аланы ... . С. 92, 93, рис. 63, 4.
  21. Bishop M., Coulston J. Roman military equipment from the Punic wars to the fall of Rome. - London, 1993. P. 160 - 162.
  22. Jahn M. Die Bewaffnung der Germanen. Würzburg, 1916. S.80, Abb. 86.
  23. Godłowski K. Zmiany w uzbrojeniu ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich// Arma et ollae. Studia dedykowane Professorowi Andrzejowi Nadolskiemu w 70 rocznicę urodzin i 45 rocznicę pracy naukowej. Łódź, 1992. P. 80.
  24. Магомедов Б. В., Левада М. Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V. - Симферополь, 1996. С. 309.
  25. Храпунов И. Н. Ук. соч. С. 44, рис. 142, 8.
  26. Вознесенская Г. А., Левада М. Е. Кузничные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуры. - Киев, 1999. С. 254 - 256.
  27. Бабенчиков В. П. Ук. соч. С. 93, 116, табл. VI, 14.
  28. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г-12. - М., 1978. С. 65.
  29. Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып.VI. - Симферополь: Таврия, 1998. С. 232.

-
30. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора середины I в. до н. э. – середины IV в. н. э. Ч. II. – М., 1997. С. 324, табл. LXXXVII, 2. Определил и описал монету Н. А. Алексеенко, за что приношу ему глубокую благодарность.
  31. Eggers H. Das romische Import in freien Germanien. - Hamburg, 1951. S. 87. Taff. 15.
  32. Rau G. Körpergraber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder - Weichsel - Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1972. N 3. S. 164, 189. Fig. 152.
  33. Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. - Lublin, 2001. С. 65.
  34. Амброз А. К. Ук. соч. С. 63.
  35. Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. - СПб, 1992. С. 181, 183, 197.
  36. Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). - М., 1997. С. 46, 47.
  37. Tejral J. Fremde Einflüsse und Kulturrelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archeologia Baltica VII «Peregrinatio Gotica». - Lodz, 1986. S. 182, 188.
  38. Горюховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. - Киев, 1988. С. 35, 44.
  39. Айбабин А. И. Население Крыма в середине III - IV вв. // МАИЭТ. Вып. V. - Симферополь, 1996. С. 292, 293; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999. С. 250, 252, 258.
  40. Храпунов И. Н. Могильник Дружное.... С. 55.
  41. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г1-12. - М., 1975; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г1-12. - М., 1978; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г1-12. - М., 1982. За помощь в составлении таблицы я искренне признателен А. А. Стояновой.
  42. Храпунов И. Н. Могильник Дружное.... С. 75.
  43. Там же. С. 19 - 22.
  44. Бабенников В. П. Ук. соч. С. 97 - 100.
  45. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. - Симферополь, 1990. С. 66; Пиоро И. С. Крымская Готия. - Киев, 1990. С. 139; Храпунов И. Н. Могильник Дружное.... С. 74.

Список сокращений

АГЭ	Архив Государственного Эрмитажа
АИУ	Археологические исследования на Украине
АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИКЗ	Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
ВДИ	Вестник древней истории
ВВ	Византийский временник
ГАОО	Государственный архив Одесской области
ГАРФ	Государственный Архив Российской Федерации
ГИМ	Государственный исторический музей.
ЗОАО	Записки Одесского Археологического общества
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА	Институт археологии
ИАК	Известия имп. Археологической комиссии
ИАН	Известия Академии наук СССР
ИР НБУ	Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского НАН Украины
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
ІА	Інститут археології АН УРСР
КМ	Крымский музей
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КТД	Краткие тезисы докладов
КФ ИА НАНУ	Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии СССР
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ОАМ	Научный архив Одесского археологического музея
НЗХТ	Национальный заповедник "Херсонес Таврический"
НИОР БАН	Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук
ОАК	Отчеты императорской Археологической комиссии
ОАМ	Одесский археологический музей НАНУ
ОВ	Одесский вестник
ООИД	Одесское общество истории и древностей
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки Российской Академии наук
ПФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
РА	Российская археология

РА ИИМК	Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
PCA СПб ИИ РАН	Русская секция архива Санкт-Петербургского института истории РАН
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников.
CHMСОПК	Сообщения Научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР
CXM	Сообщения Херсонесского музея
ТД	Тезисы докладов
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. Paris;Athenes
BCO	Bibliotheca Clssica Orientalis. Berlin
CAH	Cambridge Ancient History
CIG	Corpus Inscriptionum Greacarum
IGCH	An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973
IOSPE	Inscriptione orae septentrionalis Ponti Euxini
IGBR	Michailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Vol. 1 (2 ed.). Serdica, 1970
IPE	Inscriptiones antiqueae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1916. Vol. 1 (2 ed.)
PG	Patrologiae cursus completus / Series graeca, accurrente J.P. Migne. Patrologiae graeca
PL	Patrologiae cursus completus / Series latina, accurrente J.P. Migne. Patrologiae latina
RE	Pauli-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft

Содержание

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЩЕГЛОВУ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ	3
СПИСОКНАУЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А. Н. ЩЕГЛОВА	5
<i>Ю.А. Виноградов. О ДВУХ ВОЛНАХ САРМАТСКИХ МИГРАЦИЙ В ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЯХ ДОРИМСКОГО ВРЕМЕНИ .....</i>	20
<i>Горлов Ю.В., Поротов А.В., Бжания Д.С., Бжания В.В. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНIZАЦIЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ РЕГИОНА .....</i>	29
<i>В.А. Горончаровский. КОМАНДНАЯ СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ БОСПОРСКОЙ АРМИИ В I-III ВВ. Н.Э. ....</i>	38
<i>В.Н. Зинько. ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ IV в. до н.э. НА ХОРЕ НИМФЕЯ .....</i>	45
<i>М.И. Золотарев. ПОРТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В КАРANTИННОЙ БУХТЕ .....</i>	55
<i>С.Г. Колтухов. ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО КРЫМА .....</i>	68
<i>С.Б. Ланцов. О ГРАНИЦАХ ТЕРРИТОРИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОСУДАРСТВА НА РУБЕЖЕ IV – III ВВ. ДО Н.Э. .</i>	121
<i>Е. В. Лебедева. РЕДКАЯ НАХОДКА ИОНИЙСКОЙ АМФОРЫ ИЗ МИРМЕКИЯ .....</i>	154
<i>Ю.М. Могаричев. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ КРЫМА СЕРЕДИНЫ-ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII В. ....</i>	163
<i>А.А. Волошинов, И.И. Неневоля. ПОСЕЛЕНИЕ АЛМА-ТАМАК У С. ВИЛИНО БАХЧИСАРАЙСКОГО РАЙОНА .....</i>	181
<i>Г.М. Николаенко. ДОРОГИ НА ГОРОДСКОЙ ХОРЕ ХЕРСОНЕСА .....</i>	187
<i>Л.А. Рыжова. ДВА РЕДКИХ ЧЕРНОЛАКОВЫХ СОСУДА С НАКЛАДНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА .....</i>	196
<i>А.В. Сазанов. К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ЧЕТЫРХАПСИДНОГО ХРАМА ХЕРСОНЕСА .....</i>	202
<i>С.Б. Сорочан. К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХЕРСОНСКОГО ЗАГОРОДНОГО МОНАСТЫРЯ БОГОМАТЕРИ ВЛАХЕРНСКОЙ .....</i>	211
<i>И.В. Тункина. О СУДЬБЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ И.П. БЛАРАМБЕРГА .....</i>	233
<i>В.Б. Уженцев. ФОРТИФИКАЦИЯ ЦИТАДЕЛИ КАЛОС ЛИМЕНА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА .....</i>	250
<i>В.Б. Уженцев, А.А. Труфанов. КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ КАЛОС ЛИМЕНА .....</i>	265
<i>С.В. Ушаков. ХЕРСОНЕССКАЯ СИГИЛЛЯТА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) .....</i>	285
<i>И. Н. Храпунов. ПОДБОЙНАЯ МОГИЛА ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НЕЙЗАЦ .....</i>	297
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	310

Редактор-составитель: Ю.М. Могаричев
Ответственный за выпуск: М.И. Золотарев
Дизайн, макет, верстка: С.М. Золотарев
Корректор: Е.Ф. Оленина

Научное издание
ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК
Выпуск XIII
Сборник научных статей

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

Сдано в набор 20.11.2003 г. Подписано к печати 5.01.2004 г. Формат 70x100/16
Объем 20,5 усл. печ. л.; 40 физ. печ. л. Тираж 1000 экз.

Издательство ЧП «Стрижак-Пресс»
Свидетельство ДК №1519 от 10.10.03
99038 г. Севастополь, пр-т Октябрьской революции, 40/12 кв. 41.
8 (0692) 23-35-74